

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юрий БОРИСОВ. <i>Дом моего деда. Рассказ. Перевод с болгарского</i> Ольги РЕШЕТНИКОВОЙ	3
Александр СУВОРОВ. <i>Следы на снегу. Стихи</i>	27
Гарий НЕМЧЕНКО. <i>Красная машина. Документальный роман</i>	32
Валерий АНТОНОВ. <i>Позабывтый сон. Стихи</i>	101
Елена ФИЛИПЕНКО. <i>Невыдуманные истории. Рассказы</i>	105
Андрей СУТОЦКИЙ. <i>Белая вспышка. Стихи</i>	121
Валентин ПОЗДЫШЕВ. <i>Посменное дежурство. Рассказ</i>	124

ПУБЛИЦИСТИКА

Денис МАЛЬЦЕВ. <i>Исторические мифы стран Средней Азии</i>	161
Наталья ЛАКТИОНОВА. <i>Евросоюз и Россия</i>	182

КУЛЬТУРА

Владимир ЮДИН. <i>Обо всем у него болела душа...</i>	189
Александр ПОЛУБЕДОВ. <i>Дочь Левитана</i>	196
Ирина СВИСТУНОВА. <i>От Стамбула до Каппадокии. Окончание</i>	209
<i>Знаменитые москвичи</i> Олег ТОРЧИНСКИЙ. <i>Симон Ушаков, жалованный царев изограф</i>	217

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Татьяна ЛОБАШКОВА. <i>«В моем отце сказалась преемственность, основанная на крепких семейных преданиях...»</i> . — Александр АЛЕКСЕЕВСКИЙ. <i>«С Богом вперед, на пользу Вере, Царю и Отечеству...»</i> . — Оксана ЛИПИНА. <i>Солоухинский праздник в Алепине</i>	220

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Александр ВАСЬКИН. **Оплот культуры и просвещения:**

к истории Благородного собрания Москвы. Окончание 226

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Николай КАВЕРИН. **Мечты обновленцев сбываются:**

в Москве стали строить храмы с низкими иконостасами 234

Алексей БЕКОРЮКОВ. **Невоздержание как основа богоборчества** 237

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 23.06.16. Формат 70х108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.

Тираж 1480 экз.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор», 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1. Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpk.ru, 8(495) 988-63-87.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 7, 2016

ДОМ МОЕГО ДЕДА

Юрий Митков Борисов родился в 1956 году в г. Перник в Болгарии. Окончил философский факультет Софийского университета имени Климента Охридского. Кандидат философских наук.

Преподавал философию в Медицинской академии в Софии. Депутат Народного собрания трех созывов. Много лет был главным редактором журнала «Ново време», затем первым заместителем главного редактора национальной ежедневной газеты «Дума» и ответственным редактором болгарского издания «Le Monde diplomatique».

Автор книг «Психология подсознания», «Война Мэрфи», «Сказка о Будде», «Мольба о Рае».

Имеет Награду за политическую журналистику и публицистику имени Георгия Киркова (2012).

Член Союза болгарских журналистов и Союза болгарских писателей.

РАССКАЗ

Обняв своего друга на прощание, я сел в машину. Я редко бываю в Русе, хотя люблю этот город. Не знаю его хорошо, но люблю. В годы моего раннего детства здесь у меня была большая родня. Весь род по материнской линии отсюда. Дяди, тети, троюродные братья. Гостил я у них всего два-три раза, не больше. Однако Русе остался в моей памяти как город, в котором живут очень близкие мне люди, готовые окружить меня любовью и заботой, защитить. От какой опасности, не знаю. В детстве я воспринимал мир огромным, непонятным и враждебным. И там, где меня встречали с улыбкой и нежными словами, я чувствовал себя защищенным.

Машина плутала. Искала дорогу на Софию. Указателей не было. Мы медленно ехали вдоль обветшалых столетних зданий, которые, несмотря на свою бедность, с достоинством и грустью свидетельствовали о своем былом великолепии. Наконец долгожданный указатель на Софию. Машина рванула вперед.

Через полчаса по дороге на Бялу должен появиться указатель: «Борово — 1 км». Город Борово — это бывшее мое село. Там я проводил все свои школьные каникулы — десять дней зимой и три месяца летом. Интересная вещь наша память. В моих воспоминаниях это село занимало столько же места, сколько и город, в котором я вырос, — Стара-Загора. В моей душе три месяца были больше, чем девять.

Я не был тут почти тридцать лет. Последний раз приезжал на похороны своего деда, сельского священника. Без него это село утратило для меня всякое значение. Дома — те же, станция — та же, но дух исчез. Дед одухотворял все вокруг себя — двор, околоток, село, землю.

Когда я узнал о его смерти, то в первые минуты не поверил. Невозможно, чтобы дед умер. Он был вечным. Как священник, он так спокойно и авторитетно рассказывал о вечности, что стал ее олицетворением.

Последние три года своей жизни дед не разговаривал со мной. Это из-за одной моей статьи в местной городской газете, где я разъяснял, как через интерпретацию научных открытий философский идеализм может проникнуть в абсолютно атеистическое образование того времени. Свою статью я назвал так: «Новые одежды идеализма», — но редактор поставил другое заглавие: «Новые одежды поповщины». Я робко попросил объяснения. Слово «поповщина» мне никогда не нравилось, в нем есть презрительное отношение к священникам, а у меня такого чувства не было. Даже наоборот. Мне объяснили, что заглавие должно быть ясным и ошеломляющим. «“Идеализм” — это неясно. И мы, коммунисты, были идеалистами, но в другом смысле». Я махнул рукой, да и сделать ничего уже было нельзя — статья опубликована.

Моя мать решила похвастаться деду: как же, молодой учитель — тогда мне было 25 лет — опубликовал статью, которую долго обсуждали в интеллигентских кругах города. Даже принесла ему экземпляры газеты. Дед посмотрел на заглавие моей статьи и ничего не сказал.

Через месяц, когда я в очередной раз приехал в село и, как всегда, еще с порога крикнул: «Деда!» — он обернулся, искоса взглянул на меня и, продолжая нарезать арбузные корки, спросил с полным безразличием: «Вы кого-то ищете?» Я окаменел. Это была не шутка, дедушка никогда так не шутил.

«Да ты что, поп, чего это с тобой! Это ж Юрий!» — Бабушка попыталась как-то навести мосты. «Я его не знаю».

Весь вечер я проговорил с бабушкой. Рассказал ей, как живу, похвалился, что стал инспектором по предметам «Мораль и право» и «Обществознание», поел любимой домашней колбасы, а на другой день уехал поездом в Стара-Загору. Это был последний раз, когда я видел деда и бабушку вместе.

И до сих пор я не могу объяснить, как же мне не хватило ума не публиковать такую статью. Конечно, я и мысли не допускал, что она может попасть на глаза деду. А уж о чем думала моя мать, решив похвастаться перед дедом статьей с таким заглавием, тут уж и слов нет.

Спустя два года после моего странного посещения бабушка умерла. Естественно, я приехал на похороны.

Старики легли спать в летнем доме после ужина и обычных разговоров. Через час-два какая-то тревога охватила деда, и он стал звать бабушку. Она не отвечала. Дед встал, подошел к ней и увидел, что она мертва. Бабушка умерла тихо, во сне, без предупреждения и драмы. Незаметно, так же, как и прожила всю свою 75-летнюю жизнь. Дед рассказывал все это, и в голосе его не было никакой боли. Просто для него смерть не существовала. Бабушка отправилась в рай — куда же еще, и уже ждала его там.

Я стоял рядом с дедом. Рассказывая, он смотрел на меня, и на секунду я обрадовался, что он заговорил со мной. Однако тотчас с болью я понял, что он смотрел на меня, но меня не видел. Я был посетителем, который пришел проводить в последний путь попадаю. И только.

Ровно через год умер и дед. После смерти бабушки он переехал к тетке в Плевен. Не мог жить один. За всю свою жизнь он не вымыл ни одной чашки и не пришил ни одной пуговицы. Для него вся работа

строго делилась на «мужскую» и «женскую», он не мог без женского существа рядом. Да и болячки разные начали одолевать. Как-то утром, провожая тетю на работу, сказал ей: «Женя, я сегодня уйду. Иду к своей старухе и к моему Господу!». — «Глупости говоришь! Приду в обед покормлю тебя!» Приходит, а его уже нет. Только тело его. Дедушка, однако, не был только телом.

От похорон его у меня сохранились два воспоминания. Дед лежал в гробу посредине церкви, а службу вел мой дядя — его сын, тоже священник. Было странно, что дед лежит в церкви. Эту церковь я воспринимал только как святое место, оглашенное его басом. Без голоса деда, без его взгляда это было просто какое-то пространство с безразличными и холодными изображениями святых и ангелов на стенах.

Мое второе воспоминание — об отце, который не вошел в храм. Пока шла служба, время от времени я выходил на улицу. Отец медленно вышагивал по двору со скрещенными за спиной руками и спокойно ждал окончания ритуала. «Папа, почему ты не заходишь внутрь?» — «Я — в церковь?!»

Отец был атеист-фундаменталист. А идейный конфликт двух гигантов — моего отца и деда — определил все существенное в моем духовном развитии. Об этом конфликте стоит рассказать.

2

«Любомир, скоро будет указатель на Борово. Поезжай туда!» «А что там, в Борово?» — спросил шофер. «Я хочу посмотреть один дом».

Указатель появился, и машина свернула. Мы поехали по первой улице, параллельной железнодорожным путям. Моя улица. «Езжай помедленнее, я же тут не был тридцать лет!»

Машина поползла. Слева — красивые, ухоженные дома, некоторые с табличкой «Образцовый дом». Справа — то, что мы называли «Район». Пространство шириной метров пятьдесят, с травой, кустарником, тропинками, кое-где деревья и огромные металлические линии электропередачи. Район отделял улицу деда от железной дороги. Здесь я провел свое детство.

Я внимательно разглядывал дома, но не находил наш. Мы поравнялись со станцией. Станция Горна Манастирица. Оказывается, мы проехали наш дом. Он должен был быть метров за сто до этого места. Я решил сориентироваться, повернувшись спиной к домам и глядя в сторону железной дороги, — я точно знал, какой вид открывается с нашего двора на другую часть села. «Поезжай медленно назад! Стой!»

Я повернулся к домам. Мы остановились перед незнакомым мне домом — мазанка, выкрашенная в желтый цвет. Дом деда был не мазанкой, его стены были из красного кирпича, выложенного рядами на метровом каменном фундаменте. Слева от дома я не увидел металлического туннеля, увитого заботливо подрезанной виноградной лозой. Я посмотрел на два соседних дома. Их я узнал. Один — бабушки Велички, другой — бабушки Калинки. Значит, все правильно, я был на том самом месте. В двух метрах от ворот я заметил чешму с каменным корытом. Наша чешма. Да, это был дом моего деда.

Одно окно открылось, и в нем одна за другой показались три головы. Мальчишки, вероятно, от 14 до 17 лет. Они смотрели на меня каким-то блуждающим взглядом с неопределенной улыбкой. Мне бросилась в глаза

табличка рядом с окном: «Дом под охраной». Текст с более мелкими буквами на расстоянии я прочитать не мог. Ясно.

В этот момент появились двое взрослых. Женщина вышла из внутреннего двора, встала под окном и уставилась на меня. Мужчина, похоже моего возраста, с почтовой сумкой на плече, встал рядом со мной, вытащил пачку конвертов и начал их разглядывать. «Вы ищете кого-нибудь?» — спросила меня женщина. Ее голос был скорее холодным и враждебным, чем сдержанно вежливым, подобающим такому вопросу. «Нет, просто смотрю!» Мужчина тоже посмотрел на меня вопросительно. Я обратился к нему: «Здесь я провел свое детство. В доме бабушки, священника». Внезапно испытывающий взгляд сменился любопытством. «А как тебя зовут?» — «Юрий». — «Да ты что, Юрка! Не может быть! А я Иван, сын парикмахера! Мы же вместе играли в Районе! А я тебя не узнал! Да тебя и не узнать!» — «Ты Ваня? Вроде уж прошло лет сорок-пятьдесят!» — «Вас ведь четверо двоюродных братьев было, да? А ты вроде больше всех тут жил у своего деда! А сейчас чего?» — «Да ничего, просто возвращаюсь из Русе и решил заехать. Взглянуть на дом деда. Очень захотелось его увидеть. А я его и не узнал. Ты мне не поможешь войти на минутку во двор?» — «Эй, Мария, подойди-ка, возьми почту и пусти человека внутрь. Он хочет двор посмотреть. Он здесь вырос!»

Без особой охоты женщина открыла ворота, взяла письма и пригласила меня. Я вошел во двор и сделал несколько шагов вдоль дома. Чисто, опрятно, позади под длинным навесом сложены дрова. Очевидно, топят печь дровами. Точно так же, как мы когда-то. Летнего домика, в котором мы жили в жару, не было. Не было и пристроенного к нему дощатого сарайчика, в котором хранилось все — инструменты, разная утварь, веревки, пустые банки, бутылки из-под масла, коробки с разными безделушками. Склад притом огромный. Даже больше летнего домика. Не было и двух высоченных деревьев — алычи и груши. Не было и курятника, естественного продолжения большого дома. И, как я заметил еще с улицы, не было туннеля для виноградной лозы. Не было ничего, что напоминало бы о прежней жизни. Дорожки, вымощенные камнем, заботливо подстриженная трава и наколотые дрова.

Женщина стояла возле меня и наблюдала, как будто боялась, как бы я не влетел куда не надо во дворе или, еще хуже, прямо в дом. Явно, что присутствие чужих людей было редкостью. А может, и нарушало какой-то заведенный порядок. Я по ее глазам видел, что в данный момент являюсь нарушителем этого порядка.

«Извините, я не задержусь долго! Еще только две минуты! Здесь прошли годы моего детства!»

Из дома вышла смуглая девочка лет пятнадцати, встала рядом со мной, посмотрела и решила, что я приземлился с другой планеты. Мне стало неудобно. Почтальон уже ушел, и я был среди чужих людей. В их дворе, у их дома. Не у своего.

Я поблагодарил и вышел. Женщина закрыла ворота, пожурела детей, и три мальчишеские головы исчезли как по команде. Кто-то закрыл и окно. Девочка скрылась. Женщина тоже исчезла.

Я встал перед домом и взглядом стал впитывать в себя все. У меня было чувство, что я вижу его в последний раз. Я подвинулся к дощатому забору соседнего дома. Начал и его рассматривать. Какая-то женщина вышла с двумя пластиковыми пакетами и остановилась у металлического ведра для мусора возле самой ограды. «Ищете кого-нибудь?» Я вспыхнул. Туристов они, что ли, никогда не видели? Почему обязательно ищу кого-

то? Просто смотрю! «Да, ищу! Бабушку Величку!» Лицо у женщины вытянулось. Она вперилась в меня взглядом так, как будто я был призрак. «Она умерла больше двадцати лет назад!» — «Конечно. Но это не мешает мне искать ее. И деда Ивана ищу. Ее мужа. Он приходил домой всегда пьяный... И телегу, и коня его ищу. И деда Диму, вашего соседа слева, ищу... И жену его, Тодорку... И Калинку ищу, через один дом вправо... Каждый вечер летом мы собирались вот тут! — Я показал на скамейку перед изгородью. — Некоторые приносили стулья, потому что скамейки не хватало. До полуночи болтали...»

После этой тирады я извинился за беспокойство, сделал десяток шагов, сел в машину и процедил: «Нет их... поехали!» «Кого нет?» — «Тех, кого я искал». Шофер ничего не понял: «Ничего, в следующий раз заедем...»

3

Мне было пятнадцать лет. Поезд давно проехал станцию Бяла. Мы приближались к селу. Знакомая дрожь пробежала по телу. Я вышел в коридор перед купе, прижался лбом к стеклу и замер в ожидании знакомых домов, травы и кустарника. Я только что окончил подготовительный класс французской гимназии. Кое-как мог говорить по-французски и даже понимать, если, конечно, не говорили скороговоркой — а в этом французы большие мастера. И все за один год. После страшно напряженных занятий по 10–12 часов ежедневно. Еще год назад я не знал ни одного слова. Кроме «мерси».

Я представлял себе, как я вхожу во двор и начинаю здороваться с бабушкой и дедушкой по-французски. И не просто говорю одно-два предложения, а выдаю целую тираду, чтобы они глаза вытаращили от изумления. Для пятнадцатилетнего мальчишки заставить стариков вытаращить глаза — это что-то невероятное.

Появился знакомый ряд домов, дрожь усилилась, французский из моей главы испарился. Меня охватило легкое головокружение, которое я всегда испытывал, представив, что меня ждут два-три месяца свободы, чтение необыкновенных книг и интересные беседы с моими стариками.

Я взял свой чемоданчик и, когда поезд остановился, сошел на станции. Станция Горна Манастирица. Всегда удивлялся и до сих пор не знаю, почему станция называется так, а село иначе. Постоял, подождал, пока сядут пассажиры до Русе и поезд отправится. Перешел железнодорожные пути и через минуту оказался на асфальтированной дороге. Я предвкушал внимание, которым буду окружен. Спокойное, ненавязчивое внимание, которое тебе ясно дает понять, что ты желанный и равноправный участник всех разговоров. Никаких попыток воспитания, назидания или чего-то подобного, чем засорен воздух города. У дедушки с бабушкой всегда была какая-то работа во дворе, и, когда они делали свои дела, мной не занимались. Как будто меня не было. Это «как будто тебя нет», когда рядом с тобой находится взрослый, дарит непередаваемое ощущение. Обычно взрослый человек рядом наблюдает за тобой исподволь, наставляет, ставит перед тобой какие-то задачи, делает замечания и предупреждает еще в зародыше каждое неправильное, глупое детское намерение. Здесь было не так. Старики занимались своими делами, и я был абсолютно в автономном режиме, меня никто не трогал. Так же как не трогали, например, огромное сливовое дерево или кота

Цочо. Эта незаинтересованность перемежалась с разговорами, которые сильно отличались от тех, что ведутся в городе. Старики смотрят тебе в глаза, внимательно слушают каждое слово, не симулируют высочайшее присутствие, расспрашивают искренне и с любопытством, высказывают свое мнение ненавязчиво и дают тебе возможность почувствовать себя равным. Правда, изречения деда были четкими, как будто в приказной форме, но это действительно была только форма. Если их записать, то надо непременно ставить восклицательные знаки, но, когда их слушаешь, можно обойтись и без них.

Так вот о равенстве. В те годы, да и раньше, это производило на меня самое большое впечатление. Не свобода, а равенство. То, что с тобой как с равным говорит человек, которому 60–65 лет, вызывало неопишемое чувство, прямо какой-то восторг. Свобода естественным образом происходила из этого равенства. Свобода делать все, что хочешь, в рамках установленных допустимыми нормами. Без навязывания примеров для подражания и правильных манер. Равенство, которое прежде всего означает уважение другого, рождает такую свободу.

Подошел к дому. Взялся за ручку калитки, и она заскрипела. Этот скрежет был нашим сельским звонком. Вошел в туннель из роскошного густого зеленого винограда, на котором висели незрелые гроздья. Дед, обхватив ногами деревянный стул и опершись локтями на его спинку, курил. Он сидел лицом ко мне. Бабушка подметала бетонную площадку перед летним домиком. «Бабушка, дедушка, это я!» — «О-о-о! Юрка! Заходи, молодец, что приехал! Закончил свое училищес-мучилище?» — Дед встал со стула, и его лицо превратилось в улыбку. «Входи, внучек, входи!» — Бабушка бросила метлу, медленно подошла ко мне и обняла.

Я сделал несколько шагов навстречу деду, схватил его руку и поцеловал ее. Это было обязательно, но я никогда не ощущал это обязанностью. Все родственники моложе его по возрасту всегда целовали ему руку при встрече. А старше по возрасту и не было. Целуя руку, все показывали не просто свое отношение к деду и его возрасту, это было проявлением уважения и почтения к его духовному сану. Дед был священником не только в церкви, но и в своем собственном дворе своего собственного дома. Мы были не просто его детьми и внуками по крови, но и детьми в духовном смысле Православия. Он погладил меня по голове. Это было его благословением. Ответ на почтение, которое я ему засвидетельствовал.

«Принеси из дома себе стул и садись! Ну что ж, бабка, пробил последний час петуха! Да того, что уж неделю налетает на тебя и клюется! Сейчас я из него душу выну! Вода-то готова, а?»

Дед пошел в сарай и вышел с огромным кухонным ножом в руке. Я никогда не мог смотреть, как закалывают скотину. Мне это казалось ужасно жестоким. Я даже несколько раз спрашивал деда, не противно ли ему. Все-таки живое существо. И ты его убиваешь. Убиваешь не из ружья, с далекого расстояния, а прямо как палач, в руках которого жертва трепещет в последние секунды своей жизни и в первые секунды после смерти. Ответ был всегда один и тот же. Дед спокойно объяснял, что Бог создал домашних животных как пищу для человека. Это их предназначение. Грех убивать ради удовольствия, для зрелища, а убивать для пропитания — это самое что ни на есть естественное в мире.

«Деда, я поднимусь наверх, отнесу вещи!» «Наверх» — это все тот же дом, в котором жили, когда было холодно. Я сразу ушел, потому что не

хотел стать свидетелем самых естественных, варварских и невыносимых для меня действий, которые должны были последовать. Я много раз наблюдал их, несмотря на то что «не мог».

Я поднялся в дом и разобрал чемодан. На один край полочки старинного шкафа на кухне я разложил книги, которые взял с собой. Два учебника по французскому; толстый том из соединенных тетрадок: словари, исписанные за учебный год — болгаро-французский и французско-болгарский словарь, учебники по русскому языку. Я должен был читать на французском хотя бы по два часа в день все лето. Решил также повторить все, что мы учили по русскому языку в пятом, шестом и седьмом классах. Нас предупредили, что предстоит серьезный экзамен, надо было освежить знания. В восьмом подготовительном классе у нас не было никаких предметов, не считая символических уроков по болгарскому языку и математике. Конечно, все это во имя неимоверно интенсивного изучения французского.

На другом краю полочки шкафа стояла стопка книг деда. Обычная Библия, Библия в картинках, древнегреческая и римская философия. Я открыл философию, выбрал текст о Филоне Александрийском, и машина времени меня унесла.

Здесь уместно сказать несколько слов о дедушкиных книгах. Они хранились в основном в двух местах. Во-первых, в подвале одной из комнат на деревянных полках — от земли до самого потолка. Слово «подвал» вводит в заблуждение, особенно жителей городских многоэтажек. Дедов подвал ничего общего не имел с клетушками, набитыми всяким старьем, утонувшими в паутине и грязи. Он состоял из лестницы, коридора, трех больших помещений и бани. Да, бани. Баня было новым приобретением последних лет. Когда ее не было, летом мы все мылись в сарае, в корыте, по сторонам которого стояли два бочонка — один с горячей водой, другой с холодной. Смешиваешь их и обливаешься. Намыливаешься и опять обливаешься. Не помню, чтобы зимой я мылся целиком в доме деда.

От лестницы, которая вела вниз, тянулся длинный коридор, по его сторонам — по комнате, они были полупустые, я редко сюда заходил. Там не было ничего интересного. Инструменты, сундуки и бак с керосином. В глубине коридора, справа, находилась комната с книгами. Одна стена, длиной не меньше четырех метров, была вся в деревянных полках. Треть этих полок занимали книги и журналы — все были переплетены в отдельные тома с черными и зелеными обложками. Другие полки предназначались для вина. Вина было много, оно было разлито в бутылки для масла. Горлышки запечатывались парафином. В доме деда всегда пили вино десятилетней выдержки. Полок было десять. На самой верхней стояло вино последнего урожая. На самой нижней полке — десятилетнее вино. Каждый год после того, как вино разливали по бутылкам, совершалась полная перестановка. Все бутылки опускались на одну полку вниз, а на освободившуюся наверху помещали новые. Я никогда их не считал, но думаю, что на одной полке помещалось около двухсот бутылок. И все двести бутылок десятилетнего вина выпивались до нового пополнения.

Прямо напротив полок висела картина, изображающая Левского у виселицы перед казнью. Его взгляд был устремлен на противоположную стену, то есть на полки. Может быть, из-за этой комбинации с самого раннего возраста в моем сознании оказались неразрывно связаны чтение, вино и революция.

Не припомню, чтобы мы садились за стол обедать или ужинать без бутылки вина. Пили все, независимо от возраста. И никто никому не делал замечания, что, дескать, много пьешь. Перед вином полагалось выпить ракию. Ее никогда не разливали по рюмкам. Из рук в руки передавали бутылку, заткнутую специальным деревянным мундштуком. И сейчас у меня перед глазами, как каждый, взяв бутылку, ладонью вытирает мундштук, берет его в рот и потягивает ракию. После нескольких глотков надо было сделать передышку, чтобы воздух попал в бутылку. Пьешь и передаешь соседу. Когда я стал взрослым, все мои воспоминания о доме деда перемешались в кучу, но я отчетливо помню, что произвело на меня самое большое впечатление. Неважно, сколько тебе лет, ты можешь протянуть руку, взять бутылку с ракией и отпить сколько хочешь. У меня осталось туманное воспоминание, что я протягивал обе руки, потому что бутылка ракии, особенно если она полная, была не под силу одной детской ручонке. В отличие от вина, ракия куда-то исчезала после того, как два-три раза обходила личный состав. В доме деда я никогда никого не видел пьяным, кроме самого себя. Вероятно, я не следил внимательно. Что касается меня, то я уверен, что после того, как мне исполнилось десять лет, я заканчивал обед или ужин с затуманившейся головой. Свобода пить сколько хочешь была одной из многочисленных свобод в доме деда.

Другим местом для книг был чердак, до которого можно было добратся из прихожей по длинной лестнице. Поднимаешься по ней, приподнимаешь крышку, просовываешь голову и попадаешь в тихое, полутемное, опутанное паутиной царство. Там несколько сундуков были наполнены книгами, журналами и газетами. Непереплетенными, утонувшими в пыли, потрепанными. Стоять перед этими сундуками было любимым священнодействием, потому что оно всегда заканчивалось каким-нибудь открытием текста, который десятилетиями ждал любопытных детских рук и глаз.

Книги в доме деда разительно отличались от всех тех, что я мог найти у себя дома, в книжных магазинах и в библиотеках. В основном это были книги религиозные, исторические и философские. Некоторые даже XIX века. Я увлекся Филоном Александрийским. До ужина оставалось два-три часа. В меню, как стало ясно, был тот проклятый петух, который с некоторых пор налетал на бабушку и клевал ее. Ну и, конечно, ракия и вино.

4

Бабушка накрыла на стол. Кастрюля с супом из петуха, хлеб, брынза, острые перчики, бутылка ракии и бутылка вина. Мы сели с дедом друг против друга и ждали, пока бабушка разольет суп. «Ба, я хочу петушину голову!» — «Ты ведь знаешь, что нельзя». — «Почему нельзя?» — «Потому что не ты глава семьи».

Эти реплики были ритуальными и повторялись из года в год. Я всегда просил голову, а бабушка спокойно давала один и тот же ответ. В этом доме никто никогда, кроме деда, не ел голову курицы или петуха. И дело не в том, что это кто знает какой деликатес. Ну, разве что мозг. Мне этот вкус был известен, у нас в городе мне всегда давали голову, когда варили куриный суп. В городе можно, а тут — нет. Голова была символом старшинства и полагалась только деду. И другие главы семейств сидели за

столом — папа, дядя, зять, но и они никогда не получали голову. Потому что дед был самым старшим главой.

Бабушка наполнила тарелки. Я терпеливо ждал, потому что еще два действия должны произойти, прежде чем мы приступим к еде. Первое — молитва. Дедушка, прищурив глаза, медленно и с чувством произносил молитву. В конце нужно было перекреститься. Случалось, я придуривался, особенно в первые дни после приезда, когда меня переполнял городской атеизм. Однако никогда мне не удавалось приступить к еде, не перекрестившись. Если замешкаюсь, дед фиксировал меня взглядом и припечатывал: «Эй, а ты часом не иудей? Перекрестись!»

Потом дед разламывал хлеб и подавал каждому кусок. Никто не смел первым сам себе отломить кусок хлеба. И никогда хлеб не резали на ломтики. То, что дед разламывал хлеб, означало, что за его столом все едят его хлеб. Он был источником хлеба, пищи, сытости и благоденствия. После крестного знамения и разламывания хлеба шла по кругу бутылка с ракией. После этого все приступали к еде.

За ужином, как, вероятно, во всех традиционных семьях, было принято поговорить и обсудить разные проблемы. Что-то вроде общего собрания. Различие, однако, по сравнению с домом отца состояло в том, что в доме деда почти всегда поднимались мировоззренческие вопросы. Очень часто окончание ужина, особенно после выпитого вина, превращалось в лекторий, семинар или диспут. Диспуты нередко были ожесточенными. Как же возможен ожесточенный диспут между 65-летним мужчиной и 15-летним молокососом? А вот и возможен. Это тоже была особенность дома деда. «Глава» никогда не относился пренебрежительно к позиции любого собеседника. Независимо от возраста оппонента. Он подбирал и приводил факты и аргументы. Слушал внимательно и обдумывал свои ответы. Не было этих «Ты еще маленький!» или «Вот подрастешь, тогда поймешь!». Все необходимо было объяснить и понять здесь и сейчас. Священник показывал путь и спасал души так, как он это делал в церкви. А душу нельзя спасти, если послать ее куда подальше, прикрепив бумажку, что она еще не созрела для истины.

Естественно, я не мог бы сейчас воспроизвести разговоры, которые велись 40–50 лет назад. Однако я могу рассказать об атмосфере и тяжелых ударах, которые получала ясность в моем сознании. Эти удары, по существу, уничтожали ясность и превращали ее в неясность. Потом мне требовались время, длительные размышления, да и чтение, чтобы восстановить душевную гармонию. С того времени я привык воспринимать ясность в понимании глобальных вопросов как явление временное. Пока не найдется тот, кто вобьет в него пару гвоздей и откроет пробоины.

Две темы могу назвать точно. Они были главными каждое лето, когда я гостил у деда. «Образ коммуниста» и «Правильное мировоззрение — религиозное или атеистическое?».

В то время дедушка был единственным человеком среди тех, с которыми я общался, с кристально ясным отрицательным отношением к коммунистам. Без каких-либо нюансов и экивоков. Он называл коммунистов разбойниками с большой дороги. По словам деда, нашим государством управляли и другие разбойники, но никогда еще не было таких ограниченных, наглых, бессовестных и тому подобных разбойников-управленцев. Выражение «разбойники с большой дороги» было собирательным для всех выше перечисленных эпитетов. Другие воровали тонко,

интеллигентно, а коммунисты это делали средь бела дня и с чувством полной безнаказанности.

Я требовал объяснений. Дедушка приводил примеры. Насильственная коллективизация села. Да, насильственная, но мой дед был одним из первых, кто привел своих коров куда следует и записался в колхоз. Удивленным односельчанам он сказал: «Не дергайтесь, ребята, лучше добровольно». У его двоюродного брата конфисковали магазин тканей. Тот умом тронулся. Помню его лицо. Меня возили к нему на свидание в сумасшедший дом в Бялу. Милый старичок молчал и глядел безразлично куда-то в сторону. Когда дед рассказывал о таких вещах, в его глазах было страдание и горе. Мне было больно на него смотреть.

Дедушкин образ «разбойников с большой дороги» никак не вязался со всем, что я слышал, читал и видел в городской среде моего воспитания. В целом для меня олицетворением коммуниста были две личности. Атанас Генчев — его имя носила наша школа, в которой я окончил седьмой класс, и мой отец. Атанас Генчев был образом коммуниста прошлого, борец за счастье народа времен антифашистского сопротивления. Когда его арестовали и жестоко истязали, он вилкой распорол себе живот, изрезал себе кишки. Так он умер, чтобы в момент слабости не выдать своих товарищей. Атанас Генчев пожертвовал своей молодой жизнью, чтобы жил я — свободно, спокойно и счастливо. А так как «Я» было собирательным, Атанас Генчев тоже был собирательным образом, символом жертвенности, смелости, идеализма, мужества и силы человеческого духа.

Отец же мой был олицетворением сегодняшнего, живого коммуниста — строителя счастья своего народа. Работа для него была превыше всего. Она никогда не была для него просто средством добычи пропитания, способом получения денег. Для моего отца, шахтера, работа была долгом перед Родиной, строительством новой жизни без эксплуатации, эгоизма и мелочной выгоды. Отец с гордостью объяснял, что сила, к которой он принадлежит, сделала так, что каждый имеет работу, лечится и учится бесплатно, живет с уверенностью в завтрашнем дне. Я гордился гордостью отца.

В понимании моего отца коммунист должен отдавать всего себя целиком, а брать только то, что необходимо. Без излишеств. В отношениях с другими людьми отец себя не щадил. Он знал по именам всех своих подчиненных — около сотни работников. Он интересовался их проблемами, оказывал помощь каждому чем только мог. Спустя годы один его сотрудник рассказал мне такой случай. «Встречает меня твой отец и спрашивает: “Георгий, как твой сын, выздоровел?” Я не мог поверить. Я был новичком. Мой сын перенес операцию, но откуда твой отец знал об этом? С той минуты и навсегда он был для меня бог».

Отец вставал в пять утра, выходил из дома в шесть, возвращался с работы в семь вечера, говорил мало, в большинстве случаев был очень уставшим, но от его богатырского тела и маленьких, живых глаз действительно струились уверенность, предсказуемость жизни, спокойствие и альтруизм.

А дед называл их разбойниками с большой дороги. Когда я приводил ему в пример Атанаса Генчева и своего отца, он говорил, что, в сущности, они не настоящие коммунисты, а простофили, которых «настоящие» использовали, чтобы навязать свое лицемерное и сатанинское дело. Самым страшным, конечно, была полная бездуховность, возросшая среди плевел

борьбы с религией. И атеизм, появившийся на отравленной почве полной бездуховности. Что было, по сути, одно и то же.

Дед не скрывал своего отношения к народной власти за стенами своего сельского дома. Это было его «Верую», которым он делился с каждым собеседником, если возникала такая тема. Понятно, что тема не о разбойниках, а об общественном строе, при котором мы имели счастье или несчастье жить. Я присутствовал при жесточайших спорах даже с незнакомыми людьми. А так как наша система не терпела слишком большого свободомыслия и откровенности, я должен объяснить, почему дед преспокойно предавал анафеме коммунистов и это сходило ему с рук.

В 1943 году в нашем селе расположилась какая-то немецкая часть. Как-то ночью кто-то разрядил автомат в несколько прожекторов и убил немецкого солдата. Под подозрение попало несколько человек, известных как коммунисты или помощники коммунистов. После того как никто не признался в террористическом деянии, немцы решили расстрелять всех подозреваемых. Процедура по обвинению и исполнению приговора была недолгой. Мой дед, тогда священник 37 лет, попросил дать ему два дня. Он знал этих людей и был уверен, что они не могли совершить то, в чем их обвиняют, да еще так дилетантски. Он действительно пользовался серьезным авторитетом, поэтому немцы согласились. Дед предпринял свое собственное расследование (подробности я не знаю) и доказал, что стрелял пьяный немецкий солдат. Тот просто развлекался, а убийство произошло случайно. К довершению всего виновник сам во всем сознался. Немцы неохотно освободили незаслуженно обвиненных болгар. Оказалось, что дед спас от смерти несколько человек, поставив на карту свою собственную репутацию, а может, и гораздо большее. После 9 сентября 1944 года двое из тех спасенных стали большими партийными начальниками, так перед тем как переехать в Софию, чтобы строить там светлое будущее, они приказали: «Никому не сметь трогать попа! Что бы он ни делал! А если кто причинит ему неприятности, будет иметь дело с нами!» Так дед получил пожизненную индульгенцию за все будущие грехи, связанные с оценкой нового прогрессивного строя. Очевидно, что его благодетели жили долго.

Для него самого его антикоммунизм не имел последствий, но это не распространялось на его родственников. Моя мать и моя тетка, ее сестра, так и не смогли получить высшее образование. Я слышал, как мать говорила, что всю жизнь любила биологию, но в течение всего своего прогрессивного бытия она работала преподавателем кройки и шитья. Мой дядя, их брат, стал священником, как и его отец, и, вероятно, потому ему не пришлось проявлять героизм для разрушения преград, чтобы стать достойным строителем коммунизма.

Меня тоже коснулась, правда нежно, строгая оценка «правильного происхождения». Шесть лет я был безуспешным кандидатом в члены БКП. На финишной прямой всегда приходила справка от партийной организации станции Горна Манастирица, что мое происхождение — в лице деда попа — содержит очень сомнительные элементы, что со своей стороны вызывает необходимость очень внимательно оценить, насколько я искренен, когда хорошо отзываюсь о существующем строе. И так постоянно мой прием в партию откладывался до появления более серьезных доказательств моей лояльности.

Пытаясь уравновесить положение дел в глазах строгой и неподкупной партийной элиты, мы с отцом рассказывали историю другого моего деда,

сорвиголовы из села Бела-Вода. Ему так срывало голову, что каждый год 30 апреля приходилось его подвергать превентивному аресту. Освобождали его 2 мая. В противном случае возникала угроза, что все высоченные тополя на селе встретят Первомайский праздник увешанные красными знаменами. А то взял да 9 сентября вытащил двести ружей из тайника на сеновале.

Однако все это не смогло нейтрализовать антикоммунизм попа. А тут еще мой дядя Борис — коммунист — отказался от звания активного борца против капитализма и фашизма, что само по себе предполагало повышенное внимание к унаследованной по его линии лояльности. Много раз я думал, какой была бы моя судьба, если бы я вырос в селе Бела-Вода, а не в Борово. Наверное, вместо Блаженного Августина я бы читал Гарибальди.

Приняли меня в БКП, только когда умер дед-священник. Как будто его смерть уничтожила страшный источник болезнетворного мировоззрения, и можно было уже увереннее смотреть на мою благонадежность. Позднее, когда пал авторитарный режим (1990 год) и многие побросали свои партбилеты, внезапно осененные истиной, какую огромную ошибку они совершили, обзаведясь ими, меня усиленно зазывали в прогрессивные на тот момент новые или восстановленные старые партии, а я наполовину в шутку, наполовину всерьез отвечал: «Не могу я вот так просто выбросить то, ради чего ходил в кандидатах так долго!»

Без всякой связи с рассказом о доме деда не могу преодолеть искушения вспомнить об одной реальной причине, почему я остался «коммунистом». Самыми яркими антикоммунистами стали сыновья высшей партийной номенклатуры — члены ЦК БКП, заведующие отделами, включая «Идеологию», дипломаты и прочие столпы прежнего режима. За одну ночь они, как жених невесту, обняли новый прогресс и объявили злодеями моего отца и меня. Я так это воспринял. Отец мой, шахтер, — злодей! Как бы не так! Я, ассистент по философии, который еще вдобавок имел неприятности с госбезопасностью, потому что, согласно доносу одного бдительного студента, видите ли, «с любовью преподавал экзистенциализм», — злодей! Рассказывайте!

Первая тема, однако, хотя и часто присутствовала в доме деда, не имела особого значения для моего духовного развития. Она не вызывала у меня дискомфорт и не предлагала особые интеллектуальные ребусы. А вот другая, про «атеизм и религиозность», так врезалась мне в душу, вызвала такие бури и вулканические извержения, что за полгода до окончания гимназии я забросил биологию, отказался от будущей профессии врача, о которой всегда мечтали мои родители, и решил изучать философию.

Проблема религии, вопрос об истинности моего мировоззрения стали такими острыми, что я чувствовал необходимость заняться ими профессионально. И действительно, если атеизм возьмет верх, а потом из-за него мне вечно гореть в аду, какое значение имеет моя земная профессия? И наоборот, если религиозность возьмет верх, а в действительности Бога нет, правильно ли будет жить всю жизнь в заблуждении, лжи и невежестве?

Мой дед знал ответы на эти вопросы. Отец тоже. А я вот нет. Дух дома деда и дух дома отца стояли как исполины, ошестинившись друг против друга, готовые к решительным схваткам. Эти схватки происходили каждый год — лето против зимы, но генеральное сражение еще предстояло. Именно поэтому я пошел изучать философию.

5

«Дом отца», по сути дела, образ собирательный. В нем действительно на видном месте был мой отец — атеист-фундаменталист. Однако им одним он далеко не исчерпывался. Все вокруг меня отрицало религию: учебники, радио и телевидение, уроки классного руководителя, разговоры с соседями или друзьями моей семьи! Все! Религиозный человек был невежей, ограниченным, лишенным критического мышления, в плену суеверий, примитивный, живший далеким прошлым. Набожный не интересовался развитием науки и не замечал, как каждый день она опровергает существование Бога и Его великое дело — Сотворение. Религия возникла тогда, когда люди были неучами, в начале интеллектуального развития человеческого рода. Они пытались объяснить явления, а поскольку не могли, то и придумали богов. Потом хитрые правители обратили невежество на пользу своей алчности и с остервенением насаждали еще более сильную религиозность. Что может быть удобнее для них, чем то, когда человек думает, что все его беды — плод его грехов? Что может быть удобнее, что каждый стремился заслужить «Царство Небесное», а не пытался искоренить несправедливости земной жизни? «Религия — опиум для народа» или вот полная цитата, которую социалистическое воспитание выдолбило в моей памяти: «Религия — это вздох угнетенной твари, это душа бессердечного мира, а также дух бездуховного состояния. Это опиум для народа». Да... Бездуховность... Эта констатация Маркса в его споре с Гегелем объясняла сущность и предназначение религии. Поддавшиеся обману под названием «бог» — это люди одурманенные, они не хотят или не могут смотреть правде в глаза. Хорошо, что произошла социалистическая революция и навела порядок в этом вопросе. Так же как, впрочем, навела порядок и во всех других вопросах.

Все бы хорошо, только оставалась маленькая проблемка.

Когда я бывал летом в селе, у меня вообще не возникало чувство, что мой дед какой-то допотопный, ограниченный и одурманенный индивид. Напротив, он был эрудированный, думающий и абсолютно трезвый даже после бутылки вина. Мне было трудно воспринимать его как заблудшего. Ну, бабушки в церкви — да! Но он — точно нет! Дедушка знал гораздо больше отца и о науке, и о философии, и об истории. И это никак не противоречило тому, что он был очень религиозным!

Здесь «дом деда» не собирательный образ, а буквальный. Дед, как какая-то мировоззренческая скала из другого измерения, противостоял всей совокупности книг, учебников, фильмов и разговоров, в которые я был погружен весь год, кроме лета. Мало-помалу я начал отдавать себе отчет, что не может один сильно заблуждающийся человек так успешно противостоять всей идеологии и пропаганде общества, в котором я жил. Возможно ли, что весь мир ошибается, а дед прав? И если ответить «нет», то какие аргументы считать верными? Количественные? Просто тот факт, что дед один против целой армии воспитателей, с которыми я целыми днями сталкивался в доме отца? Явно, все было не так просто, как пытались объяснить мне отец и его мощные союзники! Когда мне было только десять лет, у меня возник страшно коварный вопрос: «Как узнать, кто говорит правду?» То, что говорит человек взрослый и делает это с пламенным убеждением, явно недостаточно, чтобы считать его бесспорно правым. Нужно искать другие критерии. Припоминаю два факта, которые сильно увеличили шансы деда на победу в фундаментальном споре.

Первый. Время от времени к деду приходили люди для лечения молитвой. Я никогда не присутствовал при этом, мне просто не разрешали. От матери знаю, что дед вылечил одну онемевшую женщину. Тогда еще молодой священник, дед молился за нее и однажды сказал ей: «Сейчас ты пойдешь, сядешь в телегу и, когда приблизишься к такому-то холму, сможешь говорить!» Женщина потом рассказывала. Когда приблизились к холму, она очень разволновалась, поднялась во весь рост в телеге, протянула руку вперед и проговорила: «В-в-вот он! Холм!» И начала нормально говорить. Рассказ этот был для меня фактом. Не басней, не сказкой, не историей легендарного прошлого, а фактом. О нем знали многие. Как это возможно? Мой отец объяснял просто: «Самовнушение, мой мальчик! Организм имеет невероятные резервы, невероятные возможности! Женщина поверила так сильно, что это случится, что психика и сделала так, чтобы это случилось! Есть много примеров о силе самовнушения, и тут никакой Бог не нужен!» Я подумал: «Хорошо. А какие это примеры?»

Я искал в библиотеке литературу, объяснял, что мне нужно, и библиотекари что-то находили. Скажем, человеку в состоянии гипноза можно дать монету, внушить ему, что это раскаленное железо, приложить ее к коже — и у человека ожог! Вот, значит, то, что психика считает верным, может вызвать физические изменения! Женщина была немая, но не от рождения. Она онемела, вероятно, после испуга. Дед молится, она верит в чудо, психика решает, что можно говорить, и это в действительности происходит!

«Деда, а это, ну, с той, что заговорила, это не самовнушение?» — спрашиваю я после того, как зимой подковался научными выводами.

«Ну а врачи, которые очень много знают, чего ж они ей это не самовнушили, а, Юрка?» — отвечает дед, и я чувствую, как его разбирает смех.

И не смех, а насмешка! «Верно, — думаю я, — эти ученые доктора с толстыми книгами в головах, к которым она ходила, почему они не достигли этого эффекта?» Дед, как будто прочитав мои мысли, добавил: «Это не человеческая сила, мой мальчик! Это Божия сила! И отвергать эту силу — полное варварство! Невежество и глупость! Человеческая гордыня, которую если ты умный, то выбросишь на помойку».

Я почувствовал сомнение: а не книги ли толкают меня к варварству?

Второй случай. В пятилетнем возрасте я тяжело заболел. Очень тяжело. Какая-то проблема с сердцем. Врачи в городе предупредили родителей, что жизнь моя в опасности. Посоветовали немедленно ехать в Софию и отвезти меня в педиатрическую больницу. «Вам необходима самая лучшая аппаратура, врачи и лекарства», — приводила мать их аргументы. Отец звонит своему приятелю, у которого хорошая и быстрая машина — «Волга», сажают меня и в Софию. Там меня принимают, начинают какое-то лечение, но сообщают, что состояние мое ухудшается и возможно самое страшное. Родители потеряли голову. В одну из бессонных ночей отец вспоминает об одном своем знакомом, который был двоюродным братом тогдашнего министра здравоохранения. Будит его. Объясняет, что его пятилетний сын умирает от порока сердца, с которым врачи самой известной больницы не могут справиться. Знакомый будит посреди ночи министра. Министр распорядился доставить какие-то лекарства из Швейцарии. Однако на это требовалось несколько дней: процедуры, формальности... Заграничное лекарство еще не поступило, а врачи неожиданно констатируют, что я «перескочил яму». Они

не могут дать этому никакого логического объяснения. В тот же день дед звонит матери по телефону и спрашивает, как я. «Перескочил яму, папа! Чудо!» — кричала она. «Я рад!» — лаконично ответил дед. Спустя немного времени все близкие узнали, что в ту ночь, когда мой организм занимался прыжком через яму, дедушка до рассвета простоял в сельском храме перед иконой Пресвятой Богородицы. Всю ночь. На коленях. На коленях — 12 часов. Никто никогда не оспаривал этого факта. Даже мой отец. Невозможно оспорить. Дедушка был всю ночь в церкви, а на другой день позвонил маме и спросил, как я. Отец дал такое объяснение: «Совпадение».

«Деда, а это не было совпадением?» — спрашивал я дедушку.

«Совпадение? Видишь ли, мой мальчик, всегда иметь простой ответ на любой вопрос — это самый яркий признак ограниченности».

Он не имел в виду просто и только моего отца. Он имел в виду ответы сторонников атеистического мировоззрения, которые часто оперировали такими понятиями, как «совпадение» и «случайность».

Да-а-а! С этой минуты меня всегда смущала легкость, с которой атеизм объясняет вещи, в которых религиозные люди находят опору. Или отрицает эти вещи как факты, или ставит их в графы «Совпадение» и «Случайность».

Эти две истории часто заставляли меня ломать голову над вопросом: «Как понять, верны ли та или иная теория или мировоззрение?» Мой отец говорил, что атеизм очевиден и не нуждается в доказательствах. Никто не видел ни Бога, ни ангелов, ни дьявола. Никто не вернулся с того света, чтобы засвидетельствовать его существование. Религия нуждалась в доказательствах, потому что в ней нет ничего очевидного. Логично. Атеизм ступает на то, что видно. Зачем ему доказывать свою истинность? Однако летом все выглядело не так просто. «Как наука объяснит, что мощи святых нетленны? — спрашивал дед. — Святого Иоанна Рильского несколько раз закапывали, он веками лежал в земле, но ты и сегодня можешь видеть его плоть».

«Ну, деда, наука не может объяснить все!» — «А раз не может, то почему атеизм все нам ею глаза колет? Атеизму все ясно, значит, ничего ему не ясно!»

«Верно, — думал я, — как это атеизму все ясно, раз науке, на которую он опирается, многие вещи неясны? Может ли вызывать доверие то, что пыжится доказать, будто имеет ответ на любой вопрос, хотя его основа не имеет таких претензий? Очевидно, что не может. Может, ответ верен, а может, и нет».

По крайней мере, одно было ясно: атеизм — не наука. Возможно, мировоззрение, но не наука. Не существует всезнающей науки. «Всезнайство» как будто даже органически чуждо науке. После таких разговоров и размышлений я никогда не воспринимал всерьез такие заголовки книг, как «Основы научного атеизма», которую я читал зимой. Атеизм — да, но научный — нет! То, что летом падал авторитет атеизма, это точно. Но зимой падал авторитет теологии. Она тоже всегда имела объяснения всего, и с этой точки зрения была одного поля ягода с атеизмом.

Явно, что ни атеистическое, ни религиозное мировоззрение не имело само по себе сил доказать свою истинность. И тогда? Что дальше? Тогда я начал внимательно выискивать наличие внутренних противоречий в том и другом мировоззрении. Вероятно, внутренняя логика могла дать разумные основания для большего или меньшего доверия. На этой площадке рели-

гиозное мировоззрение начало получать серьезные удары. Зимой. А атеизм и его наука — летом.

6

В восьмом классе у меня совершенно не было времени читать что-либо, кроме учебной литературы. После того как мы целый год занимались исключительно изучением французского языка, нас подхватило цунами новых предметов. К тому же нужно было завоевать авторитет у дюжины преподавателей.

На следующий год, в девятом классе (сегодня он соответствует десятому), напряжение несколько спало. Я мог заняться своим любимым занятием — чтением.

Я, что называется, проглотил всю доступную атеистическую литературу. Определенная часть критики религии мне показалась просто придиркой. Например, оспаривание существования Христа через исторические факты, которые расходятся с тем, как это описывает Евангелие. Царь Ирод, который разыскивал младенца Христа, чтобы убить Его, умер за несколько лет до нового летосчисления. То есть до рождения Спасителя... Очень важно... Как будто люди, которые приняли новое летосчисление, не могли ошибиться.

Атаки же против чудес были нацелены совсем не на те вещи, которые меня озадачивали в христианстве. Накормить 5000 душ двумя рыбинами и пятью хлебами... Разделить море пополам, так чтобы евреи прошли, а войска фараона утонули... Чудо потому и является чудом, что у него нет естественного объяснения. Если существует всемогущий Творец, то Он может нарушать законы, которые Сам же создал. Единственное, чего Бог не может, это не мочь не сделать что-то. Значит, не может сделать все. Значит, не всемогущ... Любимый атеистический каламбур... А объяснять чудеса, которые совершил Христос, Его умением гипнотизировать, просто смешно. Чудо в религиозном мировоззрении есть нечто самое что ни на есть естественное. Оно не нуждается в расследовании, анализе и объяснении. Невозможность человеческого разума объяснить его заложена в самом его определении. Нападки же с аргументами, что религия используется властью имущими с целью держать народ в подчинении, очень поверхностны. Любое знание может быть использовано для различных целей по всей шкале моральной допустимости. Ученые, исследовавшие атомные процессы, едва ли предполагали, что случится в Хиросиме и Нагасаки.

Однако были и вещи, которые действительно меня смущали. Например, что в рай могут попасть только те, кто крещен в христианскую веру. Но если я не крещен, могу ли я нести за это ответственность? Могу ли я искупить упущение или грех своих родителей? Есть общества, которые и не слыхивали про христианство. Как тогда члены этих обществ будут наказаны? Можно ли обрекать на вечные муки, если твоя цивилизация, по сути дела, не имеет доступа к православной божественной истине? И если говорить о «вечных муках», возможно ли, чтобы человек, который грешил 40, 50, 60 лет, был наказан адом навечно? Соразмерно ли это? Ведь Бог всеблагий и всепрощающий? И как же получается, если покаешься в последние минуты жизни, то тебе простятся все грехи и ты заслужишь рай? Как это случилось с разбойником, распятым рядом с Христом. Это разве справедливо? Треснет тебе кирпич по голове, ты

внезапно умираешь, так ты большой грешник и отправляйся себе в ад навечно. Не падает тебе кирпич на голову, ты стареешь, у тебя есть время переосмыслить свою жизнь и веру, ты каешься, так отправляйся в рай! Объяснения, что мы не можем понять Бога в Его глубинной основе, что не можем постичь своим ограниченным умом сущность Божественной справедливости, меня не удовлетворяли. Удержаться от рассуждений, возможно ли то или иное чудо, ну, например, воскресение Лазаря, мне было нетрудно. Когда же в Божием Промысле я видел, как мне казалось, высшую несправедливость, я никак не мог с этим согласиться. Невозможно принять религию, в основе которой огромная несправедливость.

И другие, более мелкие вопросы смущали меня. Куда денется физическое тело после воскресения? Христос вознесся. Святой Илья восхищен на небеса перед смертью. Где в космосе находятся воскресшие? На какой-то другой планете, где устроен рай? Мне это казалось примитивным. Да и сам рай с его садами и фруктовыми деревьями тоже казался мне чем-то очень наивным.

Сотворение мира...

Бог создал свет, отделил его от тьмы, и рождаются день и ночь. Вечер и утро. Это первый день. Бог создает солнце на четвертый день. Ну и какие же это день и ночь без солнца?..

За один пятый день Бог создает рыб, пресмыкающихся и птиц. На следующий — скотину и зверье. Хорошо, пусть день означает период времени. Здесь, однако, речь идет об одноактном сотворении животного мира. Бог создает его таким, какой он есть и останется навсегда. Нет никакого происхождения одного вида от другого. Нет развития от простого к сложному. Нет эволюции. А наука после Дарвина категорично доказала, что эволюция — это факт. Не существует живых существ, созданных однажды и навсегда. Они постоянно меняются и дают начало другим. Но и это не было самым смущающим. Самый большой камень преткновения для восприятия религии была проблема свободной воли.

Вся моя жизнь уже ведь написана в Той Книге? Бог ведь знает все, что случится со мной? В каком смысле я тогда буду отвечать за свое поведение? Все предначертано, все предвидено Божиим сознанием. Все распланировано, я только выразитель и исполнитель Божией воли! И тогда? Почему я буду отвечать перед Ним за свои поступки? Если я имею свободную волю, если всю жизнь я выбираю между добром и злом, между верой и неверием, тогда как же получается, что все известно уже заранее?

Думая о Евангелии, я жалел Иуду, предавшего своего Учителя за 30 сребреников. Так ведь Иисус знал, что Иуда его предаст! Бог возложил, нет — заставил его взять на себя эту роль, чтобы произошло распятие и Искупление человеческих грехов! Иуда был актером в не им разработанном сценарии. Без предательства Иуды не было бы смерти Христа. Иуда был нужен именно такой. Он не мог быть другим. Не имел права. Не имел возможности. Бедный Иуда! А потом и повесился из-за угрызений совести. Он покончил с собой, потому что воспринимал свое поведение как плод собственной воли, это нормально. Да, но он-то заблуждался. А после этого ему еще и предстояло гореть в геенне огненной, претерпевая страшные муки! А за что, в сущности, он будет наказан? За то, что сделал, по сути, то, что должен был сделать? То, что Бог предвидел, желал и что было Ему необходимо? Он будет страдать вечно, потому что исполнил желание Бога, Его задачу? Неприемлемо, нелепо.

Иуда — великий пример. Так я рассуждал. Меня настолько мучил этот вопрос, что я написал объемистое эссе на тему свободной воли, которое, к моему огромному сожалению, потерялось во время моих бесконечных переездов с квартиры на квартиру в течение последующих двадцати лет. Я бы многое отдал за то, чтобы сегодня прочитать о драме, нет, страданиях шестнадцатилетнего юноши, терзаемого невозможностью примирить свободную волю с Божиим предопределением.

В конце учебного года я был абсолютно убежден, что религия невозможна в качестве морального императива. Она очень противоречива. А если она все же истинна, то совершенно бесчеловечна. Жестока. Не могла такая жестокость быть порождением Высшего разума. А если все-таки и могла, то она точно уж не для меня. Мое сознание и моральные принципы ее отвергали.

Однажды, когда я читал в библиотеке, библиотекарша подошла ко мне с каким-то мужчиной и сказала: «Юрий, этот человек хочет поговорить с тобой».

Мужчина присел рядом и рассказал, что интересуется, читает ли молодежь атеистическую литературу. Он узнал о моем большом интересе к ней. «У нас есть специальная библиотека, в которой ты найдешь только такие книги. Их там гораздо больше, чем здесь. Приходи, посмотришь их!»

На другой день я пошел. Над входом вывеска: «Клуб атеистов». И действительно, в помещении на полках от пола до потолка сотни книг, связанных с атеизмом и наукой. Я стал постоянным читателем. Кроме того, у меня была возможность подолгу беседовать с директором клуба. Даже думаю, что я произвел на него впечатление своими познаниями. Через месяц он предложил мне возглавить окружной Клуб молодого атеиста. Я согласился. Я был, возможно, самым подкованным атеистом среди своих сверстников.

В конце июня я опять приехал в село. Я не рассказал деду, что стал руководителем Клуба молодого атеиста в Стара-Загоре. Я бы его этим огорчил.

В первый же день за ужином я почувствовал себя страшно неловко из-за того, что надо перекреститься. Успокаивал себя: «Обычный ритуал!» К тому же мне следовало уважать атмосферу и порядки в доме деда. Этот жест ничего не менял. Я себе даже вообразил нелепую картину — как перед обсуждением в клубе мы все крестимся в знак уважения к тысячелетней болгарской православной традиции.

Уже в первые дни я начал расспрашивать деда о разных более мелких вопросах, которые мешали моему восприятию христианства. Например, о необходимости принять крещение, чтобы попасть в рай. О соразмерности вечных мук. О месте пребывания Бога. О противоречиях в Евангелиях. На этот раз он не стал ничего объяснять. «Прочти еще раз Евангелие, учебник по догматике. Неплохо посмотреть также “Историю церковных соборов”». Я не сразу взялся за чтение, нужно было дочитать две исторические книги, которые я привез с собой.

Потом вернулся к религиозной литературе. Вопросы есть вопросы, и на них надо найти ответ.

Я не нашел в Новом Завете категоричного утверждения, что если ты иной веры, то обречен попасть в ад. Но ведь книги по атеизму взяли же это откуда-то. Я спросил деда. «Да, есть такие тексты святых отцов более позднего времени. И мы их придерживаемся». Но он не стал ревностно защищать этот тезис. «Другое гораздо важнее. Если ты принял христиан-

ство и отказался от него, то это уже смертный грех». Он как будто попытался перевести разговор на другую тему. Однако в тот момент меня это не волновало. Для себя я решил, что этот тезис — какая-то натяжка со стороны Церкви, которая должна была защищать уникальность и сверхценность христианского крещения.

В «Догматике» я нашел толкование понятия «вечное»: «очень продолжительное», от слова «век». И этот вопрос постепенно потерял свою остроту. О месте, где пребывает Бог, у нас была короткая дискуссия, но дед перенес акцент на определение «вездесущий». «Бог везде и во всем. В древности люди все-таки хотели придать Ему более конкретный облик». А как Божий Дух может быть вездесущим? Это один из постулатов, которые просто следует принять такими, как они есть. Человеческий разум слишком ограничен, чтобы понять Божественную сущность, утверждают теологи.

Конкретные противоречия между авторами Евангелий тоже быстро перестали меня волновать. Различные авторы, различные рассказы, написанные на протяжении большого отрезка времени. Кроме того, именно эти Евангелия признаны Первым церковным собором как аутентичные. Были и другие, так называемые апокрифы, которые были отвергнуты. Так что верность текстов определена голосованием людей. Могли победить и другие. Например, если бы иконоборцы навязали свои представления, сегодня в наших церквях не было бы икон. Как их нет в протестантских храмах.

Очевидно, что многое в богатой материи религии — это влияние человека, человеческий выбор. Можно отбросить какой-то навязанный выбор, но это не затрагивает фундамента веры.

Из того лета мне запомнились два ключевых разговора с дедом. Скорее даже это были горячие дискуссии до глубокой ночи.

Первый конечно же был посвящен свободной воле. Противоречие, которое я обнаружил, как оказалось, явилось объектом вековых ожесточенных споров, и именно оно делало религию неприемлемой для меня.

«Прежде чем перейти к сути, — начал дед, — нам нужно прийти к согласию по очень важному вопросу. Если мы по нему не договоримся, то наш спор невозможен. Мы ни к чему не придем, только время потеряем. Этот очень важный вопрос вот какой: как мы понимаем соотношение между человеческим разумом и Божественной сущностью? Под “сущностью” я понимаю и возможности, и цели, и средства их достижения. Человеческий разум несоизмеримо ниже Божественного. Он может иметь представление о Божественном, ощущение его существования, понимание некоторых его намерений и действий, и все. Человек имеет доступ только к поверхности Божественной сущности, притом к ничтожно малой ее части. Это можно понять, прибегнув к аналогии. Возьмем для примера нашего кота Цочо. Он знает о моем существовании? Знает! Он может отгадать некоторые мои намерения? Может! Может ли он понять смысл некоторых моих действий? Конечно, может! Но знает ли кот, кто я, чем занимаюсь, какие цели ставлю сегодня, в этом году, в своей жизни? Может ли он понять сущность и предназначение моих мыслей, чувств, воли? И не знает, и не может понять. Его психика способна прикоснуться к ничтожно малой части моего существа. И твоего. Пропасть между его психикой и моим духом столь огромна, что вся моя сущность недоступна для него. Доступны только некоторые проявления этой сущности. И заметь, я привожу тебе в пример довольно развитое животное! А если взять, например, муравья, за которым ты наблюдаешь, преградив ему дорогу?

Или муху, которую я уже пять минут не могу согнать со стола? Представь себе, что ты и есть эта самая муха. У тебя есть какое-то восприятие Юрия. Ты приближаешься к нему, садишься на его руку, увертываешься, когда он замахивается на тебя. Ты, муха, знаешь еще что-нибудь о Юрии? Впрочем, что ты знаешь? Практически ничего. Точно такое же соотношение между человеческим разумом и Божественной сущностью. Мы способны ее воспринимать. Мы знаем, что она существует, мы наблюдаем некоторые ее действия, и это все. Сущность Бога нам неизвестна. Если это тебе понятно, есть о чем говорить дальше».

Мне было нетрудно принять это, за исключением утверждения, что у нас есть бесспорное ощущение существования Бога. Ну, я допустил, что да, оно у нас есть, а то если нет, то как же тогда обсуждать свободную волю человека и Божественную предопределенность? Разговор продолжился, многократно прерываясь, с многочисленными возражениями с моей стороны, но в моем сознании запечатлелся его смысл, который содержался в объяснении деда.

«Бог ничего не заставляет тебя делать. Он не навязывает тебе определенное поведение, за которое потом тебя наказывает или награждает. Он ЗНАЕТ, как ты поступишь. “Знать” и “навязывать” — это совершенно разные вещи. Я опять использую для примера любимого кота. Ты знаешь, что если я громко позову его по имени, то, где бы он ни находился во дворе, он тут же примчится и прыгнет мне на колени. Ты это сто раз видел. Я не заставляю его это делать. Я не ставлю перед ним такую задачу, не заставляю. Однако я ЗНАЮ, что он сделает. И представь себе на минутку, что Цочо обладает способностью к самооценке. Господь дал ее только человеку, животным не дал. Но ради примера придется сделать такое допущение. Итак, если он способен квалифицировать свои действия, вот он примчался, вскочил мне на колени, как думаешь, он почувствует какое-то принуждение, насилие, что-то неладное? Нет, он прибежит, потому что ХОЧЕТ прибежать. Он будет следовать своей природе, причем совершенно свободно, абсолютно гармонично. У него будет ощущение свободной воли. Так же и с человеком. Бог знает разум каждого Своего чада и знает, как каждый поступит. Опять повторяю, знает, но никого не принуждает. Человек делает выбор в рамках своей природы и после этого расплачивается. Или получает награду. Само понятие “Божественное возмездие”, которое мы получили божественным образом, призвано повлиять на наш выбор. Оно помогает нам сделать правильный выбор. Если ты знаешь, что такое грех, и совершаешь этот грех, в твоей воле так поступать. И получить по заслугам. Богом данное нам знание о том, что такое грех, — это сила, которая может нас уберечь. Однако выбираешь ты. Выбираешь и пожинаешь то, что заслужил. А сейчас про твой любимый пример с Иудой. Христос — Бог, Он может знать любое намерение, прочитать любую мысль. Он ЗНАЕТ, как поступит Иуда. Он не подталкивает его, не заставляет. Если не Иуда, был бы кто-то другой. Кто — не имеет значения. Бог через Христа идет на самопожертвование и знает, что на этом пути предательства не избежать. Предательство будет результатом связи между поведением Христа и менталитетом, реакцией людей, которые Его окружают. Бог знает, что предатель непременно появится. Иуда или кто другой. А Иуда знает, что совершает грех и первый своим самоубийством кладет начало возмездию».

Звучало убедительно. Даже логично в рамках предпосылки существования Божественной сущности, несоизмеримо более высокой, чем челове-

ческая. Несмотря на это, какая-то горечь все же оставалась. Противоречие было сглажено, приглушено, даже, в известном смысле, снято, но горечь осталась. Думая о своей свободной воле и о Божией бесконечности, я всегда чувствовал себя подопытным кроликом, который сам по себе не представляет никакой ценности. Ценность представлял Божий Промысл, если не употреблять слово «эксперимент». И все же был ли я свободен в своем выборе, если, в конечном счете, Бесконечный разум ЗНАЕТ, какой выбор я сделаю?

Объяснения деда и то, что я прочитал в религиозной литературе, не могли реабилитировать понятие «свободная воля», нечто, чем человек так сильно гордится. «Свободная воля» превратилась в субъективное восприятие, в способ самооценки. Ощущение объективности ее существования было утрачено. Так или иначе, столкновение «свобода-несвобода» у человека не могло больше служить основанием отказа от религиозности.

Другой большой вопрос, может быть, самый большой: есть ли основания принять существование Бога? — также получил существенное развитие в моем сознании. Как я всегда шутил, в моем «летнем сознании».

В начале нашей дискуссии я утверждал, что нет необходимости в понятии о Боге для объяснения мира. Конечно, я не использовал примитивный аргумент «А разве кто-то Его видел?», поскольку из научно-популярной литературы я знал, что, по сути дела, человек видит очень мало из того, что существует. Вообще, фундамент мира — элементарные частицы существовали не потому, что человек констатировал их наличие своими органами чувств и приборами, а потому, что этого требовало объяснение мира. То же самое и с антиматерией. Мой серьезный аргумент состоял в том, что существует материя, которой управляют естественные законы, и в этом смысле нет необходимости в чем-то сверхъестественном. Часть законов мы знаем, другую нет. С развитием науки мы будем открывать все новые и новые законы. Еще не познанное не требует, чтобы мы звали на помощь Божественное. Звали на помощь первобытные люди, но приобретенный опыт показал, что неясное вдруг становится ясным, после, с открытием новых фактов, возникают новые неясности, и так бесконечно. И где тут Бог? Зачем нам Бог?

Первое, на чем мы согласились, точнее, мне здесь пришлось отступить, — это то, что широко распространенное в атеистической литературе утверждение: «Наука опровергает существование Бога» — это сложная теорема, а не аксиома. Дед считал, что эту теорему доказать невозможно.

Старика, который читал и думал по этим вопросам несравнимо больше меня, просто забавляло это утверждение.

«Наука, вместо того чтобы опровергать существование Бога, лучше бы занялась опровержением факта, что абсолютно не способна объяснить очевидные и фундаментальные явления». — «Это что же такое очевидное и фундаментальное она не может объяснить?» — «Ну, например, постоянное усложнение мира. Вы ведь изучали по физике “энтропию”? В любой системе при отсутствии внешнего воздействия процессы развиваются от сложного к простому. Все в природе стремится к равновесию. Да, но основной принцип, который движет миром, — “негэнтропия”, противоположная “энтропии”. И именно это постоянное “бегство” от равновесия, постоянное усложнение абсолютно непонятно науке. В мире существует целеполагание, а наука прикидывается, будто его не видит». — «Дедушка, твои слова означают лишь то, что в один прекрасный день наука раскроет механизмы “негэнтропии”». — «Да, когда она со-

гласится, что во Вселенной существует целеполагание, которое не по силам слепым процессам. За ним стоит Разум. Пусть наука объяснит усложнение, а не смотрит непонимающе высокомерно на религию и не объявляет верующих необразованными и примитивными. Впрочем, мы не вправе так обобщать, говоря о науке и в целом об ученых. Самые светлые умы человечества верили в Бога». — «Ну да? Мне об этом не рассказывали, и я про это не читал». — «А я на что? Чтобы уравновесить твои шатания».

Наш спор «наука–религия» завершил свой основной этап очень интересно. Как-то утром, позавтракав, я продолжил чтение какой-то научно-популярной книги. В качестве закладки я использовал маленький кусочек картона. Смотрю — вместо него открытка с изображением библейской сцены. Таких в доме деда было много. А на другой стороне дедушкиным почерком было написано: «Чем глубже человек проникает в тайны природы, тем больше его почитание к Богу. Альберт Эйнштейн». Затем следовали три цифры: 4, 8, 12.

«Деда, это ты положил мне эту открытку?» — «Кот Цочо. За последнее время стал шибко грамотным. Вчера мне жаловался, что не может заснуть, как вспомнит про твой атеизм». — «И что? Хочешь сказать, что самый великий физик всех времен был религиозным?» — «Это не я говорю. Он это сказал. Хочешь добавить что-нибудь по вопросу, как наука побеждает веру в Бога?» — «А что означают эти цифры после цитаты?» — «Номер полки сверху вниз, какой том по счету слева направо и страница. Знаешь где».

Я пошел в подвал, туда, где книги, взял томик — переплетенные журналы — и открыл нужную страницу: цитаты великих ученых о вере и о Боге. Десятков ученых. Мне хватило Эйнштейна и Дарвина. Дарвин, боже ты мой! И этот туда же! А я всю зиму бился над обоснованием, как эволюционная теория опровергает необходимость Бога! А цитата Роберта Миликэна, Нобелевского лауреата по физике 1923 года, была прямо наповал: «Для меня немыслимо, чтобы убежденный атеист мог быть ученым!» Ничего себе!

Не помню точно, в этом томе или в другой книге, позднее, я прочел следующие прекрасные слова Вернера Хайзенберга: «Первый глоток из чаши естественных наук делает человека атеистом, но на дне этой чаши его ожидает Бог». Явно, что с десятком прочитанных мною научно-популярных книг я отпил лишь первый глоток. Добраться до дна мне было не суждено, потому что у меня не было намерения заниматься профессионально наукой, но слова Эйнштейна, Дарвина, Хайзенберга, Планка и многих других вызывали уважение и доверие. С того дня я отказался от мысли, что развитие науки может быть аргументом против существования Бога.

Вечером того же дня дед победоносно, но без педагогического уклона сказал мне: «Поверь этим людям, мой мальчик! И не стесняйся, что в основу своего мировоззрения ты ставишь веру. Самая большая ошибка в том, чему тебя учат в Стара-Загоре, — это считать, что истинные знания опираются исключительно на эксперименты и доказательства. Глубоко в основе любого познания лежит вера. Аксиомы не доказывают, мы верим в их истинность. Именно они лежат в основе математики, которая сама основа для всего».

Подрыв моих атеистических представлений произошел не с помощью каких-то доказательств существования Божественного разума. Хотя попытки сформулировать такие доказательства я находил в книгах деда.

Прорыв произошел из-за нарастающего чувства, что не получается объяснить мир без целеполагания. Дед успешно использовал примеры из мира животных. Он был пчеловодом, и его любимые примеры были из жизни пчел и ос.

«Знаешь ли ты, мой мальчик, что царица улья, когда передвигается, то летит на точно определенной высоте? Если она опускается ниже или поднимается выше, пчелы убивают ее. Почему? Потому что эти изменения означают, что она больна, а это фатально для семейства. Вы всё пытаетесь объяснить понятием “безусловный рефлекс”, результатом случайных мутаций. Значит, происходит какая-то случайная мутация, и пчелы начинают понимать, на какой высоте летит больная царица? Тебе это кажется убедительным?»

Я затряс головой, показывая, что не понял примера.

«Хорошо, возьмем пример попроще. С осой. Она таскает на корм своим личинкам парализованных шмелей. Оса не убивает шмеля, а колет его в точно определенное место точно определенного нервного окончания, чтобы парализовать его. И ты утверждаешь, что случайные изменения в составе какой-то кислоты, пусть даже и в ДНК, дают ей знания, что, во-первых, шмеля не надо убивать, во-вторых, его надо парализовать, в-третьих, куда точно надо уколоть, чтобы все получилось. Тебе не кажется, что это фантазмагория какая-то? Другой пример. Иногда оса использует в качестве корма пчел. Прежде чем дать их своим личинкам, она очищает их от меда. Почему? А сейчас — внимание! Потому что мед вреден для личинок! Ты хочешь мне сказать, что несколько молекул в кислоте перевернулись случайно каким-то образом и оса поняла, что мед вреден для ее потомства? Да лопнешь со смеху! Мы утверждаем, что хамелеон уцелел, потому что в результате случайных мутаций начал сливаться по цвету с окружающей средой, хорошо. Другие не сливались, и их поедали их враги. Но в примерах, которые я привел, есть действие, которое касается другой особи, причем в будущем. Это можно объяснить только вмешательством Разума. Или рыбы, которые плывут тысячи километров против течения, преодолевают сотни препятствий, чтобы достичь определенного места, где мечут икру. Это то самое место, в котором они сами были икрой своих матерей. Потом вода понесет новое потомство за тысячи километров по течению, чтобы однажды та же история повторилась вновь. Итак, перемещаются какие-то атомы, один туда, другой сюда, конечно же “абсолютно случайно”, и глупая рыба уже знает свой маршрут, невероятно трудный. Маршрут, который человек и со специальными приспособлениями за всю свою жизнь не может выучить. Вот эти “случайности” я называю Божественным промыслом. А вы называйте их как хотите. Только, как ты понял, сам Дарвин не посмел объяснить мир без Бога. Хотя вы думаете, что он, Дарвин, вам его таким объяснил».

После всех подобных разговоров и многих-многих примеров я начал смотреть на мир иначе. Он не был слепым нагромождением процессов с мудрым человеком и его разумом наверху. Разум есть во всей природе, в целой Вселенной. Есть какой-то план, какие-то цели, которые реализуются через него. Мир — гигантские часы, он немыслим без Часовщика. Эта метафора не в пользу просто христианства, а в пользу веры в универсальный Разум, который правит миром. Не видеть целеполагания — значит не видеть скрытые механизмы бытия. Не вера в Бога говорит об отсталости. Отсутствие веры означает ограниченность и интеллектуальную посредственность.

* * *

Время от времени я ходил с дедушкой в церковь. Я не был христианином в догматическом и ритуальном смысле этого понятия, однако я знал все иконы, песнопения, знал, что ладан и обряды — это конкретизация почитания Божественной реальности. Да, реальности! Знал и кое-что другое. Несколько лет назад моя жизнь была спасена христианскими молитвами. Не исламскими и не буддийскими, а христианскими. Это делало христианство истинным в моих глазах. Христианство, бесспорно, было предметным воплощением абстрактного Божественного принципа. Вера не могла бы передаваться и сохраняться веками через туманные теоретические постулаты. Она должна была получить «плоть и кровь». И она их получила.

Однажды дедушка спросил меня: «Ты не согласился бы прочитать несколько страниц во время службы? Матей заболел гриппом и вряд ли поправится за два-три дня. А я не хочу, чтобы служба прошла без чтения. Одна женщина, которая поет со мной, будет тебе показывать, когда начинать читать, когда останавливаться. Я дам тебе тексты. Немножко потренируешься. Я должен проверить ритм и интонацию».

Я согласился: все-таки просьба деда. Да и новое впечатление. Когда еще у меня будет возможность почитать в церкви? Меня разбирал смех: председатель Клуба молодых атеистов прилежно готовится, а потом читает религиозные тексты во время службы. Возможно, даже в переполненной церкви, потому что служба была посвящена одному из очень почитаемых угодников.

Никогда я не переживал ничего подобного. Пение деда входило в меня целиком, как будто я был бесплотным. Не через уши, а через каждую пору моего тела. Спокойствие, торжественность и свет в сердце. Волшебство. Я слился с текстом. Не помню точно, какие слова я читал. Помню поток, который подхватил и понес меня, как сказочный ковер-самолет. Я хотел, чтобы это волшебство никогда не кончалось.

Когда служба закончилась и народ разошелся, дед подошел, положил руку мне на плечо и сказал: «Благодарю тебя, мой мальчик! Бог с тобой!»

Я схватил его правую руку и поцеловал. Потом перекрестился со всей любовью, которая накопилась в моей душе. Мое сердце и губы сами проронили: «Бог со мной!».

Перевод с болгарского Ольги РЕШЕТНИКОВОЙ.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

* * *

Вот осенью холодной, запоздалой
Примерз листок, прибившийся к окну, —
Так образ твой глядит со всех вокзалов,
Так раньше провожали на войну.
Она грядет зимой оцепенелой,
Треск веток в раскаленной той печи,
И лишь слеза щекой холодной, белой
Мне сердце остудит и облегчит.
Гори ж, огонь, свети, мы знаем оба,
Что наши чувства нежные прочней.
Как говорили, вместе мы до гроба,
И нас развяжет лишь последний день.
Какую же войну ты мне готовишь,
Какую провожаешь тишину?
Неправда, ты мой взгляд упорно ловишь,
А я люблю тебя, тебя одну.
Так не ходи печально на дорогу,
Не провожай спешащих поездов:
Меня там нет, чужой судьбы не трогай
И не ищи в беспмятстве следов.

Александр Естиславович Суворов родился в 1965 году в Казани. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького и аспирантуру. Поэт, прозаик, литературовед.

Постоянный автор журналов «Наш современник» и «Москва», газет «Литературная Россия», «День литературы», «Российский писатель».

Лауреат премии журнала «Москва» за 2007 год.

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

* * *

Когда откроются мне жизни письма
 И станут братьями мне солнце и луна,
 Тогда я стану ночевать в гробах,
 И скажут близкие: такая уж судьба.
 И некогда мне близкие друзья
 Начнут злословить, что так жить нельзя.
 А я возьму и стану вольно жить
 И сам свою судьбу вершить.
 Я положу начало миражу
 И горскому шальному мятежу.
 И отвернутся бывшие со мной,
 Когда я мирный день начну войной,
 И объявлю, и плеткой пригрожу,
 И смрадом станет воздух, чем дышу.
 Тогда я мстительным и злым людским судом
 Отправлен буду в сумасшедший дом,
 И запретят мне плод моих речей,
 Их клеветой объявит книгочей,
 Вот так померкнет свет моих очей,
 И тайный свет, и тень земных вещей.

* * *

Оставим яблони, пускай они цветут,
 Влюбленные, сплетаются в объятьях
 И женятся, и дети пусть растут,
 Иль яблочки, не знаю, как назвать их.
 Пусть это не вменится им в вину
 И будет все по воле вышней, кроткой,
 Пусть звезды разбегаются по дну,
 Костер на берегу, качанье лодки.
 У нас другой, неписанный закон,
 Мы пишем в сердце, а не на бумаге,
 Чернилами ночей написан он —
 Случайный взгляд и облачко отваги.
 Мы вдаль идем, объятий не стыдясь
 И не стыдясь блаженного влечения,
 Мы пьем вино, сердцами породнясь,
 Ждем лета жар и осень облегчения.
 И рыба бьется сладостно в сети,
 Но ждет мороз короткой зимней смерти.
 Чтоб снова птиц на волю отпустить,
 Весна рассыплет снадобье бессмертья.

* * *

Цепочка следов колдовская
 На первом декабрьском снегу —
 Кто шел, никогда не узнаю,
 Пусть даже и вслед побегу.

Он был, без сомнения, первым,
 Тем утром морозным, седым,
 По веточке зимнего нерва
 Он первым проложил следы.
 Метель засыпает мне плечи,
 Под локоть кошачьи берет,
 Беззвучно мне на ухо шепчет,
 Что год никогда не умрет.
 Но все же царит новогодье
 На улице тихой у нас,
 Дни, будто вагоны, проходят,
 Вечерней порою светясь.
 И я поезда провожаю
 Из тусклых и призрачных дней,
 Порою в окне замечаю
 Тот профиль, что стал мне родней.
 Уходит, уходит, уходит
 Моя золотая пора,
 И взгляд мой усталый находит
 Следы на снегу, как вчера.
 Пусть завтрашний год наступает
 И пусть ему тропы торят
 Те люди, которых не знаю,
 И те, что с зарею не спят.

* * *

В тенетах утренней нирваны
 Мы просыпались как младенцы,
 Ты говорила: слишком рано,
 Завесь оконце полотенцем.
 На нем и звезды, и кометы,
 И профиль города ночного —
 Не надо лунного нам света,
 Не надо света нам дневного.
 Над нами звезды загорались
 И ангелы спускались с неба,
 Плыла Венера над горами,
 Смеялась ветренная Геба.
 Напрасно дворники старались
 И приводили город в чувство,
 В подъезде двери открывались
 И голоса звучали грустно.
 А день наш был настолько долг —
 Как вечный вечер над Помпеей.
 Распахивался звездный полог,
 Ты выходила из купели.

* * *

Ночь, лихая всадница безумья,
 Мечется по призрачным краям.
 Города в мучительном раздумье,
 Мы одни на свете — ты да я,
 Ты да я, да тройка с бубенцами,
 Вороных безудержный галоп,
 Мы летим, как боги, под венцами
 И не бережем своих голов.
 «Будете как боги», — нам сказали,
 Оттого навеки нам сродни
 Херувимы с птичьими глазами
 И болотных демонов огни.
 Породнились навсегда мы с ними,
 В зеркале себя не узнаем,
 Мы царим, как боги, над пустыней
 И в огонь безжалостно идем.
 Правит ночь конями до рассвета,
 А наутро мы проснемся вновь —
 Я бродяга в образе поэта,
 Ты — моя отцветшая любовь.

* * *

Мы свинцом подковали копыта коней
 И неслись, не касаясь земли,
 Сквозь врата, мимо тронов уснувших царей,
 Мимо золота в красной пыли.
 Словно птицы, взмывали в бездонную высь,
 Метеорами падали вниз,
 На забытых погостах дворцы вознеслись,
 И над ними дожди пронеслись.
 Время все размывало и все унесло,
 Под ногами зыбучий песок,
 Не касайся земли, становись на крыло,
 Смерть хрипит из разбитых часов.

* * *

За первый снег, за новый век,
 За сумасшедший дом,
 За телевизор, за ночлег,
 За речку подо льдом.
 Она бежит себе, бежит,
 Не ведая куда,
 А жизнь больных во тьме лежит
 И канет без следа.
 Передо мной, передо мной
 Коварный город спит.
 Как лихорадящий больной,
 Он бредящий лежит.

Но почему коварен он,
Я не скажу, я нем —
Я просто сплю и вижу сон —
И слышу стих поэм.
Мне все равно, идут года,
И пишутся стихи,
И неизвестная звезда
Горит на дне реки.
Меня прокормит этот день,
Как птицу из руки,
А мимолетной ночи тень
Прогонят прочь шаги.
Проходит все. Неведом страх
Пред завтрашней бедой,
И, как сказал один дурак:
«Залей огонь водой.
Ступай за мной, мой друг, туда,
Где улицы пусты,
Где ночью плачут поезда
И сожжены мосты.
Ступай туда, где нищий спит,
Обняв свой скудный хлам,
И пусть душа моя болит —
Я боль тебе отдам.
И не понять тебе впотьмах,
Пропадающая душа,
Куда несет тебя твой прах,
Ломая и круша.
И долго будешь ты идти
По улицам пустым,
А город их сожмет в горсти
И к небу пустит дым...»
За первый снег, за новый век,
За сумасшедший дом,
За телевизор, за ночлег,
За речку подо льдом.

ГАРИЙ НЕМЧЕНКО

КРАСНАЯ МАШИНА

Гарий Леонтьевич Немченко родился в 1936 году в станице Отрадной Краснодарского края. Окончил факультет журналистики МГУ.

Более 10 лет работал в Новокузнецке Кемеровской области на строительстве Западно-Сибирского металлургического комбината, был сотрудником многотиражной газеты «Металлургстрой». После сосредоточился на литературном творчестве, переехал в Москву.

Автор около пятидесяти книг прозы и четырехтомного собрания сочинений. По произведениям Г. Немченко сняты фильмы «Красный петух плимутрок» (занял первое место по числу показов на телевидении с 1975 по 1991 год), «Где Ложкин прячет золото» (об археологе М. Н. Ложкине), «Хранитель» (об известном паремииологе С. Д. Мастепанове) и др.

*Член Союза писателей России.
Живет в Москве.*

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Улица антикварных лавок

Не помню, как я набрел на эту улицу. Осваивал, скорее всего, пространство вокруг отеля.

Но первая же витрина стала для меня окном в полузабытый, почти сказочный мир.

Чего только не лежало, не стояло, не висело по бокам на темно-красном бархате: иконы, шашки, кинжалы... Колокольцы разного рода и медальоны на золотых и серебряных цепочках. Причудливые курительные трубки. Табакерки и пудреницы.

В левом углу возвышался сверкающий начищенными боками старинный самовар. В правом — большая палехская шкатулка с традиционной русской тройкой на крышке и разудалыми молодцами в санях.

Сразу же возникло желание открыть рядом дверь, войти...

С каким любовным интересом, с каким упорством я собирал старинные вещи в Сибири и на Кубани!.. Есть у меня и несколько почтенных самоваров от промышленников Баташева и Копырзина. Есть поддужные колокольцы — «Купи, денег не жалея, со мной ездить веселей», эх!..

Есть... да какой казак — не хвастун!

О том, как все это, с каким трудом добывал, еще десяток лет назад написал рассказ «Колесом дорога», и так вышло, что первым его прочитал писатель Юрий Казаков. Непревзойденный мастер прозы и признанный знаток русской старины.

И тут уж как действительно не похвастать? После недолгого спора с ним о верном написании одного словца я с удовольствием поднял, сдаваясь на милость победителя, обе руки. А он, не менее довольный победой, чем я своим поражением, слегка заикаясь, еще с текстом в пятернях, предложил:

— Не м-мог бы ты мне его п-посвятить?.. Это свое «Колесо...»?

Но что стоило все описанное в рассказе мое коллекционное богатство по сравнению с этим?

Мюнхенским.

Какие жалкие были крохи от этого! Какие нищенские!

Ведь я и правда все чуть не жалобно выпрашивал. Только после того, как мой рассказ уже вышел и книжечку «Колесом дорога» я подарил в станице Володе, заведовавшему тогда местным «Вторчерметом», стал платить совсем небольшие деньги. Ну, не мог же Володя драть три шкуры с писателя-станичника, с которым были и общие знакомые, и друзья. Ну, чуть ли не родня.

И он доставал амбарную книгу с записями, сколько кому за принесенное ему «вторсырье» заплатил. И брал с меня ровно столько же. Лишь бы себе не в убыток.

— Во! — говорил всякий раз. — Ты можешь, Гарык, себе представить?.. Через тридцать лет придеть сюда мальчишонок, что учера принес бабкин самовар. Ут этот, что ты у меня узял. И спросить: а нету у вас старова самовара? Никто из дураков на утиль не сдал?.. Што ш мы за люди такие, Гарык? От интересно!

Еще бы нет!

Выкупил у него как-то довольно большой церковный колокол. Высокой с полметра, весом — на горбу в рюкзаке еле до дома дотащил.

Правда, с трещиной колокол. Как сбрасывали, видать, с колокольни. С тех пор.

Каких трудов стоило довести его до Москвы!

А затащить на самый верх книжной «стенки», чтобы гармонировал с колокольцами, стоявшими ниже. На полке рядом с другими добытыми в разных краях дорогами душе старыми вещами.

Уже дозвонился Савелию Ямщикову. Просил подсказать, где найти реставратора, который трещину заварил бы. Ребята из «Монтажспецстроя» за это дело не стали браться. Слишком нежная, сказали, работа. А стоять над головой колоколу с трещиной не дело: в резонанс с расколовшим его ударом станет что-нибудь и в доме раскалываться. Либо в тебе самом.

Все верно, поддержал Савва, общий русский заботник. Найду мастера.

И тут вдруг письмо из станицы. От старинного Друга-Учителя. От известного на Кубани краеведа-историка Ложкина. Михаила Николаевича. Не мог бы ты, пишет, подарить колокол нашему музею имени большевика Пузырева? Мы уже для него и место определили. И трещину заделаем сами. Тут на днях идет от нас в Москву машина с картошкой. На сельхозвыставку. Сдадут картошку — к тебе заедут. Для родной-то станицы не пожадничаешь?

Вот, значит, как. Они там колокола с церковью будут сбрасывать. Вместе с большевиком товарищем Пузыревым. А ты им потом уже из Москвы реабилитированный, можно сказать, колокол — дари обратно! В музей имени этого же товарища...

Или все это не они — я сам.

Продлившийся во времени. Хорошо хоть сумел!

Продлиться.

Дал Бог.

И вот сам сперва колокола с храмов сбрасываю. Потом сам же во «Вторчермете» их выкупаю. И сам себе в родную станицу уже из Москвы дарю... Русь-Тройка! Куда же ты мчишься? Дай ответ!

— Значка Сталина, прошу извинить, не привезли из России?

Ничего себе!

Откуда он взялся?

Только что никого и близко не было. Это точно. Потому что размышлял по привычке как бы вторым планом. Тем самым, где нынешние картины сходятся с прошлым знанием, а ты цепко вглядываешься в наступающее на тебя, стремительно набегающее будущее... Которое кто только не хочет у тебя отобрать. Тем более в незнакомом месте. В непредвиденных обстоятельствах.

— С чего это вдруг?! О Сталине?

— Гляжу, вы так внимательно смотрите на эти приметы старого быта...

Откуда все-таки на совершенно пустынной до этого улице, ну, откуда он взялся?!

Потом-то такое видел. Показали, спасибо. Но до этого приходилось лишь слышать. Что человек вдруг может возникнуть рядом с тобой. Ниоткуда. И так же потом пропасть. Раз — и нет его!

Этот не пропал пока.

— Это не вы ли ко мне в Дортмунде подходили? С тем же вопросом.

Он снова спросил:

— Я не первый?

— Им... — отчего-то замялся я на черкесский лад. — Выходит, вы русский?

Он мягко улыбнулся:

— Душой.

Поинтересовался не очень умно, конечно:

— Это и все?

Он совершенно справедливо укорил:

— Разве это не главное?

— Вообще-то так. Но при чем тут вождь всех народов?

Незнакомец печально улыбнулся:

— Вот и вы, видите. Сразу ушли в иронию. А могли бы предположить? Что лет через сто, максимум двести все эти безделушки не будут стоять одного небольшого значка? С профилем... вождя народов, как говорите. Имею в виду давние изображения. Еще при жизни вождя.

— Вы не преувеличиваете?

Он едва заметно развел руками:

— Я только заостряю. Всего лишь.

— Но вы прекрасно говорите по-русски.

Он ответил со странной какой-то радостной горечью:

— Выучили!

— И где же?

— В Сибири...

— Вот как!

— Да, мы земляки.

— Вы — русский немец?

— Этнический немец. Чистопородный, если хотите. В Сибири был в плену.

— И в каких местах?

— В городе Сталинске.

Вот оно, вот оно что!..

— Потому и спрашиваете значок со Сталиным?

— Не только поэтому.

Незнакомец разжал кулак. На ладони лежала самодельная кержацкая лестовка, судя по всему очень давняя: два матерчатых треугольничка один над другим и ремешок с мельчайшими бусинками.

— Надеюсь, знаете, что это?

— Вообще-то раскольничьи четки...

Он посмеивался, чем-то явно довольный:

— По законам шпионских фильмов этого старого жулья из Голливуда... вы должны достать из кармана точно такие же. С собой у вас?

— Дома остались. На Бутырской... это улица в Москве.

— Знаю-знаю.

Я уже чуть ли не вскричал:

— Да откуда?! Или вы тут...

— Нет-нет! — опередил он понятно. — Я не из вашей знаменитой разведки, нет. Более того...

— Что значит *более*... Из немецкой? Из цээру?

А он:

— Да ради Бога!..

Ну, так по-нашему!

Только вот говор, говор... Этакий усредненно-интеллигентский — и вдруг... Действительно, будто душу вдруг распахивает. Не зря, выходит, предупреждают: куда бы ни пошли — непременно вдвоем-втроем.

Были бы мы и правда с Василь Василичем — посмотрел бы я на него. На этнического немца, который по-русски лучше меня шпарит!

— Тогда откуда все-таки ваше знание... эта информация обо мне?

На кого же все-таки похож? Ну, так, так похож!

Подержал правую руку около груди, с нарочитой печалью произнес:

— Все оттуда же. Из бумажника.

— Сперва думал, скажете: из сердца!

— Сердце — это потом. Оно проверяет. Но информацию сначала надо купить. Как пишут в ваших газетах, на этом проклятом Западе все покупается и продается. В том числе и любые сведения. Все обо всем. И обо всех...

Я что-то такое бормотал: угу, мол, угу...

А он вдруг оживился:

— Послушайте, вы хоть что-то в хоккее понимаете?... Понаблюдал за вами всего один матч и понял, что...

Мне оставалось только руками развести: ну, извините, мол!.. А разве я сказал, что так уж и понимаю?

— Зато вы человек искренний, это главное. Потому-то я решил не темнить с вами... так, кажется? Русский язык стремительно меняется... Должен сказать, не в лучшую сторону.

И я, конечно, не выдержал:

— Уж это точно!

— Человек эмоциональный. Что только что подтвердили.

— Увы!

— А потому скажу вам сразу. Не упадете?

— Поднимите, если что?

— Это вам гарантирую.

Да вот же на кого похож, вот!.. Сухощавый, с внимательными глазами, крепкий блондин. Давно не виделись... ну, заработался. Да и не ожидал тут увидеть.

Я даже руку протянул:

— Уж не Алексей Алексеич ли?!

— Нет-нет, — сказал он. — К сожалению, к счастью ли...

А ведь вылитый Кадочников, ну точно! Глава русских рукопашных бойцов. Из Краснодара.

Или потому и решил, что это о нем рассказывали: неожиданно вдруг исчезнет. Неожиданно явится.

— Похожи на моего знакомого...

Кажется, он готов был рассмеяться:

— О, это моя особенность. Я всем кого-то напоминаю!

— Должен вам сказать...

И он подхватил:

— Да, я знаю. Это и ваш крест. Или это метка? Вы не задумывались? Знак! — Незнакомец вскинул голову и будто попробовал поискать глазами что-то высоко над домом, возле которого мы стояли. Над улицей. Над округой. — Оттуда. В итоге все мы ведь друг на друга чем-то похожи.

— Так-то оно так...

— О вас я знаю достаточно. Вы обо мне пока ничего. Потому позволю представиться. В том образе, в котором ровно сорок лет назад оказался в вашем любимом Сталинске: капитан абвера Герхард Засс, военнопленный.

Конечно же я не сдержал удивления:

— Вы — капитан абвера?

— Тогда, — сказал он, посмеиваясь. — Мелкая сошка, да. Я ведь был очень молод... самонадеян, как многие из нас в ту пору. Тем более что занимался проектом «Аненербе», это льстило... вы-то, надеюсь, слышали? Что это за проект.

— Очень немного.

— Много о нем не знали даже те, кто в нем тогда участвовал. — И тут он будто спохватился. — Но что же мы стоим? Как у вас говорят, в ногах правды нет. Войдем в этот антикварный рай?.. Надеюсь, у хозяина найдется для нас чашка чая.

— У меня совсем мало времени...

— Это само собой. И не оглядывайтесь, нас никто не видит... Или чего-то боитесь?

— Я?!

Он сказал с пониманием:

— Интонация старого авантюриста, ее не спрячешь. Когда-то я тоже был рискованный парень... Что же вы? Входите!

Опять разжал кулак со старообрядческой лестовкой: как будто собирався кому-то показать ее у входа.

— Что же вы? — повторил.

Мы вошли.

Трагическая ошибка 1955 года

Ну, не мог этот «Герка-немец», как Герхарда Засса прозвали в Сталинске, возникнуть рядом со мной в самом конце чемпионата! В самом-самом.

И я спокойненько, что, впрочем, мало подходит для настоящего, а тем более прилетевшего из другой страны болельщика, досмотрел бы все матчи, ничего бы не пропустил, во все вник... А тогда уж — тогда «пожалуйста»!

Пикируй с высоты на ледяные скалы красавца Эльбруса, который в хорошую погоду видать с порога нашего дома в Отрадной. Вцепляйся когтями в цепи, которыми я к родным местам навечно прикован. И начинай клевать печень...

Якобы немецкий орел. Русскому Прометею.

Но в том-то и дело: да немец ли? Этот Засс.

Или все-таки какой-нибудь русский Ваня, окончивший училище КГБ? В отличие от нас с другом Жориком. Теперешним министром культуры Республики Северная Осетия Георгием Ефимовичем Черчесовым.

Когда умер Сталин, он был председателем ученического комитета, а комсоргом школы. Сразу после траурной линейки, где вся школа отплакала, мы с ним отправились в райотдел, к майору госбезопасности Лукину. Бате Эдика Лукина, окончившего десятый класс годом раньше. Перебивая друг друга, заверили Лукина, что хорошо понимаем: Родина в опасности. Поэтому просим направить нас в училище МГБ: «контора глубокого бурения» тогда называлась так.

Эдилов батя нас внимательно выслушал и сказал, что у себя на календаре нужную пометку он уже сделал, но дома мы должны еще раз хорошенько подумать и написать заявление.

В тот вечер отец спросил меня: «Что вы там Лукину нагородили?.. Позвонил и сказал: с Ефимом я еще поговорю, а ты своему дураку скажи: чтоб ноги его в эмгэбэ больше не было!»

Может, строгий завет Эдилова отца я до сих пор и блюду?

Другое дело, к исполнению его приступил не сразу. Так вышло.

Сначала мы с Жориком думали написать в Москву. Что в нашей Отрадной свил себе гнездо замаскированный предатель. Майор Лукин. А чтобы письмо не перехватили, отправить его хотели из Армавира или Невинномысска. Из Невинки.

Потом был этот вызов в спецчасть. Уже в МГУ. На философском факультете. На первом курсе.

Сказали в деканате, чтобы зашел в кабинет номер один, «что под лестницей, по дороге в столовую», и тут же я чуть не побегал туда: «деревня»!

Услышав мою фамилию, хозяин кабинета вышел из-за стола и крепко обнял меня: «Так вот ты какой!.. Ну, садись, будь как дома!»

Оказалось, листал личные дела, увидел название станицы: Отрадная. И на него нахлынуло: во время войны нашу станицу освобождал!

Тут уж я, разумеется, чуть не упал ему на грудь: да вы что?! Это не с первыми солдатами ли пришли, когда мы с мальчишками выносили на нашу улицу Красную кто последний кукурузный чурек, а кто, как мы тогда с меньшим братом, ведро воды с кружкой. Попить. Больше ничего в доме не было.

Нет-нет, сказал он, я — летчик. Я только пролетал над станицей...

Я — опять: это не вы тогда печную трубу у Щепотьевых снесли, побили на хате черепицу?..

Нет-нет, говорит. Со мной тогда все нормально. Ты-то как?

Взялся ему рассказывать: думал, мол, что на философском факультете только гуманитарные науки, а тут на тебе! Высшая математика, биология, коллоидная химия...

Ничего, он говорит. Выдюжишь. А что касается гуманитарных наук, на то и университет. Тут тебе и факультативы всякие, и кружки. Чего душа пожелает. Все найдешь. Только не ленись!

Спасибо, благодарю его. Это правда. Потому-то в «Высотник» теперь и езжу. Есть такое литературное объединение. В новом здании. На «Горах».

Ну и что там? — интересуется. Да так участливо! Нашел, что требовалось?

Я все радуюсь: да-а-а!.. Там у нас собрались такие талантливые поэты!

А он за меня радуется: здорово! Повезло тебе. А что было на последнем вашем «Высотнике»? Какие стихи читали?

И — как подбил влет. Я замямли-ил!..
Ну а стих Тер-Григоряна запомнил? Как он тебе? О чем он?
Запомнить-то запомнил. Да как теперь ему скажешь?
Если еще раньше этого на «Высотнике» пели:

Ханурик Тэр там главный был бухарик,
вино в стакан он Светке подливал.
Там с ними был хороший парень Гарик...

Они уже обо мне — вон как!.. А я их, выходит, заложу?
Ты заходи, — сказал он, прощаясь. Может, другой раз — чаю попить.
Или там кому позвонить. Когда к телефонному автомату очередь.

Но я так и не зашел к нему.

А если бы стал на чай к нему заглядывать?.. Или там кому позвонить?

Тогда бы у меня и раньше было проблем поменьше, да и теперь, считай, никаких. Доложил бы «Василь Василичу» о бывшем капитане абвера Герхарде Зассе, и все дела.

А то ведь вон какая вышла закавыка с Василь Василичем.

Ну, есть у меня такая давняя привычка, есть. Кому бы то ни было уступать дорогу. И всех перед собой пропускать. Пожалуй, это еще со стройки. Если бежит работа — значит, по делу. Не то что я. Если впереди толпа, то надо сперва какую-нибудь замурзанную температурщицу через нее просунуть. Или нового литсотрудника, которого никто пока не знает в лицо. Сам-то я везде свой. Успею.

Если впереди большое начальство, тоже суетиться не стоит. Иди чинно сзади, наши в нужный момент все равно тебя протолкнут, откуда все видать и слышать: «Тебе, “пресса”, надо!.. Давай-давай!»

Для себя я даже придумал название этой привычки: комплекс замыкающего.

Может, какой-нибудь от предков доставшийся казачий?

Никого не бросить. Обо всех позаботиться.

В Адыгее, правда, этот комплекс подвел меня. На каком-то большом сборище начал пропускать перед собой молодых-зеленых — и вдруг услышал почти трагический шепоток одного из новых своих доброжелателей: «Что делаете?.. Вы потеряете лицо!»

«Кто-нибудь найдет, отдаст потом!» — отшутился.

Эге, брат!..

На чемпионате тоже теперь расслабился. Еще в Дортмунде. Опять впал в счастливое свое сибирское состояние: давай-давай вперед, я успею!

И раз так, и два, и три.

Василь Василич интересуется: а чего это всех вперед пропускаешь?

Ну, комплекс, говорю, у меня такой. Комплекс замыкающего!

Один раз попробовал и его впереди себя протолкнуть. Другой раз. Третий. На четвертый он говорит: может, меня не успели предупредить, что и ты поедешь?

Кто не успел? — спрашиваю. О чем предупредить?

А он вдруг переменяет тон: в таком случае не пошел бы куда подальше? Со своим комплексом. Замыкающий тут один — я!

Да кабы... И тянулся бы тогда до полуночи с нашими дамами из ЦИТО. После вечернего матча. А я бы не дал себя обогнать нашим волкам: что-то, а это я могу — ходить быстро.

А то ведь получается что?

Тянусь за ними — ведь не бросишь, не убежишь.

Они о своем там то щебечут, то перешептываются, а мне только и остается: ломать голову насчет новокузнецкого своего «землячка»...

...и всякий раз, размышляя, как мне быть с этим «гауптманом Герой», стал замечать, что надолго задерживаюсь на каких-то второстепенных, зато предельно ясных подробностях... А вот сказать себе главное! Веришь ты ему или нет?!

С этим медлишь.

Задал мне «капитан абвера» задачку!

Второй уже знакомый мне гауптман из этой, будь она неладна, немецкой службы. Первый живет теперь преспокойно в Горячем Ключе на Кубани. Правда, другим спокойно жить не дает.

Ему бы утешиться полной реабилитацией и очень приличной, сам рассказывал, пенсией — нет!.. Решил навести порядок в горячеключевском Доме творчества художников и, коренной русак-казачок, завел там теперь такой железный «орднунг», что все эти любители «свободы и демократии» ну прямо взвыли!

Мне бы, конечно, свести «гауптманов» вместе и при их разговоре присутствовать, а?! Любопытное получилось бы дельце!..

Но!..

Или, как вставил в свою речь специально для меня этот «гауптман»-сибирячок, морозоустойчивый, значит, гауптман: однако!..

В антикварной лавке рассказ он начал со своего деда, известного в предвоенной Германии, с приставкой «фон», высшего офицера, увлекшегося оккультными знаниями... Дед и написал письмо философу и литератору Эрнсту Юнгеру, с которым вместе воевал еще в четырнадцатом. Попросил, чтобы тот любым приличным способом, который посчитает возможным, «ради общего дела» пригласил его «мальчика».

Этот Юнгер, судя по всему, выполнял особую миссию, порученную ему фюрером: наводил в Париже мосты между рейхом и французской культурной элитой. В этом деле он явно преуспел: в 1942-м, в самый пик войны, ему в виде поощрения разрешили поездку на Северный Кавказ, в Приэльбрусье... Не на Северный ли склон, где родился мой кабардинский друг Элик Мальбахов?

Не исключено, Юнгера специально отправили к нашему «Ошхомахо». В лагерь тибетских монахов, которые должны были предсказать исход восточной кампании.

Герхард Засс даже не подозревал о грядущих переменах в его судьбе. В чине лейтенанта-танкиста, уже с первым Железным крестом, воевал тогда в составе армии «Центр». Его перевели на Кавказ, а оттуда вызвали в Берлин. Сперва вразумили насчет «Аненербе». Провели, скажем, инструктаж. И представили Юнгеру. Он стал доверенным лицом писателя, а заодно его негласным охранником.

В Майкоп они прибыли уже вместе. Но вот в чем дело!

Как только немец произнес название этого городка, у меня в сознании одно с другим вдруг сошлось. Позвольте, говорю ему. А вы не родственник ли того самого Засса, русского генерала, о котором до сих пор там ходят легенды?

Поскольку человек я и в самом деле эмоциональный, две из них, самые, можно сказать, любимые, тут же возникли в памяти живыми картинами...

Вот великий стратег и, может быть, еще больший выдумщик Засс с горящей свечой в сложенных на груди ладонях в парадном мундире лежит

в гробу, а мимо проходят и мирные черкесы, пришедшие почтить память Григория Христофоровича, и с гор спустившиеся «разбойники»: убедить-ся, что джинны наконец забрали Гришку.

Тут же они отправятся обратно в свои почти неприступные аулы. Рассказать, что собственными глазами видели.

В аулах начнется общий праздник, на котором до капли выпьют всю припасенную на зиму бахсыму. А Григорий Христофорович, он же Гришка, живой-здоровый, уже будет карабкаться по скалам впереди своего безжалостного отряда... а-ей!

Потом черкесы выкрадут его дочь-подростка, будут обращаться с ней как с княгиней и наконец пообещают вернуть: пусть Гришка ждет ее на своем, правом берегу Кубань-реки.

Генерал будет ждать, и с противоположного берега в воду войдет конь, на котором будет стоять всадник с его дочерью на руках.

Когда пойдет глубина, конь станет загребать ногами так мощно, что чувяки у всадника останутся сухими. С драгоценной ношей на руках он спрыгнет на берег и протянет ее жестокому обидчику черкесов... Ты все понял, Гришка?!

Кое-что генерал уже начал понимать и до этого: когда к черкесам переметнулся его главный лазутчик. А тут он затосковал окончательно.

— В семейных преданиях было что-то похожее, — сказал Герхард, когда я не утерпел — все-таки выложил ему обе эти истории. — А сказать вам, от кого я услышал о них на Кавказе? От генерала Гирея! Еще в Ворошиловске... кажется, так тогда назывался ваш Ставрополь?

Конечно же я удивился:

— От того самого Гирея?! Султана Клыч...

— Келеч, по-моему, — поправил Герхард. — Он как раз собирался к землякам в свой родовой аул... не помню, как его.

И тут уже я восторжествовал:

— Уляп!

— Да, кажется.

— Так, может, вы знали и генерала Панвица?

— Командира несчастных казаков?.. Дядя знал Гельмута фон Панвица, вы о нем?.. Дядя был тоже лошади. Одно время даже позволил себе играть на бегах.

Сказал так, будто речь шла всего-то о лошадях, о преимуществах той или иной породы... или это он рассказывал уже в другой раз?..

Что Адыгее предназначалась роль своего рода «расового полигона». Ведь в наследство ей достался такой человеческий материал!.. Как считали в «Аненербе», рядом с дольменами просто не могли жить носители «генетического мусора». В окружении удивительной природы, с такими же, как в Минеральных Водах, живородящими источниками. Почти с такой же «живой водой», которую в серебряных канистрах отправляли для фюрера из-под Рицы... Недаром же дорогу через перевал и проектировали, и строили в предвоенные годы немцы!

Что делать: вожди лучше других знают, где им следует жить! Что пить. Чем питаться. И как править народом.

Говорили о «белом» генерале Султан Келеч Гирее, по сути дела спасшем черкесов от сталинской высылки. В Уляпе за общим хлебом-солью он бесстрашно сказал аульчанам: «Я с немцами пришел и с ними уйду. Вы жили тут с русскими и должны остаться тут с ними жить!»

Мне вспомнился передаваемый больше шепотком рассказ об открытом суде над генералами-предателями. После войны. В сорок шестом.

На последнее заседание, где должны были зачитать приговор, якобы обязали прийти советский высший генералитет. И в потайное окошко за всем происходящим якобы наблюдал Сталин.

Может быть, это уже чисто черкесский вариант полулегенды?

Когда подошла очередь Султан Келеч Гирея, он в последнем слове сказал: «Я — не предатель. Я присягал русскому государю императору и верным ему остаюсь до конца!»

Сказал якобы с таким спокойным достоинством, что приглашенные вождем явно для устрашения советские генералы, знавшие конечно же о потайном окошке, открыто утирали набежавшие слезы...

О, Русь-Тройка!..

Куда и в самом деле?.. Куда?!

Может, чтобы в очередной раз это воскликнуть, надо было пережить и детские страхи, которые принесли с собой немцы, и радость возвращения наших?

— В Майкопе у нас был отдел, — рассказывал Засс. — И оттуда мне пришлось не однажды летать к Эльбрусу.

— На «фокке-вульф», наверное?

— Да, на «разведчике». На «фоккере»...

— У нас его тогда — «рама». Вытянутый четырехугольник вместо хвоста... ну, фюзеляжа.

— Вы видели их?

Еще бы!

Немецкие самолеты летели над станицей чуть ли не каждый день, а то, бывало, и чаще. Летели низко, и вой слышался такой, что и до сих пор помнится.

И бабушка, и мама нас приучили: услышал в доме — тут же бросайся под кровать. Если он бросит бомбу и хата завалится, железная сетка все равно выдержит. На улице услышал или во дворе — тут же прячься под деревом или под кустом. Чтобы летчик тебя не увидел и специально на тебя бомбу не сбросил.

Как-то прерывистый вой «рамы» застал меня недалеко от плетня, и я бросился под старую бузину, под которой уже не однажды переживал опасность. Там даже имелось небольшое углубление, в котором удобно лежать вниз лицом. Но в тот раз оно уже было занято: в нем сидела большая серая курица. Наша «ряба». Которая эту ямку и выгребла. Пришлось согнать ее, но она ведь тоже слышала вой. И это было ее убежище. Не только не уходила, но стала даже пихаться боком. Пока с тихоньким кулдаханьем не устроилась наконец рядом.

«Рябу» тесаком пришибли румыны, которые выловили всех наших кур, и у меня появился свой персональный спрят, который приходилось иногда делить с младшим братом...

Как мало места нам надо было на беспокойной земле!

И как много было тех, кто даже его хотел отобрать.

Рядом с Юнгером Герхард провел конец сорок второго и начало сорок третьего года, когда положение дел на Восточном фронте уже сильно осложнилось. Шеф, о котором «гауптман Гера» говорил не то что с бесконечным уважением — чуть ли не с придыханием, вернулся в Париж. А его доверенное лицо и охранник получил самостоятельное задание, выполнить которое он не успел: попал в плен.

Поплутав по советским лагерям, где он сразу понял цену золотым своим рукам электромеханика, Герхард оказался наконец в нашем Сталинске.

Надо ли объяснять, как разрушено и насколько измощено было мирное хозяйство округа, несколько долгих лет выживавшей под всемогущим, все силы пожирающим лозунгом: «Все для фронта, все для победы!»?

Для дипломированного немецкого инженера, умело утешившего тяжелым танком русские города, здесь тоже сразу нашлась работенка...

«Только потом я начал соображать, — рассказывал он за жидким чаем в мюнхенской антикварной лавке. — Может быть, к той поре, когда со мной это произошло, я попросту заелся?.. Говоря по-русски — *зажрался*?.. Всем и везде был нужен. Я стал забывать, кто я и почему я здесь. Мне хотелось признания и даже благодарности... а?! Молодость-молодость!»

Он переделал не только всю, какую возможно было, работу по его части в окрестных лагерях. Без конвоира его отпускали в город: помогать просившим помощи инвалидам и вдовам.

Чуть не весь город знал: доберись до Левого берега, попроси, чтобы хоть на полдня тебе дали Герку-немца — он все тебе сделает.

Не было бытовых неполадок, нет, не было — чтобы не сумел помочь Герка-немец!

Конечно же он как мог подкармливал своих соплеменников: и в чинах, и без самого малого звания.

Конечно же на свой страх и риск начал создавать агентуру, которая успела пустить щупальца за пределы Левого берега. Покажите, ну, покажите настоящего разведчика, который позволил бы себе, как профессионалу, бездельничать!

И конечно же как бы сами собой начались эти обычные для разведчиков игры: двойные агенты, вербовка-перевербовка.

Не исключено, тут-то Засс и заигрался?

В управлении лагерей ожидали приезда высокой комиссии из международного Красного Креста. Дождался ее и Герхард: в ней мог быть связной, который должен был передать информацию от новых шефов проекта «Аненербе». Уже — от американцев.

Как раз в это время потребовалась помощь Засса в одном из хорошо знакомых ему дальних лагерей: опять там забарахлила дизельная электростанция. Отношения с начальником лагеря были прямо-таки приятельские, он поехал чуть ли не с радостью. Все, что надо, сделал в первый же день, но среди ночи дизель заглох, и это же повторилось и на другой день, и на третий. Наш «морозоустойчивый» понял, что его обвели вокруг пальца: комиссия Красного Креста наверняка уже в Сталинске. Его отправили в горную тайгу специально. Как профессионал, он должен был с этим смириться, но... Или же — «однако»?

Однако, молодость!

Он не «ушел в побег» — сломя голову бросился.

Отношения «золотого работника» с администрацией Левого берега были столь доверительны, что своему лагерному начальнику он должен был передать новенький кавалерийский карабин от начальника лагеря, где чинил дизель: самое дефицитное оружие прежде всего отправляли в самую глушь. Для дела.

Этот карабин уже лежал в «гостевом» бараке, в отдельной избе, где Герхард жил с двумя его конвоирами, так что с патронами проблем не было.

Но когда во время коротенького привала раздался выстрел и приклад новенького карабина, который он не выпускал из рук, разлетелся вдребезги, «гауптман» понял, что надули его не только с электростанцией.

Догнать его отправили не конвоиров — пустили шорцев.

На мечте о Красном Кресте можно было ставить жирный зеленый крест. В силу вступало старое правило этих мест: «Закон — тайга».

Когда во время очередного привала на него прыгнули с невысокой елки, он вспомнил о джиу-джитсу, но это было последнее, что промелькнуло у него в памяти. Перед тем как ему предстояло очнуться уже по рукам-ногам связанному.

Но очнулся он не от боли в голове. Очнулся от громких криков. На разные голоса что-то грозное кричали о Сталине.

Тут я снова попадаю в ловушку, которую сам на себя поставил.

Не исключено, что ты, дорогой мой и проницательный, не сомневаюсь, читатель, уже имел возможность заметить, что тщательно и подробно, во всех деталях, что называется, автор описывает лишь то, чему лично был свидетелем.

Но как временами хочется чей-то коротенький рассказ о том или ином событии развернуть не только в яркую картину — в масштабное, каких теперь уже и не пытаются создавать, полотно...

Тут, смею предположить, разгадка очень проста.

Герхард Засс, без сомнения, наступил мне на любимую сибирскую мозоль. Да и как, как еще наступил! Не европейским лакированным «мокасином», нет — наступил самодельным таежным ичигом из грубой кожи. В который для тепла и здоровья любовно уложена сухая загад-трава...

О, это почти волшебное растеньице!

Разве оно греет ноги?

Греет душу.

Был май, теплынь, где-то в пихтачах, совсем рядом, надрывалась кукушка — так громко и горестно, словно снова и снова пыталась не только верно угадать его, гауптмана Герхарда Засса, судьбу. Яростно хотела малая птаха не допустить, чтобы эта судьба тут же, может быть, на глазах у нее прервалась...

От земли густо тянуло острым духом черемши, дикого чеснока — понял, что размяли вокруг, пока топтались с ним рядом.

А потом до него потихоньку стало доходить, о чем, мешая с шорской русскую речь, горячо спорили догнавшие его аборигены...

— Не однажды потом я думал, — рассказывал он, когда мы сидели с ним в задней комнатенке антикварной лавки, ломившейся от изобилия старинных предметов. — Может быть, иногда они только для того и переходили на русский?.. Чтобы я это хорошенько усвоил: жизнь моя зависит совсем не от них. Зависит от товарища Сталина...

Можно и меня, пожалуй, понять: напротив Засса сидел я конечно же как на иголках... Дался ему «товарищ Сталин»!

В памяти моей к тому времени почти стерлись детские воспоминания об оккупации, и чуть ли не одно из них по-прежнему оставалось ярким. Вместе со взрослыми мы с меньшим братом устроились за столом, на этом, как понимаю, настояли ночевавшие у нас немцы. Их трое, но сидит рядом с нами один. Двое стоят у него за спиной и только от одного к другому из нас передают фотографии: прабабушке Тане, самой старшей. Дочери ее, нашей крестной, которую мы звали «мамаша». И ее племяннице. Нашей маме, которую помню «при немцах» вечно испуганной...

На фотографиях — часть полуразрушенного дома в два этажа. Три открытых гроба с покойниками: большой и два маленьких. И печальные

люди, большим полукругом стоящие к дому спиной, лицом к покойникам...

Рядом с нами сидящий немец то жалко всхлипывает, то вдруг начинает говорить что-то грозное. Тычет в фотографии пальцем, потом разводит над столом пятерни, что-то ими захватывает и один напротив другого крепко сжимает два кулака. «Гитлер! — трясет одним. И трясет другим: — Сталин!»

Мгновение как будто вглядывается в одного и другого, потом с силой сшибает кулаки и кричит так, что мороз по коже: «Капут!»

Мама подхватывает нас с братиком, но немец знаком останавливает: мол, пусть, пусть тут сидят. Пусть с детства знают!

Снова сшибает кулаки и говорит уже тихо и как будто без особой надежды: «Криг — капут!»

Обращается к нам ко всем: «Ферштейн?»

И бесстрашная мамаша, о которой вся станица говорит — «баба-ух!», по-местному «баба-ухо», начинает нам втолковывать: «Дом у его большой был. У Германии... англичаны разбомбили. Жену убило и двух детишек... Конечно, сволочи!.. Англичаны. Стравили двух дураков!.. А их отак сцапать бы. Одного в одну руку, другого — в другую. И друг об друга — хрясь лбами!.. И война сразу кончится. И наши вернутся...»

Сколько раз я эту историю ну кому только не рассказывал!

Сталина, правда, иногда было жаль. С годами — больше и больше.

Особенно в последнее время. Когда каких только собак не стали на него вешать.

Но в мюнхенской лавке, чтобы поскорее отделаться от гауптмана, историю эту я рассказал без предпочтений: Гитлера за шею — в одну пятерню. Сталина — в другую. Бэмз! — и все дела. И — «мир-дружба».

Засс, кажется, вправду огорчился:

— И вам не стыдно? Сравнить нашего психопата с человеком железной выдержки. Если начать хотя бы с этого... Для чего вам свою историю рассказываю? Как раз для того, чтобы вы увидели разницу. Представьте себе, что я, солдат вермахта... офицер абвера!.. взял бы в плен трех этих кузнецких татар... так их? Трех «недочеловеков»... или «недочеловек»? По фюреру. Ясно, что им прямая дорога на тот свет! И совсем другое дело — они. Почему их трое?.. Да потому, чтобы не могли между собой сговориться и обмануть лагерное начальство!.. А что выходит на самом деле? Когда татары догонят беглого, они устраивают свой суд. По примеру известных сталинских «троек». Если ты и действительно отъявленный негодяй, спасенья тебе не будет. Зачем такого оставлять на земле?.. Пристрелят тебя с чистой совестью. Но если ты в лагерь попал случайно... с кем не бывает. Как у вас?.. Не отказывайся ни от суммы, ни от тюрьмы? Если не виноват, они пощадят!.. Шорская «тройка» решила, все — это у них был закон. Более того — помогут тебе бежать!

Конечно, я усмехнулся:

— Что-то новенькое.

— А вот представьте себе!

Может быть, задел мое сибирское самолюбие?

— Трудно представить, — сказал я.

Герхард явно разволновался:

— И тем не менее!.. Один из них подошел ко мне и ножом спорол номер на груди курточки. Потом бесцеремонно потрогал уши: одно, другое... Я все понял. Но тут на него налетел главный из них: это он лишил меня карабина. Не то что оттолкнул его — отшвырнул. И опять они: Сталин!..

Сталин!.. Потом-то я сложил, что к чему. Когда надолго задержался в Сибири, уже якобы на свободе...

Он смолк, и я невольно спросил:

— Что значит «якобы»?.. Свобода или есть, или...

В голосе у Герхарда появилась явная насмешка:

— Поздравляю вас. Как в таких случаях говорят, вы хорошо сохранились...

— В смысле?

— Книжки моего учителя Юнгера вы обещали разыскать. Не забудете?.. В свое время он рекомендовал мне любопытного француза. Альфред де Виньи... кстати! Это вполне относится и к нашим с вами общим подопечным, да!

— У нас есть общие подопечные?

— А хоккеисты? Со всего мира, можно сказать. Или хотите, чтобы я их назвал «наши подопытные»?

— Да нет вроде.

— Книжка этого француза...

— «Неволя и величие». Принимается.

Он сперва уточнил:

— «Неволя и величие солдата»!

— Это само собой, да.

— И вы никогда не думали, что это целиком и полностью относится к игрокам... хотите так — к объекту нашего интереса?..

Стыдно, но это я до сих пор не сообразил: о них это — «Неволя и величие»!

Попробовал отыгаться:

— Так что там с нашими шорцами?

Он тоже будто только что открыл для себя:

— А то же самое! Что о каждом из нас. С той разницей, что неволя — это для всех. Величие — кто достойно эту неволю перенесет...

Подумал: рассказать бы ему про Витю Райха! Как хорошо бы нам было сидеть тут с ним втроем... Или лучше все-таки с гауптманом Козловым? Из Горячего Ключа. Служившим в немецкой разведшколе «Сатурн». Он бы Герку-немца раскусил поди побыстрее Райха!

Немцу сказал привычное:

— Позвольте достать записную книжку?

— Конечно же.

— Чтобы не забыть потом золотые слова Герхарда Засса.

Давно не встречался такой понятливый собеседник!

— Согласен, — сказал. — Вернемся к нашим кузнецким татарам.

Но проговорили мы, еще часа три, не только о них.

Может быть, в Мюнхене его точила та же ностальгия по далекой Сибири, которая временами накатывала на меня в Белокаменной? И в моем лице он нашел и понимающего собеседника и благодарного слушателя?..

Пусть кое-где он присочинял или что-то романтизировал, все равно и то и другое на моих глазах вырастало ну из такой хорошо знакомой, пахнущей хвоей и прелым листом таежной почвы!

Если вдруг проверял меня — сообщал при этом такие захватывающие подробности, о которых я размышлял потом не год и не два.

Но сначала о шорцах.

За пойманного и приведенного обратно беглеца они, конечно, получали награду. Если случалось убить его вдалеке от лагеря, должны были

принести споротый с куртки или с ватника номер «зэка» и отрезанные его уши... тот самый «Закон — тайга»!

Но Герхарда догнала необычная тройка шорцев. Верховодил в ней бывший фронтовик, вернувшийся с войны не только с многочисленными наградами, но и с непоколебимой верой в мудрость вождя. Понятие «тройки» толковал он по-своему... а вдруг, думалось мне потом, после рассказа Засса, именно в том смысле, в каком она изначально и замышлялась?

Так или иначе, пойманному беглецу эта шорская тройка устраивала своего рода пересуд. В случае полной «реабилитации» указывала безопасный путь, а то и провожала в надежное место. К староверам, исстари не терпящим государственной лжи.

Как сталинист с хорошеньким стажем, Герхард с явным удовольствием пересказал мне историю, услышанную им от верховода шорцев уже через пару лет своего пребывания у староверов: «Наши, однако, говорят: какая там тебе “тройка”?.. А то не знаешь, как еще до войны поехали в Москву просить у товарища Сталина свою шорскую республику, а “тройка” их в Москве задержала — до сих пор там!.. А я толкую свое: товарищ Сталин об этом не знает, а то бы им показал! Разве один за всем усмотрит?.. Старая сказка есть, на фронте мне абазин рассказал, их так же мало, как нас... В одной войске было много несправедливости, и доложили главному начальнику, когда он приехал. Почему такой дурной приказ отдаешь?.. Он велел войску в один ряд построиться. Слепил большой крепкий снежок и подъехал к первому солдату. “На! — приказал. — Передай последнему!” Сам на другой край поехал, спрашивает: “Где мой снежок?” А последний протягивает ему сухую ладонь с капелькой воды посередке: “Вот! Сказали, ты передал!”»

Герхарда решили оправдать, потому что хорошо знали: начальник лагеря не только прохвост, но и зверь, каких мало. А про Герку-немца инвалиды на базаре в Сталинске рассказывали в пивной: этот немец — человек! И среди них есть люди.

Номер у него с куртки содрали, хорошо.

А где уши?

Не лишать же Герку собственных ушей! Вдруг ему еще пригодятся?

И тут выяснилось, что самый младший из них, чья обязанность была всегда носить в вещевом мешке либо замороженные, смотря какой сезон, либо подсоленные, если жара, уши из городского морга, в этот раз оставил их дома. А зачем с собой брать? Если беглеца все равно застрелить придется: ну немец же!

Сам и пристрелит: у него отец с фронта не пришел. А дома на стенке газетка под стеклом висит, рамку еще в школе делал: «Убей немца!»

Тут-то верховод и стал молодого-горячего вразумлять. Забыл, что сказал товарищ Сталин?

Убивали на войне, и правильно делали. Но теперь не война!

Развязали Герхарда, дали ему оклематься, и охотничьими тропами двое из троих повели его к старообрядцам. На Маганакovu гору, я тут же понял. В «Шешнадцатую республику».

Союзных республик было тогда в Союзе пятнадцать. «Шешнадцатая» ни на гербе не значилась, ни в каких-либо государственных бумагах. Но тогда — жила и здравствовала!

Еще не добрались до нее ни лесники, ни геологи. Даже сама советская власть не добралась. Первые переписчики с милицией да агитаторы с урнами появились там уже при Хрущеве.

Ну, это я и сам знал. Тем более что было кому потом о кержаках рассказать. Главный лесничий Кузбасса Ким Никифоров, Ким Кириллович, которого шорцы звали Кумом Курилычем, тоже начинал в нашей Кузне в то время, когда она была еще Сталинском. И чего только мне потом за рюмкой чая о кержаках не поведал...

Чтобы придать вес его сведениям, тут придется сказать, что это именно он, как раз он, впервые ввел в обиход ставшие потом во всем мире общепринятыми «встречи без галстуков». Уроженец упрямой мордвы, он возил с собой в портфеле ха-арошие портновские ножницы и, как только кто-либо из спецов-лесников появлялся на совещании у него при галстуке, тут же отрезал его самолично.

Но не в обиду старому другу будь сказано: задним числом он все больше сожалел — да почти прямым текстом каялся. Неужели не мог нарезать свои деляны подальше от «Шешнадцатой республики»?.. В крайнем случае — в обход нее.

Но что бы это дало? Само собой, только отсрочило исход кержаков «с Маганаковой».

А вот куда они ушли?.. Где поселились?

Жив ли хоть кто-нибудь из тех, о ком с большой симпатией и явной тоской рассказывал Герхард?

Жива ли старообрядческая традиция? Хотя в каком-то уже остаточном виде...

И вдруг в антикварной мюнхенской лавке поджарый, как хорошая гончая, благообразный, с пронизательными глазами Гера-Герхард Засс кладет передо мной как будто бы некий ключик, который открывает дверь ну в такую удивительную страну!

И вроде бы знакомую до того. И — совершенно неизвестную...

По его словам, текут там чуть ли не те самые молочные реки с кисельными берегами, да-а...

Первая часть моего старого романа «Пашка, моя милиция...» называлась «Особая республика». Теперь же стало казаться, что новостройка, которой еще недавно я так гордился, — всего лишь уродливый, промышленными взрывами издолбанный, ковшами экскаваторов изгрызенный, ножами бульдозеров изрезанный антипод благодатной «Шешнадцатой республики» кузнецких старообрядцев.

О том, что избы с подворьями стоят там на отдельных горушках, на каждой из которых свой ключ-живец, — эту сказку мы слышали. Мол, самая верхняя вода для собственного питья и для скотины. Ниже по ручейку плетеный ставец для пойманной рыбы, он же холодильник для любого продукта. А еще ниже мосток для постирушки и отбеливания домотканой холстины.

Потом это подтвердил лесник Ким Никифоров, «Кум Курилыч». Основоположник затопивших теперь весь мир «встреч без галстуков».

Принимали его кержаки в гостевой, отдельной избе на крайней горушке и показывали все издали.

Зато Герка-немец, которому пришлось несколько лет прожить на Маганаковой, не только увидел все вблизи — чуть ли не все руками потрогал.

Обитал он сперва в гостевой, в «мирской» избе, куда пожилые женщины приносили ему поесть и куда приходил для «вразумления немчуры» набольший кержацкой общины старый-престарый отставной солдат Акакий Акакиевич, втихомолку называемый ребятишками «дед Атака».

Сам он воевал еще в «германскую», получил, слегка не дотянув до полного кавалера, три «Геоργия», а потому, когда началась уже недавняя вой-

на с немцем, смело нарушил раскольничье правило оставаться, несмотря ни на что, в сторонке: отправил в военкомат все немногочисленное мужское население Маганаковой. Наказав каждому перед этим крепко побаловать жену. Крепко-крепко.

Никто из мужчин домой не вернулся. Зато подрастали родившиеся в сорок втором ребятишки.

Их-то и привел с собой в «мирскую» избу Акакий Акакиевич, когда шорцы, угостившись медовушкой, ушли, а оставшийся гость отоспался после дальней дороги и мало-мало привел себя в порядок.

— Гляди, немчура! — сказал «дед Атака». — Гляди, душегуб. Кака разница меж тобой и тем жидовским Иродом?.. Никакой! Тот хуть сразу убил детишек. А ты сперва отцов унистожил! Куда они без их?..

Приглядывался между тем к Герхарду, зачем-то смотрел то на одного, то на другого из ребятишек и поманил потом пальцем единственную из них девочку:

— Побеги скажи мамке, пусть всю отцову одежду соберет. Летошную пока... донесешь?

Пока девочка бегала, продолжал шпынять Герхарда:

— Ты, должно, плохо учился, немчура? Или учителя тебе не сказывали, что ваш хитромудрый Бисмарк говорил? Не вздумай воевать с русскими!.. С имя дружить надо. Потому и сидишь тут побитый: не послушалси!.. Ну, расти теперь сирот наших. Воспитывай. Учи, чему сможешь.

Но учили сперва они его.

Различать хорошие и плохие грибы. Находить целебные травы. Скручивать и сушить для заварки зимой кипрей, который потому так и называется: «иван-чай». Деревянным гребком собирать лесную смородину. Копать золотой корень, не зря видом похожий на человечью фигурку: избавит от всех болезней. Срезать с берез полезный для здоровья нарост — чагу, а с кедра, для крепости зубов, сдирать «жевательную» серу-живицу. Кедр тебе чего только не подарит: и орешки, которые можно так есть, а можно горячей кашей запаривать. И кедровое, выжатое из этих орешков молоко...

Рассуждая о кедре, Герхард настолько увлекся, что снова достал с кармана пиджака свою бордовую, с зеленой окантовкой лестовку и пальцем качнул тряпичные треугольнички один над другим:

— Только спустя много лет я понял, что здесь не только символическое изображение Святой Троицы! Это еще и священное таежное дерево, это — кедр!

Конечно же голова моя шла кругом — ну до того его тон был искренен.

Постепенно становилось понятно и кто его русскому языку «выучил», и где он его потом совершенствовал.

Я спросил:

— Почему вы пробыли у них так долго?

Он помолчал, словно тоже недоумевая на этот счет. Выпятил грудь, буд-то к чему-то в себе прислушиваясь. Сунул руку в боковой карман пиджака, вынул плоскую фляжку, совсем крошечную, и стремительно отвинтил колпачок. Плелнул себе в чайную чашку и на миг запрокинул голову.

Пахнуло то ли хорошим коньяком, то ли валерьянкой.

Немец словно выдохнул:

— Женщина!

Как из игрального автомата, из подсознания вдруг высыпалось: «Трубку взял ее хахаль и по дурацкой своей привычке спросонья брякнул...»

Куда оно завело меня, это якобы интригующее начало!

— Там, в Новокузнецке?

— Там! — сказал он твердо. — Но тогда то был Сталинск.

Достал бумажник, положил на стол новенькую банкноту. Из-за ширмы тут же вышел хозяин лавки и, поглядывая на меня, быстро заговорил.

«Руссиш шрифтиштеллер», как всегда, ловил лишь отдельные слова. Герхард понял и взялся переводить:

— Наш новый знакомец сказал, что мы можем быть друг другу полезны, да. Он тесно сотрудничает с некой богатой фирмой. Она занимается кладами, спрятанными в Советском Союзе. В основном они на западе и на юге России... но вообще, это не имеет значения. Лишь бы были известны точные географические координаты... бытовые приметы, где это спрятано. Наследство... Предметы старины. Украшения... что всегда люди прячут в минуту опасности. Эта фирма обеспечивает надежное прикрытие... сопровождение этого мероприятия. Разумеется, все связанные с этим технические работы. И тайную переправку через границу. Доход обычно делится пополам. Если вы сами знаете расположение кладов или знакомы с людьми, которые таким знанием обладают, то мы сумеем договориться...

Все это хозяин лавки говорил без эмоций, а Герхард почти так же, чисто механически, переводил, но, когда мы уже поднялись из-за стола, в дружеском до этого его тоне прорвалась вдруг жесткая горечь.

— Вы полагали, что все в этих магазинчиках награблено моими соотечественниками во время войны с Россией? Это не так, мой друг!.. Это добровольно отдаваемые на продажу трофеи вашей Гражданской войны. Надеюсь, вы понимаете, что она еще не окончена?

Отошедший было от нас хозяин лавки вернулся. Дождался, пока Засс договорит. Поглядывая на меня, взялся ему что-то втолковывать. В ответе у Герхарда прозвучало слово «Кубань». И опять оно меня словно обожгло... Неужели память до сих пор хранит и чужой акцент, и старые страхи?

В речи у торговца появился едва ли не восторг: «Кубань, о, Кубань!»

Заговорил почти лихорадочно, и еще до того, как Герхард взялся переводить, я уже догадался, о чем речь: Крым. «Симпоропол». «Кубань». «Фармафир»... путь «золотого чемодана» с древним кладом из скифских курганов!

— Это из вашей открытой прессы... Было много статей, как в сорок втором году, когда подходили... войска противника... из музеев Крыма сотрудники увезли драгоценные реликвии. Сперва через пролив, потом...

— На лошадях, на подводах, да. И ваша зондеркоманда на машинах да мотоциклах рыскала за ними по следу...

— Примерно так.

— До Армавира!

Рука судьбы?

Немцы, считай, держали «золотой чемодан» в руках, когда у входа в Госбанк зондеркоманду накрыли их же бомбардировщики. Погибло несколько наших. Золото!..

Здание банка было сильно разрушено, но чемодан с бесценным сокровищем остался стоять посреди одной из служебных комнат. В городе было не до него. Но нашлась-таки добрая душа. Нашелся человек понимающий. Единственной оставшейся в живых сотруднице симферопольского музея выделили линейку с лошадьми, погрузили на нее чемодан, прикрыли сеном и указали путь на станицу Спокойную, где формировался партизанский отряд.

Почти сотня километров одиночества в незнакомой местности!

С «золотым чемоданом».

Или — с золотым, опять, молодым славянским сердечком?.. Которое спасало от варваров сокровища прашуров.

Никто почему-то не написал об этом романа, не снял фильма. Чтобы воспеть подвиг безымянной «музейщицы».

В деле о «золотом чемодане», не однажды повторяли газеты с журналами, имелась расписка партизан: симферопольский «груз» они получили.

А что уж случилось дальше...

— Наш гостеприимный хозяин говорит, что у него давняя связь с этой фирмой. Что вывозит русские клады... не только золото. Будет новая ин-формация, и он... употребит, так?.. все влияние... весь свой капитал...

Как в нашей станице говорят: держи карман шире.

Или как научил меня уже в университете душевный друг Гена Бигон: «Сейчас!.. Только калоши надену...»

Герхард протянул мне крошечный глянцевый четырехугольник:

— Возьмите его карточку, возьмите...

Да что это, в самом деле!

Или у них все уже было до мелочей отработано — я не первый?..

Или... или...

Кто меня все же провоцирует?

Но карточку я уже держал в пальцах.

Вышли с Зассом на улицу, я первый, а он следом. Повел головой на дверь лавки:

— На всякий случай помните его предложение. — И почему-то повторил: — На всякий случай. А вдруг?

Я открыл было рот, чтобы возразить ему, да так стоять с открытым ртом и остался.

Того, кто назвал себя Герхардом Зассом, не было ни рядом, ни где-либо вокруг.

Только в ушах у меня ясно прозвучал его голос: «Скоро увидимся, я найду вас!»

Да что же это?!

И первым делом я подошел к роскошной, ну будто соответствующей антикварным лавкам, урне, порвал над ней упругую, как резинка, визитку. Швырнул вниз...

Амакан, или Медвежья охота

Чем дальше в прошлое уходили события, о которых просто необходимо теперь поведать, тем неприглядней они казались... Что делать!

Почти нереальными, как из другого мира, выглядели они из весеннего, цветущего Мюнхена. Зато воедино складывались с рассказом Герхарда о его таежных скитаниях.

Началось с нашей вроде бы привычной поездки «на Монашку». В укромную деревеньку на горной речке Средняя Терсь, где только изба «мирского» Савелия Константиновича Шварченко, общего нашего Деда, старой крепостенкой высилась на прибрежном обрыве. Кержацкие избы прятались из бока в глубокой низине.

Нынче вдруг подумалось: может, старый таежник заранее знал о берлоге? Потому-то и пошел с нами, когда собрались «пострелять рябка» не за рекой, как всегда, а на его, «монашенской», стороне. Потому-то и пере-

спросил? Заряды «на зверя», мол, не забыли прихватить? На всякий случай.

Но патроны у нас в стволах и действительно были заряжены мелкой дробью — тут «Кузнецкий рабочий» против правды не погрешил, когда опубликовал потом провокационно-заздравную статейку «Молодой писатель убил медведя».

Один только этот заголовок — уже стыдоба! Ну, не «бандиты пера», действительно?..

Шли уже по зимней тайге, но еще без лыж. Мы с Дедом. Старый друг Алексей Багрinceв, директор школы из нашего поселка, которого давно уже уважительно величали Петровичем. Больше, да простит он мне это, за успехи в охоте, нежели на поприще просвещения. Он был наш негласный бригадир.

С нами его двоюродный брат, водитель тягача Саша Осипов, по прозвищу Ёхан. И новокузнецкий коллега Багрinceва Семен Ломунов, преподаватель географии, известный в городе краевед.

Этот недавно приобрел дорожную лайку с богатой родословной, кобели по кличке Изумруд, и теперь то и дело демонстрировал его паспорт на гербовой бумаге. Со множеством круглых печатей и треугольных штампов.

Почему-то он прихватил его с собой даже на охоту. И не успел в очередной раз спрятать в карман, как произошло вот что.

Обе Дедовы беспородные собаки, старуха умница Пальма и отчаянный храбрец Булька, откусивший себе, когда попал в капкан, кончик правой лапы, то челночили перед нами от одного края цепочки до другого, то убегали вперед-назад. Моя, не так давно привезенная к Деду якобы чистопородная лайка Найда, откровенно валяла дурака.

И только Изумруд послушно шел на пять-шесть метров впереди хозяина, то и дело оглядываясь на него: мол, все правильно?

Когда убежавшая вперед старая Пальма вдруг недовольно взвизгнула и тут же раздался мощный рык, похожий на внезапно оборвавшийся хrap, Изумруд так стремительно бросился к Семену, что сбил его с ног.

Дед Савелий враз изменившимся голосом приказал:

— Хватайте собак! Зверь!

Заклацали переламываемые ружья: все торопливо меняли «дробь» на заряды с пулями. Только Дед бросил себе под ноги заткнутый за пояс топор, сдернул с телогрейки ремень и уже пропустил его под брезентовым ошейником Бульки.

— Сними пояс, Лявонтич, зацапи Найду! — приказал мне. — Перво-наперво надо собрать их в сворку...

И уже командовал Петровичу:

— Сбери их всех, подальше оттащи, прицапи к дереву!

Как самый прилежный, но самый бестолковый из многих его учеников, почти шепотом спросил его:

— Зачем, дедушка?

— А чтоб от страху с копытков не посбивали! Тоже хочешь пасть, как Семен?!

Отдал Петровичу ремень с Найдой, и Дед схватил меня за рукав:

— Пойдем, глянешь, как заломка ладится...

Чуть не единым махом снес заснеженную елку обхватом толще руки, быстренько стал вырубать из нее сучковатое подобие громадного ершика.

— Ты около меня пока стой, — наставлял. — Хуть не убьешь, потому я раньше убью, дак научишься. Тоже дело!

Скулили неподалеку привязанные к березе собаки, с ружьями на изготовку стояла около деда Савелия наша компания. Все друг дружку потихоньку подначивали. Храбрились.

Дед Савелий почти на цыпочках подошел к вывороченной старой пихте. Потому небось и упала, что стояла на взгорке, парусила под ветром. Долго всматривался во что-то невидимое нам под рваным, отороченным снегом полукружьем корней. Обернулся и потряс пятерней с направленным вниз указательным пальцем: там!..

К нам вернулся только с ружьем и молча стал расставлять нашу компанию. Кого за руку, кого только повелительным жестом. Петрович и Семен стали поближе справа и слева. Ёхан подальше от выворотня — почти по центру.

Там, где он решил меня определить, можно было тихонько переговариваться:

— Ты, Лявонтич, стань за сосну. Самый меткий, можешь ударить издаля. И на подстраховке останешься. Если прорвется зверь!

Я сперва даже загордился: самый меткий... на подстраховке!..

А Дед попросту боялся за меня. Больше, чем за каждого из остальных: не сибиряк!..

И он, конечно, нутром чуял, что в том же самом «Кузнецком рабочем» появится, если что, другая, тоже торжествующая заметка: «Медведь задрал молодого писателя». Ненадежного его ученика...

Все произошло настолько стремительно, что воедино первоначальную картину я потом складывал годами.

Куда-то почти под ноги себе Дед левой рукой мощно вогнал расщепленную концами к нему заломку, и почти тут же из правой его руки грохнула одностволка.

В этот коротенький промежуток между работой одной руки и другой рванулся из-под земли тут же захлебнувшийся яростный всхлип, вскинулась на миг над берлогой и опала крупная медвежья башка, скрылись лапы, выкинувшие наружу длинный обрубок елки.

Успели бабахнуть двустволки слева и справа. Одновременно ударило ружье Ёхана. И даже я, стоя рядом с сосной-защитницей, успел «стрелить».

С бьющимся сердцем выждали долгую минуту. Попридержав нас на месте поднятой пятерней, Дед шагнул к вывороченному корню. Опять с одностволкой в правой руке заглядывал куда-то себе под ноги и с боку на бок водил седой своей бородой. И одним, и другим ухом, что там внутри берлоги, прислушивался.

— Готов, однако! — решил громко и с явным облегчением.

И мы все тоже опустили плечи и выдохнули напряжение:

— А как рывкнул, а!

— Уговорили-таки мишаню...

Снова залаяли смолкшие было собаки. Вся компания подтянулась поближе к округлому, с рыжеватым снегом по краям лазу, поперек которого лежала сделавшая свое дело заломка.

— Спасибо тебе, ёлушка! — сказал Дед, отбрасывая ее в сторону. — Прости старого дурака, что стубил...

— Что тогда мишке скажем? — поддержал Петрович явно победным тоном.

А Дед вздохнул:

— Берложник. Не шатун. Хозяйственный. Успел лечь.

— Может, ты, Константиныч, договорился его не трогать? — ёрничал Ёхан.

— С ружьишком пообещал постоять, — снова подключился Петрович. — Чтобы никто чужой не набрел.

А Дед все смотрел пытливо на нас на всех:

— Домосед. Мишка-то... Уже, однако, хороший сон видел. А тут заявились городские...

— Живой! — не своим голосом закричал вдруг Ломунов. — Отходи, мужики, отходи!

С ружьями в руках напряглись. Снова закаменели. Прислушались.

Изнутри доносилось легонькое шевеление.

— Конвульсии! — определил Петрович.

Ёхан бесстрашно стал на колено, заглянул внутрь:

— Вот он, ребя!.. Лежит.

Затихшее было шевеление снова продолжилось. Более того, будто послышался легкий топот.

— Не хотелось ба ему шубу портить, — невесело сказал Дед.

— Придется, Константиныч!

И в темноту лаза первым выстрелил Ломунов.

Петрович поддержал:

— Только по заряду, не больше, парни! — и подтолкнул меня. — Чего как красная девица? Это зверь!

Придал решимости?.. И вслед за мной сам выстрелил в отдушину.

— Давай, Ёхан!

Дед подвинул свой старый, с кожаным верхом капелюх почти на глаза:

— Надо, однако, лезти... Хоть медведь живущой, не может быть, чтоб не стрелили!

Вызвался Ломунов. Спустился вниз и протянул руку за связкой из наших поясов:

— Стою на нем... агромадный!

Повозился там, внизу. Донеслось:

— Пусть кто-нибудь еще! Вдвоем отсюда будем...

Полез Ёхан, через минуту скомандовал:

— Вира, мужики! Вира!

Мы напрягались наверху, вытаскивали зверя поясами за голову. Они там подталкивали снизу.

Слегка оттащили от берлоги, разложили на истоптанном снегу. Шапками вытирали взмокшие лбы.

— Это сколько ж он, интересно, весит?

— Не видишь — это она. Медведица!

— Сколько, Константинович, на твой просвещенный взгляд?

Петрович уже возился с фотоаппаратом:

— Сядете на него, парни? Дед в центре!.. Или станете за ним? Чтоб лучше видать?

— Постоим, конечно.

Петрович начал командовать:

— Всем коллэфтивом чуть в бочок... чтобы в кадре тайга была как тайга, а не Дедов огород... приготовились!

И тут вдруг снова истошный крик Ломунова:

— Второй, второй вылез!

Приподнявшись на задних лапах, к нам двигался медвежонок...

Но это уж после разглядели: дитё малое!

Пестун, которого взяла с собой в берлогу до весны мать-медведица.

Но это потом все поняли. Потом.

А сперва...

Чьей только пули в бедном медвежонке не оказалось!

— Большая редкость, однако, — проговорил Дед задумчиво. — Надо *константировать*, что на Терсях такого момента давно не наблюдалось...

Мудрено завернуть Дед иной раз любил. Между собой его, случалось, звали Савелий *Константинович*.

— Придется идти за лошадкой, Дед? — спросил Петрович.

Дед снова двинул шапку на лоб:

— Однако мне и придется!

— А если послать Леонтьича?

— Не дадут Лявонтичу! — уверенно сказал Дед. — Хорошо еще, мне ба дали.

— Оскверним сани?

— А как ты думаешь?.. И зверь нечистый. И охотники нехристи...

— Но помочь-то в тайге — закон! — не отставал Петрович.

И Дед насмешливо сказал:

— Ты это... как в воду! И нам имя придется подмогнуть. Кержакам. Жирком медвежьим и подмогнём.

— Дак так им и скажи сразу!

— Однако не утаю!

Дед пошел попросить у кержаков лошадку да сани. Мы занялись медвежьими шкурами.

Зрелище рядком лежавших на истоптанном снегу уже освежаванных зверей навсегда осталось в памяти не то что неутихающей — с годами будто набирающей силы щемящей болью.

До чего же звериные туши были похожи на тела человеческие! Ну всем. Всем похожи.

Особенно лапами, так напоминающими белые человеческие ладони с пальцами. И — ступнями.

Больше всего у медвежонка-малыша. Детские, чуть розоватые, пальчики. Детский, совсем как у мальчонки, писюн.

Мама и сынок лежали, мертвые, рядом.

Нами убитые.

Когда не стало, уже через полтора десятка лет, уже в Москве, нашего Мити, то в душевных мученьях не раз мнилось: может быть, это Сибирь-тайга передала мне горький привет?

Неужели так и не может простить?

И — за своего малыша.

И — за издолбанную взрывами, развороченную ковшами экскаваторов, изодранную ножами бульдозеров стройплощадку нашей «ударной комсомольской». От которой Сибирь-тайга пришлось отступать чуть ли не до тихой кержацкой Монашки...

Но и тут мы настигали ее. На стремительных лодках с моторами-водометами летом. На гусеничных вездеходах, на безжалостных тяжелых «танках» — зимой.

...После испуганного фыркания лошадки и недовольного лая собак, которых до самого дома так и не отпускали со сворки идущие с ними позади Петрович с Ёханом, на подворье Деда установилась наконец счастливая атмосфера охотничьего фарта и заработанного нелегкими трудами прибýtка.

Одна только целебная медвежья желчь уже драгоценна. На какие только снадобья не идет, от каких только ничем другим не излечимых недугов

не избавляет!.. А еще не израсходованный на зимние холода, не потраченный на долгую спячку жир!

И «баушка» Мария Евстафьевна не только сразу помолодела — будто преобразилась. От вполне понятной гордости, что «сам» ее иным молодым пока не уступит. От радости за городских постояльцев, которые перед этим чего только ей не навезли. И магазинных чаю-сахару да конфет-пряников. И дефицитной марли-бинтов, и даже бутылочку спирта. От врача Виктора Александровича. И новый полушалок да кой-какое завернутое в него женское бельишко — от городских «своих». От жен. От хозяек.

Когда несколько дней назад выкладывали все это богатство из рюкзаков, она вскидывала руки и причитала: «Ой, чем раш-штытываться буду, ой, чем?»

Ан вот оно!

И чего только теперь не было на столе. В центре исходившая аппетитным духом громадная сковорода с поджаренными на коровьем масле, плотно уложенными брюшками вверх осенними, из протоки, ельчишками. Рядом еще отдавала пар вареная в «шинелях» картоха с Дедов кулак и лежало на тарелке нарезанное крупными ломтями сало с розовым мяском на макушке. Ждали своего часа соленые груздочки-огурчики да «капустка» одним вилком и «малированная» чашка густой, как будто замерзла на морозе, сметаны, в которую столовая ложка нарочно была воткнута торчком: не клонится!

Но что это все по сравнению со сладковатым запахом медовушки, которую Дед успел нацедить в пузатый поливной кувшин из потемневшего от постоянного трудового усердия логушка?

А от плиты натягивало еще и сытным запашком пельмешек «из трех мяс» и «с щепочкой». От старого корытца, которое ради этой самой «щепочки» городские прямо-таки готовы были извести, когда секли в нем свинину да баранину с хорошей долей лосятины...

Будет теперь к пельмешкам и другая добавка. Редкая!.. Даже в этих глухих местах.

Выпили уже и за удачу, и за «старую школу», которая не разучилась пользоваться заломкой, да и не только этому не разучилась, не только...

Хоть лежала на краешке стола добрая пригоршня вынутых из медвежьих туш смятых жаканов и сплюснутых пуль, все сходились конечно же на том, что «взял зверя» выстреливший первым Дед.

Единственный, кто это первенство оспаривал, был Семен Ломунов. В доказательство того, что медведя сразил именно его выстрел, он снова почему-то показывал бумагу со штампами и печатями — родословную своего Изумруда.

Дед, которому, как хозяину, меньше всего хотелось за столом спорить, попробовал увести разговор в иную сторону.

— Все собирался спросить тебя, Ляксандр, — заговорил с Ёханом. — Откуда у тебя нерусское прозвище?

— Да, а то сам он русский! — подколот Петрович. — Кто родился в васюганских болотах, уже какой-нибудь остяк!

— Знаю, тоже из ссыльных. Как все тут, — пытался уточнить Дед.

— Окромя Лявонтича! — живо отозвалась от печки Мария Евстафьевна. — У его энтот, как его... красный диплом!

Петрович расхохотался:

— Диплом «у его», я знаю, как раз с двойками. А комсомольской путовки красного цвета ему не дали...

— Не заслужил? — подключился Дед. — Или не добился?

— Добиваться, как понимаю, не стал, — отвечал Петрович. — Но если бы и добился. Комсомольская путевка теперь и есть билет на высылку!

Я наверняка поддел:

— Заговорили нижеостровские куркули. Заговорили!..

Первой от моста через Томь раскинулась Верхнеостровская площадка, считай — пригород Новокузнецка, в котором жили исключительно поселенцы-«куркули». А рядом с нашей «ударной» тонула в картофельной ботве да капустных грядках Нижнеостровская. Точно с таким же составом жителей.

Не надо, конечно, думать, что имена свои поселки получили в память великого драматурга Александра Николаевича Островского, описавшего весь ужас жизни перед всеочищающей русской грозой. Нет. На них лежал героический отпечаток уже иной драмы. Описанной революционным писателем Островским Николаем Алексеевичем. В известном романе «Как закалялась сталь»... Ну, вспомните!.. «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Предписанный даже в названиях поселков, этот завет свято блюли и там, и тут. Держали коров и свиней, растили в изобилии овощи. И на базарах по левой стороне Томи, в самом Новокузнецке, а также и на нашей — может, не забыли еще «Берег правый» певца пролетарской славы Геннадия Емельянова? — так вот, по обе стороны Томи, и с молодых комсомольцев-добровольцев, и с вышедших в тираж ветеранов эти проклятушие куркули за плоды своего единоличного труда драли три шкуры. Лишь иногда по доброй воле снижая цену. Чтобы не было, само собой, мучительно больно.

— Расскажи, Саня, — попросил и я, хоть слышал эту историю уже не единожды.

— Училка мне кликушку дала в школе. По немецкому, — начал Ёхан почти в эпической, проверенной годами манере. — Школа тогда в бараке. А «немка» ну такая мерзлячка. Перед уроком заставляла переносить стол поближе к печке... А у меня с немецким всегда было швах. Похоронку на отца в сорок четвертом прислали. Чего б я его учил?.. Ну и опять начал дурака валять. Рожи корчить. Чтоб поскорее выгнала. Сидел на задней парте, а там такой дубарь!.. А выгонит — куда сразу? На чердак. Прислониться спиной к трубе от печки. Одна она, что ли, такая мудрая? Все двоечники около этой трубы годами толклись, в холода не отгонишь. А потолок был какой? Обрешетка да глина. Вот она опять: «Осипов — на чердак!» Уже знала, куда пойду. Я — бегом!.. Греться. Одного такого же «отличника» обгонял, чтоб место занять. С разбегу плюхнулся, фанера наконец проломилась, и я — прям училке на стол. Приземлился и с перепугу: «Ёханный мамай!» Училка не меньше меня перепугалась. Сiju перед ней на классном журнале, а она: «Что ты сказал? Ёхан?»

Когда опять вволю, да теперь еще под «баушкину» медовушку, насмеялись, Саня поднялся из-за стола:

— А то забуду!

Прошел на половину, где лежали наши еще не раскатанные на ночь матрасы... Вернулся с чем-то завернутым в белую бумажку в руке:

— Тебе, Леонтич! Помнишь, обещал?

— Орден за медведя? — отозвался Петрович.

— Можно и так, — поддержал игру Саня. — Тут надо всем бы, но у меня токо один.

В бумаге лежала старая, с округлыми боками, фигурная пластинка из тонкой, давно почерневшей под краской жести. Похожая на раскрытый на обе половины средних размеров медальон, в овалах которого два цветных, слегка потускневших от времени портрета.

Рядом со мной сидевший Дед вскинулся:

— Император с императрицей, однако! — И живо обернулся к Марье Евстафьевне: — Подойди-ка, баушка! Глянь.

Марья Евстафьевна подошла и, относя в сторонку мокрые руки, с оттенком важности в голосе подтвердила:

— Государь и государыня, так!

Я все держал в руке легонькую, с исподу начавшую ржаветь пластинку. Сколько же ей лет?!

Марья Евстафьевна между тем вытерла руки о передник и поднесла палец к неровно отломанному верху:

— Тут-о-ка, над имя, царской орел должен. О две головы...

— Да ты-то откуда, баушка, знаешь?!

И снова в тоне у нее послышалась гордость:

— Девочкой видела ешшо. В богатом доме!

Я спросил Саню:

— Откуда это у тебя?

— Тоже из богатого дома! — в нарочитой своей манере знающего все и про всех ответил Петрович. И голос его тут же построжал. — Ты от нас, гражданин Осипов, не скрывай. Кто твои предки? Крупные землевладельцы? Кровососы-помещики?

Саня с давним безразличием отмахнулся:

— Чего там, ладно!.. Средняки были. Самые настоящие. Только не захотели подстраиваться. Тетя вела русский язык. В приходской школе...

— Сразу, видишь, — «вела»! — снова поддел Петрович.

— Ну, так сама говорила. Она даже в Палестине несколько лет прожила. И в Сирии. Учила арабских детишек русскому... Это как раз ее жестянка.

— Ты-ко не говори так! — осудила Марья Евстафьевна. — Жестянка ему...

— Да я что?.. Это мать моя. Они вечно спорили. Когда нас раскулачивать стали... Берите, мол, с собой самое необходимое. А тетя хотела часы с кукушкой взять. Эта штука как раз оттуда...

— Навершие, да, — снова со значением подтвердила «баушка».

— А латыши... нас разоряли они, так вышло. Латыши... Один, тетя рассказывала, по этим часам прикладом. У нас теперь другое время, смеется. Она кинулась эту штуку забрать. А он еще раз прикладом. По руке ей. Она у ней ныла потом всю жизнь — на погоду... Отобрал, а другой латыш тете шепчет: скажи ему, это твой отец и мать. А тетка сирота была. Заплакала: так и есть!.. Ну, скажи ему, шепчет. Скажи! Сказала, а он тогда «орла» отломал, а карточки эти на железке — ей в лицо. Возьми своих отца-мать!

— Ты так трогательно тут рассказываешь, — пытался Петрович ёрничать.

— Дак а что я? Это она всегда так...

— Как понимаю, предлагается тост за трудное детство? — не унимался Петрович.

Подняли стаканы с медовушкой, и Марья Евстафьевна печально вздохнула.

— Тетя, поди, покойница уже?

— В прошлом году померла, — кивнул Саня.

— Так от!.. Зачем цокаться?.. За царство небесное для ее и пили ба. Как звали-то её?

— Анфиса. Тимофеевна.

«Баушка» попросила:

— Налей-ко, Савва, и мне... Саму малость. Помянуть рабу Божию Анфису...

Выпили, и Дед спросил:

— В каких краях, Лександр, разорали? Не на Тамбовщине, как нас?

— Нет, мы — орловские. Тетка Анфиса всегда: «из самого сердца России».

— Орловски-то да, — подтвердила «баушка». — Самое русское сердечко. Самое.

— Спрячь, Лявонтич, государей-то, спрячь, — нарочито заботливым тоном Дед предложил. — А то «баушка» поставит их себе в красный угол.

— Нет-ка, — отказалась «баушка». — Они теперича ево, Лявонтича. Завтра пойдет с имя к нашим кержакам. Покажет — они его со своих кружек кислушкой напоют. Со своих тарелок накормят и спать у себя положат...

К монашенским кержакам я не пошел. Вездеход «АТТ», «артиллерийский тягач тяжелый», в обиходе у монтажников — «танк», нам дали на три-четыре денька. Забросить на Монашку новый движок, который пообещали Деду еще летом.

По случаю удачной охоты можно было, посчитали, прихватить еще день. Но ведь там-то, на стройке, «танк», пожалуй, тоже не помешал бы?

На зимнике, еще только начинающем подмерзать, догнали троих охотников-шорцев, медленно бредущих с тяжелыми тягушками — кожаными саночками-кульками с низом из лосиных голяшек.

Остановились бы и без того, но один из них, поняли — старший, тянул руку. У ног его настороженно переминалась одинокая псина. Еще две, когда повыпрыгивали на снег, увидали в тягушках.

Две понурые, с печальными глазами морды высовывались из-под телогреек, наброшенных на вздрагивающие собачьи тела.

Здоровались каждый с каждым, и Петрович понимающе кивнул одному и другому шорцу, так и не выпускавшим из рук брезентовые лямки от тягушков с собаками:

— С себя поснимали?.. Ватники.

— Как не снять? — с явной благодарностью за сочувствие сказал старший. — Сперва кормилицу сбережь. Потом сам.

Саня Осипов чуть не с почтением спросил:

— Заработали?

— Еще как, однако!

«Отсоболевали» шорцы на славу, у каждого за спиной тяжелый рюкзак с подсолненными шкурками. Но в конце охоты не повезло. Одна собачка-труженица, когда «выжигали» соболя, не дождалась, пока выскочит, — в горящее дупло за ним бросилась. Обгорела, еле спасли. Другую ударила срубленная лесина. Тоже не утерпела: прыгнула за зверьком, когда дерево не успело упасть.

— А паспорта у них есть? — нарочно строго, будто школяров своих допрашивал, спросил Петрович.

Один, помоложе, равнодушно переспросил:

— Зачем в тайге собачке паспорт?

Второй сказал:

— У меня, однако, у самого его нету!

Голос у Петровича сделался строже:

— Куда дел?

— Баба на его горячую сковородку поставила, он прилип. Хотела снова кашу греть. Поставила на печку, он сгорел...

— Толкан? — деловито осведомился Петрович.

— Толкан — каша. Толкан.

— Все равно безобразие, — осудил наш бригадир. — У нас в городе у собаки вон паспорт с семью печатами... Покажи, Семен!

Этот, что жена сожгла паспорт, как бы обиделся:

— Мы тоже в городе живем! Однако нету...

Петрович не отставал:

— Дак а вы в каком городе?

— Мыска у нас, Мыска...

Жители Мысков, значит.

— И стрелки на часах так и не перевели? До сих пор живете по *мысковскому* времени?

Шутка, конечно, с бородой. И старший шорец, терпеливо переживавший балаган, сказал не без укора:

— Хорошо смеяться, когда на таком «дураке» едешь!

— Возьмем, отец! — успокоил Саня.

Но Петрович не унимался:

— Это само собой. Вопрос в другом. В кузове растрясет... Как раньше на буровых у геологов? Стакан спирта поставят на «бардачок». Рядом с водителем. Что довезешь — твое!.. Но спирт у нас кончился...

— До магазина доедем — купим, — пообещал старший.

— Ты меня не понял, отец!.. Гляжу, у вас третий тягушок. А у нас тоже раненая собачка. Положить ее...

Старший не дослушал:

— Кто вашу поранил?

— Да тоже сама. Услышала, как в берлоге медведь рывкнул, бросилась хозяину в ноги, сломала об его колено ключицу...

— Эту пристрелить надо! — безжалостно решил шорец. — Такую уже не выучишь.

— А я думал, тоже в тягушок да все три за тягач зацепим...

Но шорец повторил жестко:

— Пристрелить. Тока со своего ружья нельзя. Обидится. Перестанет бить точно. Надо обязательно с чужого ружья...

Багренцев с готовностью спросил:

— Дать тебе ружье, Семен? Или лучше я сам?

Достал-таки Ломунова...

В кузове тягача лежали на соломе и полсть, и старый тулуп, но шорцы все равно, как малых детишек, держали собачек на руках. Добытых нами зверюг уважительно величали амаканами, и мы в своих глазах выросли еще задолго до магазина... Стоит ли говорить, что было после него?

И неизвестно над кем больше сжалился «доктор Виктор Александрович», когда с помощью своего «адского водителя» Вити Величко выгружал нас вместе с буторишкой и всей добычей около двора Петровичевой тещи в «Шанхае», частном секторе нашего поселка... А шорцев с их собачками пересаживал в свой служебный уазик. Довезти до того самого кузнецкого городишка, где все еще продолжают жить по «мысковскому» времени...

Немудрено, что он тут же получил приглашение от старшего из охотников, дяди Васи Акушева, приехать вместе с нами в Мыски, чтобы «пособолевать» уже в его доме.

Надо ли рассказывать, как мы наконец собрались и поехали вместе с женами: Виктор со своей Юлей, Петрович с Ниной и мы с Ларисой?

За дефицитнейшим в ту пору товаром: за соболями.

Но прежде мне предстояло пережить взлет славы, какого после у меня никогда уже не было...

И пережить очень скорую, ну прямо-таки мгновенную расплату за эту славу. Расплату в проклятушем прямом — финансовом смысле.

Денежными купюрами. Не менее тогда, как, впрочем, и сейчас, дефицитными...

Известие о том, что «Гарька-старик» со своими корешами ухлопали в тайге «двух прокуроров», разошлось по поселку еще до того, как в городской газете появилась эта злосчастная статейка... И если новости, предположим, об успехах «Металлурга» поднимали не только настроение, но и производительность труда на многочисленных новокузнецких производствах, то на нашей только недавно ставшей на ноги Антоновской площадке сообщение о победе над грозным «хозяином тайги» могло повернуть дела в обратном направлении...

Не скажу, что многие бросали работу задолго до конца смены: спешили, пока не было очереди, зайти в магазин за ней, проклятой, чтобы с парой бутылок отправиться потом «на медвежатину». Но что толчая у нас в доме не прекращалась около месяца — неоспоримый исторический факт.

Медвежатина сразу же была съедена. Но дабы не разочаровывать «первопроходцев», которые давно уже и полноценной говяжьей котлеты в столовых ОРСа не пробовали... Ведь что такое этот ОРС?... Отдел рабочего снабжения якобы? Досушие критиканы расшифровывали это сокращение иначе: Обеспечь раньше себя, остальное раздай сотрудникам.

Но ведь недаром же в одной из комсомольских песен поется, что ехали мы тогда в Сибирь «за мечтами», «за туманом и за запахом тайги».

Раненько утром, еще с туманцем в лихой головушке, автобусом с пересадками я отправлялся в город на базар и покупал там те самые почти мифические для нас «три мяса»: говядину, свинину и баранину. Которые трудяжка Лариса, взявшая в ту пору в своем строительном управлении «неделю без содержания», чудесным образом, с помощью обыкновенной мясорубки, превращала в самую настоящую «медвежатину»...

Поедавшие вечером котлеты из этой медвежатины старые дружки или новые герои только что вышедших рассказов, вместе с их прототипами начинали задумчиво рассуждать:

— То, что тайгой припахивает, — это само собой. Но вот чем именно?

Одному казалось, будто кедровым орехом, которого было особенно много прошедшей осенью. Говоря на сибирский лад: «кедрой». Другой ловил еле уловимый запах малины, тоже, рассказывают, хорошо в тайге уродившей. Третий...

В конце концов я стал даже думать, что не так уж неправы втридорого продающие мясо верхне- да нижеостровские «куркули». Попробуй-ка обеспечить свою буренку кедровыми орехами!.. Попробуй накормить прожорливого поросенка малиной!

Потом мы отправились в Мыски.

«Соболевать».

Не исключено, надо сказать: это было еще одно унижение наших шорских друзей... Последнее?

Перед их возвышением в моих глазах.

А то и бесконечным почтением. Которое с тех давних пор лишь набирало полноты и уверенности.

Так было еще до этой, сбившей меня с панталыку, встречи с Герхардом Зассом. Что мне сказать теперь — после нее?!

Но — по порядку.

Петрович опять выступал «на грани фола», и присутствие рядом наших жен его, по-моему, только взбадривало.

Мало того, раз и два провел пальцем по влажной, с только что растертыми следами хлебных да картофельных крошек клеенке, от которой предательски пахло селедкой.

Когда тетя Катя, жена нашего нового друга — дяди Васи Акушева, поставила посреди стола большую глиняную миску с пельменями, Петрович у нее бесстыдно спросил:

— Жеваные?

Она понимающе рассмеялась:

— Мясорубка, однако, в порядке у хозяина!

Уже в спину ей, скрывшейся за занавеску рядом с широкой русской печью, он так же громко взялся уточнять:

— Так, а какая мясорубка?

— Железная, однако, — послышалось из-за занавески. — Железная!

— Так, а железных зубов разве не бывает?

— Ну, что ты такое, Алексей Петрович, говоришь! — просительным тоном укорила его жена, красавица Нина, и видно было, как она под столом щиплет своего Петровича за руку.

Будущий директор присмотрел ее девятиклассницей, когда сам еще вел уроки физкультуры и заочно заканчивал географический факультет новокузнецкого педа.

...Дядя Вася, как выяснилось, ходил к соседу не только за соленым харюзком к нашей «городской» водке. Собирался теперь выложить из мешка на стол пышную связку собольих шкурок, и тут на наших жен нашел второй приступ ну прямо-таки неодолимого желания помочь тете Кате, для которой наше появление конечно же было неожиданно-стью...

Нина Багрнцева бросилась к тете Кате за занавеску, но Юля, жена Райха, жестом волшебницы уже достала из рукава беленький, с вышивкой в уголке носовой платочек и жертвенно привстала над злополучной клеенкой.

Напомнить сочиненные в нашем «Металлургстрое» для песни о сибирской стройке слова?..

Мы подругам в суровые дни
согревали дыханием руки...

Только для того, разумеется,

чтобы к звездам ушли корабли,
чтоб вели их упрямые внуки...

Ну, вот. А теперь эти руки перебирали «мягкое золото», предназначенное для красавиц далеких от тихоньких Мысков больших городов... Да если бы для них! А то ведь для каких-нибудь уродин. Для жен и для дочек больших начальников, которые только и могут себе позволить это богатство приобрести. Для их любовниц, что...

...Нухман!..

Первый начальник на нашей стройке. Легендарный Абрам Михалыч, кто стал прототипом Платохина в моей «книжке про Пашку». В романе «Пашка, моя милиция».

«Разговорил» его однажды, что называется. А он: «Слабо тебе, “пресса”, написать прямо так, как расскажу?.. Ну, были, конечно, девочки, у которых горели глаза. Десятый класс из Байдаевки, что целиком на стройку приехал... моя опора! Но были, скажу тебе, уж такие оторвы из Москвы!.. Протягиваю ей лопату, а она: “Начальник!.. С ума сошел?! Эти руки ничего тяжелее мужского органа не держали!” Ты можешь так и написать, “пресса”? Можешь?!»

Уже через много лет опять вернулось...

Уверен, вовсе не для того, чтобы лишний раз укорить нашу Златоглавую. Нет.

Чтобы кого-то вспомнить, а кого уже — помянуть. Из наших сибирских девчат. Или из тех, кто очень издалека прилетел на тот, давний теперь новокузнецкий огонек.

И тоже, может быть, опалил тут себе не только крылья...

Оставим их в избе у дяди Васи и тети Кати Акушевых, наших подруг.

Пусть подольше ерошат этот ласкающий пальцы мех «дошлых» соболей знаменитого кузнецкого кряжа. Ту самую «мягкую рухлядь», что когда-то везли отсюда в царские, в государевы палаты...

А мы перенесемся мужской компанией прежде всего во времени.

В тот день, когда дядя Вася явился к нам на Антоновку с ответным визитом.

«А потом был праздник», или Ответный визит дяди Васи

Однажды после поездки в Австралию позвали меня выступить перед студентами Металлургического института, я пришел, и вот, когда уже начались вопросы, очень модный такой и чистенький, «весь из себя», как тогда говаривали, молодой человек не без ехидцы сказал: объясните, мол, почему вы больше не о самой Австралии, а о русских, которые там живут?.. О казачьих станицах. А вдруг это мне и не очень-то интересно? А интересна как раз сама Австралия.

Помнится очень четко, пожалуй, еще и потому, что к нему вдруг прочно легло не находившее себе до этого из подсознания выхода давнее определение: *липездрон*.

Не знаю, признаться, там ли в нем стоят в нашем случае «и» и «е». Не исключено, что им надо поменяться местами. А то и победить бы чему-то одному. Здесь и там.

Дело в том, что мне еще давно надоело искать это в самых разных словарях, а на мой вопрос о его значении не мог ответить даже такой общепризнанный авторитет, как покойный ныне Лев Иванович Скворцов, близкий друг, профессор и бывший наш бригадир в астраханских банях. Профессиональный составитель словарей русского языка.

Словечко из арсенала незабываемого Александра Николаевича Смирнова, ссыльного генерал-полковника, доктора наук, преподававшего нам в станице физику. Однокашник и товарищ великого, якобы американского, «вертолетчика» Игоря Ивановича Сикорского, самолет которого «Илья Муромец» он «оснащал артиллерией», Александр Николаевич —

особ статья, как говорится. И свет от него идет к нам, бывшим его бездарным ученикам, вот уже столько лет после его реабилитации и упокоения в родном Питере.

Это он иногда давал кому-то из нас это не совсем научное, судя по всему, определение: «Ты, Иванов (Петров, Сидоров), — настоящий лепиздрон!»

Сколько лет это словечко оставалось невостребованным!

А тогда вдруг явилось из давних, полузабытых лет...

Модному и чистенькому студенту из нашей Кузни я об этом конечно же не сказал. И он, скорее всего, не узнает, что в Мюнхене мне пришлось о нем вспомнить.

«Вот радости-то было бы нашему Лепиздрону! — подумал я бессонной ночью в отеле. — Вместо того, чтобы расспрашивать Герхарда о том, как тут живут-поживают немцы, мне с ним приходится все о России... да что делать!»

Но так оно тут все сошлось. Как раз в Мюнхене.

А год назад приснился мне яркий, цветной сон.

Будто странный широкий эскалатор несет меня вниз. Станный потому, что по сторонам от него не овальная толща метро, не стены какого-либо предприятия либо витрины торгового центра... Эскалатор открыт синему небу, а по бокам от него тянутся роскошные вазоны с диковинными цветами.

Внизу стоял открытый, сверкающий внутренней отделкой дорогой... нет, конечно же нет!.. Шикарный, красного цвета лимузин, да. А дорогой Леонид Ильич Брежнев был за рулем.

«Садись, подвезу!» — предложил дружески.

Сел с ним рядом, лимузин мягко тронулся, как почти тут же дорогой Леонид Ильич остановил его и до боли знакомым, не особенно внятным голосом заботливо сказал: «Ну, дальше ты сам!»

Красная машина тут же ушла, а я подошел к точно такому же, по какому спустился, эскалатору, ступил на него, и неслышно меня потащило вверх. Под ясным небом. Среди вазонов с яркими цветами.

Никакого значения сну не придал, только и того, что очень четко запомнил.

И то: не каждый день тебя подвозят вожди. Хотя бы во сне.

И вдруг...

Журнал «Наш современник» напечатал первую половину романа «Проникающее ранение» и следом должен был дать вторую. «Литературная газета» взяла у меня отрывок из нее: небольшую главку под названием «В другом краю...».

О дорогих сердцу видениях, которые неожиданно являются нам в любое время и в любом месте... может, новокузнецкому, коли жив-здоров, Лепиздрону это мое признание на руку?

В главке шла речь о духовом оркестре, инструменты для которого директор автобазы заказывает в самую тяжкую для большого строительства, начальную пору. Для автомобилистов тем более: вокруг бездорожье, всюду непролазная и непроезжая грязь.

Инструменты привозят ночью, задержавшиеся на работе замордованные руководители из любопытства открывают ящик за ящиком, и ностальгия по прошлым праздникам так бередит им душу, что молоденький водитель Колька, «офицер по особым поручениям», получает задание немедленно «достать хоть из-под земли» и конечно же достает. Ее, проклятую.

Сперва капнули на трубы, потом для начала маленько взяли на грудь. Первым попробовал задудеть в самую малую трубу тот же Колька, а в

конце концов не удержался и сам пожилой, войну прошедший директор. И приложился конечно же к самой большой трубе — басовой.

Над притихшей стройкой загромыхало настырное серебромедное разнзвучие — символ предстоящих побед.

Когда уже перед утром дверь своей квартиры открыл парторг автобазы, жена еще у порога отвесила ему звонкую пощечину, а на жалобный традиционный вопрос: «Мама, за что?!» — приказала: «Подойди к зеркалу, глянь на свои губы!»

Ну, не милая ли история? Прямо-таки мелодрама в духе Радзинского!

Заголовок «Литературка» дала вполне соответствующий тексту: «А потом был праздник...»

Ну, что такого-то?..

Просил их предупредить, когда отрывок пойдет. Они накануне позвонили, и утром мы с Кветой спустились со своего двенадцатого этажа, и чуть ли не первым делом я потащил ее к киоску «Союзпечати»: бедная собака едва успела со своими делами.

Купил в киоске сперва один номер, быстренько глянул на полосу — и тут же попросил еще пять.

Как знать!

Может, мне надо было поторопиться скупить как можно больше экземпляров?

А то и все. И не только в Москве. По всей родине.

Когда на двенадцатый поднялись, я не стал мыть собаке лапы, железную миску с мойвой вынес ей в общий тамбур.

Экономя время, включил телевизор и сел перед ним с раскрытой «Литературкой».

А по телевизору вдруг сказали, что умер Брежнев.

Случилось это 10 ноября 1982 года.

«А потом был праздник»?..

Можете найти подшивку «Литературки». Ради любопытства...

А тогда, не исключено, я тут же вернулся в тамбур за оставленными там пятью номерами: куда бы их подальше затырить?

О странном совпадении конечно же я помалкивал. Но через несколько дней мне позвонил давний, хотя и «шапочный» в ту пору знакомец Слава Гурьев, работавший тогда в отделе печати МИДа.

Не мог бы ты, просит, чуть побольше рассказать о себе?

А зачем? — интересуюсь.

Прочитал в «Нашем современнике» начало твоего романа, отвечает. Увлечся, знаешь ли, а биографическая справка в журнале совсем краткая. Хотя знакомы давно, знаю о тебе очень мало... Может, увидимся?

Ну, давай, говорю. А когда?

Да чем скорее, отвечает, тем лучше. Тут еще дело в том, что насчет тебя поступил любопытный такой запрос от американцев.

От американцев?!

Ну, да. И хотелось бы вместе поразмышлять, что им ответить.

С виду Слава — само простодушие. Русский гигант с добрым лицом и мощными пятернями, которые обычно зовутся «грабками». Дед Шварченко учил меня в тайге: «Первым делом, Лявонтич, зри на пальцы. Я от этим указательным ткнул утром в лоб уполномоченного — к вечерней трапезе еле отходили!» — «А где трапеза была, дедушка?...» — «Дак в избе у нас и была. Дома. У баушки».

Ну как после таких воспоминаний о «стране Сибирии» со Славой не встретиться?

Тем более за спиной у него маячат «штатники» с любопытным запросом. Может, хотели бы знать, найдется ли время посетить родину любимых еще со студенческих лет, со времен университетского литобъединения «Высотник», писателей-американцев? Шервуда Андерсена, Амброза Бирса, Эдгара По и Брет Гарта... далее, как говорится, везде. Сработал наконец — правда, с большой задержкой — исповедуемый мной «закон притяжения»? Подобного подобным.

Как еще в нашей новостроечной газетенке провозглашал в своем стихе Паша Мелехин: «Сибирь — Америка России». Пусть исторически неточно, но нам-то всем тогда было ясно, что он хотел сказать.

И вот — поди, позовут.

Не все же туда Евтушенке мотаться!

Уже небось остобрындело, а — надо!

— Знаешь, что их интересует? — спросил Слава, когда в свою большую руку взял крохотную рюмочку: протокол! — Почему-то интересует, откуда у тебя могла быть... преждевременная, так скажем, информация о дне кончины Леонида Ильича. И это, насчет будущего праздника. Есть ведь... и немаленькая, скажем, группа граждан, для которых это и действительно стало праздником. О присутствующих, как это водится, не говорим...

— Да иди ты! — сказал я. — Ты что, Слава? Другое дело, что ему уже давно пора было уйти на покой, но желать уйти вообще... Как говорится, не по-христиански!

— Рассказать тебе, как мы провожали туда Иосифа Виссарионовича? — спросил вдруг Слава. — Мне как раз пришлось быть среди тех, кто видел его, считай, последним... Перед тем как закрыли гроб.

— Как это ты сподобился?

И Слава, будто сам над собой посмеиваясь, взялся рассказывать «всю свою жизнь с самого начала»: ну, почти как разговорившийся вдруг мальчишка-бетонщик на нашей Западносибирской Сечи.

Простые, без сокрытого дворянства, родители. Школа. Профтехучилище. Завод. «Вступил в ряды» в армии. После нее повезло: по рекомендации райкома попал на работу в Колонный зал Дома союзов и через несколько лет стал там главным осветителем.

Я спросил:

— Всего публичного политического действия?

— Представь себе!.. Когда умер Иосиф Виссарионович, день и ночь от пульта не отходил, пока гроб был в Колонном зале. Рядом полковник госбезопасности. Команды отдавал. Большой прожектор у нас был — «пушка». С узеньким лучом, который освещает только лицо, — «пистолет». Вот он: «Из “пушки”, Славик!.. Так, хорошо. Теперь — из “пистолета”. По товарищу Сталину!» Можешь себе представить?.. Одно дело — ловить лучом Лемешева или там Ивана Семеновича Козловского. А тут... У меня слезы на глазах, а он: «Поточней, поточней из “пистолета”!» По товарищу Сталину, как тебе?! Сам ты разве не плакал, когда он ушел?

Ох, было, было конечно же!

Но зачем он мне вдруг рассказал, как хоронили Иосифа Виссарионовича?

Уж не затем ли, чего доброго, чтобы этот якобы Герхард попросил потом у меня значок Сталина?

Неужели одна шайка-лейка?.. Или слишком грубая была бы работа, как говорится: там Сталин — тут Сталин.

Стоп, однако, «машина»! Стоп, красная.

Отрывок в «Литературке» — в каком-то смысле «цветочки». А «ягодки» посыпались в конце года.

В двенадцатом номере «Нашего современника» вышла вторая часть моего «Проникающего ранения». Но открывался номер, само собой, портретом Леонида Ильича в траурной рамке.

Так уж вышло, что дожидались своего часа новая повесть в «Сибирских огнях» и — дело дотоле небывалое — пьеса в «Современной драматургии». И то и другое вышло также в двенадцатых номерах. Тоже с траурными портретами Брежнева.

Ничего себе собрал я урожай в конце 1982-го!

Как тут и правда не решить: сон в руку!

Но стоп и правда что!

В Мюнхене вдруг пробила мысль, что и сюда, на чемпионат мира, «подбросил» меня не кто-нибудь — сам Леонид Ильич. Лично!

Кто-кто, а он-то был известный болельщик. Разве не видал его в Москве на играх с канадцами?.. Один матч, сдается, из-за него тогда задержали. И тут же начали, когда он наконец появился на «правительственной» трибуне.

Да и вообще. И у Рогатина Бориса, и у Тяжелникова — кто был самый главный начальник? Дорогой Леонид Ильич. Леня.

К этому времени, правда, он уже почил... Ну и что?

Оттуда проследил.

Пообещал человеку «подвезти» — будь любезен.

Как мы раньше на ударной-то своей, на комсомольской: «Дал слово — сдержи его!»

Вот, сдержал!

Недаром же меня пытался духом поддержать батюшка Александр Борисов, настоятель церкви Козьмы и Дамиана в центре Москвы. Любимец наших леваков-«шестидесятников».

Увидел как-то на своем рабочем столе напечатанную на тонкой, на «папиросной», как в станице говаривали, бумаге книжечку американца Моуди «Жизнь после жизни». Спросил у сына: твоя, мол?

— Теперь твоя, — отвечал как бы наставительно. — Маша мне принесла. Борисова. Отец ее просил тебе передать.

С Машей и ее сестрой-близняшкой в «третьем меде» учились в одной группе, и это делает отцу Александру Борисову честь: услышал от них о нашем горе, решил, что надо помочь...

Это теперь я ерничаю, а тогда помогла нам выжить в том числе эта книжечка.

Но грешное с праведным, известное дело, частенько хаживают рука об руку... Чем же мне еще было спастись теперь в лопающемся от жира немецком Мюнхене?..

Вот и давай, Леонид Ильич! — вел я теперь неслышный разговор с Брежневым. — Уж если решил послать сюда паренька — помогай теперь. Разобраться с этим уверенным в себе пожилым симпатягой Герхардом!.. Кто он, в самом деле? Откуда?

Грубо говоря: наш, не наш?

Или тут как раз это не подходит?

Может оказаться, что не наш по каким-нибудь хитрым спискам, по которым и зарплату выдают, и награды... А душой, душой!

Вернемся, однако, к нашему дяде Васе Акушеву...

К его ответному визиту на нашу Антоновскую площадку...

Штука в том, что, когда выпили у него в Мысках, он запел, да вдруг так, что все мы заслушались. Какой у дяди Васи был голос!

А к той поре, о которой речь, я успел купить очень хорошо звучащий магнитофон «Тембр». Добрый советский «стационар» в два пуда весом.

Первым, кого я записал, был наш «металлургстроевский» поэт Паша Мелехин. Очередной московский беглец. Блестяще продолживший традицию, начатую незабвенным Сережей Дрофенко...

В очередной раз стыжусь.

Из той братской плеяды, которую мы начали в редакции собирать еще с Геной Емельяновым, живы теперь только Роберт Кесслер и я. Так же как сам Геннадий Арсентьевич, наш общий учитель, ушли в мир иной Анатолий Ябров, никем за пределами нашей «Кузни» так и не оцененный мастер прозы и глубокий философ. Ушел тонкий лирик и умница Коля Николаевский. Ушел, оставив после себя в Мысках детский «Духовный центр», ставший школьным учителем русской литературы Геннадий Нунывахин. Успевший, слава богу, издать несколько книжек о Пушкине. Проницательнейший, как выяснилось потом, без единого титула ученый.

Один за другим покинула этот мир славная когорта московских поэтов: Сергей Дрофенко, Павел Мелехин, Владимир Леонович.

Кто о них обо всех расскажет?

Роберт слишком мало пробыл на стройке и никого из них, кроме жестоко школившего его Емельянова и бесконечно сострадающего коллегилитсотрудника Толи Яброва, в глаза не видел.

И немалый этот душевный груз — обязанность обо всех «металлургстроевцах» рассказать — лежит на мне, многогрешном.

Если бы успеть!..

А тогда Паша Мелехин чуть не впервые появился у нас дома как стеклышко. И — даже при галстукe на белой рубашке. Роза Хайруллина, его верная подруга и благодетельница, тоже признавала, скорее всего, важность мероприятия, ожидавшего ее ершистого, временами буйного возлюбленного.

Магнитофонную ленту в то время практически было не достать. Несколько бобин вынес для меня, что называется, под полой один из московских дружков, работавший тогда в Москве на радиостанции «Юность»... О, наша молодость! Без кавычек.

Потому-то, когда Павел прокашлялся наконец и я нажал на кнопку своего «Тембра», с ленты вдруг донеслось: «Не только пиво-раки мы пили и лакали!..»

Прости, дорогой Борис Абрамович! — вслух пришлось сказать модному тогда Слуцкому.

Здесь, мол, тоже «готовятся в пророки товарищи мои»!

На другом «переднем крае». В другой обстановке.

Так вот, с дядей Васей тогда договорились, что он непременно приедет к нам на Антоновку и я запишу на магнитофон шорские народные песни. Может он предварительно хорошенечко их припомнить?

Чтобы не «затыкаться» потом перед микрофоном.

— Все вспомнил. Все! — радостно говорил, когда я помогал ему раздеться в длиннющей нашей прихожей. — Одну даже на бумажку писать пробовал. Но лучше так...

— Нет-нет, давай бумажку, дядь Вась. Какой молодец!

Он сунул руку во внутренний карман пиджака, протянул мне сложенный крест-накрест мятый лист из тетради в клеточку. В самом верху чет-

вертушки одиноко стояла криво написанная строка: «Двадцать второго ш июня». Ничего больше на листке не было.

Хотел было спросить, что это значит, но дядя Вася меня опередил. Приподнял видневшийся из-под пальто на вешалке край светло-серой шинели, подозрительно спросил:

— Кто такой-та?

— Сейчас вас познакомлю, сейчас...

Но он уже быстренько прошелся пятерней в глубь висевшей одежды, выпростал погон на плече:

— Капитан, однако!

Мимо моего кабинета прошли в гостиную, где колдовал над «Тембром» кемеровский друг Толя Лопатин, и я ему весело сказал:

— Теперь ты будешь не просто капитан. Будешь «капитан, однако».

— Это выше! — со значением согласился дядя Вася. — Когда шорец признаёт звание.

Поручались, и дядя Вася задержал в своей ладонь Лопатина: будто все продолжал некое одному ему ясное исследование. Уверенно сказал:

— А ты нормальный мужик, Толька!.. Я сперва думал, тут засада!

Как не воспользоваться такой щедрой «подачей»?

— С нынешнего дня дружеская встреча с шорцами будет называться у нас «засада». Так, дядь Вась?.. Разве мы сейчас не *засади*м?

Это намерение мы, само собой, тут же осуществили, и через полчаса в гостиной дым стоял коромыслом.

— Скажешь бабе спасибо, что приготовила! — наставлял меня дядя Вася.

Я как бы возмутился:

— Для такого гостя?.. Несколько раз просила сказать спасибо за соболюшек...

— Хорошай, однако, соболюшка. Очень хорошай.

— Она думала, с тетей Катей приедете.

— Кате надо дома работу делать, пусть там сидит. — И будто бы с давним интересом обратился к Лопатину: — А что я тебя в лесу не видал?

— Да по лесу ведь не бегаю! — рассмеялся Лопатин.

— Это я уже по твоей шинелке, однако, понял. Зад сильна тертый. Поэтому и спросил. Конторским тоже надо тайгу знать!

— Учту, дядь Вася. Учту.

А старый таежник вдруг плюхнулся на пол и ухо приложил к полу:

— Кто там у тебя в подполе?

Расслышал-таки!

Сам я детские голосишки внизу слышал редко.

Наш дом, один из четырех в поселке, был «старого типа»: из кирпича. С толстыми стенами и высокими потолками.

Когда мама с отцом решили было продать дом в станице и «переехать в Сибирь», нам дали в нем четырехкомнатную квартиру на втором этаже: над детским клубом.

Жизнь так распорядилась, что старший наш сын подрастал на Кубани, а у нас жила моя младшая сестра... О, эти семейные узелки, которые не так просто распутать!

И на втором этаже, в нашей квартире над детским клубом, неплохо пока устроился, как понимаете, мужской клуб. Литературный?.. Охотничий?

Очередной, после мелехинских стихов, записью на новоприобретенный «Тембр» стал конечно же мой рассказ о несчастной судьбе матери-одиночки

из медвежьего рода... Правда, звучал он тогда чуть ли не героически. И с заметной хрипотцой. Надо было записать сразу. Пока от бесконечного пересказа между «пельменями из медвежатины» не потерял голос.

Третьей должна была стать запись песенного фольклора кузнецких татар.

— Потом нам могут и помешать, — решил я поскорее приступить к делу. — Давайте, дядя Вася. Настраивайтесь!.. А как я вот тут нажму...

— А Витька будет? — в который раз переспрашивал дядя Вася.

— Будет, будет. И Петрович будет.

И он опять отмахнулся:

— А, Петрович!.. Балаболка. Надо, чтобы Витька был.

— Будет-будет. Готов, дядь Вася?

Рукой показал, что да, и сморщенное, как печеное яблоко, лицо его сделалось ну до того страдальческое!

Йе-ех, двадцать второго ш июня!..

Ровна в чи-ты-ри часа!

Ки-и-и-в бан-били!.. Намаб-ивили!

Штона-чалася вайна!

В Мысках с тетей Катей они все затягивали бывшие на слуху нынешние песни, наши девчата даже пытались им вполголоса подпевать. А тут в горько всхлипнувшем голосе дяди Васи прорвалась вдруг такая давняя, такая застарелая боль!

Мы с Толей невольно глянули друг на дружку.

А дядя Вася опять не запел — вскричал:

Ув-вы-ы-ы!.. Друк-мо-о-ой!

Пишу ш я вам ле-е-е-евай рукой!

Бонба упа-а-а-а ла, кись-атар-вала!

Почир-кис-порти-ла-мой!

Опять ознобило дальше, как тихая зарница, воспоминанье о рыдающей на послевоенном базаре гармошке. Играла девочка, пел ее безрукий отец, а мой, в черных очках и с тростью, громко вдруг спросил посреди песни: «Это ты, Иван?!»

Дослушали дяди-Васин вариант «Синего платочка», тут же, само собой, выпили. Тут же я отмотал ленту назад, и мы от начала и до конца проверили запись.

— Молодец, дядя Вася, молодец! — подбодрил я нашего гостя. — Теперь давай шорскую. Татарскую давай...

Он уже освоился с моей техникой, разрешил деловито:

— Втыкай!

Нажал на кнопку, сам сперва сказал:

— А теперь Василий Семенович Акушев споет шорскую народную песню. Пожалуйста, дядя Вася!

Как он опять взрыдал:

Йе-ех, двадцать второго ш июня!

Ровна в чи-ты-ри часа-а!

Разве можно перебить? Эту, мол, дядь Вася, уже записали! И мы дослушали до конца, опять прокрутили уже новую запись, выпили. Я попробо-

вал объяснить, что нам от него надо. Что старую какую-нибудь народную песню прошу его спеть сперва по-шорски, а потом уже или перевести на русский, или по-русски спеть. Если есть русский вариант.

— Втыкай! — приказал дядя Вася.

Опять я «воткнул». И опять он зарыдал своим удивительно звонким и таким безысходной печалью наполненным голосом:

Йе-ех, двадцать второго ш июня!

Все-таки я нажал на «Стоп»:

— Дядя Вася! Договорились — народную.

Он оборвал песню, но заговорил так же горячо и горько, как пел:

— А рази шорцы не народ?.. Татары. Кузнецкие. Не народ?.. А рази они не воевали?.. Или песню не помнишь? «Идет вай-на на-родная! Священная вайна!» Ты не помнишь? Или Толька тоже забыл? У афицерской шинели, а?! И забыл! Спеть вам тада энту? «Вста-вай, стра-на огром-ная!» Эту спеть?! А я вам — про июнь... Самая главная моя. Шорская народная песня. Теперь иё многие поют. А ты знаешь, как я пел иё в госпитале? Када они мене все-таки подрали. Немцы!.. У их тоже снайпера будь здоров. Не все жа мне их подстерегать. На позиции намолчался, а када попал в госпиталь, запел один раз. У палати. А они собрались, бойцы. И в дверях, и на подоконниках. Еще спой!.. А потом врач пришел. Иди, говорит, Василий. Споешь лежачим... Шибко умный, однако, был. Очень пожилой. Старай совсем, можна сказать. Еще царской доктор!.. Он потом велел отдать мне и солдатские штаны, и гимнастерку. И медали мои опять повесить. Ты еще мальчик, говорит. Ты понимаешь? Ешо мальчик. А у тебя уже два ордена Славы. И руку мы тебе все равно спасем. Снова будешь в своей тайге стрелять соболишку. А пока пой солдатикам!.. Договорюсь, будешь ездить по другим госпиталям. По всему Воронежу, однако, я потом ездил! И даже в Курске был. Знаешь, как я им пел?! Двадцать второго ш июня!..

И правда, он был похож на шамана, который на наших глазах вошел в транс.

С кем же он там общался, в ином мире? С какими духами?

Или снова сопротивлялся духу войны?

Или поддерживал боевой дух таких же, как сам тогда был, солдатиков?

— Запиши еще раз, запиши! — попросил Лопатин.

Дядя Вася снова скомандовал:

— Втыкай!

И я опять нажал на «Запись», а дядя Вася опять запел свою песню-плач.

Как оно все в нас переплелось!

С Лопатиным познакомились год назад на съезде комсомола в Москве и подружились безоглядно, как будто оба знакомства этого давно ждали.

Он был из Кемерова, служил там в управлении лагерями. В зале Кремлевского дворца съездов, во время скучного заседания, я нацарапал длинный стих о его имевшем якобы место бесчеловечном отношении к своим подопечным:

В Горной Шории, в краю,
где прозрачны реки,
беззаботно, как в раю,
вольно жили эзки.

Но случилась беда.
Ясно, что некстати,
с флота прислан был туда
лейтенант Лопатин.
Стал шмонать их каждый день,
бить по... кантом,
став за эту дребедень
старшим лейтенантом.

Дальше «героические» подвиги бывшего краснофлотца изображались еще ярче.

Настолько, что вечером уже прочно спаянная компания «единомышленников» посчитала необходимым побывать в Центральном доме литераторов.

В Пестром зале долго рассматривали настенные надписи, в стихах и в прозе, оставленные именитыми поэтами и писателями. А потом, когда я уже отстоял очередь в буфете и шахтерская братия из Прокопьевска перенесла рюмки с бутербродами за наш столик, стали соображать, как нам тоже увековечить свое пребывание в уникальном столичном заведении.

Лопатин в конце концов на стенке рядом с нашим столиком «от лица службы» черным фломастером написал: «Товарищи писатели! Ожидаю вас в Горной Шории!» И не только расписался — бесстрашно указал свою должность...

Не за это ли ему почти тут же «очередное воинское звание» и присвоили?

Теперь он из Кемерова привез мне в подарок новенькую форму «строгорезимника»: полосатые брюки из хэбэ. Полосатую куртку, которая сидела на мне ну до того ловко! Что-что, а это шить научились, точно. И полосатую шапочку. До того была мне к лицу!

— Вот, будет у тебя строгий домашний режим. Сиди и пиши. И — ни к кому! Ни чей-то орден обмывать. Ни квартиру. Ларису проинструктирую. Будет мне звонить, если что. Тут же с домашнего переведем на «общий строгий».

Лопатинского подарка она еще не видала. С порога вручил мне, когда она уже ушла на работу. И только я успел все примерить, как в дверь позвонил этот шорский «фольклорист»: пришлось все срочно запихивать под подушку.

— А када будет Витька? — опять спросил дядя Вася.

Еще в Мысках он все к нему поближе подсаживался, все о чем-то подружески спрашивал... Тоже закорешевали, надо же!

— Сказал, постарается пораньше...

— Мне ба у его кой-что спросить. И кой-что сказать...

— А нам не можешь, дядь Вась? — спросил Лопатин.

— Зачем тебе? Не усё равно? Ты знаешь, сколько я немцев пирколошматил?

Конечно, я не удержался:

— Это и хотите Райху сообщить?

— Я такой дурной? Или ты?.. За тех немцев я ему уже говорил.

— За дядей Васей теперь придется следить, — с нарочитой озабоченностью проговорил Лопатин. — На стройку к вам немецкие спецы едут. Из ФРГ.

— Ох, знал я одного немецкого спеца! — радостно сказал дядя Вася.

Толя уточнил:

— Из ФРГ?

Гость наш презрительно фыркнул:

— Твоей фырыгэ до его — какать не докакать. Таких и в Мысках теперь один-два.

— Раньше было больше?

— Почему? — удивился шорец. — Сапсем раньше не было. Когда стали строить ГРЭС, они научились. Как русский директор потом сказал: большое дела многа народу учит!

— А почему ж теперь осталось один-два?

— Остальные уехали. Спецы. Кто домой. Кто другую ГРЭС строить. Побродяги!.. У их свербит. А наши остались.

Опять тут придется сделать отступ.

Требуют его не законы жанра, придуманные «шибко умными» грамотеями.

Подсказывает интуиция.

Потом, когда мы уже давно вернулись из Мюнхена, мне позвонил Олег Спасский, с которым когда-то вместе работали в «Смене», он там заведовал отделом спорта.

Не будешь против, спросил...

(...Но вот ведь какое дело! Сейчас, ранним утром 6 ноября 2015 года, когда стал об интуиции писать, меня и прошибло: нападающий Сергей Макаров был на чемпионате лучшим снайпером. Это он тогда столько сил вложил в разгром Канады, который наши ребята им устроили в Мюнхене!

Верней как? Столько шайб вложил тогда в ворота канадцев?..

Это что же выходит: снайпер из нашей хоккейной сборной появился на страницах «Красной машины» в момент, когда мы загуляли на нашей Антоновской площадке со старым снайпером дядей Васей?

Что это? Игра подсознания?

В хоккей с шайбой, да.

Или какая-то куда более серьезная игра... но как они меж собою связаны, снайперы!

Или же — связаны игры?

Большие с маленькими... верней, большие с меньшими?)

...Так вот, не будешь против, спросил Спасский, если в книге, которую с ним сейчас делаем, появишься ты со своим новым романом?.. Он из интеллектуалов, Макаров, «Вороного с походным व्यюком» увидел еще в «Нашем современнике». В разговоре с ним как-то выплыло... Ты не против?

Сочту за честь, сказал. А Сергею спасибо и братский привет. Как он их тогда в Мюнхене разделявал!

Книжка вышла, Олег мне ее подарил, о «Вороном...» там есть, но я вот о чем.

Если «снайпер» Сергей Макаров, у которого вообще-то спортивное прозвище — Ловкач, довольно любопытно по тем временам, спасибо ему, рассуждал о литературе, как же мне о ней, о родимой, не размышлять постоянно?

Денно и ночью.

В этот раз вот о чем думал: всякий текст ждет, это как бы само собой, не только своего завершения — завершенности. И ради этого можно было бы опустить некоторые подробности... может быть, они второстепенны и вовсе не обязательны?

Но подсознание неумолимо ведет... или это оно-то и вручает нам одежду «строгого режима»?.. И постоянно потом следит: не нарушаем ли мы его, когда работаем?

Дело вот в чем. В тот день, пока мы ждали Витю Райха и Багрнцева, мы *досрочно* — это любимый водителями тех времен термин! — опорожнили мои стратегические запасы. Ну, недоглядел. Просчитался, бывает же!

По неписаным правилам «бежать» предстояло, естественно, мне. Но почему я пошел тогда в гастронорм в шинели и в шапке Толи Лопатина?

Разумеется, с его одобрительного разрешения: посмеиваясь, помогал одеваться. Он выше ростом, смугловатый лицом, с азиатским подмесом в чертах, крепак, и шинель для меня была длинновата и слегка топырилась на груди...

Зачем нам все это было надо? И мне, и ему. В чем тут секрет?

Просто выпили лишку? Или на ерничанье опять толкало что-то совсем другое?

Но свой поход туда и обратно в капитанской шинели помню так ясно, будто было вчера.

— Привет, старик!.. Ты чего это — к им перешел? Дали форму?

Это к кому, интересно, к «им»-то?

Может, это вечное противостояние вольницы — центральной власти? Другой вопрос — что это за «вольница», что за «власть»?

Помню, что таинственно отмалчивался...

Может, то было своего рода социологическое исследование?

— Ты чей-то, старик? За тобой приехали, а ты надел да сбежал от их?

Кто приехал?.. Куда я сбежал?

Вечно бунтующий дух?

Тогда он еще был таким, был...

Толпа возле винного отдела встретила меня восторженным ревом:

— О, тебя надо без очереди!

— Дак он иё для того и надел!

— Не-е, хай стоит! Хуть поговорим.

— Пусть раньше! Посмотрим, что будет брать!

— Да тут не разгонисся!

— Низзя ему вперед! У в этой шинели. За что тада и сожгли милицию.

— Дак тогда майор сам лез, людей отпихувал, а теперь народ сам хочет пропустить.

— Тада майор, теперь капитан — да не один хрен, скажи?.. А, старик?

Незнакомые, командированные видать, теперь все больше из «пусконаладки», «пускачи», наклонялись друг к дружке: переспросить. Кто таков?.. Стоит поднимать хай или не стоит? Если «мент» свой, пусть, конечно, берет — может, куда спешит. По доброму делу. Разве такого не бывает?.. «Менты», в конце концов, тоже люди.

Когда вернулся с парой бутылок за просторной пазухой капитанской шинели, в квартире слышались отголоски горячего спора: неужели где-то нашли?! Или раньше меня успели сбегать? Может, кто-то пришел без меня — принес?

— Ну, ты каких князей знаешь, дядь Вась? — вроде миролюбиво, но куда громче обычного спрашивал охотника Лопатин. — Скажи!

— Каких князей?! — тоже почему-то выкрикивал шорец. — Сергея Кузякова знаю.

— Еще?

Урок истории у них, что ли?

— Пахома Носова! — выкрикивал дядя Вася. — Тольку Карпенко!

Поставил перед ними на стол два бутылца:

— Что это вы с русскими князьями так панибратски?

Дядя Вася накинулся теперь на меня:

— А как с ими нада?!

— Такие княжеские фамилии слышать не доводилось. — Руками развел. — Другое дело... вещей Олег!.. Дмитрий Донской! Князь Пожарский. Барятинские. Шереметьевы...

Лопатин почему-то покатывался от смеха.

— А! — отмахнулся старый охотник. — Эти, может, где далеко. В Туве, может. В Хакасии. А, Толька?.. Красноярский край тоже большой.

Рюмок дядя Вася не признавал, я пододвинул ему граненый стакан, налитый «на два пальца»:

— Действительно, с вами без этого дела не разберешься!

— Сначала зайду за кустик, — оповестил дядя Вася.

Скрылся в туалете, чем-то там загремел. Спустил воду, перешел в ванную и на всю катушку открыл кран.

Лопатин поводил пятерней: мол, хорошо, хорошо — зато не услышит. Взялся торопливо рассказывать:

— «Князь» — это начальник лагеря. У зэков. Ну, и у тех, кто знает... Дай, думаю, этого хитрована прошупаю! У шорцев тут всегда был подсобный промысел: ловить зэков. Ну, беглых. Беглецов. За это давали охотничий припас. Даже в самое тяжелое время. Дробь, порох. А после войны стали и карабин, и патроны. Лишь бы догнал. Догонишь — мешок муки. Не приведешь — полмешка. Если покажешь номер с куртки. И уши...

— Какие уши?

— Ну, какие, какие... обыкновенные. Левое с правым. Вот он и стал тут мне... Заливать. Ты знаешь, Толька. Пока не разберусь, правильно или нет посадили, не стрелял. Бывало, что даже отпускал, если человек хороший. Спрашиваю: а уши?.. А он: а!.. Этих ушей у меня целый запас был. Летом на снежнике в горах держал. Или в ручье... А где брал? В город, говорит, ездил. В морг. Там за шкурку дадут что хочешь. Представляешь?! А ты все про своих монтажников. Вот где сюжеты, а? Если не брешет.

Дядя Вася закрыл в ванной воду, распахнул дверь. С порога сказал:

— Не так, Толька!

Лопатин оторопел:

— Что не так?

— А все, что ты говорил. И про припас охотничий перепутал. И про муку. Про уши тоже не так. И я тебе не брехун...

В азиатских глазах Лопатина вспыхнул, мне показалось, чисто профессиональный интерес. Который был выше мелких условностей.

— Ты что, все слышал, дядь Вась?

Шорец удивился:

— А как же?.. Какой ба я был снайпер, када слуха нет? Какой разведчик?... Какой охотник, када не слышу, как листик с осины обломался да упал?

В голосе у Лопатина послышалось неподдельное уважение:

— Опасный ты человек, дядь Вась!

А шорец поднял заскорузлый палец и расцвел вдруг улыбкой:

— Однако Витька!

— Витька? — удивился Лопатин. — Где?

— Чую, однако, открыват дверь у подъезде! Надо иво пустить.

Пошел открывать дверь.

Немчура

Не пора ли, однако, и нам снова «пустить Витьку» в наше повествование?

Познакомились мы в тот день, когда маленький такой ежик, которого, казалось мне, я случайно, не помню где, проглотил, на скудных столовских харчах все-таки подрос и запросился на волю... скажу я вам!

Нынче мы привыкли говорить о простых вещах: мол, и ежу понятно.

Так вот и тогда: ему-то, ежу, было ясно, что на воле оно как-то лучше. А мне-то — нет. Больно!..

И поплелся я среди ночи в нашу 29-ю больничку. И попал к дежурившему там молодому хирургу.

По гороскопу я Рак. Хирург, которому я на свои неловкие обстоятельства пожаловался, живо мне об этом напомнил. Предложил принять позу, соответствующую этому знаку Зодиака. А потом вдруг и говорит:

— У нас обезболивающих и днем нет. Ночью — тем более. Если что, приходится — стакан водки... Потерпишь?

— Без водки? — интересуюсь в неловкой позе.

— Да, — отвечает. — Ночь, все закрыто.

Говорю ему:

— Лишаете перспективы, доктор!

Успокоил:

— Свое мы, надеюсь, потом возьмем!

Как в воду глядел: так и было.

Когда боль стала невтерпёж, прошу его:

— А можно, я буду со своей «пятой точкой» разговаривать?

— Конечно, — разрешил он. — Давай!

О, это была поэма о «пятой точке»! Которую я называл, правда, несколько грубей.

Я каялся, что не берег ее, и обещал, что впредь этого больше не будет. Что нос теперь не высуну на улицу без кальсон. Без ватных штанов не стану больше садиться на промплощадке ни на бетонные блоки, ни на стальные фермы.

Голос мой иногда становился чрезмерно громким, и доктор тогда, не отрываясь от дела, спрашивал:

— Она у тебя плохо слышит?

И я тут же подхватывал:

— Обещаю также купить тебе наушники... ой-ё!

— Это марка наушников?

И я взывал:

— У-у-у!.. Марка, марка!

В конце концов он сказал:

— Поверь, я сделал все, что мог. Но в наших условиях... Если «ежик» твой снова зашевелится, придется почистить еще разок. Уже с предварительной подготовочкой.

«Ёжик» через месяц-другой зашевелился. Я опять пришел к Райху и выложил на стол взятку: несколько завернутых в газету электрических лампочек.

— Как это тебе удалось? — спросил он. — А главное — где?!

— Секрет фирмы, само собой. Но не скрою...

— Тебя-то мы на недельку потом заклеим, — пообещал Райх. — В туалете без света обойдешься. А кой-кому... в женский попрошу вкрутить, вот! Девчата жаловались.

Ну, так мы тогда на своем «переднем крае» строили светлое будущее! Без света в туалете. Без этих лампочек...

Днем меня сестрички хорошенько промыли.

А поздним вечером на край кровати подсел ко мне дежуривший в ту ночь очень уже пожилой врач с печальным лицом, испуганным — показало мне по молодости, очень давно и навсегда.

Совсем тихим, разумеется, голосом, чтобы не разбудить уснувших моих соседей, принялся меня просвещать: мол, в медицине есть такой раздел — проктология. Чуть ли не самый сложный. Английская королева, которой сделал удачную операцию русский профессор, настолько расчувствовалась, что подарила нам клинику. В Москве она так и называется: клиника профессора Рыжих. Неужели у меня в столице не осталось друзей и добрых знакомых? Которые могли бы устроить меня в эту клинику?!

Это не тот случай, когда проблему можно решить в провинции, нет! Тем более что оперировать меня будет молодой специалист. Да к тому же... к тому же... надеюсь, я его понимаю?

Совсем недавно мы были врагами, причем какими! Заклятыми!.. Вторая война на протяжении жизни одного поколения. Да еще какая война!

Нет-нет, надо, пока не поздно, отказаться от операции в нашей 29-й!

А меня почему-то как раз это в немцах и не смущало: бывшие враги! Откровенные.

Это ведь куда лучше, нежели лживые друзья!

Да и потом, потом...

Может, это из-за нашей фамилии, из-за которой дразнили в школе?..

Немец-перец-колбаса!
Купил лошадь без хвоста.
Поехал жениться —
Жинка не садится!

Да кабы только так!

Кабы только в школе!

В университете взрослый дурак с философского факультета только так меня и звал: «Фашистенко!..»

Когда наконец схватил его за горло, он прохрипел: «А что?! Твой отец вернулся, шлет теперь тебе переводы, а мать посылки, а ты знаешь, где мой отец, ты знаешь?!»

И я заплакал первый.

Так вот, может быть, из-за фамилии жизнь меня ну как нарочно постоянно сталкивала с немцами, а их ну прямо-таки на меня выносила?

Что там об оккупации, когда все это началось. Это как бы само собой. Но сколько я потом о немцах понаписал!

О русских немцах. Из Вановки в том числе, под станицей Тбилисской на Кубани. Где перед войной был большой зверосовхоз: до сих пор помню мордочки нутрий за негустой провололочной сеткой, через которую можно было просунуть палец. Когда сказали, началась война, я сперва так и понял: с этими немцами, из зверосовхоза. Когда узнал, что отцу пришлось их выселить, это дело одобрил. А то: «Не просунь палес, малтшик!»

Когда через пятнадцать лет в экспедиции на Южном Урале, возле печально известной речки Течи, под поселком со скучным названием Сенохозяйство, рубил дрова для поварихи Вали и она сказала, что родом тоже с Кубани, я вздохнул: «Не из Вановки?.. Не мой ли отец вас выселял?»

«Из Вановки, да! — сказала. — И твоего отца видела. Наши потом все вспоминали. Не проклинайте, говорил. Не поминайте лихом. Это не я такой плохой человек. Это — война!»

Может, немцы вернули ему добром?

Уже другие. Занявшие нашу станицу «немецкие» немцы. Заграничные.

Наши эвакуировать оттуда нас с мамой и младшим братцем не смогли, а знавшие отца местные полицаи отказались прописать у родни: «Припишем 22 января вместе с жидами!»

Узнавший об этом немецкий майор, тетин квартирант, велел спрятаться у нее в подвале и поставил у входа наверху молоденького часового, своего денщика, — уже другая тетка, наша крестная, бесстрашная «мамаша Карпенчиха», отбивала его потом у наших разведчиков, первыми пришедших в станицу: хорошо, что были учителями из нашей школы и оба тут же все поняли...

А сколько я написал потом о немцах, высланных в наши сибирские края!

А все кажется — мало.

И не так убедительно и правдиво, нет!

Чтобы в третий раз русско-немецкое кровопролитие, не дай бог, не случилось.

Разве это в зачатке не потенциальная классика, что рассказывала в тихой Монашке «баушка» Мария Евстафьевна?

В Осиновом плесе в пик войны пожилому немцу, бывшему пастору, доверили развозить хлеб по участкам леспромхоза.

Немец доверием этим очень дорожил, поскольку в маленькой колонии Осинового плеса продолжал и сплачивать, и защищать своих соплеменников.

Весной сорок третьего, в пик войны, на санях с полным ларем он спешил переехать первую из Терсей — Верхнюю. Река уже готовилась принять большую воду, льдину с двумя лошадьми и санками оторвало от берега и понесло по течению. Возница успел выпрыгнуть на берег и бежал, пока было можно, вслед за санками, но, когда они скрылись за речным поворотом, упал в отчаянии без сил.

Один вернулся на конюшню в Осиновом, нашел обрывок старых вожжей и сделал петлю на перекладине...

А через несколько часов в раскрытую дверь конюшни измученные лошадки втащили санки с полным ларем. Остановились под безжизненным телом пастора, трогали мордами безвольно висевшие ступни в изношенной обуви и потихоньку ржали...

Выскочили, оказалось, и вынесли санки, когда в самом устье льдину прижало к берегу мощным ледоходом, уже начавшимся на Томи...

...И вот лежал я тогда, Немец-перец. В затихшей ночью палате нашей 29-й больницы. И думал, как в местной присказке о шорцах, «как жить дальше». Принимать ли мне безропотно утром на операционном столе положение астрологического своего знака... Либо все-таки под каким-либо благовидным предлогом отказаться, пока не поздно, от операции и срочно «поставить под ружье» своих московских дружков...

Пусть ищут выход на «клинику профессора Рыжих»!

«Разрежут» меня там — разве тогда все вместе не станем ближе, что там ни говори, и к английскому двору, и к самой ее величеству королеве?

Что тогда во мне победило?

Подукрепившаяся на стройке приверженность пролетарским традициям?

Или солидарность со всеми, какие работали тогда на нашей Антоновской площадке, молодыми специалистами?

Сам я к этому времени уже исповедовал и доставшееся от соседей-черкесов, и родовое казачье: слово острее кинжала и стремительней шашки.

А сколько в своем «Металлургстрое» я успел настрогать фельетонов, где открыто значились имена и фамилии прогульщиков, разгильдяев либо «злостных расхитителей социалистической собственности»...

Которые потом, когда приходили с «опровержением», оказывались все не таким уж конченными людьми, а то и настоящей гвардией стройки... гвардией!

Может, и хорошо, что за такие дела мне теперь придется расплачиваться не чем-либо иным — всего-то, как бывало когда-то в детстве, собственной задницей!

И я, конечно, доверился «немчуре».

Пока лежал потом «заклеенный», успел и порадеть «родной 29-й» своим перышком и крепко подружиться с однокашником Райха по медицинскому институту Глебом Шульженко, перед которым и нынче остаюсь пока в неоплатном долгу.

Глеб Васильевич куда старше нас с Виктором. В Отечественную войну, или, как нынче уже справедливо принято, во Вторую Отечественную, летал на бомбардировщике. Как сам любил говорить — на «бомбере». Уже весь в орденах, был сбит, бежал из плена и снова летал. До конца войны. Когда в немецких архивах вдруг нашлась штурманская карта с его сгоревшего «бомбера».

И отправился боевой капитан, потомственный ленинградец, «питерец», как всегда о себе говорил, уже в другой плен. В свой. В родной сибирский. В котором пробыл куда дольше.

В Томский медицинский они с Райхом поступили в один и тот же год. Подружились. И решили потом вместе податься в мавинский своими легендами соседний Новокузнецк. Не куда-нибудь — на «ударную комсомольскую».

Время всеобщего помешательства? Или — время надежд?

Московский «доброволец», я стал младшим в нашей компании.

Но оба с Райхом и нынче ощущаем в себе духовное влияние «командира звена» — негибачего «ведущего».

Знаю, здесь не место описывать портрет Глеба.

Но, может, самое время?

Потому что исчезают, бесследно исчезают на Руси красавцы богатыри с полными благородства и достоинства лицами, в которых нераздельно слиты черты прошедшего суровые испытания воина и так и не сокрушенного ничем, с открытой душой добряка...

Недаром в больнице ходил потом анекдот о первой операции Глеба.

Ранней осенью на стройку привезли дедка-кержака, которого чуть было «не разобрал на запчасти» задравший перед этим его корову медведь...

Каким-то чудом дед оставался жив. Спасти его могла только срочная операция, но упрямый кержак не подпускал к себе «нечистых неумех».

В ту пору еще здравствовали, слава богу, светила, приехавшие в Новокузнецк с эвакуированным из Ленинграда ГИДУВом: Государственным институтом доусовершенствования врачей. На двух «Волгах» их привезли из города на консилиум. Хирурги с громкими, похожими на фамилию Райха именами, известная всей стране профессура, покачивали головами и переглядывались.

И тут дедок выцелил в толпе Глеба, впервые в тот день пришедшего на работу. Наставил на него палец и твердо сказал: «Пусть он меня сшиват... Без наркозу. А вас штоба близка не было».

Договорились в конце концов, что они, так и быть, побудут рядом.

И впервые в истории чего только не пережившей новокузнецкой медицины оперировал «тяжелого дедка» вчерашний студент. А ведущие хирурги знаменитого ГИДУВа, чуть не в полном своем составе, ему ассистировали.

По этой же, кроме прочего, причине — из-за своего внушавшего бесконечное доверие вида — Шульженко первым, как говорится, сделал карьеру: уехал в старую часть города, в Старокузнецк, заведовать отделением хирургии.

Мы с Виктором оставались в поселке. Усердно продолжали работать над совершенствованием так необходимой трудящимся всего мира «системы Райха–Немченко».

Одно из самых успешных ее испытаний, хорошо это помню, провели в осенней Монашке.

Несколько дней перед этим я один гостевал у Деда и «баушки». Долгими вечерами выслушивал их рассказы или читал Библию: тогда она оставалась на Монашке, они еще не успели мне ее подарить. Утречком пробовал работать, но больше бродил по монашенским горушкам, желтым от берез да пламенеющих багрецом тихо облетающих осин.

«Вывершивал» очередную малую сопку, садился на самом взлобке и долго вглядывался в разноцветную картину противоположного берега Терси, где золотом горящие под солнышком такие же островки были впаены нижней оторочкой уходящей вверх по увалам бескрайней «черной» тайги...

Какая чистая голубая даль висела над хвойными темно-зелеными пиками!

Счастьем было увидеть в это время будто простроченный в небе журавлиный клин, уловить едва слышное курныканье... Как, должно быть, красива с высоты пойма реки со стальной рябью остывающего русла, какой вид на снежники, на ледяные гольцы откроется птицам за перевалом!

Оттуда и появился вдруг почти безмолвный вначале, сквозящий лопастями кружок идущего на посадку вертолета: ну, будто я его выждал!..

Вырос в небе, оформился, с грохотом сделал круг над Монашкой и завис над прибрежным галечником... Да неужели?!

Ну, ясно: серый Ми-8 с крестом на борту. Санитарный.

Первым, как полагается, с лесенки соскочил на землю пилот, быстренько огляделся, и рев мотора почти тут же перебил, стали замедлять вращение лопасти...

Конечно, я уже мчался к приземлившейся машине.

А на землю уже сошел Райх, взялся помогать остальным:

— Мы к тебе, старик!

Ничего себе компания: трое мужичков и две дамы. Областные чиновники «от медицины». Осматривали прилегающую к Алтаю Горную Шорию: мол, как использовать в целях рекреации... Знаем мы это дело. Уже играли, как говорится.

Кто бы сейчас отказался хоть чуть да сверху взглянуть на красоту Божьего мира: на светло-синие, еще с темными верхушками, гольцы да под солнцем сверкающие снежники!

К Поднебесным Братьям, поди, летали. К Зубьям. Может, даже к Белухе?

— С дедом, с бабушкой договоримся, старик?.. Медовушки попробуют, слегка закусят и — в Кемерово.

Но тут-то и пронесся этот снежный заряд, даже для наших мест такой ранний. А потом вдруг начался дождь...

Пилоты вертолета, к общей радости, конечно же взлетать категорически отказались и объединились наконец не только с жующими. Уж эти-то ребята медовушку где только не пробовали... Но стоп, стоп!

Разве дотошный читатель не должен знать, что в таежных краях медовуха делается, как правило, трех сортов? Для себя. Для друзей. И — для врагов.

И хоть кемеровские чиновники, как почти все остальные на изобильной родине, были конечно же ее настоящими врагами, Дед угощал их все-таки первосортным напитком. Что с него возьмешь?.. Тайга глухая!

Или же народная глухая защита?

Так вот, после обильной медовушки начальство с пилотами уснуло в избе, а мы с Райхом попросили у «баушки» малосольных огурцов и ночевать отправились на сеновал.

Никогда не закусывали югославский коньяк пятилетней выдержки малосольными огурцами?..

По вполне понятным причинам теперь-то вам этого уже не отпробовать!

Ушла из жизни щедрая умелица Мария Евстафьевна.

И нет больше Югославии, которую мы еще недавно называли братской...

Но тогда!..

По дощатой крыше сенника мерно стучал дождь, и под его умиротворяющий аккомпанемент о чем только мы с Витей в тот долгий вечер не говорили.

Все больше о русских да о немцах.

Если бы были вместе!..

Расходились только в одном. Может быть, в самом главном?

Райх был неисправимый, непробиваемый сталинист.

Комсомольское поручение от «невольников»

Сосед Женя встретил меня возле отеля.

— Куда ты запропал? — заговорил возбужденно. — Думал, успеем еще сегодня, но придется на завтра отложить... Не смоешься опять?

Мелькнуло: рассказать ему?.. Стоп! Проговорил насмешливо:

— Тут смоешься, как же!..

— Пойдешь со мной завтра в «Квэлли»?

— Ты, я вижу, разбогател...

Надо полагать, он вздохнул:

— Я-то нет. Ребята должны разбогатеть. Когда возьмут золото.

— А возьмут?

— Можешь не сомневаться. Главное, они-то не сомневаются, нет. Вот что важно.

— А при чем мы с тобой?

— Погляди на календарь, — взялся просвещать меня Женя. — Последняя игра у них третьего, а билеты на самолет, как и у нас, пятого. Но мы-то, как могли, уже отоварились, у нас было время. А у них не будет. Получат гроши, и — сутки на все про все. Где там что разгля-

дишь?.. Тем более у многих головка будет бо-бо. Вот и просят. Зайти в этот универмаг, в нем все есть. И принести рекламный проспект. Там фотографии товаров и цены. Каждый что надо выберет, запишет для себя...

- Прекрасно!.. Для поднятия духа.
- Боевого духа, не забывай!
- Разумеется, боевого.
- А потом они на автобусе сюда — всем шалманом.
- И возьмут этот «Квэлли» штурмом.
- Сообразил?

Нет, не надо пока с Женькой советоваться: сначала надо хорошенько подумать. Пошутил:

- Понял наконец, чем научная группа занимается!
- Смейся-смейся.
- Да тут бы и заплакать самое время.
- Это в методику не входит. Это нам с тобой комсомольское поручение... Или ты «в рядах» давно? Тогда считай — партийное. От самого Виктора Васильича.

- Тихонова?
- Само собой. Он-то давно «в рядах»! Составишь компанию?
- Не бойся, я с тобой! — ответил названием фильма, среди актеров которого появился у меня еще один добрый знакомец: Лев Дуров. Дуров-Дортмундский, да...

О чем только я не передумал в тот вечер! Чего только мне не примстилось бессонной ночью!

А на следующий день мы с Женей отправились в самый роскошный мюнхенский универмаг.

Зачем описывать капиталистический рай?

Все это нежнейшее с виду бельишко, которое наши «ледовые рыцари» привезут потом своим верным женам... Все эти богатые шубки, сапожки, шляпки.

Которые они по картинкам будут выбирать в своем жестоком затворе.

Меня пробило: а ведь и в самом деле — неволя!

Неволя уже есть, да! У них — почти всегда и везде.

Их неволя — режим. Кроме прочего.

Но ожидает ли ребят и в самом деле величие?

И неужели только этим будет оно потом обозначено? И вознаграждено?

Общим большим хапком.

Оплаченным разграблением «Квэлли», где мы должны получить эти рекламные проспекты дамских трусиков...

По залам роскошного магазина шли мы с Женей, почти не глядя по сторонам. «У советских собственная гордость», — как сказал Владимир Владимирович. Маяковский. «На буржуев смотрим свысока...»

Мы по этому «капраю» будто неторопливо прогуливались...

Но в царстве джинсов все-таки надолго остановились...

Как подумаешь: «Из дерьма — пирога!» Любимая поговорка задушевного друга Славы Победоносцева. Внучатого племянника графа Константина Петровича, обер-прокурора Святейшего Синода. Ответственного секретаря журнала ЦК ВЛКСМ «Смена», в застенках которого вместе маялись... тоже была еще та неволя! Но где ее нет?

Она повсюду.

Понять бы, что с величием. Грядет ли?.. И — какое-какое?!

И вот из-за этих поганных джинсов, без которых нынче ни один уважающий себя «строитель коммунизма» не обойдется... Да что это?

И правда — наваждение!

Ну, то ли дело синие китайские штаны из хэбэ!

На своей ударной, на комсомольской за дружеской пирушкой как-то договорились. Комсорг Слава Карижский. Тот самый, да. Который потом, поработав секретарем парткома Гостелерадио, отправился Генеральным директором в Госцирк. Юра Лейбензон. *Теневой* комсорг, оставшийся таковым с тех пор, как привез на стройку первую партию «добровольцев» из Москвы. Главный механик ЖКХ. «Главный сдергиватель». Как называл его Гена Емельянов, делая при этом выразительное движение сжатой пятерней сверху вниз. Словно над унитазом, «значитца». И я. На ту пору — уже японский шпион. Побывать американским успел чуть раньше.

Сидели мы не за какой-нибудь местной «косорыловкой» либо, известное дело, — «стенолазом». За государственной бутылкой синеватого цвета с немудрящей наклейкой: «Спирт питьевой». Девяносто шесть градусов. А?! Цена 5 рублей 67 копеек.

В благодарном сознании отпечаталось навсегда!

Сидели, значит, и кто-то первый и говорит. А что, ребята?.. В народе, мол, говорят: последние штаны пропил! А не сделать ли нам наоборот? Чтобы этот зловерный стереотип разрушить до основания? А затем...

Конечно же тут началось:

— А затем — «мы наш, мы новый мир построим»?

— Ага, «кто был ничем, тот станет»...

— Славка пойдет в бетонщики.

— Лейбензона кинем на профсоюз...

— А Гарюша...

Но поступило предложение иного рода: не сдавать бутылки до тех пор, пока на трое китайских штанов не накопим. Они тогда семь рублей стоили... Договорились? Кто за?

Против нет. Воздержавшихся тоже нет. Принято единогласно.

Копили бутылки. И все вместе, и каждый в отдельности. Терпеливо подсчитывали. Долго!..

С безразмерными, набитыми бутылками рюкзаками на мотоцикле с коляской поехали наконец на соседнюю Нижнеостровскую площадку и там сдали.

Вернувшись, купили у себя в магазине трое штанов и бутылку «Спирта питьевого»: ничего иного в гастрономе тогда не имелось. Передний край! Трудности...

Каждый надел эти новые штаны, и уселись их обмывать... а вы говорите: мол, последние штаны пропил. Кто?!

Только не мы, во всяком случае.

И сколько-то дней или даже недель были форменно счастливы... да что там!

Вот и в хмурый подмосковный денек, когда сижу за компьютером над «Красной машиной», просияло для меня далекое сибирское солнышко моей молодости...

Но ведь к нам-то из Москвы ехали тогда — все в джинсах да в джинсах...

И корреспонденты, и артисты. И даже один комсомольский деятель из Москвы в американских джинсах был замечен...

Мы с дружкой Колей Шевченко, знаменитым на всю страну бригадиром монтажников, на выездах в столицу образовали тогда такой тандем:

красавец и говорун. В каком-нибудь нужном нам магазине он только загадочно улыбался продавщицам, а я заливался соловьем... И уходили с «дефицитом» для наших жен-терпеливиц. Было!

Когда-то на стройке рассказывали, что примерно так поступил Петр Михасенок, белорус. Умница и симпатяга, комсорг бригады монтажников, почему-то остававшийся в тени своего «бугра», кубанца, «харизматичного», как бы сказали теперь, а то и «брутального» Виктора Цыся... Какая вообще была бригада!

Один к одному гвардейцы, это в прямом смысле. Ведь на ударную стройку еще надо было попасть, был почти конкурс! И наши «покупатели» брали крепких пареньков из гвардейских частей.

Как все, ходили сперва в армейском. А пообносились-то побыстрее других — работы!

И вот тогда-то и поехал на свою родину, в Белоруссию, Петр. На запад! С деньгами, которые ребята собрали. С общим снимком бригады. И — с отдельным листком, на котором были расписаны приблизительные номера костюмов и точные «размеры» каждого.

Уж как он там, Михасенок, провернулся, кто теперь скажет?

Может, Петру одному пришлось в двух лицах шустрить: и говоруна, и умника. Да ведь таков и был!

И привез он из Белоруссии полтора десятка черных польских костюмов и столько же белых рубах: на всю бригаду.

Может, «скорая» тогда подбирала наших девчонок? Падали!

Когда пошли они шеренгой по «Сорок лет комсомола»...

А тут оно, в этом «Квэлли», все — бери не хочу. Были бы марки.

Ну, почему — не наши рубли?!

И ажурное дамское белье. И крепкие мужские башмаки. Мечта каждого приличного скифа... ведь «скифы мы. Да, азиаты мы...». И куртки «Адидас»... нет!

«Кто носит куртку “Адидас”, тот первый родину продаст!»

Господи! Да за что?

О том ли думаем?..

Нам не прода-ать.

Нам бы наконец ее выкупить.

Давно измученную. За столько лет какого только горя горького не пережившую...

...У Жени с немецким тоже было не гладко, но наконец нас поняли.

Для русских спортсменов?.. Хоккей?.. О, хоккей!

И дали нам пять толстенных книжищ в разноцветном глянце.

Три для русской команды. И по одной — каждому из нас.

В знак благодарности.

Да, пусть наши с Женькой бабенки хоть полистают!

На работу отнесут. Чтобы подружки проглядели. Что носят в проигравшей войну Германии. В изобильном городе Мюнхене.

Где есть богатая фирма, которая обеспечивает вывоз кладов из нашей победившей немцев страны...

Мюнхенская Либерия Иоанна Грозного

В магазин «Русской книги» мы пошли с тренером харьковского «Динамо» Виктором... ну, что теперь у меня спрашивать фамилию? Прошло три с лишним десятка лет.

Самого-то его как будто вижу: был в нашей группе один из самых доброжелательных и самых деликатных. Насколько это понятие к хоккейному тренеру применимо.

...Все-таки я попробовал.

Поискать фамилии временных «запорижцев» нашей вольной «хоккейной Сечи», то и дело нарушавшей тогда обывательский «орднунг» утопавшего в роскоши Мюнхена.

Для начала на ближней полке из ряда разноформатных книжек указательным пальцем наклонил едва не самую меньшую и, когда уже оказалась в руках, радостно удивился...

Не знак ли снова?!

«Стихотворения» Константина Симонова. Истертый множеством рук крошечный сборничек в потемневшей, некогда голубоватой обложке. Напечатанный московским «Гослитиздатом» в грозном 1942 году. Под обложкой синими чернилами дата: «5 октября 1957 г.» Инициалы: «Ю.Х.»

Алтайский подарок Юлы Хрущевой. С переписанной ею на последней, перед задней обложкой, страничке песней, сводившей тогда с ума журналистов-студизов. Казавшейся в ту пору чрезвычайно глубокой и безысходно печальной: «Шеф нам отдал приказ лететь в Кейптаун...» Чем вам не Кьеркегор?

И опять — о неволе?

Как нынче любят говорить: да уж!..

По сравнению с той, под портретом Симонова на форзаце книжки, неволей. За портретом следует вводный стих:

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем:
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.

И окончание стиха:

Мы знаем, что еще на площадь выйдем,
Добыв победу собственной рукой,
Мы знаем, что тебя еще увидим
Над праздничной народной рекой.
Как наше счастье, мы увидим снова
Твою шинель солдатской простоты,
Твои родные, после битв суровых
Немного постаревшие черты.

Последним в сборничке из 200 страниц напечатан известный стих Константина Михайловича «Если дорог тебе твой дом». Тот самый, который тогда в обиходе звался «Убей немца».

Конец стиха, воплощающий его смысл:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей,
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Нам еще предстоит вернуться и к Юлии Леонидовне, так щедро осыпанной Господом Богом и милостями, и горестями нашего по-прежнему

чрезвычайного времени. И вернуться к Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Но пока мы в магазине «Русская книга» в Мюнхене...

Проницательный читатель воскликнет: наконец-то!

Иначе где же та духовная планка, которую предлагает автор?.. В чем, в конце-то концов, его профессиональный интерес не только русского писателя, но вдобавок теперь — издателя? С немалыми, судя по всему, полномочиями.

Кабы!..

Перед этим мы с Виктором пешком добрались до главного мюнхенского вокзала, где, по слухам, был самый широкий выбор мировой периодики... Но что же мы — будем искать комментарии хозяев чемпионата либо попытаемся разобраться во впечатлениях итальянцев, чья команда стабильно оставалась последней?

Под любопытствующими взглядами киоскеров мы конечно же просматривали родные наши газеты. «Ленинизм — живое творческое учение, верное руководство к действию». В «Правде». Доклад Горбачева на пленуме ЦК. Верного приспособленца, да...

Или этот заголовок — еще из Дортмунда?

А тут — «Ответы В.Ю. Андропова журналу “Шпигель”»... О, «туристо советико»!

В книжном магазине Виктор первым делом бросился к альбомам русских авангардистов: что удастся купить, обещал привезти другу-художнику.

Я заскользил глазами по бесчисленным книжкам Солженицына, составленным плотно, как щиты непробиваемой римской центурии... или для русского читателя, за чье сознание который век идет ожесточенная схватка, больше подходит название иного воинского подразделения древних?

Манипула!..

Виктор между тем начал произносить полушепотом интеллигентские мантры:

— О, Малевич!.. Наконец-то! Марк Шагал. Кандинский, о!..

Перехватил полунасмешливый взгляд, которым окинула его скромно одетая женщина средних лет, негромко спросил:

— Простите, вы русская?

— Да, — сказала она, сразу посерьезнев и будто к чему-то приготовившись. — Впрочем, это не имеет значения.

В действие пошел арсенал, наработанный еще на нашей Антоновской площадке:

— Как же, простите, не имеет? Земляки!

Она печально ответила:

— Сегодня это понятие слишком мало стоит...

Как такую подачей не воспользоваться!

— Разве мы только о дне нынешнем?.. Как бы кому-то в заграничной книжной лавке ответил наш Николай Васильевич?

Она сначала продолжила свое:

— Тем более среди русских! — И тут же будто спохватилась: — Николай Васильевич — Гоголь?

— Разумеется!.. Кто больше него по Европе путешествовал?

Она ответила таким тоном, что я почувствовал, как у меня остро щипнуло в уголках глаз:

— Он-то по своей воле. Не корректно сравнивать.

— Извините.

Печальная жена кого-то из моих несостоявшихся авторов?.. Сперва — в «тонком» журнале. Далее везде, как говорится.

Как я надеялся напечатать в «Смене» Аксенова! Правда, не очередную партию «апельсинов из Марокко». Что-нибудь похожее на его «Полпути к Луне» с главным героем Кирпиченко! Сибиряком-строителем.

Аксенов по телефону пообещал рассказ. Я сказал, что очень хотел бы с ним встретиться и по иному поводу. Как я его тогда назвал: по «магаданскому». В интонации у него появилось куда больше интереса: «Так даже?.. Это меняет дело!»

Пожалуй, как раз в это время он помогал своей маме с ее «Крутым маршрутом». Даже если не помогал, привет наверняка передал бы!.. От бывших товарищей по несчастью.

Об этом просил друг моего родного дяди Георгия Лизогубова, станичник и тоже музыкант Николай Прокофьевич Смирнов, с которым десять лет, «от звонка до звонка», бедовали они на Колыме. От самого дяди Жоры на этот счет разговоров не дождешься. Когда пришла бумага, что может «подать на реабилитацию», вглухую запил. Уходил с утра за бутылкой, чуть ли не в полдень надевал старый ватник и укладывался на стружках в уголке сарая, где еще недавно какая только не кипела работа. Дело вроде бы странное. Его сломали не лагеря — сломало государственное признание, что он не виновен.

Смирнов, уехавший из Отрадной и на государственные «отступные» заимевший «латифундию» в Дагомысе, под Сочи, не однажды возвращался в станицу. Пробовал подбодрить дядю Жору.

Когда мы встречались с ним, спрашивал: что, мол, так и не связался с Аксеновым?.. Это ведь Георгий на Колыме пристроил в лагерную больницу «дураковать» маму его, Женю Гинзбург. По сути, спас ее тогда. Пусть Василий передаст маме магаданский привет. Видишь, что с ним случилось?.. Георгий никуда не хочет лезть и ни во что вступать. Но получит от них дружеское словцо — знаешь, как будет рад!.. Может, воспрянет?

Потом погиб мой сын Митя, и мне надолго стало не до того. Аксенов эмигрировал в Англию.

Но в Западную Германию уехал Георгий Владимов!

Кто видел большой артельный труд и хорошо знал горькую его цену, просто не мог не сказать Владимову братского слова благодарности за его «Большую руду»!

А «Три минуты молчания»?

На квартиру Владимову позвонил даже раньше, чем Аксенову. Но он уже не брал трубку: собрался уезжать. Полным обиды и боли голосом разговаривала жена.

В мюнхенском магазине теперь показалось, будто в речи этой достаточно молодой женщины слышны те же скорбные и чуть ли не материнские нотки, слышанные тогда по телефону в Москве...

— Простите меня за любопытство, которое вдруг покажется вам нелепым... Не с вами мы разговаривали в Москве, когда от журнала «Смена» я звонил на квартиру Владимову?

Несколько мгновений она смотрела на меня, словно решая: признаться или нет? Наконец сказала с достоинством:

— На такие вопросы здесь не принято отвечать... Но все-таки. К Георгию Николаевичу отношения не имею. К Александру Александровичу тоже.

— Александр... Александрович, простите?..

— Не знаете Зиновьева?

Мой спутник Виктор буквально подлетел к нам с альбомом Кандинского в руках:

— Вынужден перебить, не осудите! — И торопливо обратился уже ко мне: — Со шведским тренером общались по-английски, только сейчас дошло: ждет меня возле отеля! Найдешь сам дорогу, не потеряешься?

— Найду, найду.

— Тогда я помчался!

Протянул руку, но я чуть замешкался: хотел извиниться перед дамой, которая сразу же отошла от нас.

И тут же знакомый голос насмешливо произнес:

— Если вы ищете Либерию Иоанна Васильевича, она не здесь!

Виктор исчез. В моей пятерне лежала ладонь Герхарда.

— Вы?!

Он сказал еще громче:

— Здесь в основном — ересь жидовствующих!

Я снова глянул на недавнюю собеседницу. Она крутанула пальцем у виска, прикрыла глаза и повела головой в скромной шляпке: мол, что с него возьмешь?.. Сумасшедший.

С нарочитой независимостью шагнула к двери.

Само собой, все слышала... Видит немца впервые? Или уже как раз тут-то и встречала?

— Пойдемте-ка на воздух и мы, — предложил он ну с такой русской интонацией.

Мы вышли.

Сперва меня снова обступили сомнения последних дней...

Кто таков, в конце концов, этот Герхард Засс — якобы Герка-немец?.. И не тихий ли, деликатный с виду харьковский тренер, как по уговору в урочный час, привел меня в этот книжный магазин?

И вдруг меня теперь пронзило: да вот же, вот!..

Этот Герка-немец и действительно сумасшедший. Самый настоящий. На всякий случай небось с медицинской справкой в кармане. Заверенной какой-нибудь немецкой печатью. Есть же и у них такие справки? Наверняка!

Что блестяще шпарит по-русски — тоже от этого. Был и в самом деле в плену... ну и шорцы перестарались. Дали по башочке сильнее, чем следовало, — тут новая программа и включилась. Сколько об этом в популярных журналах писано!

«Бывают!»

Старинный Мюнхен затопило ярое апрельское солнышко. Как он был светел, как чист, как сегодня почти прозрачен. Тщательно подстриженные газоны, клумбы с благоухающими цветами. Резная нежная зелень только что распустившихся листьев на почтенных по возрасту, с грубой корой на темных стволах деревьях.

А какое безоблачное, какое ясное, тонкой голубизной сиявшее небо!

Нечастые, аккуратно одетые прохожие так были внешностью похожи на фарфоровые, в национальном духе фигурки за витринами магазинов!.. Будто оттуда они на улицу и сошли.

Ожили, стремительно выросли, поправили на себе кто тирольскую шляпу, а кто расшитый чепец и чинно двинулись по только что вымытому тротуару из керамической плитки... Прогуляются, подышат весенним воздухом и вернутся обратно на витрину?

Казалось, я даже ощутил легкий запах нафталина от традиционной одежды мюнхенских горожан.

Как нам этого всего не хватало на нашем «переднем крае»!

Среди бесприютного однообразия серых типовых зданий из сборных железобетонных конструкций... Среди наполненных черной жижей выбоин, сразу же покрывших поселок...

«Новой стройке — новый быт!», да...

И вот тебе заграничный, умно устроенный рай. Сравнивай!

Даже наглые зазывалы у раскрытых дверей борделей не казались в тот час чересчур навязчивыми... Да и мало ли что?

Разве в сладко пахнувшей духами полутьме не может скрываться очаровательная, с искренней душой Чيو-Чю-сан?.. Тоскующая по чистой любви?..

А этот Герхард, бескомпромиссный неофит Севера, долдонит все об одном и том же: что собачий холод сближает людей. Жестокий мороз огнем выжигает в человеке все дурное и подлое... Что на бескрайних просторах Сибири, как живой ручей под панцирем льда, упрямо течет обустроенная давними предками русская жизнь, которой суждено стать прообразом будущей спасительной цивилизации.

Что именно там вызрела и окрепла больше всего остального необходимая нынче миру теория самоограничения, основой которой является освященная артельным духом народная община, где довольствуются малым с маленькой буквицы, но каждый миг помнят о Великом — с большой.

Это он, он-то, Герхард, вдруг меня учит — да где, где! в жирующем Мюнхене! — что «казак из ладошки попьет, из шапки пообедает». Что в итоге мир спасет русская нищета, а не эта немецкая обжираловка...

Неужели такое и действительно могло быть?

Что «экзамен на документы», которые добывал ему живущий «в миру» кержацкий связной, у Засса «примал» старый терский казак «из конвоя Его Императорского Величества»?

Или время в синь-тайге идет по другим законам?

Или и тут всего лишь соблюден принцип «триединого зерна»?

Что с нами, русскими, происходит?

Германцы со своим «Аненербе» замахнулись на планетарное наследие предков! А мы отказались от своего исконного, только нам принадлежащего! Недавнего, еще живого и теплого...

Но, может, не такой уж он неофит?.. Герхард.

Тем более на северах да в Сибири не зря ведь год засчитывается за два, а то и за три годка, нет — не зря!

Или все-таки — сумасшедший?

Но какой, скажу вам, обо всех новомодных теориях осведомленный!

Я-то гордился, что дал рекомендацию в Союз писателей непонятому в ту пору фантасту Володе Щербакову, известному завихрениями по поводу Атлантиды.

Дома на Бутырской у меня стоит бутылка из-под шампанского, наполненная морской водой из якобы подземного, размера больше иных морей видимых, доисторического водохранилища. На тонкой поверхности которого беспечно расположилась «столица всего передового и прогрессивного»...

Но это, как говорится, еще что!

Володя открыл рецепт «пищи богов», обеспечивающей человеку бессмертие, и скоро должен начать испытывать ее на себе. Приглашал, если не побоюсь, составить ему компанию. Мне, кроме прочего, предстояло решить, соглашаться ли.

Герхард, судя по всему, «копал» ту же тему, но брал еще глубже...

Нашими общими прародителями, втолковывал, были гиперборейцы, самые северные славяне — арии. Это они при помощи учителей из космоса начали строить на земле дольмены, пирамиды, все эти мегалиты, которые теперь поражают наше воображение. После катастрофы вселенского масштаба, когда сдвинулись полюса Земли и началось великое оледенение, они устремились на юг, и путь их до Индийского океана тоже отмечен разного рода мегалитическими сооружениями — их остатки показывал ему в Горной Шории «дед Атака» — кержак Акакий.

Выходило, знаменитые русские первопроходцы открывали «хорошо забытое старое», отголоски которого сохранили книги старообрядцев. Лишь — отголоски.

Наученные горьким опытом, суть тайного знания гиперборейцы схоронили в неприступных Гималаях. По предсказаниям, к прямым потомкам древних ариев, к славянам, оно должно было вернуться еще в конце девятнадцатого столетия, ставшего для России «золотым веком». Но не дремал враг рода человеческого, нет.

«Золотой век» стал для России роковым.

Сперва началась война на Востоке. С японцами. Потом — междоусобная война ариев. На Западе. Вышло так, что старший брат просто обязан был проучить младшего... Но что сказал перед этим Герхард Засс?

Что не дремал дьявол, да.

Обе страны, Россия и Германия, были разорены и унижены. Но ни та ни другая не сделали выводов и не раскаялись. Наоборот, обе отвернулись от Бога. И обе продолжали готовиться к новой войне.

— Вы слишком поверили в ваш Интернационал! — горько посмеивался Герхард. — Но он... Как это?.. И вашим, и нашим. Надо прямо сказать, что нашим даже досталось больше... От тех самых знаний, за которыми ходили к ламам в Тибет хазарские посланцы Ленина... надеюсь знаете, что сам он тоже хазарянин?.. Доверенные люди Чека за эту проклятую валюту мировых бандитов-американцев, которой оплачиваются чуть ли не все предательства на земле, — эти ваши интернационалисты передали Германии секреты древних технологий, да. До которых и нынче далеко самым новейшим разработкам... Вы думаете, атомную бомбу придумали эти неучи американцы?.. Они ее, считай, вывезли из германских лабораторий. Фюреру не хватило времени испытать ее. На нас с вами... имею в виду человечество вообще. Сталин вымолил вашу победу у Богородицы. В прямом смысле. Это вы знаете наверняка: он был верующий. Но многое на подводных лодках немцы успели вывезти в Антарктиду. В ту самую земную полость, откуда теперь появляются «летающие тарелки»... Понимаете, что произошло? Из-за излишней славянской доверчивости берлогу русского медведя... она принадлежала ему по праву прямого наследования!.. в эту берлогу успел залечь самонадеянный и наглый германский волк, который флиртует там теперь с англосаксами...

И веря в возможность этой достаточно складной версии, и одновременно не веря как бы нисколько, спросил — хорошо помню этот момент — у Герхарда:

— Вы, я понял, считаете, «волк» ваш — тоже наследник?

— Второй очереди! — горячо откликнулся Герхард. — Третьей, если хотите... пятой-десятой. Теперь так надо считать еще потому, что первородство было украдено. Космос не терпит воровства. Господь!.. Учитель наш. Он не терпит. Назовите это многозначным у безбожников словом *природа*. В порядке исключения она это допускает. Но это не тот случай.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно!

— Но почему?..

— О-о!.. Словами это не объяснить. — Герхард приложил к груди правую руку. — Это здесь. Внутри. Музыка! Это Бетховен, если хотите... Вагнер. И непременно — орган...

— Орган?!

— Да, представьте. Только не с ударением на первом слоге, как получилось у вас в России. Партийный орган... правительственный. Нет!.. Божественный орга-а-ан!

Было в этом что-то, ну — было!.. Но я только, вроде бы насмешливо, бормотал:

— Угу, угу...

— И еще, если хотите — казачье пение! — сказал он вдруг.

Мы с ним уже сидели за круглым мраморным столиком под зеленым широколистным платаном, ели мороженое — я поперхнулся. Сдерживал в себе холод, пока он не растворился во рту.

— Где вы его слышали, Герхард?

Казалось, лицо его не только просветлело — на нем как бы отразилось сияние проглянувшего сквозь листву апрельского солнышка.

— Задолго перед войной мой дядя водил меня в Вене слушать хор Жарова... Еще мальчишкой. Хор донских казаков. Эмигрантов. В их голосах звучала тоска по утраченной родине. Но дядя мой говорил, что это моление Создателю. С покаянной просьбой вернуть утерянный рай.

— И вы это помните?

— Очень хорошо! Я был впечатлительный мальчик...

— Удивительно, да, — бормотал я. — У меня дома полузатертая кассета, и то...

— Кое-какие из тех песен после мне пришлось услышать в кубанской станице, посреди тайги-матушки...

И я снова напрягся:

— В к-какой станице?..

— Тоже в старообрядческой.

— Но где, где?

— То был Красноярский край. Самый глушь!

— Самая?

— Ах, да! Глушь — она.

— Но откуда там станица взялась?

Его это явно развеселило.

— Как понимаете, вопрос не ко мне. Я пробрался туда с провожатым Акакием. Наладить там генераторы... что-то еще по мелочи.

— И большая станица?

— Совсем крошечная. На картах, как понимаете, ее нет. Три-четыре семьи. У них даже песня есть: «Станица-тайница...»

— Станица-тайница?

— Я вспоминаю иногда, о!.. «Станица-тайница в Сибири таится...» Но когда они пели старинную песню... одни мужчины... их голоса как будто перекликались с донским хором Жарова. Я вспомнил там и заплакал. В России. Первый раз!.. Потому что подумал: есть эмиграция на запад. Но есть на восток. Внутренняя, так?.. Это слово я понял там: «сокровенная».

Меня вдруг пронзило: не легенда ли о Светлояр-озере?.. О русском городе, от монголов укрывшемся под водой. Который в урочный час должен всплыть. А пока в утреннем тумане над Светлояр-озером слышен лишь тихий колокольный звон...

«Либерия Иоанна Грозного»... Сумасшедший?

Да как знать! Кто в нашем перевернутом мире сумасшедший, кто нет? И где она, нынешняя эмиграция? В какой живет трудней?.. В мюнхенской ли? В той ли, сибирской?

Или тоже в сибирской, но — в иной?

В какой имел счастье-несчастье жить и я.

Трудное счастье.

Как через много лет назовет его Валя Распутин в беседе, что я побратски выцыганю у него для «думского» журнала, в котором стану работать: «Многобедное наше счастье — жить в России».

Нет разве?

Примерно же в это время от Валеры Симакова я вдруг узнаю, почему так радушно давным-давно приняла меня в редакции газеты «Кузбасс» в Кемерове, в этой подкрашенной химией деревеньке Щегловке, маленькая колония выпускников нашего факультета двумя годами старше меня... Оказывается, им прислала письмо обо мне Наташа Горбаневская... маленькая, подслеповатая и чуть шепелявая Наташка, поэтесса из нашего «Высотника», ставшая потом бесстрашной воительницей парижской эмиграции...

Ты, Гарик-Гарюша, давай — на восток... В р-революционной песне-то было иначе: «Дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону...» А тут, значитца, как Геннаша Емельянов любит говаривать, ей на запад приказ. Может, и действительно — приказ. Только чей?

Чем в Париже не жизнь?..

А тебе тут на съезде писателей приказ: «Партгруппу во время перерыва просят собраться...»

Что я, лез туда? В ряды. Рвал на себе рубаху?

Как вольную лошадку заарканили: не хватает тяжеловозов! На переднем-то крае. И — «натягивай крепче гужи». Наш старый «Высотник», эх! Его школа.

Едем мы, друзья, в дальние края!

Станем *невеселыми* и ты, и я...

«Новоселами» конечно же. Как было в песне Эдика Иодковского из «Высотника».

Неволя и величие добровольца?

Добромольцы мы потом станем.

Когда хоть что-нибудь начнем понимать. Добромольцы.

Но подумать-то!

На какие части, совершенно не похожие друг на друга, распался наш тогдашний «Высотник»...

Нынче-то чего только не напишут. Что высотное здание МГУ якобы строили исключительно наши эки да пленные немцы. Пусть даже так — рабочих рук тогда и действительно не хватало. И мы, кто решил потом после учебы не отсиживаться в Москве, а уехать в Сибирь или еще дальше на восток, невольно увезли потом с собой эту ауру человеческого горя... да что ж тут?

Как без этой ауры всеобщего страдания и неустроенности мира вообще жить, ну как?!

У нас это превратилось потом в известную шутку: в Сибири, мол, наше поколение перепутало усиленный конвой с почетным караулом.

Даже и это пусть так?.. Даже и тут —

Жила бы страна родная,
И нету других забот?

Иначе как же с «Неволей и величием»?.. Которые еще в антикварной лавке Герхард предложил, что там ни говори, примерить и на себя.

Может, всю жизнь неосознанно тем и занимаемся?

Все примериваем на себя серую солдатскую шинель.

Среди рабочих поэтов у нас тогда были два монтажника, строивших высотку МГУ: Петр Дятлов и Валентин Самохин. Писали вполне приличные стихи. Примерно такие же или «чуть лучше, чуть хуже» мы давали потом на литературной странице нашего «Металлургстроя»...

Но для меня, на всю жизнь задружившего на стройке с этими ухарями-верхолазами, разве не стали они «крестными отцами»?

Чтобы поменьше пафоса — «крестными дядьками».

Тем более что и высота имеется в виду вовсе не нравственная. Не духовная. Обычная какая-нибудь «отметка 80» или «отметка 110», куда упрямо лезешь вслед за кем-либо из будущих своих «героев».

«Молитвы», которыми проверяли тебя на вшивость коллеги Дятлова да Самохина, были — хоть уши затыкай.

Но ведь какой заводщице мы все вместе отгрохали!

...Приходил на собрания «Высотника» одессит Игорь Шаферан, только что сошедший тогда на берег с одного из судов китобойной флотилии «Слава». До сих пор помнится его строчка:

Не за славой, а просто — на «Славе»
уходили мы...

Не один год, не два!

Это «Высотник» сделал его известным поэтом-песенником. К сорокалетнему своему дню рождения, уже в Москве, получил от него шутивную телеграмму, которая греет и до сих пор:

От имени трудящихся всех стран
вас поздравляет Игорь Шаферан.

Не сомневаюсь, что послание точно такого же содержания получил не только я, но еще десяток-другой, а то и добрая сотня молодых «юбиляров»: сколько тогда у каждого было товарищей!..

Причастных к потному мужскому труду.

Куда потом, любопытно, подевался Слава Варущенко с географического факультета?..

У нас тогда говорили, что это его песня:

Я не знаю, где встретиться
нам придется с тобой.
Глобус крутится-вертится,
словно шар голубой.
И мелькают города и страны,
параллели и меридианы.
Но таких еще пунктиров нету,
по которым нам бродить по свету!

Где бродит-то?

Или, выработав отпущенный ему ресурс и отдавши Небесам приобретенный на земле бессмертный опыт души, благостно пребывает в той выси, которая дается не всегда и не всем?..

Где вы, мальчики?

...Саша Тер-Григорян работал потом собкором газеты «Труд» в Болгарии... или все-таки в Югославии? В тувинский Кызыл уехала и родила там семерых ребятишек — вот стезя, достойная настоящей поэтессы! — Светлана Козлова.

С Адой Левиной дружески перезванивались до той печальной поры, когда государством был грубо отринут опыт нашего поколения и чуть не все ушли в печальное одиночество...

Как мои предки в восемнадцатом, я тогда спасался у друзей-черкесов. Уехал на Кавказ.

Ах, Ада Львовна!

Все уверяла меня, что напечатанный в «Новом мире» мой рассказ «Красный петух Плимутрок» — ну чуть ли не «чисто Шолом Алейхем»! Худо ли?..

По-станичному выражаясь, я тогда «как на огне горел» в «Советском писателе», и вдруг она звонит из журнала «Работница», в котором отделом писем заведовала: непременно загляни ко мне — есть общее серьезное дело.

Как не заглянуть, если *общее*? Да к тому же серьезное.

Сперва усадила пить чай за маленьким столиком. Похвалила «Скрытую работу», книжку, за которую получил «премию профсоюзов», а после из бумажного крафт-мешка вывалила уже на свой просторный, как футбольное поле, стол гору писем: «Это почта за один день. Ты представляешь?.. Но не пугайся. Мешком не нагружу. Сама буду разбирать. А для тебя специально отобрала десятка три-четыре. После которых просто нельзя не заплакать. Сделаешь обзор для нас?.. Как обижают, кто уходит на пенсию. Ветеранов наших. Извини за высокий стиль — оплот державы. Ты не сможешь не отозваться, я знаю. Извини, что этим дружеским знанием пользуюсь так бесстыдно...»

Неужели все мы были наивными дурачками?

Над письмами я и в самом деле всплакнул — настолько оказались беззащитны и трогательны. И столько в них было веры, которую просто грех было обмануть.

Отложил все, даже самые срочные дела, и написал для «Работницы» обзор писем, который так и назывался: «Не сможет сломить в нас веру».

Дело, невольно думаешь теперь, удивительное: государство смогли сломать. А веру-то — нет!

В скольких она продолжает жить!.. И в скольких потомках, в скольких наследниках этой веры успела вновь укрепиться!

А тогда «обзор писем» вызвал так много откликов, что снова нельзя было не отозваться. В конце концов у меня составила малая книжечка «Старая гвардия», которая вышла в издательстве «Советская Россия». В серии «Писатель и время».

Книжечкой этой целиком обязан Аде. Но вот какое дело!

Вновь приходится утверждать, что личные библиотеки и архивы, так или иначе вобравшие в себя проявления нашего духа, со временем начинают соответственно вести себя: что-то надолго от тебя спрячут, что-то в нужный момент потихоньку тебе подсунут. Живут, в общем, своей особенной, как бы непредсказуемой жизнью...

Для нас непредсказуемой.

Только не для того, кто из разрозненных во времени пазлов заставляет чуть ли не каждого складывать общую картину.

Из «Работницы» я тогда ушел со сборником «Дети военной поры», выпущенным двухсоттысячным тиражом «Издательством политической литературы». На внутренней обложке Ада красивым и ясным почерком вывела: «Почитаемому мною автору “Скрытой работы” от бывшей “военной девочки”».

В сборнике стоял и ее очерк «Дорогая военная цензура!». Скорее всего, что проглядел его мельком, а то и вовсе отложил до поры. Не в библиотеке ведь книжку взял? Своя! Личная. А будет время...

Неужели как раз теперь оно и настало?

Книжка, о которой и думать забыл, попала вдруг под руку.

«Жила-была девочка. Обыкновенная школьница, пионерка. Когда началась война, ей было десять лет, когда окончилась — четырнадцать. Она жила как и все ее сверстники во время войны — училась в холодной, нетопленной школе, собирала бутылки для зажигательной смеси, ходила в госпиталь читать бойцам книжки и гладить бинты, стояла в долгих очередях за хлебом, копала картошку...»

Рассказ Ады о своем детстве. О том, как однажды она послала в «Пионерскую правду» стихи о войне. Их напечатали и предложили прислать новые. Ей стали приходить письма от сверстников. А когда в «Пионерке» было опубликовано стихотворение «Родная», о маме, которая под бомбежкой в ночную смену трудится на военном заводе, писем от ребят стало столько, что в московскую 142-ю школу в Лесном переулке пожилая почтальонка приносила их сумками, а отвечать на них приходилось уже всем классом. Аде писали те, чья мама была жива и тоже работала для фронта. Рассказывали о себе те, кто теперь остался без мамы. Само собой — без отца.

Тогда-то и пришла в благодарность за стихи цветная картонка из детского лото. С картинкой щенка. Последнее, скорее всего, что осталось от мирной жизни: «На вечную память Адочке Левиной от воспитанницы детского дома Суховой Нины». И доверчивая приписка: «Дорогая военная цензура! Очень прошу собачку не выкидывать!»

Не выкинула! Строгая цензура страшных времен.

Которая еще не осознавшего это в ту пору Александра Исаевича Солженицына, нежданно-негаданно для него, выдернула из армейских рядов и предательски бросила, несчастного, за колючую проволоку...

А я, когда вчитался наконец в «обзор писем» детишек военной поры (в рассказе у Ады их не менее двух десятков), понял не только логику «общего серьезного дела», которым мы некогда занимались вместе с «бывшей военной девочкой» из послевоенного «Высотника».

На неокрепшие плечи выжившего в Отечественную войну поколения десяти-четырнадцатилетних легла потом вся тяжесть восстановления порушенной германцами русской жизни. Это как раз они потом, отстояв многолетнюю вахту кто у станка, кто в поле, уходили в восьмидесятых «на заслуженный отдых».

Как можно было предать их?!

И даже то обстоятельство, что Лесной переулок в Москве, где находится 142-я школа, расположен чуть ли не рядом с Бумажным, где напротив Савеловского вокзала высится «журнальный», включая и редакцию «Работницы», комплекс, стало для меня своего рода подтверждением человеческого постоянства.

Неизбывной порядочности. И — верности.

А что вспомнить о Вале Сидорове? О Валентине Митрофановиче.

Первокурсниками философского факультета в знаменитом общежитии на Стромынке мы вселились в комнату, где перед этим жили перешедшие на пятый, на выпускной, курс. Один из них вернулся, чтобы забрать оставленные тетрадки со стихами, которые с наглостью юных завоевателей мы успели, разумеется, с жадностью прочитать.

Но, может, суждено было?

В ответ на мой извинительно-восторженный лепет пятикурсник спросил: тоже, мол, стихи сочиняешь? Давай тогда в «Высотник»! Не знаешь, где это? Ну, так и быть, поедем вместе.

И он потом дарил мне первые свои книжки. Подолгу расспрашивал о Сибири, когда встречались в Москве. Как старого товарища встретил, когда после мытарств на родине, на Кубани, я потом вернулся в столицу. Позвонил, когда у нас погиб Митя, и сказал: поезжай в лавру. Побудь возле мощей преподобного Сергия Радонежского, попроси главного русского святого о помощи...

...А Герхард, показалось мне, несмотря на нарочитое спокойствие, то-ропился. Будто кто-то собирался нам помешать.

— Не думайте, что это было просто — за годок-другой превратиться из Ирода... из «душегуба», как у кержаков почти все меня сперва величали, в «душегубчика»... Больше того, в «миленького душегубчика», да!

Сказано было тем особенным тоном, который мужчины должны бы понимать и без слов. Я сочувственно улыбнулся:

— Было и такое?

Сначала Герхард подыскивал слова:

— Акакий — человек прямой... как бы вам?.. Однажды он сказал, да... На тебе кровь наших ушедших. Мы тебя выходили, ты снова силен... Отдай семенем!

Невольно у меня вырвалось:

— Неплохая работенка!.. На таежных харчах.

Герхард этого будто не заметил:

— Они как сговорились. В какую бы даль ни приходил, обихаживать меня в гостевой избе приставляли таких красавиц!.. Обратная сторона войны!

Я сперва не понял:

— Имеете в виду... плотские отношения?

— Плотскую любовь, — он уточнил. — Когда видишь тоску в глазах, то просто нельзя без любви. Самой высшей, если поймете. Вы же христианин, должны понять... иначе зачем вы в Дортмунде почти всю службу простояли в кирхе?

— Вы следили за мной еще в Дортмунде?

Он попросту отмахнулся:

— Потому и говорю вам еще раз! Что нам нельзя больше воевать! Немцам с русскими. Иначе мы будем убивать своих детей... своих родных внуков. У вас там — наши. И ваши — тут. Это вы готовы понять?.. Думаете, отчего эта бандитская страна, которая по совету из Англии готова была всех немецких мужчин кастрировать?.. Отчего она занимается теперь духовной кастрацией Германии?.. Ваша Америка!.. В этом смысле Восточная зона счастливей...

— Сам-то вы откуда, в конце концов, Герхард?!

— Потерпите, — дружески попросил он. — Хочу, чтобы сперва подольше обо всем подумали. Незнание тут помогает. Потерпите.

— Вам бы в хоккей играть, — сказал ему. — С вашей реакцией.

— Просто у нас мало времени. А вы сейчас на распутице. Вся страна. Не эта «Красная машина», как называют вашу команду. Она как раз на пике.

Пришлось перебить:

— Имеете в виду *на распутье*?

— Ах, да! — Он потянулся рукой ко лбу. — Распутица в России насту-
пит потом. Если ваши вожди ошибутся или вас предадут.

— Герхард! — невольно у меня вырвалось. — Свисток!..

И он снова припечатал ладонь ко лбу:

— Ах, да!.. Хотя уверяю, что никто нас не слышит. Как это на хоккей-
ный манер? Проброс?..

— Пожалуй, запрещенный прием...

— Удаление?.. Штраф, одним словом. — Он подобрался и даже шутили-
во расправил плечи. — Я готов! Прямо тут же. Жаль только, вы не пьете.

На краю столика, куда Герхард отодвинул фарфоровые чашечки с мо-
роженым, боком поскакивали наглые, как везде, городские воробыи... Ка-
кие тут были чистенькие!

Не то что в Кузне, где лютой зимой они прячутся под крышей какого-
нибудь горячего цеха и сажа с них сходит чуть ли не к середине лета.

— Готов соответствовать! — повторил Герхард — ну, прямо Григор
тебе Поженян в Доме литераторов. Откуда слова-то эти знает?

Склевавшие остатки мороженого мюнхенские воробыи пытливо погля-
дывали то на меня, то на Герхарда. Вдруг да и нарушу свой кодекс?.. Вдруг
он возьмет нам по стопарику?

Неужели каким-то образом и тут выгадают?.. Неужели, как говаривал
дед Савелий на Монашке, даже воробушки тут, в Мюнхене, *потребля-
ют*?

— Что такое *хартленд*, надеюсь, слышали?

Едва не ляпнул: «хенеси» — да, приходилось, мол, пробовать, а «харт-
ленд»...

Чуть в пот не бросило: до чего же, выходит, приземлен! Если не ска-
зать большего. Я ведь не теоретик, кроме прочего. Специалист по живому
делу... Только где оно нынче, это живое дело?

Хорошо хоть шевельнулось воспоминание:

— Срединная страна... что-то такое.

— Это ваша Сибирь! — произнес Герхард тоном наставника. И тут же
счел нужным поправить: — Наша!.. Да-да. Наша с вами. Духовный наш
пластырь.

Я даже позавидовал:

— Красиво, конечно.

— Главное, верно. И не только для нас с вами. Лично. Не только ду-
ховный пластырь для России. Поверьте, для всей планеты.

Вовсе не хотелось его поддразнивать...

Сказал с сомнением:

— Хотелось бы верить...

— А вы верьте. Верьте! — И как будто запнулся. — О женщине потом
все-таки. Об истинной сибирячке... Или как? Истовой! Акакий первый по-
нял, что она меня связала... привязала... как точней?.. Поверил мне оконча-
тельно, да. Стал посылать в сокровенные места. Это, конечно, чудо... чем
еще объяснить? На Алтай. К Дионисовой пещере. И даже в Монголию.
Офицер абвера перешел в подчинение к старому раскольнику. К кержаку...
Вы знаете, что такое было тогда «кержак»? Для русских немцев. Которых
во время войны выслали с Северного Кавказа... из Поволжья... Отовсюду!

Слово «кержак» у немцев было ругательством! Чуть ли не самым страшным!

Герхард переменился в лице, черты стали не только презрительными — брезгливыми:

— У, ты, кержак поганый!.. Жадина... Ти ни тшеловек! Таше ни скотин — сверь!

В речи его даже послышался акцент, которого раньше не было... Кажется, даже сам он к нему прислушался?..

А на меня пахнуло родным Кузбассом... сколько я такого акцента слышал!

Немудрено.

В мое-то время, когда после учебы приехал. Чуть ли не все знаменитые доярки — немки. Чуть ли не все шахтеры-проходчики — немцы. В наших краях даже самый известный медвежатник был — Федя Богер. «На Мутной» жил. Рядом с Монашкой. Само собой — Теодор.

А «русский богатырь» Рудольф Плюкфельдер, штангист?

Свои-то русские богатыри, сибиряки-чалдоны в том числе, чуть не поголовно погибли. Кто еще под Москвой, которую они-то и спасли... Кто еще дальше потом от родины. По всей Европе...

А немцев в Кузбассе было так много и делами своими так славились, что даже с нашими морозоустойчивыми «сибиряками» случилось очередное превращение: только вчера был — польский еврей, а нынче — немец. Баварец, да. Чистый!

Но вкалывали и те и другие, но, скажу я вам, вка-алывали!

— Ну, хорошо — Алтай, — сказал я. — Это еще могу понять. Но Монголия?

— Там, где есть духовная тропа, найдется и земной след, — с загадкой в голосе произнес Герхард.

— По дороге в Тибет? В Шамбалу...

— Хартленд — сама по себе Шамбала. Монголия — ее часть. С землей и духом.

Мне вспомнились меняющиеся очертания холмов на горизонте бескрайних дорог. Почему-то пришло в голову: нотные знаки Монголии. Переводчик Уарянхай тогда обрадовался: «Да, так, так!»

— С ее протяжной музыкой, — сказал теперь Герхарду.

И он вдруг тоже оживился:

— Это музыка, которая в нас живет. Внутренняя... Жаль, не все ее слышат. Как Бетховена. Как хор Жарова... Кстати, в Монголию я ходил к семеновским казакам.

— Атамана Семенова?

— Разумеется!

Для него, видишь ли, разумеется!

Меня в казачьи станицы в Монголии, как я ни просил, не пустили... А он еще сразу после войны «сходил» к ним. Чуть ли не пешочком.

— Остается вам только позавидовать...

Он, как я понял, продолжал свою мысль о внутренней музыке:

— Жаль, не все ее слышат, нет. Бывает заглушена стуком шайбы по бортику: тут мы все!.. Особенно поколение, какое не имеет понятия о внутренней музыке... о внутреннем голосе. Именно поэтому вы должны и этот стук... и крики на стадионе... обратить в свою пользу, вы понимаете?

Станный человек, странный.

Посреди высоких философских рассуждений вдруг вырвалось: мол, вся Россия должна быть в обязательном порядке зимой покрыта катками, а

пространство за Уралом превращено чуть ли не в один сплошной каток... У каждого мальчика, начиная с самого раннего возраста, среди игрушек непременно должна быть клюшка. С пяти лет он непременно должен играть в хоккей, с четырнадцати клюшку с метами собственных побед может иметь при себе в любое время года. В любом месте. Носить как знак доблести. Как шпагу.

Тут я рассмеялся:

— Вы настолько хорошо знаете русский, Герхард... Что должны были вспомнить. Клюшка хоккейного игрока и клюка старца — слова одного корня!.. Древний дедушка тоже будет изображать на ней символы прошлых своих побед?

Он вдруг не только посерьезнел — он помрачнел:

— Именно так. Только не понимаю, что здесь смешного?.. Вспомните ваших древних бойцов. С их дубинками... Отсутствие духовного начала? Вспомните посох странника... Но ведь оба они бойцы. И каждый хорош по-своему. Тем более в битве, которая идет уже давно... Или не ощущаете?.. Тогда зачем вы сюда приехали?

— В Мюнхен? В Германию?

— Вообще — на чемпионат. Мира!.. Это вы понимаете?

— Стараюсь вроде.

— Мало пока у вас получается! Не хотите ли допустить, что мы с вами, когда сидим на Олимпийском стадионе... присутствуем не на хоккейном матче. Мы каждый раз становимся свидетелями сражения двух цивилизаций!

Невольно вспомнился любимый с времен «Высотника» Киплинг:

— «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут»?

— В каком-то смысле, если хотите. Но это уже не игра в географию. Плата за бесконечную хитрость Запада... Как это? Хитрованство? Если грубей не сказать. За все его англосаксонские тайны. Потому и надо... о-о, как не вспомнить терпеливца Акакия!.. бить по ноздрям!

Я вспомнил:

— А то забуду опять. Почему его — «дед Атака»?

— Они ведь тоже сражались, кержаки... О, это настоящие воины. Это берсерки!.. Только без крика. Без лишнего шума... А когда он остался в общине чуть ли не один, все — к нему: а это как? Сделать. А тут как? Поступить. Он дух поддерживал чуть не криком: а *так* надо. А — так!.. Мальцы прознали. Оборванцы. Безотцовщина. Только чтобы голос мужской услышать: «А это как, деда?.. А другое?» Он-то старый психолог... «А *так*! — сверкает глазами. — А вот так!» Сам потом видал, как они играют в «деда Атаку»... выжили!

Почему в этот благостный весенний день мне хотелось ему противоречить? Может, потому, что так и не мог решить для себя: кто он, в конце концов?

Спросил с нарочитым сомнением:

— Они верующие. Кроме прочего. Кержаки. А вы хотите, чтобы отъявленные безбожники...

А он вдруг подхватил:

— Именно!.. Тут странная ситуация. Отъявленные безбожники прежде всего побеждают духом. Это понимаете?.. А скучные заграничные пасторы остаются ни с чем. Разве не так? Было в мировой прессе. Когда ваши повесили голову... *пали духом* — так это звучит?.. Ваш великий тренер Тарасов стал перед ними посреди комнаты, где отдыхали перед последним периодом. И запел советский гимн. И они вышли и — победили!

— Было и другое. Может, вы не в курсе? Когда канадцы начали драться на тех первых матчах в Москве. В семьдесят втором...

Герхард явно оживился:

— Говорят, что они только потому и состоялись, эти игры... что «дорогой товарищ Брежнев»... так у вас?.. очень хотел посмотреть настоящий хоккей. Ведь он был страстным болельщиком...

«А потом был праздник...» — пронеслось у меня в сознании.

Может, все-таки то было предсказание этого хоккейного праздника в Западной Германии?.. Только и всего.

Ничего себе «только и всего!» Сам факт совпадения... Что ж ты, Леонид Ильич? Отправил сюда соратника, можно сказать. Единомышленника. Заядлого болельщика!.. И тут бросил. На растерзание спецслужбам... Хоть знать бы — чьим?

Вслух припомнил:

— Один матч даже слегка задержали, да... Ждали, когда он появится в правительственной ложе.

— И это тоже — дух! — одобрил Герхард.

— Погодите!.. Этого, должно быть, не знаете. Как на стадионе в Калининине канадец ударил нашего игрока. Ребята как по команде сбросили перчатки и кулаками положили канадцев на лед... в один миг!

— Прекрасно! — произнес Герхард чуть не мечтательно, и сухощавое лицо его тронула благостная улыбка. — Прекрасно!.. Но это лишь подчеркивает мою правоту. То было... было очень серьезное предложение перейти на духовный уровень. Неужели не понимаете? Что нам об американцах говорить?! Пустое место!.. Ваш хоккей куда умнее канадского. И надо не снижать...

— Но что значит «пустое место», Герхард?!

— А то и значит. Что значит «зеро»?.. Ноль! Вы не согласны?

— Только что утверждал, что это бандитская страна. Поносил англосаксов...

Засс прямо-таки возмутился:

— Какие они англосаксы?! Сброд! Спаянный одним: Голливудом.

— Но американская литература?..

— Она давно кончилась. Ее место он и занял. Голливуд. Эти актеришки... Помните, как в России величали артистов в стародавние времена? *Подлое племя!*.. Запрещали на кладбищах хоронить. Лищедеи!.. Обманщики. Потому — только за оградой. А теперь они — светочи! Мудрецы! Духовные наставники! А?.. В отношении чистоты духа канадцы — куда большие англосаксы, чем «штатники». Потому-то и надо побеждать их и побеждать. Бить и бить. Вы понимаете?.. Бить! Канада — великая страна. Там они еще могут одуматься. Как и в Австралии. Где размышляют так же медленно, как по стволу эвкалипта ползет их любимец коала. И тем и другим не хватает исторических поражений... потрясений, которыми наполнена судьба России. В каком-то смысле поражения куда важнее бесконечных побед... разве не это вы исповедуете?

Неужели и правда обыгрывает меня точно так же, как тот, настоящий Засс, черкесов обыгрывал?

До поры до времени, правда. До поры!

За разговором мы подошли к «Олимпик халле» и невольно остановились перед небольшой очередью из инвалидных колясок. Скопились у самого въезда на пандус, который серпантином тянулся на самый верх, — со своего места внизу я не раз уже пытался разглядеть это отданное колясочникам круглое наверху спортивное зала.

— Не могут его объехать? — кивнул теперь Герхарду на сверкающее никелем «чудо техники», стоявшее первым.

— Уступают дорогу, — сказал он потеплевшим голосом. — Не сам путь... честь. Они уступают честь...

Только тут я всмотрелся во владельца никелированного чуда...

Как он только им управлял!

У него был вид совершенно беспомощной, небрежно брошенной в полукресло большой тряпичной куклы в тирольской шляпе... Шляпа, скорее всего, была как-то закреплена, иначе давно свалилась бы с безвольно лежащей на плече головы... А лицо!

Маска, небрежно вырезанная из гладкой кожи коричневатого цвета...

— Горевший летчик... или танкист, — почти шепотом попытался уточнить Герхард. И твердо произнес определенное: — Воин!

По спуску навстречу коляскам мчался нарядно одетый и что-то кричавший на бегу мальчик лет шести-семи. Припал к груди бывшего летчика, ткнулся губами к уху. Прокричал что-то радостное и бросился обратно.

Бесшумно скользнула за ним никелированная коляска.

— Внук! — растроганно пояснил Герхард. — Деда ждут наверху...

Вслед за первой инвалидной коляской двинулась вторая, третья, пошла четвертая. Вот из них уже выстроилась уходящая вверх цепочка.

«Ждут наверху! — слышалось во мне. — Ждут наверху...»

Глянул на очередного въезжающего на пандус и тут же невольно отвернулся. Так было обезображено его прикрытое черной полумаской лицо, такой странный и жалкий вид являла однорукая фигура...

Или наоборот? — тут же пронзило.

Надо было внимательнее глядеть и на тех, кто уехал прежде, и на этого, очередного колясочника, и на всех до единого остальных...

Которых ждут наверху.

Со мной что-то странное случилось.

Непредсказуемые игры нашего подсознания?

Увиделась достойная Босха картина, о которой перед самой поездкой толковал мне Рогатин.

Наши уже освободили его родную Паневку, когда через три-четыре денька в избе за скудным обедом все вдруг услышали за окном жалостно звучащую на морозе скрипку. Вслед за матерью повыскакивали на крыльцо.

По улице мимо дома медленно проходил немец в светлой офицерской шинели со споротыми погонами. На нем была глубоко надвинутая на уши фуражка с лакированным козырьком, тонкие кожаные перчатки, на ногах — подобие соломенных валенок.

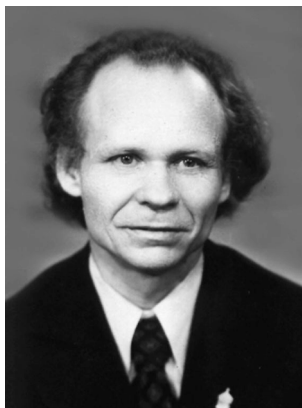
Немец отрешенно играл на скрипке, и по синему от холодного ветра его лицу текли слезы. За ним тянулись лошадки с розвальнями, на которых штабелями лежали мерзлые голые тела.

Одни сани с трупами, вторые, третьи, четвертые...

За последними, кто уже отмучился на земле и поднялся *вверх*, слышался гогот конвоиров в белых полушубках и в ушанках и поднимался дымок от курева...

На грешной земле.

Окончание следует.

ПОЗАБЫТЫЙ СОН

Пес

Я медленно к рукам твоим привыкну,
Пес, со своим понятием добра,
Которому и голос твой в новинку,
И сытые, как сказка, вечера.

Полдненным слепнем в памяти бродячей
Звенит тоска с полузабытых дней
По берегу с долбленкою рыбацкой,
По голосам медлительных людей,

По девочке, у шаткого причала
Цеплявшей сеть на мокрое весло,
То гнавшей так, что все во мне рычало,
То звавшей так, что все во мне цвело.

Валерий Александрович Антонов (1933–2011) родился в г. Андижане Узбекской ССР. Детство прошло на Алтае. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Известный казахстанский поэт и переводчик.

Работал в редакциях книжных издательств, на Казахском радио, был литературным консультантом межобластных отделений Союза писателей Казахстана. С 1962 по 2002 год — заведующий отделом поэзии в казахстанском литературном журнале «Простор».

Автор поэтических книг «День рождения» (1956), «Перекресток» (1961), «Отзовись, назовись...» (1967), «Старый посох» (1976), «Ночной дневник» (1978), «Золотые ворота» (1983), «Избранное» (1988). В журнале «Missives» выходили его стихи на французском языке (Париж, 2002).

Много работал над переводами произведений казахской поэзии. Он познакомил русских читателей со стихами и поэмами А.Тажимаева, Т.Жарокова, Г.Орманова, А.Сарсенбаева и других казахских советских поэтов. Поэту также принадлежит перевод некоторых произведений классиков казахской поэзии — Абая и Махамбета.

Ева

Женщине правды не надо,
Женщине правду скажи —
Будет как будто и рада,
Но затоскует о лжи.

Верить ей не надоело,
Сколь бескорыстна игра
В сердце корыстного тела,
Где не хватает ребра.

И к неусыпной заботе
Как не привлечь сатану,
Чтоб в искалеченной плоти
Божью загладить вину.

...вечная двойственность взгляда
Непостижимой души:
«Милый мой, правды не надо,
Правду, мой милый, скажи».

Сибирь

Я в Сибири родился,
В Сибири умру.
Сам, почуяв кончину,
Уйду подобру.
И потянется в дымные ели за мной
Всех крушений моих молчаливый конвой:
Два штыка вороненых мне в спину упрут
Новичок — Вдохновенье
И выжига — Труд.
Будет нюхать табак и сиять галуном
Самомненье мое
На Сомненье гнедом.
И — ни зги... и отстанет возок Трубецкой
Не с мятежной княгиней,
С ворчливой тоской...

Но под утро, когда наш разболтанный «Ан»
Потным рыльцем проткнул над Алтаем туман,
И притопнул на торной дорожке разок,
И попробовал возле вокзала басок...
О, Сибирь!
Ворвалась ты в отдраенный люк,
Как в унылую комнату праздничный друг,
Первой веткой поймала меня за плечо,
Первой бабой сказала забытое «чё»,
Чуйским трактом стрельнула сквозь ягодный бор,
Рыбьей рябью реки ослепила в упор,
Куполами взошла за бетонным мостом,
В тополиных кварталах наметила дом,
Где еще не устали и помнить, и ждать...

О, Сибирь!
Как мне жить захотелось опять!

Настроение

Ты мне только скажи
Голубыми словами сквозь шорох,
Зыбко сеющий свет
И роняющий листья в ключи,
Пересвистом синиц,
Черной веткой на шторе
Ты скажи...

Ты мне только скажи
На жнивье перебранкой моторной
У далеких холмов,
Где дороги светлы, как ручьи,
Поздней стаей гусей,
Свежей пахотой черной
Ты скажи...

Ты мне только скажи
Высотой, самолету покорной,
Мчащей вспять города
И в винтах тормозящей лучи,
И по горным снегам
Тенью лайнера черной
Ты скажи...

Ты мне только скажи,
Не молчи...

* * *

Когда я отсюда уеду,
Махнув на прощанье рукой,
Трех гончих по свежему следу
Тыпустишь одну за другой.

Мне первая вцепится в горло,
Как только исчезнет из глаз
Дождем перечеркнутый город,
Где счастье покинуло нас.

Мне на спину прыгнет вторая,
Когда в середине пути
Шепну я: «Прости, дорогая...
За все, чем обидел, прости».

А третья с дороги собьется
И сдохнет в степи иль в лесу,
Как тот, кто споткнется, сопьется
И сам уподобится псу.

Плач

Продали задешево,
Схоронили заживо
Милого, хорошего,
Моего, не вашего.

Уводили из дому,
Отравляли горькою,
Хмурого, нечистого
Возвращали с зорькою.

Знала я и чуяла,
Чем все это кончится,
Плакала, к врачу вела —
Вспоминать не хочется.

Тертые да битые,
Вы, как он, не глупые,
Лавочники сытые,
Псы золотозубые.

Что вам все последствия?
Попадётся, справитесь.
От стыда под следствием
Сроду не удавитесь...

Черные все вороны,
Но бывают белые,
Долго жить ворованным
Не умеют, бедные.

Сон

Сон позабыл я. Помню только,
Как вдоль стены вели меня,
Твое лицо, свеча и долька
В ладонь чадающего огня.

Вдруг встрепенулись тени наши...
Ты не уберегла огонь...
Взгляни — быть может, струйку сажи
Еще хранит твоя ладонь.

* * *

Вернуться бы в ясное детство,
Поверить в одну справедливость,
Одну ненавидеть неправду,
Одной поклоняться любви.

Зачем головами качали?
Зачем притворяться учили?
К чему рассудительный опыт
Без веры в других и в себя?

Поверю в себя безраздельно,
Начну говорить только правду
Таким же растерянным людям,
Забывшим о первой любви.

Они согласятся со мною,
Понуро кивнут головами,
И правду за мною признают,
И тихо со света сживут.

Но если я в песне про это
Скажу, не играя словами,
Со мной они вместе поплачут
И лишнюю чарку нальют...

ЕЛЕНА ФИЛИПЕНОК

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Елена Николаевна Филипенко родилась в пос. Мирный Архангельской области, в семье военнослужащего. Школьные годы прошли на Байконуре. Окончила Тверской государственный медицинский институт.

Работает врачом в районной больнице г. Солнечногорска Московской области.

РАССКАЗЫ

Исповедь курильщицы

1

Стаж моей табачной страсти вот уже 25 лет, из них семь лет посвящены борьбе. У врачей существует золотое правило: сколько лет болезнь зарабатывал, столько и будешь ее лечить. Значит, получается — до конца жизни. Я знаю, что Господь вмиг может сотворить чудо и превратить зло в добро, но в моем случае Он явно медлит... Страсть мерзкая, вонючая, ни от кого не скроешь, но с другой стороны — так называемый мелкий грех. Святые отцы говорят, что чем тяжелее грех, тем сильнее покаяние и от тяжких грехов человеку избавиться легче, а малый, повседневный грех — это настоящая неизживаемая беда лени, нерадения, невнимания к себе. Слава Тебе, Господи, за постыдную зависимость, которая мне попущена для научения. Повезло мне. Есть у меня настоящий духовный тренажер для борьбы с малым грехом.

2

Итак, не совершайте по молодости и по глупости необдуманных поступков. Сразу отсекайте от себя привычки, которые могут овладеть вами. Они потом будут командовать вами, и вы незаметно станете их безвольными рабами. Сначала вы курите, чтобы было хорошо, а потом — чтобы не было плохо. Много бы я сейчас отдала, чтобы не совершать такую ошибку, но 25 лет назад не нашлось людей, которые выбили бы у меня сигарету из рук. Мое окружение и мой любимый муж считали, что это не только вредно, но и полезно: утешает, отвлекает, стимулирует, тонизирует, способствует душевным беседам, далее можете перечислить сами. Грех поначалу очень привлекателен. Есть люди, которым сигареты безразлич-

ны, у них генетика хорошая, они могут курить или не курить. А есть люди, душевно склонные к аддитивному, как сейчас модно говорить, поведению, то есть к зависимости, как я. С первой же сигареты эта привычка стала моей второй натурой, она прилипла, как пиявка, встроившись в каждую клеточку моего организма. И организм этот, тупой осел, заработал как-то так по-особенному, как будто без никотина он и жить не может и никогда не жил. Попробуй-ка не покури денек: не хватает воздуха, раздувает живот, невозможно проснуться, сосредоточиться. Жизнь моя, как хронометром, была размечена сигаретами. Я делала все дела от сигареты до сигареты. Я ставила перед собой задачи, выполняла их и в награду за это курила. Впоследствии, когда я правильно расставила приоритеты, мне это помогло. Каждое дело надо начинать с молитвой о помощи к Богу, заканчивать благодарением. Сигарета в этом случае — коварная дьявольская подмена.

3

Потом я стала православной христианкой. В период неофитства вопросы внешнего благочестия меня занимали очень сильно. Мне стало стыдно, и я захотела исправиться. Конечно, сама, надеясь на свои силы и на свою волю. Моя героическая попытка была тут же посрамлена, и я впала в уныние, в котором застряла надолго. И вот началось с тех пор — то яма, то канава, то взлет, то падение.

Я думала, что в своей беде чем-то похожа на апостола Павла. Я не знаю, какая у него была немощь, но в Послании к Коринфянам (2 Кор. 12, 7–9) сказано: «...дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: “Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”». А поскольку Господь всегда осыпает новоначальных благодатными дарами, то, чтобы я не чувствовала себя чем-то немаловажным, дано мне было такое унижение для смирения. От меня то и дело пахло вонючим табачищем, и я хорошо знала свое место. Я исповедовалась у разных батюшек, в разных храмах и в разное время, но история сложилась одна, стройная и поучительная.

Настоятель храма во время моей исповеди с порицанием качал головой, а потом сказал назидательно:

— Ты же христианка! Разве ты не задумалась о том, что на тебя смотрят люди? И на основании своих наблюдений они делают выводы: какая у нас вера, зачем мы ходим в храм, какие мы христиане!

По натуре я человек ответственный и стыдливый. Но курильщики знают, как укоры подстегивают желание курить самым парадоксальным образом. Заблудшей душе из чувства противоречия просто хочется свинства.

Другой батюшка, дело было в ноябре, благословил меня на борьбу с курением так:

— Бросишь курить Великим постом, это и будет твой пост. За три недели до этого, в приуготовительный период, будешь курить так: перед каждой сигаретой прочитай восемь раз «Отче наш». А сейчас — кури, хоть обкуришься вся.

Как я обрадовалась! Ура! Еще три месяца курения. Но они пролетели быстро. Я начала читать молитвы перед курением — и тут как «в зобу дыханье сперло!» Я чуть не упала от ужаса в обморок. Нет, думаю, так Бога я обижать не могу, лучше буду делать поклоны. Результат также оказался плачевным. Выходит, что я сигареты люблю больше Бога? Но это же не так! На исповеди я вопрошала батюшку:

— Почему же мне Бог не помогает?

— Чтобы не зазнавалась! — улыбнулся батюшка. — На самом деле Он помогает, только так, как считает более полезным для тебя, а не так, как хочешь ты.

Что же делать, что придумать? И придумала как нельзя лучше! В больнице сдавали кровь для детей, больных онкологией. У курильщиков принимали на плазму. Сотворю-ка я дело милосердия, Господь и сжалятся надо мной. И я поучаствовала в благотворительной акции. Два дня еле потаскала за собой ноги и добилась временной победы с грехом. Но враг не дремал. Как раз перед Прощеным воскресеньем навалилась сверхурочная работа, стрессы и переутомление, нашлись плохие люди и тяжелые обстоятельства. Оборона была пробита, и снова — здравствуй, сигарета. И все опять по полной программе, и как раз Великим постом. Как я каюсь! Мне всегда было что сказать на исповеди о том, как я курила при детях, после причастия, за углом, в туалете... Но все было тщетно. Надоело уже даже. На исповеди батюшка сказал мне запоминающиеся слова:

— У меня для тебя прекрасная новость. Ты думаешь, ты каешься в одном и том же грехе? Нет! Ты каешься в грехах разных, это только называется одним словом. Но состояние души всегда другое. Продолжай бодаться, ведь капля и камень точит.

Радости моей не было предела, я прилетела домой на крыльях, выбросила пачку сигарет — ух, я сейчас!.. Потом я заболела на три долгих месяца, болела и курила, курила и болела. Кашляла так, как будто с кашлем я выплевывала свои легкие. Шутка ли сказать, сдать почти пол-литра крови в эпидемию гриппа, да еще перед постом, сорвать иммунитет, а потом еще и «утончать свою плоть» голодом. Тяжело я расплачивалась за рвение не по разуму. Эта битва была проиграна.

— А знаешь, чем отличается кающийся грешник от не кающегося? — задал мне однажды загадку батюшка.

— Знаю, дерзновением. И еще я знаю, что немощна и имею большую нужду в помощи Божией.

Да... Не надоедало мне наступать на одни и те же грабли. Условия для борьбы были «подходящие»: муж дома, в однокомнатной квартире, беспрерывно курит трубку, как Шерлок Холмс, этажом ниже дымит опорный пункт милиции. Муж, конечно, виноват, я ему и говорю:

— Муж, давай вместе бросим курить, а то ты меня втягиваешь.

А любимый муж мне и отвечает:

— Тебе надо — ты и бросай. А меня не трогай!..

Не должен человек зависеть от обстоятельств. Поэтому я снова пошла на исповедь. На этот раз батюшка дал мне еще более ценный совет:

— Главное, сильно возненавидеть грех. Но еще важнее — курильщиков не осуждать!

Грех этот я, казалось, уже ненавидела — дальше некуда, но курильщиков всех вокруг себя готова была «передушить» от возмущения. «Надо же, — думала я, — вот стоит пожилая женщина и курит на автобусной остановке!» Или: «Такая молодая девчонка, идет и курит прямо на ходу, какая же из нее получится мать!» Это поразительное свойство греха — за свой же грех осуждать ближних. Или обвинять.

Моя навязчивость наконец достала и батюшку. На очередной исповеди он так и сказал:

— Да что ты заиклилась на этом грехе! Он относится к мелким, понимаешь? К мелким! У тебя что, нет грехов покрупнее? Или ты пытаешься их прикрыть своим пресловутым курением?

Тут я вспомнила слова одного священника, который может позволить себе сигаретку, особенно за интересной творческой работой. Ведь курили когда-то и Иоанн Кронштадтский, и Амвросий Оптинский, как и до сих пор курят некоторые монахи в Греции в перерывах между долгими богослужениями. Так, выходит, и не грех это вовсе.

Нет! Не сбивайте меня с толку. Я не хочу, чтоб сигарета командовала мною: как, когда, за какой угол и в какую палатку за ней бежать! Известен ли вам медицинский термин «императивный позыв»? Это повелительный приказ организма, не терпящий возражений. И вот, независимо от обстоятельств, вы несетесь неизвестно куда, не помня себя от нетерпения, чтобы удовлетворить его желание. Теперь страдание мое называлось «сигаретный императивный позыв».

4

Долго училась я жить по заповеди: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». На Божественной литургии однажды я слышу знакомые слова Евангелия как будто в первый раз: «И вот подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистишься. И он тотчас очистился от проказы». (Мф. 8, 2–3). Стою в храме с миром и тишиной в душе и только твержу: хочу, хочу, очень хочу, но не могу без Тебя, Господи. Есть такие счастливые мгновения в жизни, словно осиянные Фаворским светом, когда Господь рядом и Сам разговаривает с тобой... Сколько раз еще падать? Сколько Тебе будет угодно, столько и буду, и вставать буду столько же. Только чтобы, Господи, хватило Твоего долготерпения. Прокаженный не имел никакой возможности исцеления, никакой! С какой деликатностью и смирением он обращается ко Господу! Не требует, не настаивает, не дерзает, не жалуется на судьбу, не обвиняет окружающих. Какое упование на волю Божию! «Господи, если хочешь, очисти меня!» — и сложила я слова эти в сердце своем. «Господи, не как хочу я, но как хочешь Ты. Я благоговею и безмолвствую перед непостижимыми для меня Твоими судьбами». (Слова из молитвы святителя митрополита Филарета Московского.) Как хочется учиться такому смирению!

Вот и подходит к концу моя история. Одним прекрасным осенним утром на Божественной литургии я причастилась Святых Христовых Тайн, пришла домой и проспала весь день сном новорожденного ребенка. А когда я проснулась, мне без всяких усилий просто не захотелось больше курить. Как хорошо, что наша православная вера — это не свод нравственных правил, а вера любви и чуда.

Как быть?

В уездной районной поликлинике наступила реформа здравоохранения. Взялись сразу за главное: электронную регистрацию, культивирование жалоб больных и угрозы медперсоналу. Перекрасили масляной краской стены, положили скользкую плитку у входа, заставили носить всех «пейджики» на длинных белых халатах и улыбаться. Скоро приедет комиссия из Москвы и будет проверять целевое использование выделенных

на улучшение работы поликлиники средств. Занялись дизайном: кабинет врача должен быть из стекла и пластика, как офис в банке. Ведь нам нужно перенимать западные образцы, чтобы вывести медицину на высокий уровень. Как будто у нас нет традиций своей, отечественной земской медицины, неповторимой русской души, человеческих отношений между людьми. Проблем катастрофической нехватки врачей и оборудования у нас не существует; как помочь главному звену медицины, «врач — больной», или хотя бы не мешать, не «отбивать руки» — у руководства и в мыслях нет. Главное — электроника, дизайн и улыбка. Может быть, идея оптимизации здравоохранения и хороша, и актуальна, но у нас исполнение ее идет, как всегда, с перегибками на местах. С воодушевлением взялись за акцию — убрать все цветы из поликлиники, как главные пылесборники и пережитки прошлого. И покатались наши любимые цветочки на тележках на помойки. Стали несовременными такие понятия, как «родной коллектив», «работа — второй дом», «всю жизнь проработал на одном месте».

Тут дело потихоньку дошло и до икон. В больнице работает молитвенная комната, поликлиника два года назад освящалась, на каждом ее этаже были представлены небольшие художественные объявления о ее работе с изображениями ликов святых — наших небесных покровителей. Со временем стенды исчезли, а вместо них появились портреты начальников и разные постановления. Но каким-то чудесным образом рядом с моим кабинетом такое объявление сохранилось. И вот идет проверка.

— Это что здесь такое? Немедленно снять! — приказала замглав.

— Вам надо, вы и снимайте! А я не буду, — смело выглянула из кабинета моя медсестра. — Бог все видит!

Замглав оторопела, а сестра-хозяйка, набожная женщина, куда-то сразу исчезла — от греха подальше.

— Да как же это можно, в медицинском учреждении... — начала было замглав.

— Это объявление о работе молитвенной комнаты было установлено два года назад по согласованию с администрацией. А в больнице находятся молитвенные уголки. Эта информация очень интересует больных, — корректно пояснила я ситуацию.

— И что, эта молитвенная комната до сих пор работает? — никак не могла сориентироваться замглав.

— Ну, конечно, приходите к нам в среду, как здесь написано, на молебен к трем часам, будем рады.

— Я вот доложу главврачу, она с вами разберется! — достойно выкрутилась из щекотливой ситуации замглав и удалилась.

— Что будем делать? — спросила моя медсестра.

Было чего бояться. Наша новая главврач всегда кричит от страха или для страха, сама спрашивает, и сама отвечает, и тут же принимает меры. Народ врассыпную кидается выполнять ее повеления.

— А ничего не будем делать, — ответила я. — Отработала врачом в этой поликлинике 25 лет, начинать бояться уже поздно.

* * *

И вспомнился мне наш крестный ход из Мерзлова в Загорье. То было роскошное лето, праздник Успения Божией Матери. Мерзлово — это заброшенное село с разрушенным храмом, превращенное в дачный поселок, его постигла судьба многих наших сел. А храм хоть и разрушен, но не совсем, взялись добрые люди за выведение его из аварийного состояния. И деньги

на это взялись ниоткуда. Радуется ангел-хранитель нашего Воскресенского храма! Такая кругом благодать! Пруд, яблони, поля, холмы и рощи — все необозримое величие природы воспевают красоту Божьего мира. Как гармонично вписывается в нее храм. И только бесноватый человек своим замутненным умом мог сотворить с храмом Божиим, кораблем спасения, такое безобразие. Что чувствовал тогда священник Алексей Смирнов, когда впервые к нему пришли комиссары? Наверно, они предложили ему выбор. И он бы мог подумать: «Сделаю, как говорит новая власть, всякая же власть от Бога, а в глубине души буду веровать». Что такое компромисс? Что такое рассудительность? Что такое лукавые мысли? Как быть? Но Господь наделил человека свободой выбора, и он выбрал исповедничество, за что и был сослан на исправительные работы на Беломорканал. Были ли у него сомнения в выбранном пути? Что лучше — быть изгоем общества с чистой совестью или приспособленцем, трясущимся от страха? Ведь и у тех и у других участь оказалась примерно одинаковой. Выпустили священника Алексея со стройки века, а храм уже разрушен, и там уже клуб. И получил он назначение в ближайший храм Успения, что за двадцать километров, в Загорье, и смиренно пошел туда служить. Выбрал он путь Христов, путь мученика, радовалось его сердце, «полюбил он страдание». А в тридцать седьмом году уже и этот храм стерли с лица земли, а священника отправили на Бутовский полигон в расход. Кто эти ретивые люди, сгубившие цвет русской нации? Помнит ли кто их имена? А священномученика Алексея, причисленного к лику святых, знают и помнят. И вот уже, через три поколения, и восстанавливаются храмы, в которых он служил, и идут верующие крестным ходом от одного храма к другому. Разве возможно стереть веру с лица земли?

* * *

Вернемся в наш кабинет. Следующей на нашу «проработку» заходит старшая медсестра поликлиники и доброжелательным голосом говорит:

— Цветы же приказали убрать. Уж как переживали все наши! Годами все-таки выращивали, привыкли — и ничего, смирились.

— То цветы, а то иконы! Господь накажет. Не я повесила, не мне и убирать! — таким был ответ моей медсестры. Так она мне нравилась в тот момент своей детской верой, что теперь Господь за ее преданность выполнит любые ее просьбы.

— Но ваш стенд — это еще не все, — сообщила старшая. — По распоряжению районного начальства все иконы из кабинетов приказали убрать. Сказали: «Иконостасы будете разводить дома».

— И убрали? — с недоверием поинтересовалась я.

— Убрали, уже в трех кабинетах — самые передовые богомольцы. Кому нужны неприятности? А вы нам общую картину учреждения можете испортить.

— Ну так и убирайте сами, раз вам надо, а мы грех на душу не возьмем! — это опять была реплика моей медсестры.

Уберешь иконы — на душе противно будет. Не уберешь — санкции будут. Господи, помоги мне! В Евангелии от Луки написано: «Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом».

* * *

И вспомнился мне фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар». В нем поставлен очень хороший вопрос: «А когда все это началось?» Почему лю-

ди теряли веру? Все начиналось с малого. Зачем, например, ходить в храм каждое воскресенье? Для Егория, добродушного верующего мальчишки, стало открытием, что человек произошел из обезьяны, и «даже родители, и даже царь»! Поручик, главный герой, не удосужился разъяснить ему это недоумение. Мальчик отказался от веры в Бога, став впоследствии по иронии судьбы палачом поручика. Поручик потерял нателный крестик после тайной измены своей невесте с замужней дамой. Что в этом такого? Вера — лишь внешнее благочестие, скука, да и только. А потом революционеры топят баржи со своими соотечественниками, с лучшими людьми России. «Как это случилось? Когда это началось?» — задает себе вопрос бывший поручик. Каждому человеку надо задавать этот вопрос себе вовремя и не ждать, «что все как-то само собой образуется».

* * *

Третий заход в наш кабинет совершила заведующая поликлиникой, добрая женщина и хороший врач:

— Девчонки, уберите иконы на время, пока комиссия не пройдет, а потом опять восстановите. Понимаете, люди выполняют распоряжение выше, ничего вы им не докажете. — Она говорила, а мне слышались слова из Евангелия: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

— Но мы подготовились к приходу высоких гостей, — вновь постаралась я отстоять свою позицию. — В ноябре 2014 года проходил форум «Медицина и Православие» во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием и министром здравоохранения правительства Московской области Суслоновой. Девиз форума — «Соработничество во имя жизни». В резолюции форума сказано: «Мы поддерживаем инициативы по развитию взаимоотношений медицинских работников и священнослужителей и призываем оказывать содействие в создании в лечебных учреждениях домовых храмов». У меня есть подтверждающие документы.

— А иконы? Зачем вам столько? Можно оставить одну маленькую. — Было видно, что стоял и ей «костью в горле» наш кабинет.

— Мы привыкли так работать из года в год. Наши небесные покровители нам помогают. Перед началом работы мы просим их помощи: дать нам терпения, смирения и сил работать во славу Божию и на помощь людям. Больных очень утешает такая обстановка, она поддерживает их в трудных ситуациях. Где же здесь нарушение лечебного процесса?

— Что вы мне объясняете, дорогие мои! Делайте что хотите, — махнула на нас заведующая рукой.

* * *

Я подошла к иконе святителя и врача Луки Войно-Ясенецкого, вспомнив одну историю из его жизни, писанную в книге «Врачу благой и милостивый». В операционной городской больницы, где работал будущий святитель, уже много лет висела икона Божией Матери, обратясь к которой хирург имел обыкновение перед операцией осенять себя крестным знамением. Заведено это было так давно и исполнялось так часто, что неверующие врачи перестали обращать на это внимание, а верующие считали делом самым обычным. Но времена менялись, и в начале 1920 года одна из ревизионных комиссий приказала икону убрать. В ответ на это Валентин Феликсович ушел из боль-

ницы и заявил, что вернется только после того, как икону водворят на место. В двадцатом году этот поступок главного врача выглядел уже анахронизмом. Доктор просто проглядел начало новой эры, когда гражданину на каждом шагу принялись напоминать, что он работает в государственном учреждении, топчет государственную землю, а раз так — должен считать естественным любое вмешательство власти в его жизнь, ибо и сам он, гражданин, есть имущество государственное. Все остальные сотрудники привыкли к новому положению. Войно-Ясенецкий не привык к нему до конца жизни. Профессор Ошанин так описал историю борьбы за икону. Комиссия высказалась в том смысле, что «операционная — учреждение государственное. У нас Церковь отделена от государства. Если вашему хирургу хочется молиться, пусть молится, никто ему не мешает, но пусть держит икону у себя дома». Войно-Ясенецкий повторил, что в операционную не вернется. Вмешалось обстоятельство непредвиденное: крупный партиец привез в больницу для неотложной операции свою жену. Женщина заявила, что никакого другого врача, кроме Войно-Ясенецкого, не желает. Войно подтвердил, что очень сожалеет, но, согласно своим религиозным убеждениям, не пойдет в операционную, пока икону не вернут обратно. Партиец дал честное слово, и на следующий день икона висела в операционной.

* * *

И вот настал день приезда высокой комиссии. Как водится, перед началом рабочего дня мы прочитали молитвы, окропили кабинет святой водой. Как быть? Вспомнились строки из Евангелия: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас».

Комиссия со свитой и телекамерами прошествовала два этажа, а на нашем — совершила крутую излучину, как будто нашего кабинета не существовало и вовсе. Господь уберег. Так мое исповедничество никому и не потребовалось.

Квартирный вопрос

Квартирный вопрос давно занимал мой ум, я не знала, как подойти к его решению. Денег особых мы не имели, дать их нам было некому. Муж был категорически против «жизни взаймы», то есть кредита. Мы жили в небольшой двухкомнатной квартире, но сын подрастал. Я понимала, что этот вопрос встанет и лучше его решать заранее. Но деловой жилки у нас нет, и я отложила этот вопрос за нереальностью его исполнения.

Лет десять назад я читала письма Иоанна Крестьянкина, и мне запомнился один его совет: «Если хочешь решить квартирный вопрос, молись святителю Спиридону Тримифунтскому». Имя этого святого я слышала впервые, и оно запало мне в душу. Я стала интересоваться святителем с острова Керкира, потихонечку молиться ему: «У меня вырастает сын, я хочу, чтобы у него была семья, дети. Надо же им будет где-то жить, молодежи сейчас так трудно начинать совместную жизнь. Святитель Спиридон, помоги».

Настал 2011 год. В этот год, будто сговорившись, несколько человек подали мне святыньки, связанные со святителем Спиридоном. У меня гостила мама. К ним в Винницу привозили мощи святителя, она выстояла многоча-

совую очередь, чтобы им поклониться. А мне в подарок привезла бумажную иконку с частичкой ткани его ризы. Ее так умиляло, что Спиридонушка за год снашивает свои башмачки, помогая людям. Потом мы поехали погостить к родственникам в Рязань. У мужа есть двоюродный племянник, Никита, мальчик, воспитанный в Православии, помогающий в алтаре при богослужении. Тогда ему было лет десять. Однажды мы гуляли по рязанскому кремлю, Никита был преисполнен радости и хотел нам что-нибудь подарить. Поскольку денег он не имел, то запустил руку в коробочку с бумажными иконками, предназначенными для раздачи, и подарил одну, даже не глядя. Я повернула иконку ликом к себе и улыбнулась — это был святитель Спиридон Тримифунтский. Вспомнив поговорку: «Устами ребенка глаголет истина», — с радостью взяла вторую иконку святого домой. По приезде в Спасском храме я повстречала своих хороших знакомых, которые только что вернулись из паломничества на остров Корфу. Конечно же они не могли не привезти мне в подарок маленькую красивую икону святителя Спиридона греческого письма и маленький конвертик с частичкой его башмачка. Потом настали мои именины. В тот воскресный день я была в храме и причащалась Святых Христовых Тайн. После службы ко мне подошла знакомая, которая хотела меня поздравить, и подарила мне — как вы думаете, что? Книгу о святителе Спиридоне с житием, чудесами и акафистом. Как я была ей благодарна! С тех пор, как вы понимаете, я начала читать акафист этому святому, удивляясь, неужели он может быть так скор на помощь? Так прошли июнь и июль.

Каждый день я ездила на работу и видела, как закладывается и строится дом. Хорошо бы в нем купить квартиру, думала я, но не знала — как. Вся моя жизнь заполнена больными людьми, домашними заботами и храмом. Не дано мне понимать в риэлторских темах, договорах, сделках. Муж подначивал: «Не выдумывай, давай жить как живется. Сколько обманутых дольщиков. А ты просто создана для того, чтобы тебя обманывали», — в общем, «поддерживал». Оставалось только молиться святителю Спиридону. 10 ноября иду по коридору поликлиники и случайно встречаю председателя профкома.

— Виктория, мы с мужем уже 25 лет работаем в больнице. Хотелось бы попасть в программу по покупке жилья, — сказала на всякий случай я.

— А где же вы раньше были?

— Дом вот только начал строиться, я и подумала...

— Уже все распределено. Бумаги отданы в администрацию. Давай попробуем написать на всякий случай заявление, сама отнесешь его в исполком. Этот вопрос будут рассматривать послезавтра.

Через 15 минут я написала заявление, через 30 минут главный врач его подписал. Через 2 часа мы с мужем отвезли бумаги в администрацию. Предполагалось долевое участие в строительстве дома, небольшая скидка, и главное — покровительство исполкома, то есть гарантия не быть обманутой. Подали бумаги и забыли, ведь всем известны бюрократические проволочки, да и неизвестно, включают ли нас вообще в эту программу. Планировку квартир мы себе не представляли, денег у нас было мало, по максимуму мы собирались купить маленькую, 36-метровую, квартирку для сына. Через три дня нам звонят из горжилуправления. Предлагают квартиру 53 кв. метра, больше ничего не осталось, ответ надо дать немедленно. Другие думали над этим вопросом заранее. Хорошо, когда нет выбора, — и мы согласились. Мне было совершенно ясно, что так мне помог Спиридон Тримифунтский. Поблагодарив, я его просила так: «Спиридонушка, ты же знаешь, какой я профан в этих вопросах. Да и муж мой не деловой человек. Помогите уж нам закончить начатое дело». Все складывалось один к одному: дом строился быстро, находились люди, готовые помочь с бумагами. Очень быстро объявился хороший

мастер, согласившийся взять на себя весь ремонт. Когда я первый раз зашла в квартиру, которая представляла из себя бетонную коробку, мне стало не по себе. Первым делом на оконную раму я бережно приклеила иконку Спиридона Тримифунтского и сказала: «Спиридонушка, будь, пожалуйста, куратором этого проекта». Все шло как по маслу, мы ни о чем не беспокоились. В процессе ремонта мы поняли, что квартира эта вовсе не для сына, а для нас. Она такая большая, просторная, радостная. В ней все новое, и работа в пяти минутах ходьбы. И потом — это подарок святого нам. А старая квартира осталась сыну, есть ему где создавать семью.

Когда мы живем в одной земной плоскости, не поднимая голову к небу, то не задумываемся о том, как много нас окружает святых, готовых на скорую помощь. Как мы много надеемся на себя, отчаиваемся, унываем, видя, что ничего у нас не получается. Если бы мы могли полностью отдать себя в руки Божьи и довериться Ему! Господь через Своих угодников никогда не оставит нас без Своего попечения и даст нам все полезное ко времени и для житейской жизни, и для жизни души. Слава Богу за все и низкий поклон тебе, Спиридонушка Тримифунтский.

Причащение умирающей

Тамара, сотрудница нашей поликлиники, проработала в ней верой и правдой более сорока лет. По трагическому стечению обстоятельств она почувствовала, что серьезно больна. Медики всегда болеют очень тяжело, то ли потому, что им известно течение болезни, то ли потому, что работа их, как правило, нервная и тяжелая. Тамара рассудила так: «Поживу сколько осталось нормальным человеком, не буду себя мучить операцией, облучением. А вдруг еще в процессе этого лечения стану обузой для родственников, а вдруг вообще все обойдется». Рассуждай, не рассуждай, а болезнь берет свое. Заведующая поликлиникой просто вынудила Тамару пойти на обследование под угрозой увольнения. Страх смерти в людях, особенно неверующих, сидит очень глубоко. Тамара, плохо скрывая волнение, зашла в мой кабинет за приговором. Приговор подтвердился — запущенная стадия рака. «Как сказать ей? — подумала я. — Сразу правду? Она сама обо всем догадывается».

— Тамара, все очень серьезно, надо срочно в больницу. Почему же ты так долго тянула? — с тяжелым сердцем начала я разговор.

И тут хлынула волна отчаяния:

— Я не лягу в больницу, я буду работать, это все неправда!

Диагноз подтвердился, жизни Тамаре было отпущено не более двух месяцев. Вот так работают наши медики, умирают чаще на рабочем месте и все больше от инфаркта, инсульта или рака, не доработав зачастую и до пенсии. Тамару госпитализировали, попытались помочь, обеспечили уход, но она стала быстро угасать. Больше всех горевал муж, он никак не мог взять в толк, почему она сама себя не вылечила, ведь она такая опытная медсестра! В душе Тамары творилось страшное: она горько обижалась на то, что судьба так несправедлива к ней. Ведь она всю жизнь сама помогала больным! Тамара замкнулась, отчаялась, никого не принимала, ей не нужна была жалость. Нужно ей было совсем другое...

Пообщавшись с родственниками, я поняла, что ни о каких исповеди и причастии она и слышать не хочет. От церкви, будучи крещенной в младенчестве, она была очень далека. Кроме того, существует невежественное

суеверие: как только причастишься, так сразу и умрешь. Я рассказала эту историю батюшке Сергию, который служит в Молитвенной комнате нашей больницы, и она тронула его до чрезвычайности. «Понимаешь, человек не должен уходить из жизни в таком отчаянии! Мы должны что-то придумать», — сказал он. Мы решили навестить больную после молебна под предлогом освещения палаты. Помолившись, пришли. Сначала Тамара отвернулась к стене, слабая, умирающая, но такая озлобленная. Мы начали потихоньку разговаривать ни о чем, потом вдруг ей вспомнилось далекое детство. Родственники ее были крещеные люди, ходили в церковь, а двоюродный дядя даже служил дьяконом в нашем Спасском храме! Время было трудное, безбожное, иконы прятали в доме в большом сундуке. Детей к вере особо не приобщали, боялись последствий. Тамара вдруг вспомнила, как маленькой девочкой причащалась на Пасху, и слезы умиления потекли по ее щекам. Это было — как прорыв горной плотины. Может быть, и усопшие родственники с того света помогли. Тамара долго исповедовалась, а затем причастилась Святых Христовых Тайн. Она отошла ко Господу неделю спустя. Хочется верить, что душа ее стала светлой и чистой душой, она всех простила и со всеми примирилась!

Мой папка

Святые отцы говорят, что спасается только тот человек, который творит добрые дела ради Бога. А если человек добрый по природе своей, то в чем же его заслуга? Вопрос этот всегда волновал меня. Потому что в моей жизни был третий случай. Человек прожил жизнь во славу Божию, просто он об этом не знал.

Таким человеком был мой отец, Николай Константинович Филипенко. Родился он в 1938 году в латышской деревушке Латгалии, на границе с Белоруссией, и, по смутным воспоминаниям бабушки, был крещен, по деревенскому обычаю, как русский в православной церкви. Мальчишеское детство его было военным, трудным и голодным. Отец сгинул в концлагере, безалаберная мама работала на свиноферме, не сильно заботясь о детях. Выживали они как могли. Маленькому Коле очень хотелось учиться. А школа была далеко — семь километров через лес. Он ходил туда не каждый раз, работать надо было, да и страшно, ведь однажды в дороге его чуть не задрали волки! Когда папа читал мне рассказ «Филиппок» Л.Н. Толстого, я сильно плакала, жалея его. Таким Филиппком был и мой папка в детстве, тем более он имел подходящую фамилию. А потом он поступил в мукомольный техникум, чтобы научиться печь хлеб и наконец-то вдоволь его наестся. А дальше были военное училище и академия имени Можайского в Ленинграде. Отец всегда говорил, что воспитала его не семья, а страна, она его выкормила, выучила и вывела в жизнь. Поэтому он всегда беззаветно служил этой стране и был коммунистом до мозга костей.

Школьные годы мои прошли на Байконуре. О таких понятиях, как «церковь» и «Бог», я узнавала только из учебников истории. Это была коммунистическая стройка века, и там жили настоящие советские люди. Отец строил стартовые площадки для космических ракет и считал это главным делом своей жизни. Он жил по моральному кодексу строителя коммунизма, не догадываясь о том, что этот кодекс в основе своей был списан из Евангелия.

А по сути дела, он жил по заповедям Божиим. Он очень любил людей. Солдатская служба в то время на Байконуре была очень тяжела. Когда солдатик на машине подвозил отца домой, папка всегда тащил его в дом, усаживал за стол и кормил так, что тот не мог уже дышать. А потом все, что было в доме съестного, стребалось в большой мешок, ведь надо же было пареньку накормить своих друзей по казарме! Папа всегда помнил о своем голодном детстве.

На огороδικе папа сажал помидоры — просто сеял семечки в грунт, как морковку, а потом вечером приезжал поливать: открывал трубу, и вода текла по арыкам. Вот и весь уход. А к осени на кустах, а больше на земле лежали большие помидоры «Бычье сердце», до полукилограмма доходили. Ни у кого таких не было! «Коленька, зачем ты сажаешь столько помидоров?» — спрашивала его мама. А Коленька подгонял свою машину-«копейку», загружал полный багажник помидорами и развозил их по друзьям и знакомым. Ему всегда хотелось, чтобы всего было много, только не для себя, а для других.

Когда наступала весна, в степи расцветали тюльпаны большими цветными коврами. Это не наши тюльпаны с резиночками на бутонах, это были дикие цветы небывалой красоты. И тогда папка брал семью, лопату, «копейку», и мы ехали в степь выкапывать тюльпаны. Естественно, он забивал ими весь багажник своей машины. «Коленька, зачем тебе столько?» — спрашивала мама. «Люденька, я ведь не выкапываю луковицы, на следующий год еще больше будет». И снова начинался объезд друзей, сослуживцев, знакомых. У нас и у них все комнаты утопали в цветах. И по этому признаку можно было узнать, что пришла весна. Он всегда был всем нужен, и это его радовало, но мама часто пилила отца за то, что он «не умеет жить». Но он только улыбался и называл ее «мой домашний генерал».

Однажды я в семь лет сильно прищемила палец дверью, и папа долго утешал меня, рассказывая, что людям на войне было еще труднее. Когда я начинала ныть о своих проблемах, папа мне рассказывал, что есть люди, которым живется намного хуже. Он вспоминал о голодающих детях Африки. Тогда я не могла вообще взять в толк, при чем здесь Африка. Позднее я усвоила этот его принцип жизни: если тебе плохо — помни о других людях, которым намного хуже тебя, и постарайся помочь им. По наследству также мне досталась еще одна папкина мудрость: плохих людей не бывает. Все люди разные. Но если ты к человеку относишься по-хорошему, то и он к тебе будет относиться так же. А если даже и нет — все равно людей надо любить. «Вот я, — говорил он, — никогда не встречал людей плохих».

Окончив школу, я улетела на «Большую землю», в Москву. Я впервые увидела много красивых храмов, ведь на Байконуре о храме и речи быть не могло! Но я их видела как памятники архитектуры, никогда не заходила в них. Я была воспитана убежденным атеистом.

Когда я привезла на Байконур своего будущего мужа для знакомства с родителями, папка сразу взял его в оборот и подверг различным испытаниям: охота, рыбалка, гараж и т.д. И когда они через три дня явились, еле живые, мама спросила отца: «Ну, как?» Отец ответил: «Во-о!» — и показал большой палец правой руки. С тех пор они стали закадычными друзьями. Андрей впоследствии как-то сказал мне, что женился не на мне, а на моем отце.

Папка заболел в 50 лет раком желудка с переходом на пищевод. Это было прямым следствием его облучения на стартовых площадках при запуске ракет. Он очень мечтал, что, когда уйдет на «дембель», будет выращивать и розы, но получилось по-другому. Болезнь его была мучительной, потому что ему было трудно кушать, и умер он, несмотря на все наши усилия, по суще-

ству, голодной смертью. Вот такая ирония судьбы. Но дело не в этом. Он не мог представить себя прикованным к постели. Его выносили, усаживали в «копейку», и он начинал «бомбить». Перевозил людей с конечной остановки автобуса по дачным участкам и был очень доволен, когда приносил в семью хороший заработок. Мама плакала, пыталась положить его в стационар или хотя бы на дому поставить капельницу, но все было тщетно.

Сестра рассказала мне такой случай. Однажды он проколол колесо, но выйти из машины с отечными ногами не мог. А тут проходят два тинейджера с джин-тонином в руках и прической в стиле «ирокез».

— Ребятки, помогите мне поменять колесо! Я не могу вылезти из машины.

— Нет проблем, дедусь! — И быстро, ловко меняли колесо. К слову сказать, «дедусе» тогда было 55 лет, а «ирокезы» в те времена ничего без «бабла» не делали. Ему просто никто никогда не мог отказать в помощи. Потому что он сам всегда всем помогал. Даже удивительно, что заставляло людей садиться в его «копейку». Это был такой худой дедушка с добрыми глазами, светящимися из-под кепки. Наверное, он и денег-то с пассажиров не брал или брал очень мало.

Папка умирал как-то радостно. Накануне вечером собрались его друзья, они пили водку и пели песни тревожной молодости. Самая любимая у папки была «Я люблю тебя, жизнь». В общем, был праздник. На следующий день умирал он у меня на руках, я гладила его по голове. Рядом испуганно сидел его любимый и похожий на него внучок Алеша. Мама бегала в хлопотах, она очень боялась. Папка немножко бредил, улыбался и забывался. А когда умер, улыбка осветила его лицо, и я явно слышала, что он сказал какие-то слова, что увидел что-то очень красивое. Он был счастлив. Ах, если бы тогда я знала хотя бы одну молитву! Однажды перед смертью он попросил маму завести его в храм, но она отмахнулась, о чем потом долго и много каялась. После его смерти все плакали, а у меня на душе было спокойно. Даже неудобно было: вдруг подумают, что я папку не сильно любила.

Но мне хотелось ему помочь, поэтому я узнала, что нужно сделать, и пошла в церковь. Сразу нашлись люди, сложились обстоятельства. Начался первый, чудный период моего воцерковления. У меня нет никаких сомнений, что в храм Господь привел меня через отца. Однажды я молилась в храме на Родительскую субботу и совершенно явно ощутила присутствие папки рядом с собой. Я никак не могла выйти из храма после службы, что-то не пускало. Пометавшись, я купила икону Николая Чудотворца, небесного покровителя моего отца, и акафист ему. И тогда, спокойная и радостная, вышла я из нашего храма Святителя Николая.

А потом все забылось. Как семя из притчи, посеянное среди плевел, я увлеклась всеми радостями своей молодой и красивой жизни. Однажды меня спросили, покрасила ли я яйца на Пасху? Даже об этом забыла! И тут я поняла, как далеко ушла на сторону далече, как блудный сын из Евангелия. Но это еще больше усилило мое нежелание ходить в храм, наверное из-за стыда.

К сорока годам супруг мой впервые купил подержанную машину. И, пару раз поездив с ним, я поняла, что машину надо освящать, иначе и до беды недалеко. Я думаю, что это была не моя идея. Ведь папка мой был заядлым автомобилистом, и уж точно он курировал этот вопрос «сверху». И вот как-то осенью, на праздник Казанской Божьей Матери, прилагая большие усилия, я все же уговорила мужа освятить машину. К концу службы захожу я в храм. По солее рассказывает незнакомый мне батюшка с белой бородой, похожий на Деда Мороза. А в голове моей как будто печатает печатная машинка: «Это твой духовный отец». И снова зачастила я в храм, на ис-

поведь, на причастие, и поражалась только, как же этот батюшка похож на моего отца! Не внешне, а по существу. Недолго думая, обратилась я к нему: «Будьте моим духовным отцом, а то мой папа умер, а мне так не хватает его поддержки и совета». Это была наглость. Батюшка ответил: «Да будешь ли слушаться?» Это было ни «да», ни «нет». Как надоедают, наверное, батюшкам со своими признаниями такие прихожане, кого-то потерявшие или не нашедшие, одинокие или вдовы и путающие духовное с душевным. Однако у меня сомнений не было. Прошли годы, и этот батюшка все-таки стал моим духовным отцом. А я больше никогда не уходила из храма, и вера стала смыслом моей жизни. Я так думаю, что и об этом похлопотал мой папка на том свете.

Я мало понимаю в посмертной участи души. Но по своему опыту хочу сказать, что смерти нет, что у Бога прекрасных обитателей много и что у Бога все живы, как жив и мой папка.

Простое русское «прости»

В детстве меня, как и всех, спрашивали: «А знаешь ли ты волшебное слово?» — и я с готовностью отвечала: «Знаю! “Спасибо”». С годами я поняла, что высший смысл этого слова — это молитва за ближних. В молодости мне нравилось слово «благодарю», тогда оно казалось признаком интеллигентности и хорошего тона. Позже оказалось, что благодарение — это высшая молитва к Богу и благодарные люди всегда счастливы. А евхаристия, совершаемая на Божественной литургии, так и переводится — «благодарение». Но я хочу рассказать о том, как в моей жизни появилось другое, Богом данное слово, — «прости», способное действительно творить чудеса.

* * *

Когда я начала ходить в храм, исповедоваться, причащаться, то сразу нашла себе близкого по духу священника, которого попросила быть моим духовным отцом. Он тогда не ответил — ни «да», ни «нет», — а поскольку я только начинала свой путь в храме, то не знала правил приличия. Идет богослужение, мой батюшка служит в алтаре. А я в этот день готовилась к причастию и подошла к другому священнику, который исповедовал своей чередой. В это же время выходит мой батюшка, и получается, что исповедуют два священника одновременно. Мой батюшка поворачивается во время исповеди и очень недовольно смотрит на меня. Ситуация неловкая, но что поделаешь? Заканчивается литургия, причастие, потом все подходят ко кресту. А мой батюшка, он такой строгий, говорит: «Останься после службы, нам надо поговорить». Борются во мне два чувства. Принял ли он мое предложение стать духовным отцом? Ведь по большому счету он не обращает на меня никакого внимания. Второе мое чувство такое — как будто бы я его предаю или нарушаю данную договоренность. Сели мы с батюшкой на скамеечку, тереблю я бахрому моей сумочки от волнения. Спрашивает меня батюшка: «Леночка, а что же ты другому священнику исповедаться пошла? Зачем же тогда ты меня просила стать твоим духовником? Ты меня прости, если я тебя чем-то обидел или что-то сказал не так». Я была просто потрясена этими словами до глубины души! Я такой маленький и беспомощный человек, делающий ошибки на каждом шагу, — и тут меня лично приглашает

на беседу священник, который служит Самому Господу в алтаре, и просит у меня прощения! Это был переворот в моей душе. Конечно, я оправдалась тем, что не хотела его отвлекать, что нет расписания исповеди и что исповедь отложить я не могу, потому что если я никому не скажу сейчас, то не скажу уже больше потом никогда, ну и разные другие там слова. Не успела я обрадоваться, он сказал: «Ну, хорошо, хорошо, у меня сейчас панихида», — и ушел. В тот день я узнала, какую силу имеет слово «прости». Это слово обезоруживает обидевшегося человека, это слово смиряет того, кто просит прощения. А человек, в котором есть кротость и смирение, — это очень красивый человек. Я шла пешком, и душа моя пела. Я зашла к друзьям, а у них свой дом, яблоневый садик. Месяц май — яблони в цвету, под одной из яблонь стоит моя раскладушка. Никого не было дома, я легла на свою раскладушку и заснула сладким сном. В тот день я поняла, что такое божественная благодать и через какое слово она ко мне пришла.

* * *

Я работаю врачом УЗИ в поликлинике, где людей всегда много и спрос чаще превышает предложение. А больные бывают беспомощные, глухие, слепые, хромые, — и это порой начинает раздражать. Многих приходится принимать сверх нормы, потому что выхода другого нет. И вот заходит одна такая пациентка, с палочкой, которая плохо слышит и видит, приехала она из района, не возвращаться же ей обратно. Естественно, у нее не было никакой подготовки к обследованию, не было полотенца, бахил. Я закричала раздраженным голосом: «Да постелите же вы хоть что-нибудь! Хоть свою майку! Вы приходите наевшись, не подготовившись и требуете сами не знаете чего!» Есть у меня такой грех — потеря самообладания, особенно на работе. Но душа этой женщины оказалась чистой и красивой. Она неотреагировала гневом на гнев. Она сказала так: «Доченька, прости меня, прости меня, бестолковую». Она сказала это слово «прости», и мне стало стыдно, и даже захотелось заплакать оттого, что я такая злая.

* * *

Мой муж Великим постом заинтересовался верой, вдруг как-то Божия благодать коснулась его сердца через общение с моим духовным отцом. Он пришел в храм, исповедался, причастился на Вербное воскресенье и был так счастлив, что даже засобирился на пасхальное богослужение. Я долгие семь лет молила Бога о том, чтобы мой муж пришел к вере. Ведь это так важно, когда родной человек и по духу становится родным. На большие церковные праздники мы бы были в храме вместе с мужем, и радость наша была бы общей. И мне уже не надо после службы метаться в поисках того, кто мог бы меня подвезти, или одной в три часа ночи возвращаться домой пешком по ночному городу, не дождавшись такси. Вот Великий четверг, я так долго готовилась к исповеди и причастию, серьезно готовилась по благословению батюшки, я даже не знала, какой мне исповедать грех, потому что, кроме слов благодарности, не знала, что и скажу. И тут утром по выходе из дома меня накрыла такая обида на мужа! У нас есть машина, муж катается на ней в свое удовольствие, потому что работа рядом с домом. А сегодня получается две службы, четыре раза туда и обратно, это далекий путь, и такси очень дорого. Я прошу его: «Довези меня хотя бы раз, вот вечером я с огоньком четверговым поеду, таксист не возьмет». С нарастающим раздражением он мне отвечает: «Вечером я работаю, а днем я

не знаю, когда кончится твоя служба, подружек у тебя много, отстань от меня». Все пошло прахом, всплыли все былые обиды. Сколько же можно издеваться надо мной, сколько мне еще терпеть все эти унижения! Я так испугалась своего раздражения, что все мои надежды пустые, что я все испортила. И тогда я взмолилась: «Прости меня, пожалей, куда мне теперь в таком состоянии идти в храм». Он говорит: «И ты прости», — и разошлись. Слово-то «прости» я сказала, а душу обида грызла все равно. Я еду и плачу, что уже не причащусь в Чистый четверг. Жалею себя, что я такая почти святая, а меня никто не любит и не понимает. Батюшка меня поучал, что на исповеди надо говорить то, что лежит на сердце, а не пустословить, не выдумывать грехи. Тут все просто и ясно. На исповеди я бросилась на колени: «Господи, прости меня за обиды на мужа! Ведь я не права, я придираюсь к нему, не хочу его понять, вот и сегодня утром учинила скандал, я попросила у него прощения, но в глубине души я не умею прощать. Вот теперь он не пойдет со мной на пасхальное богослужение. Каюсь я. Господи, прости меня, научи меня прощению!» Как радостно мне было на душе после исповеди, я еще три эсэмэски по телефону успела послать мужу до причастия, со словами «прости» на разный лад. И катали меня подружки в тот день на роскошной машине в храм и обратно три раза по великой Божьей милости. А муж вечером мне сказал: «Да я и не обижался на тебя вовсе».

* * *

Есть еще такой благочестивый обычай. Перед исповедью поворачивается человек лицом к другим исповедникам, которых даже и не знает и ничем-то и обидеть не мог, и просит у них прощения: «Простите, люди добрые!» А они отвечают: «Бог простит, и мы прощаем!» Раньше я не понимала смысла этих слов, пока жизнь меня не научила. Муж очень сильно обидел меня. Но он покался в своем грехе на исповеди. А потом говорит мне: «Прости меня, ведь Бог меня простил». И я привычно отвечаю ему: «Бог простил, и я прощаю». Получается, что выбора у меня нет. В душе я еще страшно злюсь, но надо молить Бога о помощи, потому что, если я не изживу в себе обиду, Господь не сможет простить и моих грехов.

* * *

Я теперь стараюсь не употреблять слово «прости» всеу. Раньше как было — скажешь такое модное словечко типа «sorry» или «pardon». Или употребишь слово-связку, например: «Простите, я не расслышала», — то есть «Повторите еще раз». Или еще такое: «Простите?» — то есть «Что вы имели в виду?». Все это носит интеллигентский лоск, и смысл красивого русского слова утрачивается. Есть у этого слова еще такое значение: прости — прощай, мы расстаемся навсегда, как в песне, то есть — отрицательное. Когда-то я сказала одному человеку при расставании: «Прощай». А он ответил: «Не говори так, лучше скажи “до свидания”». Теперь, если бы мне сказали «прощай!» в этом смысле, я бы ответила: «Бог простит, и я тебя прощаю!» И как знать, может быть, разлука сменилась бы встречей.

* * *

Сила этого мудрого, Богом данного нам слова столь велика, что этим словом называется целый чин Прощения в воскресенье накануне Великого поста, слезный, трогательный, очищающий душу и наполняющий ее любовью.

БЕЛАЯ ВСПЫШКА

В состоянии разлуки

Внимая тьме, он смотрит из окна,
Направив в ночь свои глухие уши.
Взгляд жаждет слез: история больна...
А рядом — страх, и... страх желает кушать:
Жует цветы, что всунуты в бутылку,
Сосет луну и прячет под ладошкой.
А за окном — бесстрашные кроты
Несут свой флаг... похожий на подошву.
А может, взять и броситься в кровать,
Запив слюной состав пирецетама?
Но страх растет, и... в завтра не удрать,
И... сужен круг безжалостных тамтамов.
В душе пожар. И голоден, и гол,
Подручный страха внемлет состоянью...
А под ногами — деревянный пол
Мостит гранитом ангел расставанья...

Андрей Михайлович Сутоцкий родился в 1964 году в Мончегорске Мурманской области. Учился в музыкальном училище, театральном училище, имеет техническое образование. Стихи начал писать с раннего детства.

Работал шофером, автослесарем, наладчиком весоизмерительного оборудования, театральным режиссером, работником краеведческого музея.

Стихи печатались в местных газетах, в альманахах «Мурманский берег», «Литературный Мончегорск», «Острова», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», в сетевых изданиях, а также в периодических изданиях Мурманской, Архангельской и Ленинградской областей.

Автор книг «27», «Благород и златолист», «Бульдонец», «Возрадуйтесь, люди!», «Шангостров».

Живет в Мончегорске.

«Марс»*

Руби волну, трехмачтовый красавец,
 Смывая ил с просоленных бортов,
 Над бурым морем тенью нависая
 Великолепных рыжих парусов.
 Лети, корабль, не дожидаясь штиля!
 Топи суда скорлупочных флотов!
 С такой оснасткой разве до идиллий?
 Ты ищешь войн и встретиться готов
 В любой момент с «приветливой» пальбою
 Несущих грязь вонючих бригадин.
 Раскрыв крыла, люблюсь я тобою,
 Как против тьмы выходишь ты один.
 В полсотню ядер пушки греют воду!
 Красно-лилов — ужасен цвет пальбы!
 И вот он — бой! И... замерли поодаль
 Акулы спины — черные гробы.
 Орет природа взорванным трезвучьем,
 Дымы и пену с птицами смешав...
 А там, вдали, огонь рождает тучи,
 Пугливо пряча в тучах звездный шар.
 Не ты на море — море под тобою
 Волною льстивой меряет борта,
 Все ищет, сволочь, нет ли в них пробоин,
 Чтоб с дерзким шумом ринуться туда.
 Глухи, к несчастью, «брамселевы уши»**,
 «Крест из костей»*** — мишенью на корме...

И ром пять дней дурманом не заглушит
 Победный рев беззубых «королей».

Недолгой жизнью будешь ты наказан:
 Таких посуды — старость не найдет.

Уйдешь, растаешь в образах и фразах,
 Сомкнув гульбу тобой поднятых вод.
 Пройдут века, а с ними — поколенья
 Трусцой сквозь ночь трусливо пробегут...

Пускай на дне... Да хоть на дне Вселенной!
 Но страх живет...

и не заснуть врагу.

---

* «Марс» — величайший трехмачтовый корабль Швеции.

** Брамселевы уши — два небольших верхних паруса.

*** Крест из костей — деталь пиратского флага «Веселый Роджер».

В поющей тишине

Объял, как обруч, мыслей хоровод,
 А в центре — я, отнюдь не исключенье.
 Закрыть глаза, не думать наперед,
 Не предавая образам значенья,
 До тишины спокойного ума,
 До светлых строк, разлитых по страницам,
 До глубины, не ведающей дна,
 Где так легко пропасть и возродиться,
 Истосковавшись в радость по Любви
 И новым дням, чья жизнь — одно мгновенье...
 Но я ушел, отвлекся, проявил...
 И... задержался на стихотворенье...
 Ах, мысли, мысли, трудно вас унять!
 И я опять болею над строкою;
 Забыв покой, стараюсь передать
 Изящным словом формулу покоя.
 И мир не спит, со мною допоздна
 Он ждет рассвет катарсиса и страсти,
 Чтоб где-то там, пополнив имена,
 Извлечь из тишины мое участие...

Родниковая пригоршня

Шелковисто лут уложен	Пыльны пепельные крылья.
Серебристою косой.	Обесцвечены цвета.
Родниковая пригоршня	То ли сыч поет надрывно,
По грозе горька слезой,	То ли ветер-сволота...
Что вот-вот прольется в травы	И, тревогою гонимы,
Да в холодные дубравы	Шелестя, несутся мимо,
Струйкой робкою стечет,	Землю осени багря,
Боль из сердца извлечет.	Монограммы октября.

Серы пни и мшисты ямы.
 Голос гроз охрип от стуж.
 Белой вспышкой окаянной
 Загнан в землю черный уж.
 Шлейф дождя. Тропинки склизки.
 Мучит жажда: путь не близкий...
 И...

сколь ни была б горька,
 Из пригоршней родника
 Не горчит вода Отчизны.

ВАЛЕНТИН ПОЗДЫШЕВ

ПОСМЕННОЕ ДЕЖУРСТВО

Валентин Александрович Поздышев родился в 1932 году. Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (химический факультет) и Литературный институт им. А.М. Горького. Советский и российский прозаик.

Первые рассказы опубликовал в журналах «Москва» и «Октябрь». В издательстве «Советский писатель» вышли сборники рассказов «День как день» (1966), «Неслышанный снег» (1970), роман «Неотложность» (1986). В 2014 году вышел трехтомник произведений.

Живет в Москве.

РАССКАЗ

Самое непреложное правило называлось «Посменное дежурство». И означало оно, что в любой день и момент кто-то один из нас всегда должен держать ухо востро, оберегать другого. Если Роберт принимал наркотики, я должна была присутствовать и бодрствовать. Если меня брала тоска, Роберту не разрешалось падать духом. Если кто-то заболел, другой оставался на ногах. Главное — чтобы мы никогда не потворствовали своим капризам одновременно.

Елена Коваленко.

Из интернет-страницы

Мы располагались тогда в общежитии МГУ на Воробьевых горах. У каждого из нас была своя комната. Мы — это Антон, Роберт, Елена, Лидочка, Катька и Олеся. Все шестеро учились на одном факультете, но на разных курсах. Естественно, расписание занятий у нас путалось... по времени. Но мы всю старались держаться вместе, кучкой. Что было порою не так-то просто.

Однажды Роберт подался в подмосковный городок Чехов — в пансионат на субботу и воскресенье. Пансионатов этих при Московском государственном университете имени Михаила Васильевича Ломоносова уйма. Наш ректор обычно весело говорит: «Больше десятка... Ко второму приближается». Сколько же точно — никто не знает. Я не бывала ни в одном. А вот Роберт «подался». За ним повлеклись Лидочка и Катька. Особенно сумрачный в последнее время Антон тоже куда-то смылся. Юнец несчастный!

Роберт, конечно, приглашал с собой и меня, но только потому, что был уверен: я откажусь. Мое присутствие стеснило бы и Лидочку. Про мою старую подругу, стерву Катьку, я теперь не хочу ничего знать. К тому же я мечтаю побыть наконец одна.

Итак, впереди у меня два дня, целых два дня, чтобы написать то, что я должна написать. Но куда не перестанет бродить под моим окном, которое смотрит на Москву-реку, хотя до реки-то идти и идти (и по площади, и по улице, и по увалам, то есть склонам, уступам...), эта чертова черная кошка. В великолепном палисаднике, который никто не сажал, — все наше главное здание обросло деревьями, кустарником и луговой травой... Нет — мне не собраться с мыслями. До чего же досадно, что я нынче утром заметила ее, черную-черную такую кошку. А все моя проклятая привычка часами торчать у окна и глядеть на зелень (благо я живу на первом этаже) — говорят, это успокаивает: зеленый цвет. Будто бы! Если бы я ограничилась беглым взглядом, чужая кошка не попала бы мне на глаза. У нее совершенно черная — прямо-таки *чернущая!* — шерсть и желтые-желтые глазищи (цвета, значит, новых московских такси). Я битых полчаса простояла у открытого окна и только тогда обнаружила, что у кошурки б е л ы е лапки — самые кончики передних, по крайней мере, лапок. Что очень красиво, скажу вам! Антон быстро нашел бы киске котика. Это не новость — заводить животных в стенах общежития «Сталинского», как утверждает мой дедушка, «нового» (его же словцо) московского университета. Не собак, конечно! Чего не разрешается. И не позволяется!

Ну не смешно ли, что меня настолько беспокоит жалкая кошурка, которая то и дело тягуче мяукает (мяучит — привычнее сказать!). Сие лишний раз показывает, до чего у меня расшатались нервы («Расшатались, — обычно в таких случаях говаривала бабушка. — Какого рожна тебе надо?! Сейчас *надеру* уши!»). Вот уже несколько недель мои нервы в ужасном состоянии. Я совершенно не переношу не то чтобы шума, а всяких случайных возгласов. Хохотливых особенно! А когда иду к себе на факультет (он у нас немного в сторонке от корпусов физфака и химфака... и биофака тоже), у меня вдруг начинают дрожать колени и все тело покрывается испариной. Я чувствую, как бегут по груди и по ногам холодные, липкие струйки и меня охватывает страх.

Сейчас я не испытываю страха: когда я у себя в комнате, со мной ничего не может случиться. К тому же и в соседней комнате никого нет. Вот было бы оконное стекло чуть потолще, чтобы мне не слышать этого мяуканья. Будь Антон здесь, он попытался бы... Надо запастись терпением, кошка найдет кота. Должна найти. Я от всей души этого желаю.

Собственно говоря, со мной и на улице ничего не может случиться. Ну скажите на милость, кто захочет причинить мне зло? И даже если я попаду под машину, в этом не будет беды, то есть не будет большой беды.

Но я очень осторожна. Прежде чем перейти улицу, я всегда смотрю налево и направо — так меня приучили с детства. Я боюсь только пространства. Но по мне это незаметно, никто до сих пор этого не заметил.

Не могла же киска улепётнуть дальше, чем в соседнюю посадку или, на худой конец, в следующую за соседней. Эти посадки нужны лишь затем, чтобы я могла глядеть на них из окна. С тех пор как потеплело, на кусточках проклюнулись наконец листочки, да и все зазеленело. «Скоро-скоро Троица, земля лужком покроется. Скоро миленький придет — сердце успокоится...» — пела я в своем деревенском отрочестве. В этом году весна запаздывает, пожалуй, не на одну неделю. Мне давно уже кажется, что у нас постепенно меняется климат. Где знойные летние дни моего детства, где снежные, ветреные зимы, где робкие, неторопливые вёсны?

Где?!

Если внезапно похолодает или будет дождить, киске придется отметить свои прогулки. Впрочем, что за глупости! И какое мне до нее дело! Не случись мне ее увидеть и услышать, я бы и думать о ней не стала.

Да и вообще, я не собиралась писать про эту кошку, «гуляющую сама по себе», а собралась писать про Олесю. Я должна написать про нее, пока не начну ее забывать. Ибо мне придется ее забыть, если я намерена вернуться к прежней, нормальной жизни.

На самом деле я хочу лишь одного — жить в покое, без страха и воспоминаний; как прежде, вести учебу, заботиться о друзьях и смотреть из окна — то на белый снег, то на зелень. Когда-то я думала, что, если сидеть спокойно, никому не удастся впутать меня в чужие дела. И еще я думала про Роберта. Какое счастье — чувствовать его рядом. Он всегда, с самого нашего знакомства, принадлежал мне. Не могла же я ради Олеси рисковать нашим мирным житьем-бытьем.

Теперь-то ясно, что, пойдя я на риск, дело для меня едва ли кончилось бы хуже. Олесья мстит мне и отнимает у меня то единственное, к чему еще привязано мое сердце. Какой вздор! Олесья не способна мстить, она и при жизни была беспомощна, до чего же беспомощной она стала теперь! Нет, это я заставляю Олесю мстить, вот где истина, и это неизбежно, хочу я того или нет.

Правда, я всегда сознавала, что когда-нибудь настанет этот день, и Олесья тут решительно ни при чем. Рано или поздно я все равно потеряла бы Роберта. Он принадлежит к числу людей, которые не питают иллюзий и делают необходимые выводы. Я тоже не питаю лишних иллюзий, но живу так, будто иллюзии мне не чужды. Раньше я думала, что смогу еще раз начать все сначала, но теперь уже слишком поздно, — собственно говоря, всегда было слишком поздно, и только я упорно не желала этого понять.

Теперь ничто не имеет смысла, ибо Роберт все равно уйдет от меня. Для него так лучше.

Где-то я читала, что человек ко всему пристраивается и привыкает и что привычка — величайшая сила в нашей жизни. Я с этим не согласна. Это всего лишь отговорка, к которой мы прибегаем, чтобы не думать о страданиях ближнего, чтобы не думать и о собственных страданиях. Действительно, человек может многое снести, но не по привычке, а потому, что в нем теплится слабая надежда в один прекрасный день превозмочь привычку. То, что ему почти никогда не удастся, — из слабости, из трусости, — еще ничего не доказывает. Или просто существуют две категории людей: одни привыкают, другие нет? Как-то не верится, это скорее зависит от конституции человека.

Когда мы достигаем известного возраста (каждый — в свой год и день), нас охватывает страх, и мы пытаемся бороться с неизбежностью. Мы смутно сознаём, что заняли обреченную позицию, и предпринимаем отчаянные, хотя и слабые, попытки сопротивления. Если первая попытка кончается неудачей — а она, как правило, кончается неудачей, — мы складываем оружие до очередной, еще более слабой попытки, после которой становимся еще более жалкими и несчастными. А еще говорят, «попытка не пытка»!

И вот Роберт исправно пьет красное вино, гоняется за юбками и гонорами; моя подруга, аспирантка Катька, ловит молодых мужчин, которым она годится в матери. А я стою перед окном и упорно гляжу в сад. Только Олесе, этой молоденькой глупышке, удалась первая же попытка.

Я предпочла бы оказаться на ее месте, тогда мне не пришлось бы сидеть и писать ее грустную историю, ибо это МОЯ грустная история. Я предпочла бы умереть вместо Олеси и не видеть... не слышать, как мяукает обнаруженная мною кошка. Почему никто не защитит меня от этого мяуканья, от мертвой Олеси, от мучительной красноты тюльпанов на комоде? Терпеть не могу красные цветы. А дарят!..

Белая роза — невинность,
Красная роза — любовь.
Желтая роза — измена,
Мне ее милый принес.

Мой цвет — голубой. Он придает мне мужество, он отделяет от меня людей и предметы. Роберт думает, будто я ношу голубое потому, что оно мне к лицу (сделанная блондинка ты такая! кучерявая). Он не знает, что я ношу его для самозащиты. Что никто не смеет меня тронуть, пока я в голубом. Голубой цвет никого и ничто ко мне не подпускает. Олеся любит красный и желтый; в красном платье, которое мы ей подарили, она попала под колеса желтого автомобиля.

Ослепительная желтая смерть низверглась на нее, как солнце; я думаю, она была ужасающей и прекрасной, как смерть в древних сказаниях (я кое-что все-таки почерпнула на факультете!).

Мне пришлось ее опознать, Олеся. Лицо не пострадало, но было покрыто зеленоватой бледностью и казалось много меньше, чем при жизни.

Исчезло растерянное, полубезумное выражение последних дней, уступив место ледяному покою.

Олеся всегда была чуть неповоротливой и робкой, даже в радости ее правильное крупное лицо оставалось неподвижным. Оно лишь озарялось внутренним светом до самых губ. Короткое время Олеся была очень счастлива, но она не сумела приспособиться и поэтому должна была погибнуть.

Легкомысленная, алчная мать еще ребенком спихнула ее в интернат. Катька рассказывала, как тогда, лет пять назад, она наблюдала за Олесей в церкви. «Девчонка преклонила колени рядом со мной, лицо ее было обращено к дароносице, глаза широко распахнуты, чуть припухлые, полуоткрытые губы выражали покорность». С таким же выражением смотрела она потом на вечернюю газету, за которой скрывалось лицо Роберта. Антон тоже это видел. Он то краснел, то бледнел и наконец поперхнулся, чтобы отвлечь мое внимание от Олеси. В свои семнадцать лет он не хуже, чем я, знал, что совершается у нас на глазах, и отчаянно пытался уберечь меня от этого знания, а я со своей стороны думала только об одном — как бы оградить Антона, и потому делала именно то, что надлежало делать, другими словами — ничего.

Итак, покуда Олеся, не способная скрывать свое единственное большое чувство, неудержимо близилась к роковой развязке, покуда Роберт пытался обмануть нас своим неуязвимым добродушием, я старалась ничего не видеть и не слышать — ради невинного еще тогда Антона и немножко ради себя самой, ибо для меня нет ничего противнее, чем стычки между друзьями и всяческие дразги: достаточно малейшей натянутости, чтобы на несколько дней вывести меня из равновесия.

Уединенная тишина комнаты, палисадник за окном, нежность, наполняющая меня при виде юного Антона, — неужели я могла рисковать всем

этим (а для меня это действительно ВСЕ) ради какой-то девочки, которая тупо и неудержимо шла навстречу судьбе и с первой минуты, едва в ней зародилось это примитивное, дурацкое чувство, была обречена на гибель нашим расколотым, распадающимся миром?

Итак, вмешиваться не стоило... А лучше бы вмешаться — ведь передо мной была молодая жизнь, и я не спасла, не удержала ее от столкновения с убийственным желтым металлом машины.

Погибнуть можно по любой причине — из-за глупости не менее легко, чем из-за чрезмерной осторожности; и хотя первый способ представляется мне более достойным, это НЕ МОЙ способ.

Лиза, мать Олеси, объявилась только после похорон. Дома ее не оказалось, и ни один человек в том крохотном провинциальном городишке Донбасса, где она живет, не знал, куда эта особа уехала. Когда нам удалось наконец с ней связаться, все было кончено. Роберт сам уладил дело, аккуратно и пристойно, как улаживает он все дела. И вот Лиза — а она, надо сказать, уезжала с другом сердца, молодым человеком, в Италию — сидела передо мной в нашей общаге и рыдала.

Роберт сказал ей, Елизавете Владимировне, несколько общих фраз, которые в его устах звучат куда убедительнее, чем в моих, — слова искреннего участия. Его голубые глаза потемнели и увлажнились; впрочем, это происходит и тогда, когда он просто пьян или взволнован, а мне тем временем вспомнились могильные венки на голом холмике. Совсем мало венков, потому что у Олеси в Москве никого не было, кроме нас (Антон, Роберта, меня, Лидочки и Катьки) и нескольких подружек с ее курса (больше — из группы номер... забыла, сколько у них на курсе групп). Я думала про венки и про раздавленное, обескровленное тело в деревянной темнице. Впервые меня охватило сострадание. Дурацкое, бессмысленное сострадание, потому что Олеся была мертва, но оно росло, как физическая боль, камнем залегло в груди, растеклось до пальцев рук. Эта боль относилась уже не к самой Олесе, а к ее мертвому телу, обреченному на распад.

Я слышала, как говорит Роберт, но не понимала ни слова. Объятая ужасом, я смотрела на его глаза, влажные и живые, и каждый его волосок был живой, и кожа, и руки, — у меня перехватывало дыхание, когда я на них, на все эти предметы... приметы, глядела.

Для непосвященного мы (студенты, измученные учебой и жизнью впроголодь) были супружеской четой средних лет, которая пытается утешить убитую горем мать.

Вот только Елизавета Владимировна — совсем не *убитая горем мать*. Смерть Олеси ей на руку. Мы знали, и она знала, что мы это знаем, но Елизавета охала и плакала, как полагается по роли. Раз Олесина доля наследства — аптека — достанется Елизавете, она может выйти за своего молодого человека, который и не подумал бы на ней жениться, не будь этой удачи. Теперь Лиза может купить молодого и крепкого мужчину и какое-то время доказывать себе, что ей крупно повезло.

Олеся была всем нам в тягость, была для всех помехой, наконец-то помеху убрали с пути. Разумеется, если бы она благополучно вышла замуж, куда-нибудь уехала или каким-то иным путем исчезла из поля зрения, было бы куда лучше. Но, слава богу, Олеся **вообще** исчезла, и о ней можно забыть.

Я видела по всем *приметам* Роберта, как основательно он уже успел забыть о ней, поскольку забвение у него — функция тела. А тело его о ней забыло; он сидел рядом со мной, крупный, плечистый, охочий до новых женщин и новых приключений, и поглаживал костлявые, куриные лапки

Лизы своей широкой, холеной рукой, а рука у него такая теплая, сухая и приятная на ощупь.

От этой теплоты, от успокоительных звуков его голоса Елизавета перестала хныкать.

— Всегда, — причитала она, — всегда я ей говорила: осторожно переходи через улицу. О чем она только думала, хотела бы я знать!

— Да, — сокрушенно поддакнул Роберт, — мы тоже хотели бы это знать, не правда ли, Леночка?

Он взглянул на меня, я кивнула. Ни тени иронии не было в его голосе. Я извинилась и сказала, что мне надо заглянуть к соседке. Но я пошла в ванную и слегка подрумянилась: бледность меня портит.

У Олеси последнее время тоже были бледные щеки, но ей было девятнадцать лет, ее лицо от страдания становилось тоньше, становилось взрослым и привлекательным. А женщина под тридцать должна бы вообще утрачивать способность к страданию, ее внешности оно только вредит.

Когда Олеся появилась у нас, ее кожа была покрыта легким загаром. Она была очень недурна собой, но — по словам Катьки — начисто была лишена шарма и грации. На современный московский вкус она была слишком здоровая и сильная. Недаром потребовался тяжелый грузовик, чтобы умертвить ее. Олеся поступила очень благородно, как бы ненадолго сойдя с тротуара, чтобы впоследствии можно было говорить о несчастном случае. Кстати, вот лишнее доказательство, как мало Лизавета знала свою дочь, если она могла поверить в несчастный случай. Рассеянность Олеси была рассеянностью молодого, сильного и сопливого зверька, который и в полусне отыщет верный путь и пройдет сквозь джунгли большого города. Даже шофер грузовика, молодой, бестолковый парень, и тот не поверил в несчастный случай. Олеся решила умереть, и, так же самозабвенно, не помня себя, как некогда попала в жизнь, она выпала из жизни, а жизнь и не подумала ее удержать малой толикой любви, доброты и терпения, так же как и мы все (Антон, я, Лидочка, Катька и Роберт, Роберт!).

Олеся вправе рассчитывать на нашу признательность. Как было бы ужасно, если бы она вновь приняла снотворное (ситуация, которую мы пережили раньше) или прыгнула из окна.

Пришла в свой блок, входную дверь закрывала. «Хочу побыть одна», — сказала всем присутствовавшим в коридоре... и соседке своей в том числе. А сама выпила восемь таблеток ношпы да двадцать феназепамов... Когда очнулась, ничтоже сумняшеся заявляет врачам (при мне дело было, как раз в мое дежурство): «Вытащили меня с того света. Зачем только?..»

Мероприятие, в котором Олеся решила принять деятельное участие (тайком от нас, всей компании) и которое закончилось таблетками, бодрый корреспондент описывает в газете «МК» следующим образом. Страничка у меня сохранилась.

Та-ак... «Тверская, 13» (я ошиблась с газетой!). Читаем.

Прекрасноликая Ли

Известно, что конкурсы красоты во всем мире работают исключительно на индустрию моды, рекламу и массмедиа (*не знаю такого слова!*), поэтому внешние данные девушек здесь всегда более важны, нежели интеллект. Пожалуй, единственное исключение в этом глянцево-м ряду — «Мисс МГУ», ведь альма-матер всегда подчеркивает свое исключительно классическое образование и манеры. На юбилейном 20-м конкурсе красоты не обошлось без тра-

диционного выхода в купальниках, однако ставка на выбор лучшей из лучших делалась по другим критериям.

Изначально на конкурс поступило более 200 заявок, из этого количества девушек было выбрано 12 красавиц. Как нам рассказала директор культурного центра МГУ Лариса Круживина, помимо внешних данных, здесь обращали внимание на внутреннее содержание и творческие способности. Один из этапов конкурса - творческий - стал основным, и каждая из участниц должна была показать оригинальные номера. Стоит сказать, что этим тоже отличается «Мисс МГУ» от прочих - в большинстве конкурсов красоты красавицы сами решают, выступать ли им на сцене с песней или танцами. (*Дефисом пользуемся! Что, не нашлось тире?*)

В конкурсе приняли участие студентки филологического, биологического и социологического факультетов, Института стран Азии и Африки и Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере. У участниц было четыре выхода: знакомство со зрителями, дефиле в купальниках, общение с ведущим концерта и творческий конкурс. Как и следовало ожидать, во время импровизированного разговора с ведущим - артистом Алесем Нестеренко - девушки отвечали без запинки. А как же, ведь за ними внимательно наблюдал ректор! Выход в купальниках имел в МГУ символический смысл: дело в том, что ректор заранее пообещал всем двенадцати участницам подарить путевки на выбор в один из пансионатов, принадлежащих университету.

Творческий конкурс определил всех победительниц. (*Что за бред?! Что за фраза! «Ей» — долой!!*) Первой вице-мисс стала студентка социологического факультета Дарья Шестакова. Она продекламировала стихи. Этот жанр крайне редко используют конкурсантки, ведь многим он кажется простым в исполнении, хотя это и не так. Здесь очень важно проявление своих артистических данных, чтобы декламация стала яркой и запоминающейся. Режиссер постановки конкурса Александр Никешин поделился с нами секретом этого блестящего выступления: с девушкой заранее репетировал профессиональный актер. Многие члены жюри делали ставку именно на эту участницу... Званию «Мисс Дружба» (вторая вице-мисс) организаторы придают особое значение. Дело в том, что участницы сами определяют эту победительницу. А это значит, что девушка должна была, по мнению соперниц, оказаться самой доброжелательной и милой. Этот титул завоевала Екатерина Кувшинова - студентка Института стран Азии и Африки. А в творческом конкурсе Екатерина исполнила песню на блестящем иврите, делала она это со знанием дела - это ее специальность. «Мисс МГУ» стала студентка Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере Кейко Ли. Она наполовину японка. Девушка поразила всех грацией, исполнив оригинальный танец, и неспроста - она окончила балетную школу. Все участницы получили подарки от университета, а РЖД подарили всем четырем победительницам возможность бесплатной поездки в любой конец страны.

Виктория КАЙТУКОВА

Вот те и ай-я-яй! Все дано под рубрикой «Столичная панорама».

Благородство Олеси, благородство ее сердца проявилось и в том способе смерти, который она на этот раз избрала, подарив всем нам возможность поверить в несчастный случай. Впрочем, мне от этого не легче, ибо тот единственный, кто должен был поверить в несчастный случай, не поверил и никогда не поверит. «Суицид!» — должно быть, часто шепчет он. И задает, округлив по-кошачьи глаза, очередному знакомому... н-ну,

одному малому, мечтающему стать художником: «А можешь ты нарисовать крапиву так, чтобы зритель ощутил, почувствовал: “Она злая”?» Х-ха! Тут не до шуток, надо взять тайм-аут.

Олеся вечно будет стоять между мной и Антоном. Миновало время юношеской нежности и доверия. Антон ненавидит Роберта и презирует меня за трусость. Лишь позже он поймет меня, в ту пору, когда, подобно мне, будет сновать из комнаты в комнату наедине с тоской и сознанием безысходности. Но меня уже не будет в университете, как нет на свете моего отца, чье насмешливое снисхождение вызывало у меня в детстве неуверенность. Взгляд отца, когда я играла в куклы, — это взгляд, каким я провожаю Антона, когда он с товарищами уходит играть в теннис и которым он уже сейчас наблюдает за играми девочек из его группы (и вообще теннисисток) на нашем великолепном стадионе.

Будь Антон в данную минуту со мной, он непременно затеял бы игру с кошуркой, что гуляет на зеленой траве в зеленых кустах и притягивает своим сладострастным мяуканьем меня к окну. Теперь я ее вижу вполне отчетливо — солнце озаряет кошурку. Может, она заснет (кошки так любят поспать в тепле!) и даст мне несколько часов передышки, раз я не буду за нее беспокоиться. Сейчас! Только смечу со стола в ящик все бумаги...

Ну не смешно ли, что меня выбивает из колеи кошачий сюжет! Роберт высмеял бы меня. Я должна поверить, что кошка найдет кота — и дело с концом, никаких цирлих-манирлих; минутами мне кажется, что моя неспособность этому поверить накликает беду... Ну, тут уже я под тайным влиянием своего альтер эго! И опять все из-за той же тайной, болезненной зависти. Может, и Роберт не стал бы таким, если бы я слепо ему верила; альтер эго так трудно отличить от простого эго! Возможно, все сложилось бы иначе, если бы мой отец (выражение глаз у него было глубоко научным!) не посмотрел на нас таким странным взглядом. Откуда он мог знать, кто дал ему право знать, что будет дальше, и кто дает мне право преследовать Антона взглядами, как раньше я преследовала Роберта и Олесю.

Надо научить себя смотреть мимо людей и предметов, нельзя, чтобы всякий мог по глазам прочесть твои мысли. А еще лучше совсем разучиться думать, ибо даже мысли способны убивать. Я так и думала, что он погубит Олесю. Думала, пока он и впрямь ее не погубил. Я знаю, что Роберт боится моих мыслей. Суеверный, как, впрочем, все жизнелюбцы, он испытывает страх перед тем, что выходит за рамки его понимания. Однако он достаточно силен, чтобы переступить через свой страх (в надежде на риск!), как переступает через все, что становится ему поперек дороги.

Почему, почему мне не было предостережения в тот сентябрьский день, когда Катька привела к нам Олесю? Почему я не отказала противной Катьке наотрез? Зачем мне понадобилось пускать к себе, в свою компанию, чужую девушку, тем более что Роберт был от этого отнюдь не в восторге? Он согласился лишь ради меня (и Катьки), поскольку не уверен был, что Олеся приживется у нас, в нашем похвальном сборище.

Катька — моя давняя подруга; другими словами, она уже десять лет считает себя таковой. Любить я ее никогда не любила (так, уважала по старшинству): еще в школе она была жадной, пронырливой и злобной. Ей вечно хотелось того, что она видела у меня: сперва она клянчила у подруги ластики, бутерброды, лакированные пояски, позднее ей нужны были парни, которые ухаживали за мной, а теперь с помощью своей но-

вой — очень юной — знакомой она разрушила мой покой, стоивший мне таких трудов. Катька — тот самый ворон, который приносит несчастье: она некрасива, худа и падка до ребят. Но за всю нашу совместную жизнь я так и не могла доказать Роберту, что Катька мне в тягость — несмотря на ее несомненный ум, способности к учебе. Роберт не в состоянии понять, как это нельзя отделаться от человека, который тебе неприятен. У него нервы не выдержали бы!

Сам Роберт просто не способен оказаться в таком положении, я это знаю. Если человек ему бесполезен, он в два счета отделяется от него. Вот и Олеся понадобилась ему лишь ненадолго, на каких-нибудь несколько недель. Слишком много с ней было возни. Зачем завязтому игроку серьезный и медлительный ребенок? Ни одна женщина не прискучила Роберту так быстро, как Олеся. И — «важно вовремя смотаться»! (его слова).

Я до сих пор не могу поверить, что Олеся точно была дочерью Елизаветы, хотя для сомнений нет никаких причин. Отец Олеси едва ли отличался высокой порядочностью, если он решил сделать Елизавету матерью. Впоследствии он, должно быть, жалел об этой оплошности и пытался защитить свою дочь от своей жены — искусно, но не совсем предусмотрительно составил завешание. Согласно завещанию, Елизавета могла пользоваться лишь процентами с капитала, аптеку он оставил Олесе. Но лучше бы он распорядился своим добром иначе, поскольку из-за этого завешания Олеся нажила себе в лице родной матери неумолимого врага.

Тяготясь такой обузой, Елизавета Владимировна отдала Олесю, до той поры робко прятавшуюся по углам, в монастырскую школу и тем единственный раз сделала дочери добро. В монастыре Олеся обрела столько любви к ближним, что ей хватило этого запаса на целых восемь лет. Потом Олесе следовало бы изучать фармакологию, но Елизавету это никак не устраивало: чем меньше Олеся будет разбираться в том, в чем ей надлежит разбираться, тем лучше для Елизаветы. Однако Олесю так или иначе надо было пристроить, а мать решительно не знала, к чему ей дочь, когда у нее есть и подруги, и собаки, и любовники, и потому надумала спихнуть ее умной Катьке, по крайней мере, на год — срок предварительного обучения на курсах для поступления в университет. Должно быть, Лизка не раз и не два твердила себе в тихом отчаянии, что приближается день совершеннолетия дочери. Разумеется, это не разорило бы Елизавету — у нее при всех обстоятельствах сохранялась ее доля, к тому же, надо полагать, она порядочно нагрела руки за минувшие годы, ибо старый и слабоумный опекун Олеси едва ли был для нее серьезной помехой. Оставался только вышеупомянутый молодой человек, за которого ей безумно хотелось выйти и которого — это признавала и сама Лизка — можно было получить только за деньги. Я готова признать, что для Елизаветы действительно создалось безвыходное положение. Но вот — все!..

Итак, Олеся попала в руки к Катьке и прибыла к нам в компанию, вторично изгнанная матерью и не особенно желательная гостья для нас всех пятерых, включая Катьку.

Как сейчас помню... вижу: мы сидим в холле за круглым столом (дежурная по этажу — за конторкой тут же, всюю старается на нас не смотреть); вдруг входит Катька и... с ней очаровательная, юная Олеся, крест на ней — ну просто блестящая цацка: нравится он девчонке, и ни больше ни меньше.

Наша компашка такая, что не терпит посторонних или даже обычных посетителей. Вдобавок посторонним неизвестны те немногочисленные табу, которые мы привыкли соблюдать в общении и которым следуют даже коренные москвичи, если они заходят к нам по делу или в гости. Правда, это несколько сужает темы разговоров... Боюсь, что даже марсиане для Олеси в первый вечер здесь не были бы более чужды, чем мы... По молчаливому соглашению мы делимся на две партии — Роберт с Лидочкой, я с Антоном — и неукоснительно соблюдаем правила игры. Роберт заводит порой короткие и, пожалуй, чрезмерно сердечные разговоры с Антоном, Антон с безупречной вежливостью поддерживает эти разговорчики. Иногда они оба вдруг начинают относиться к сему с неподдельной иронией! Лидочка порой сидит чуть ли не у меня на коленях, обнимает меня, ласкает мои пальчики. Все мы — и парни, и девчонки — по природе своей силки, которые расставил Господь Бог или кто-то иной для тех, кто медлителен и верен, кто наделен чувством и воображением.

Олеся именно такой и была. Чувствующей и воображающей. «Умоглядающей», — не помню, по чьему слову; не путать с *умопостигающим*!

В первые недели после водворения у нас Олеся ужасно всех стесняла. Роберту, любящему потягивать по вечерам красное вино, курить и читать, пришлось поддерживать разговор с девчонкой, до смерти утомительной и вообще никчемной. Лидочка к ней ревновала, как ревнуют ко всякому, кто претендует на внимание ее близких. Антона угнетала перемена нашей общей атмосферы, а я корила себя за чрезмерную молчаливость и за неумение обращаться со столь юными девушками (прелестными созданиями!). Я и подумать не могла о том, чтобы проникнуть в Олесиные мысли. Эта крупная, красивая девушка, разве чуть здоровей, чем надо, была в нашей компании чужеродным телом, что и сама прекрасно чувствовала, потому как отдавалась буквально всем посылам Катьки (жила Олеся тоже по большей части в Катькиной аспирантской комнате, даже тогда, когда уже была зачислена на факультет). Олеся казалась скорее необщительной, чем застенчивой, годы пребывания в интернате наделили ее скованностью, но я думаю, что и там она производила странное впечатление. Она не была миленькой, ребячливой и простодушной, какими обычно бывают маленькие девчонки. Она скорее походила на женщину, которая по случайности осталась ребенком. Но как ни молчалива была Олеся, оказалось, что не замечать ее попросту невозможно. В уродливом коричневом платье — гы-гы! — купленном для нее Елизаветой, Олеся выглядела много хуже, чем могла бы, и все же не замечать ее было попросту невозможно. Комнату для приезжих, куда стараниями Катьки удалось поместить Олеся, я пыталась загодя приспособить для молодой особы: поставила туда кое-какие безделушки, столь любимые девушками, накрыла темную мебель кружевными салфетками (всем, что у нас с Лидочкой нашлось).

Когда я увидела Олеся здесь, в этом убранстве... первым моим побуждением было унести эти пустячки из ее комнаты, но, раз Олеся их уже видела (да и Катька все одобрила своим хитрым взглядом, скользнувшим по лицу Лидочки), пришлось оставить все как есть. И вот лошадки, собачки и балерины продолжали стоять на комод (на книжном шкафу) и выглядели более чем странно рядом с этой крупной и серьезной девушкой. По-моему, Олеся никогда и не занималась по-настоящему. Она сидела за своими книгами и тетрадями и явно изнывала от скуки. Не знаю, были ли у нее хоть какие-нибудь способности. Она возилась со своими цветами, охотно бралась за черновую работу (убиралась без конца в комнате и едва

ли не мыла в ней полы). И вязала из грубой серой шерсти носки для неведомых бедняков. Эти неказистые на вид изделия она пересылала в свой монастырь. Роберт подтрунивал над ее тягой к благотворительности. Тогда она вскидывала крупные, тяжелые, очень белые веки и смеялась тихо и неловко, как человек, который еще не выучился хихикать. Вязала она только затем, чтобы часами оставаться наедине со своими мыслями, не прослав при этом бездельницей в обители тех, кто родом не из Москвы.

О чем эти мысли, я не знала. Порой я вообще сомневалась, что у Олеси есть какие-то мысли, настолько неподвижным было ее лицо. Лидочка охотно отзывалась... пыталась общаться с Олесей, и Олеся мало-помалу начала отвечать благосклонностью на благосклонность. Антон лишь издали наблюдал за ней, и взгляд его выражал одновременно любопытство, застенчивость и предубеждение; парень тогда еще не успел открыть в себе врожденный талант к бесстыдству. Впрочем, это, вероятно, было уже томление отрочества. Ведь оно никого не минует, никого не щадит это скотство; так и лезет из всех пор вместе с первой бородкой. Антон и в этом был совершенно похож на меня — ему бы и в голову не пришло сближаться с посторонним человеком. Когда я поняла, что мне так и не удастся выработать правильное отношение к Олесе, я оставила всякое попечение о ней, начала вести себя как встарь, когда в нашей компании студентов и аспирантов (Роберт ведь тоже был аспирант, как и Катька) не было никаких очень юных девушек. Правда, присутствие Олеси по-прежнему тяготило меня, но я понимала, что придется и это терпеть, как многое другое. Я всегда держалась с Олесей очень приветливо, так же как приветлива была со своими однокурсниками.

Спойте, девочки, припевочку,
А я вам подпою-у.
Умер дедушка на бабушке —
Не знаю, почему!

Я вернулась к своим прежним раздумьям, снова начала липнуть к окну — либо с сигаретой, либо, упрятав руки в рукава, глядеть в палисадник, уже облетевший. Я жалась из-за холодов, я исправно беседовала с Антоном о книгах, которые тот по-прежнему глотал, хотя, наверно, далеко не все они были для него подходящим чтением. Я, разумеется, исправно ходила на занятия и сердилась на некоторых педагогов за их не очень-то большое внимание ко мне, обсуждала с Робертом его диссертацию и газетно-журнальные статьи, где плохо отзывались о нашем правительстве — руководстве нашей Российской Федерации, которая Бог знает куда плыла на волнах новоиспеченного олигархического капитализма. Но это делалось бездумно, по привычке, а истинная жизнь была в *стоянии у окна*, в беспокойной ходьбе в холле пред носом очередной дежурной по этажу и в чувстве теплоты, когда глядишь на Антона.

В первые же студенческие годы со мной произошло нечто низведшее меня до уровня робота; автомат исправно выполняет свои обязанности, почти не знает страданий и лишь на короткие мгновения принимает присущий облик женщины — молодой и полной жизни. Трогательная линия шеи у Антона, розы в белой вазочке перед лицом вечно чем-то озабоченной дежурной, сквозняк, вздувший мое платье, — и вдруг я сознаю, что покамест еще жива.

Страхи мои напрасны, я понимаю, но снова и снова это возвращается ко мне, смотрит на меня с незнакомых лиц на улице, поднимается во мне

собачьим воем, бьет в нос запахом крови из кухни в столовке, трогает меня ледяными пальцами, когда я вижу умное и добродушное лицо Роберта.

Ага, должно быть, что-то произошло со мной немного лет назад, и с тех пор я боюсь, что мне не вынести непостижимое для моего ума и сердца единство добра и зла. Чтобы вынести это знание, нужна исполинская сила. Но исполины не попадают в такое положение. Исполинская сила избавляет от необходимости думать («думать да гадать»). Исполины предпочитают жить. Во все времена думающие принуждены отказываться от жизни, а живущим незачем думать. Спасительный шаг никогда не будет сделан, ибо тот, у кого хватило бы сил, не знает, что его нужно сделать, а знающий не способен к действию.

Олеся была из тех, кто живет. Она скорее походила на крупную кошку или молодое деревце, чем на человека. Безгрешная и бездумная, сидела она за общим столом, дожидаясь своей судьбы. Роберту достаточно было протянуть руку, чтобы обхватить ее смуглое запястье. Он не протягивал руку, зато улыбался и с довольным и спокойным видом резал мясо на своей тарелке.

Роберт — предатель по натуре. Природа даровала ему тело, способное к непрерывному наслаждению, и он мог бы жить в свое удовольствие, если бы та же природа не наделила его блистательным разумом. Именно разум и обращает в подлость все деяния его наслаждающегося тела. Роберт поистине выродок: он компанейский, страстный любовник, он предатель, лжец и убийца.

Все это я знаю уже немало лет и, если бы знала, по чьей вине я это знаю, убила бы того человека.

Раньше я считала, что во всем виноват Роберт, и возненавидела его. Но уже давным-давно я поняла: Роберт не виноват, что я таким образом воспринимаю самый факт его существования. На свете много ему подобных, и весь свет это прекрасно знает, и мирится с этим, и не затевает историй. По чьей вине я не могу мириться, как другие? Медленно, но неуклонно покидает меня надежда, что в один прекрасный день виновный предстанет передо мной... а если даже он и действительно предстанет, я все равно не буду знать, как с ним поступить. Гнев мой давно развеялся, остался лишь ужас, целиком завладевший мною, обступивший меня со всех сторон, как отравленный воздух. Ужас проник в меня, пропитал (пронзил) меня насквозь, сопровождает меня повсюду. Выхода нет. И больше всего пугает меня мысль, что даже сама смерть недостаточно смертельна, чтобы положить ему предел.

Девушки, любовь горячую
Храните под платком!
Я хранила под косыночкой —
Раздуло ветром.

Но и самый ужас и знание правды, которую не следует знать, в конце концов включены в распорядок будней. И я судорожно цепляюсь за этот распорядок: за лекции, за семинары, за ухваченный вовремя обед... за повседневную учебу, за гостей и за прогулки. Я люблю этот распорядок, ибо только благодаря ему я могу жить.

Однажды я вдруг заметила, с каким трогательным безразличием носит Олеся свои платья — эти коричневые, темно-красные и лиловые убожества, которые либо узки, либо широки ей и одинаково свидетельствуют о злом нраве Лизки, ее матери.

— Если купить ей приличное платье, — сказала я Роберту, — она бы у нас стала красавицей.

Он отвел взгляд от газеты, удивленно поглядел на меня и спросил:

— Ты думаешь?

Я знала, что он питает слабость к изящным, элегантным женщинам, и продолжала расхваливать Олесю. Роберт только смеялся и сострадательно покачивал головой, а под конец сказал, что мы не обязаны покупать Оле-се платья. Через два года она вступит в наследство, во владение аптекой, и начнет прилично одеваться.

— Лизка — чудовище, — сказала я.

Роберт с комическим удивлением пожал плечами и расхохотался. И вдруг меня осенило. А что, если уговорить Олесю заняться своими туалетами? Я закрыла глаза и представила себе, как Олеся в белом платье спускается по лестнице (тогда она уже не была на подготовительных курсах), губы пухлые улыбаются (можно сказать — всему факультету, девчонкам и ребятам, аспирантам и преподавателям... профессуре и самому декану), и вся такая гибкая и молодая, красивая и соблазнительная. Я взглянула на белые, уверенные руки Роберта, державшие газету, и почувствовала странное удовольствие при мысли, что Роберт с его пристрастием к искусственным и утонченным прелестям (а пока еще и ко мне!) не способен вообразить эту красоту. Никуда он от меня не денется! Останется помехой Антону, о котором я уже думала постоянно.

Я посоветовалась с Катькой, Катька связалась с Елизаветой... Нашли портниху в одной из угловых башен нашего огромного главного здания, где живет университетская профессура. Портниха («заломив сумму!») сшила для Олеси несколько платьев из недорогой материи, но светлых, играющих тонов, как и подобает молоденькой девушке.

Превращение оказалось полным и всесторонним, как говорят. Олеся подошла к зеркалу и... впервые увидела себя!

— А ты красивая, — сказала я ей и поправила складку на платье.

Она даже не глянула в мою сторону. Не отрывая глаз от зеркала, удивленная, растерянная и всецело захваченная новым чувством, которое пробудили в ней мои слова и собственное отражение в блестящем стекле, она с серьезным видом повторила:

— Я красивая.

И еще раз:

— Я красивая.

Не иначе как тут же девочка, с трусливой радостью в сердце, пожелала участвовать в конкурсе красоты.

Так и попала Олеся в клику охотниц до славы. И быстро она встала там почти вровень к ним.

Я имела теперь полное право торжествовать победу: мы обвели злобного дракона — Лизку — вокруг пальца. Может статься, преображенная Олеся привезет домой жениха, который проследит за тем, чтобы впредь состояние Олеси не проматывалось на Елизаветины платья, шляпки и любовников (в числе которых — я знала — был и мой отец по случаю: они встретились здесь, в «столице нашей Родины»). И мысль эта доставляла мне радость — сама не знаю почему. Собственно говоря, я никогда не радовалась победе, победа скорее повергает меня в смущение, а то и в печаль, легкую, но мучительную печаль. Может быть, дело в том, что моя победа обратным образом означает чье-то поражение, я ставлю себя на место побежденного и разделяю с ним его скорбь. Но Лизку я ненавидела до такой степени, что победа над ней едва ли огорчила бы меня.

Нет, радость мою омрачало лицо Олеси в зеркале, это сияющее лицо, эта молодая, цветущая плоть и покорный взгляд, озаренный новым блеском. Мне стало как-то не по себе. Девочка Олеся прекратила свое существование. У нее в груди образовалась пустота, куда неизбежно хлынет мирская суeta, — вот что меня смущало, ведь не в моей власти управлять потоком, который заполнит эту пустоту.

— Олеся, — поспешно спросила я, — а разве тебе ничего не задали на сегодня?

Трогательным детским движением она закрыла ладонью глаза и повернулась ко мне. Руки у нее упали, блеск в глазах угас, со вздохом она пошла к дверям. Она что, ушиблена на голову? (*Похоже, я пошла ва-банк?!*)

В этот вечер в университетской столовке Роберт еще не заметил, что перед ним новая Олеся. Зато Лидочка заметила и Антон тоже, он задумчиво и вопросительно поглядывал на меня.

А Олеся, в платье земляничного цвета, почти ничего не ела и мечтательно глядела перед собой. Еще не ведая разлада со своим здоровым, молодым телом, она самозабвенно прихлебывала чай маленькими глотками.

Кошка еще гуляет сама по себе. Она больше не мяукает, а только попискивает. Если закрыть окно, ее совсем не слышно.

Встань-ка, маменька, пораньше.

Вымой лавочку с песком.

Я откутаю окошечко,

Поплачу голоском.

Всякий раз, когда я остаюсь в комнате одна, мне становится ясно, что это не мой дом. Я особенно чувствую себя здесь временным жильцом. Мне принадлежит только вид из окна — и больше ничего. Раньше я еще могла внушать себе, что у меня по крайней мере на сегодня есть своя хата, но с тех пор, как умерла Олеся, золотая клетка обернулась темницей. Если зрение меня не обманывает, даже палисадник отступил от моего окна. Сад уходит от меня медленно, едва заметно; однажды утром он вообще исчезнет, и тогда я буду глядеть из окна в пустоту и думать, что здесь росла трава, а там был газон с кустиками и липкой, листочки у которой — копия сердечки.

Быть может, во всем виновато окно: оно мутнеет с каждым днем и рано или поздно закроет от меня всю зелень.

Пошел дождь, киске это не на пользу. Влага пугает ее... Не думаю, что она так уж страдает.

Впрочем, я собиралась писать про Олеся и про то, как мы ее погубили.

Все началось с проклятых платьев, хотя нет, не с платьев, началось, конечно, с того, что Катька зазвала Олеся в наш университет, в наше хваленое общежитие. Мне следовало бы помнить, что для Роберта не существует границ, что для него нет ничего святого и что большой, простодушный ребенок покажется завидной добычей мужчины, который пресыщен всякими разновидностями любви и жаждет перемен. Нельзя вводить ягненка в волчье логово, а я поступила именно так. Я спрашиваю себя: почему это меня терзает? кому я обязана отчетом? чьей кары боюсь? Я ведь знаю, что меня донимают отнюдь не моральные сомнения. Мне думается, каждый человек несет свой закон в себе самом и каждому поставлены границы. Моим законом была неприкосновенность жизни, а я переступила свою

границу, когда спокойно и бездумно наблюдала, как у меня на глазах растоптали молодую жизнь.

Кстати, еще немного про *границу*! Мне иногда хочется, ничтоже сумняшеся, подергаться всем корпусом... истинно брезгливо — пусть не липнет ко мне ничего!

Я не ставлю себе целью осудить Роберта, у меня была другая задача — защитить жизнь, оградить ее от поползновений убийцы. А что я сделала? Я вела жизнь обеспеченной студентки, я стояла у окна, вдыхая ароматы различных времен года, а тем временем подле меня калечили и убивали. «Погрязла» в *обывательстве*! («Мы обыватели — вы обувайте нас (!)») Я проявила чисто деревенское разумение. Вон мой земляк, прозаик Константин Белов, на протяжении целого романа демонстрирует удобство лыковых лаптей — этой дешевой крестьянской обуви, ныне почти исчезнувшей, а жаль! И без всякой издёвки демонстрирует лапотное мышление своих исторических героев. Выводит *лаптизм* как символ русскости, самобытности. И — ничего, люди читают и даже статьи в московских газетах пописывают! Про идеологическую концепцию лаптизма: в случае с Николаем Вторым — лаптизма имперского, в случае с Владимиром Лениным — *лаптизма* революционного.

Э-эх, лапти мои!
Лапоточки мои!..

Стало быть, нечего удивляться, если мой сад отвергает меня. Ведь та же таинственная сила, которая заставляет зеленеть листья дерева, гнала по сосудам молодого тела кровь, живительную красную влагу, лужами застывшую на мостовой возле распластанной желтым металлом Олеси.

В огород суслон попал,
Суслон теленка истрепал.
Ты скажи, скажи, теленок,
Тебе больно или нет?

Кусточки знают о моем предательстве, травка и кошурка тоже знают. Они отрекаются от меня с приходом осени, а там и с наступлением зимы. Я читаю это в глазах встречаемых детей, чувствую, когда глажу чужих собак, а когда приближаюсь к гиацинту, что стоит на моем туалетном столике (в нашей с соседкой ванной комнате... в душевой), он цепенеет испуганно и отчужденно.

Предателю нет прощения, говорят мне глянцевиные цветы, их аромат напоминает мне о сладковатом запахе, который исходил из Олесиногo гроба.

Разумеется, вместо того чтобы заморачиваться подобными мыслями, я могла бы убежать от этого знания, но мне надоело убежать. Я понимаю, никому не станет легче оттого, что я признаю свою вину. Даже мне самой не станет легче. Я никогда не верила в благость исповеди. Для других она, может быть, и существует; надеюсь, что существует, но силы, которым подвластна я, которые обеляют/очерняют действительность, они ничего не забывают и не прощают. Они просто отвергают непослушное дитя.

Помнится, я как-то срезала нераспустившиеся пионы с вянущих стеблей. Я надеялась, что дома, в воде, они постоят еще немного. И правда, на другой день бутоны начали раскрываться, я видела, как проклюнулись

крохотные лепестки, — а потом произошло страшное: словно зеленые руки умершей матери внезапно вырвали их, они упали, красными шариками упали на скатерть.

Вот и я выпала из большой зеленой руки, что привела меня в этот мир. Я падаю, падаю, и никто уже меня не подхватит... *я погрязла...*

Олеся, Олеся, даже в сырой земле тебя охраняли и поддерживали сотни крохотных пальцев-корешков. Насколько же я более мертва, чем ты!

Спустя два месяца после водворения Олеси в наш круг (Катя постаралась, чтобы красавицу поселили в одном блоке со мной, в соседстве) я впервые заметила у Роберта тот зоркий, оценивающий взгляд, каким он обычно смотрит на женщин. Возможно, он и раньше смотрел на нее этим взглядом, только я не замечала. Я не знаю человека, от которого было бы так же легко утаить что-либо, как от меня. Мне попросту скучно мешаться в дела чужих людей, скучно и противно до глубины души.

Тогда, в середине ноября, я была всецело поглощена Антоном. Мы вместе читали «Илиаду». Работа над разбором Гомера и лицо Антона, чисто мальчишеское еще, увлеченное, дарили мне такое спокойствие и умиротворение, какое только доступно людям моего склада. Я знаю, это было не счастьем, это было чем-то другим, заменителем счастья для людей, которые по тем или иным причинам не могут сподобиться настоящего счастья. Моя комната стала нашим суденышком, и, покуда мы стояли у стен Трои, окружающая нас действительность куда-то исчезла. Ахилл, по мнению Антона, просто-напросто страдал истерией. Антон неодобрительно морщил нос, и я его отлично понимала, хотя всегда сожалела о том, что прекрасное безумие древних в наши дни постоянно называют истерией. Антон, разумеется, и не подозревает, что наша истерия (нервное заболевание) в самом недалеком будущем снова обернется прекрасным безумием!

Сердце Антона, к моему величайшему удивлению, было отдано Кассандре — на мой взгляд, эта особа едва ли может привлечь столь молодого человека, почти подростка. Впрочем, почему бы первокурснику Антону Голошляпову не предвидеть, что именно Кассандра окажется истинной героиней? Почему мы, старшекурсники, так недооцениваем наших вновь поступивших?.. Недавно я случайно откопала одно из своих школьных сочинений, и оно повергло меня в величайшее изумление. Мне даже не верилось, что это написала я, нет-нет, передо мной знакомый детский почерк, почерк четырнадцатилетнего человека, не надломленного, способного верить. Куда исчез этот человечек в последующие годы? Не знаю. С завистью и восхищением смотрела я, двадцатипятилетняя женщина, на листок бумаги, и чувство невосполнимой утраты возникло у меня в сердце.

Иногда Антон говорит вещи поистине гениальные. Вот вам и *юнец*! Чем дальше, тем реже ему будет это удаваться, и под конец он станет таким, как я сейчас, — будет стоять у окна, исполненный глухой тоски о полузабытом и неизведанном. Чуть костлявее, чем надо, высокий человек с задумчивым взглядом серых (точнее — прямо-таки белых) глаз, с нервическими руками, которые зажигают и гасят одну сигарету за другой, беспомощный, как я... как мой дед, как мой далекий предок, который первым ощутил зов тревоги и прямо-напрямом пошел к окну своей хижины (вряд ли то была уже славянская... то есть финская... изба). Как же жили в наших местах угры, «чудь белоглазая»? В каких допотопных шалашах? Какого цвета и запаха? Читаю вот в «Мире новостей» следующее:

Чем пахнет Родина? Русский дух — хлебный

Опрос, проведенный компанией «Агомасо», показал, что для 43% опрошенных россиян их Родина пахнет ржаным хлебом. 17% отдали предпочтение запаху скошенной травы (*понимаю — сена!*), а 10% — запаху цветущего луга. Среди популярных ответов также фигурировали запахи топленого молока и березовой рощи. Правда, здесь надо заметить, что опрашиваемые, скорее всего, выбирали не настоящий запах, а ментальный, тот, с которым у них ассоциируется Родина.

Итак, в ноябре — декабре, когда я всецело была поглощена «Илиадой» и Антоном, Олеся как-то вечером сказала мне, что поступила на курсы греческого языка и три раза в неделю будет возвращаться не раньше девяти (!). Я пристально посмотрела на нее: она стояла передо мной с нежным румянцем на слегка выступающих скулах, сплетя длинные пальцы и не глядя мне в глаза. Я подумала, что греческий она все равно знать не будет, потому что у нее нет способностей к языкам (с программным-то английским едва справляется!), но что само намерение заслуживает всяческой похвалы. Впрочем, меня это мало трогало, — по мне, может изучать хоть киргизский, что, кстати сказать, больше для нее подходит... хоть киргизский/татарский. Олеся мне не сокурсница, не подруга, пусть занимается чем угодно, я все равно скоро кончаю университет и исчезаю из ее поля зрения. Если не получу аспирантский билет (но этому не судьба!). Елена (не Коваленко) пробормотала несколько слов насчет приближающегося ужина и на предмет того, что-де как хорошо, «Одиссею» Гомера мы уже сможем прочесть в оригинале (дело будущего), и снова окунулась в перипетии Троянской войны, успев подумать все же, что современный греческий и древнегреческий языки это не одно и то же.

И Олеся принялась исправно посещать вечерние курсы. Именно тогда она начала превращаться в молодую женщину. Угловатые движения стали мягче, лицо круглее. Теперь я скорее назвала бы ее миленькой, чем красивой; и как ни приятно было на нее глядеть, но в прежних, темных платьях она мне даже больше нравилась.

Это было уже после конкурса красоты, о чем я здесь писала.

На этом конкурсе Олеся явно рассчитывала на титул «Мисс МГУ». Причем, вероятно, прикидывала пролететь запросто. Какая конкурсантка на это не рассчитывает! Ан нет, Олеся «пролетела».

Произошла история.

Вскоре Роберт начал ходить с Олесей на званые вечера, проникся, так сказать, участием.

Вообще-то, как я теперь припоминаю, я сама этого хотела. Я терпеть не могу некоторые праздничные сборища и поэтому была очень рада, что мне удалось подсунуть ему другую спутницу вместо себя. Помнится, он даже сопротивлялся, но, как я уже говорила, Роберт очень умен. Новоявленная портниха сшила для Олеси платье из дешевенькой белой тафты, и Олеся выглядела в этом наряде как принцесса в цветном кинофильме. Роберт явно гордился ее внешностью, не пострадавшей в эпизоде с таблетками, и вообще держал себя таким добродетельным мужчиной (добродушным дядюшкой). Впрочем, он не разыгрывал дядюшку, это свойство его натуры, которое мирно уживается с совершенно противоположными свойствами — он умеет искусно пользоваться любым из них. Роберт, во-первых, дипломат, а во-вторых, насильник, — стоит ли удивляться, что он почти всегда добивается своего. С величайшим терпением и упорством он

пытается достичь своей цели в белых перчатках. Лишь когда не помогает обаяние, он становится жестоким. Но об этом знают немногие, а тех, кто знает, он до такой степени держит в руках, что они не смеют восстать против него.

Итак, они отправились на какой-то вечер — добрый дядюшка и глупая девчонка.

После их ухода я собралась кое-что поубрать в Олесиной комнатухе. Лидочка лежала на тахте, задрав на ковер ноги, и читала «Дон Кихота». От ее громкого смеха я вздрогнула. Я всегда вздрагиваю, когда слышу ее смех. Меня пугает, что юная девушка может смеяться, как смеялся бы Роберт, будь он девчушкой. Лидочка — единственная из нас, кто не повинен в смерти Олеси. По-моему, Лидочка постепенно превращалась в Олесиного фаната. Даже так. Антон, сам того не ведая, явился в некотором роде орудием. Ради Антона, стремясь сохранить у него иллюзию, будто он пребывает в хорошей компании, я на все закрыла глаза. Нет, нет, не только ради Антона, а еще — из обычной инертности и трусости.

Антон вошел в общую комнату блока мне навстречу, взял у меня из рук веник и совок. В этом молодом человеке с самой ранней юности есть что-то трогательное (я знала его еще школьником). Уже подростком он был, так сказать, сдержан и тактичен.

И хотя он ведет себя, в общем, так же, как все первокурсники, мне порой кажется, что Антон делает это лишь из понимания и чувства солидарности. Выпадают минуты, когда мы меняемся ролями: я веду себя как неразумная приготовишка, а его бело-серые глаза смотрят на меня кротко, с какой-то профессорской (отеческой) снисходительностью. За его внешним послушанием и покладистостью скрыто нечто совсем-совсем другое.

Антон — единственный человек, который может лишить Роберта обычной уверенности. Вообще же они избегают друг друга и ухитряются делать это, даже сидя в столовке за одним блюдом (в смысле за первым или вторым, за третьим).

Я приобняла Антона за плечи и сказала:

— А правда, Олеся была сегодня хорошенькая, как принцесса?

Он вдруг сердито посмотрел на меня:

— Скажешь тоже: «принцесса». Дура она, и больше ничего! Ты в тысячу раз красивей.

Вот она — четко осознанная и фантазийно-придуманная идеологическая концепция, идеология лаптизма: деревня деревню не предаст.

Я улыбнулась, польщенная:

— Очень мило с твоей стороны, но ты не прав. Она сегодня и правда напоминала принцессу.

Он помолчал и отвел глаза.

Потом я села к Лидочке на край кровати. Свет фонаря падал с улицы на лицо Антона, я видела, что он напряженно о чем-то думает.

— Ты о чем? — спросила я все тем же шутивым тоном.

Лицо его, мгновение назад напряженно-строгое, вдруг сделалось по-детски мягким.

— А почему бы нам с тобой не съездить куда-нибудь? — спросил он. — Только вдвоем. Лидочка пусть едет с Катей, а Роберт уже не маленький, может раз в жизни и один уехать.

Я посмеялась. Потом поразмыслила. Конечно, Антон прав. Мы бы отлично провели с ним время на берегу Волги (в ее понизовье) или там же в горах. Как эти горы называются? Забыла. Почему я должна год за годом

таскаться на летних каникулах с Робертом, которому без меня тоже будет куда вольнее и веселее?!

Роберт любит гонять на большой скорости, «пропускать» пять городов за день, а вечером еще отправляться на поиски развлечений. Каждая совместная поездка (мы исколесили уже пол-России!) изматывает меня до предела, потом я до самой зимы никак не могу прийти в себя. Каждый год я дрожу при мысли о предстоящем путешествии и каждый год покорно уезжаю. Как говорят, не ложится карта.

А ведь правда, почему бы хоть раз в жизни не поступить так, как мне приятно и как давно уже хочется?

— Хорошо, я поговорю с Робертом, — ответила я Антону.

Я знала, что разговор будет не из легких. Роберт считает своим долгом проводить летние каникулы со мной. Наиболее ненавистное для него — это положение, которое он характеризует словами «несолидность» и «распущенность», — может быть, потому, что сам он непрерывно пребывает в таком положении. С его точки зрения, проводить каникулы не вместе с гражданской женой (а меня иначе не назовешь!) — это свидетельство дурного вкуса. Я — «хранительница его очага». Термин «семья», увы, постепенно уходит из обихода. В международной статистике, где считают законных и незаконных детей, его уже давно вытеснил другой — «домохозяйство». Я — домохозяйка в многоэтажной общаге... при одной столовке на весь Московский университет на Воробьевых горах. И, как человек, тайно погрязший в анархии, Роберт превыше всего ценит внешний порядок и пунктуальность. По доброй воле он в жизни со мной не расстанется. Я не знаю блюстителей морали более строгих, чем тайные ее нарушители, ибо они-то понимают, что человечество погибло бы, если бы каждый получил возможность жить так, как живут они. Смотрите, как огорчен падением продолжительности жизни и малой рождаемостью в России классический публицист Олег Арин... Алекс Бэттлер и — как еще он там называет себя, этот канадский ученый и астраханский татарин по рождению?.. Роберт как раз читает его книгу «Русский умустрой». *Умустрой* — великолепное все же словцо! Я сразу так подумала.

Вскоре после того, как я Роберту отдалась, ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА спросила у соблазнителя:

— За что ты меня любишь?

Он ответил быстро и уверенно:

— За то, что ты принадлежишь мне.

Значит, он любит меня не за красоту или за мои душевные качества, а лишь как свою собственность.

Он любил бы всякую женщину, окажись она на моем месте; точно так же любит он... свою машину — короче, все, что ему принадлежит.

Что-то во мне уже тогда возражало против такого сорта любви, но я промолчала, ибо поняла, что настоящий разговор между нами невозможен.

Ни одна любовница не заставит Роберта покинуть меня — другими словами, свою собственность, а если я сама вздумаю его оставить, он будет настойчиво и мучительно преследовать меня, чтобы испортить мне жизнь. Роберт из тех сожителей, которые отбивают у гражданской жены всякую охоту заводить любовника. Я не вынесла бы даже самой робкой ласки другого. Я жена Роберта, и ничего больше, а с тех пор как я начала избегать его близости, я обречена на одиночество.

Некоторое время мои чувства были отданы Антону. Я сделалась сумасшедшей компанейской подругой и очень скоро это поняла. Тогда я

начала строго за собой следить. Никто не знает, как часто я отдергивала протянутую руку, преодолев мучительное желание погладить его волосы, его лоб. Никто не знает, как часто я, постояв за ним в общей комнате (назовем ее по-деревенски прихожей), поворачивалась и уходила к себе, к своему окну. Я старалась не замечать запах кожи Антона, его голос, обаяние четких, прямых ресниц над круглыми глазами.

Деревня моя деревянная дальняя,
Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой.
Ты в легком платочке июльского облака,
В веснушках черемух стоишь над рекой.

Той меры нежности, какую я себе позволяю, как раз хватает на то, чтобы я могла жить, не портя при этом Антона.

Но как знать, а вдруг я все-таки его порчу, вдруг я всегда его портила? (Возможно, некоторым читателям эта информация будет небезынтересна.)

— А теперь пока... — сказала я Антону.

Он обхватил рукой мою шею, уткнулся холодным носом в мою щеку и ответил:

— А Олеся все равно дура.

Я осторожно высвободилась и устремилась к себе, к своему окну. Меня огорчало, что Антон недолюбливает Олеся, — потому что я сама-то уже начала привыкать к ней.

«Произошла крайняя фрагментация общественных наук, вплоть до того, что всерьез изучается влияние кошки на твоё здоровье...» — как тут не вспомнить опять публициста Арина, Олега Алексеевича.

...Роберт и Олеся вернулись поздно. Я притворилась, будто сплю, чтобы не разогнать сон разговором. Из-под опущенных век я наблюдала, как Роберт разделся, привычно сложил вещи — в таких делах он сама аккуратность — и прошел в душевую. Вскоре он вернулся, благоухая мылом и зубной пастой, и лег рядом на наше тесное-тесное ложе любви. (В его аспирантской комнате кровать была не шире.)

Он подсунил руку под мои плечи и тотчас уснул. Это движение у него означает: видишь, я вернулся и надеюсь застать все в полном порядке, в том самом порядке, который по чистой случайности носит имя Елена и спит со мной в одной постели.

Я давно уже не стряхиваю с плеча его руку, так и в тот раз я продолжала спокойно лежать на ней, ощущая ее тепло сквозь шелк ночной рубашки и неотрывно глядя в темноту. В ту ночь мне приснилось, будто я встретила на улице бедную Кассандру и, взбешенная ее прорицанием, бросила в нее камень. Но что именно она мне напороочила, я просто забыла в момент пробуждения.

Роберт еще два-три раза брал Олеся на званые вечера, и девушка начала уверенней держаться — свободней разговаривать, больше походить на своих сверстниц. Впрочем, я и тогда не сумела сблизиться с ней. Я слышала, как она болтает с кем-нибудь в коридоре, видела, как она читает вместе с Лидочкой и хохочет над Сервантесом (над его текстом... Сервантес Сааведра Мигель де Антонио), и злилась, что не могу придумать, о чем бы с ней поговорить. Антон ее откровенно избегал, а Роберт, судя по всему, не обращал на красотку никакого внимания. Да и то сказать, он мало бывал в нашем блоке. Поскольку редакции газет и журналов находятся в центре города («в черте города»), он приезжает на Воробьевы горы лишь к ужину, чего никогда не пропускает (покушать он любит).

Позавчера в столовке сей ученый муж и побочный журналист (ради гоно-
раров на дорогой все еще бензин для своих «жигулей») всерьез обсуждал с
каким-то остроумным парнем, сидевшим за соседним столиком, влияние
конструкции мебели на поведение людей и воздействие *культуры приня-
тия пива* на развитие мозга. Где он проводит большинство вечеров, я не
знаю и не желаю знать.

По воскресеньям мы обычно ездим куда-нибудь всей «компахой» (по
частому выражению Катки) да Роберт водит Лидочку в кино, потому
что у Антона появились свои интересы. Стало быть, Олесей Роберт не
занимался. По воскресеньям она предпочитала сидеть дома, ухаживала за
своими ногтями, готовилась к занятиям. Наверно, ей было очень скучно,
потому что читать она не любила. Изредка я давала ей ту или иную книгу.
Она принимала ее с благодарностью, но, немного полистав, откладывала
в сторону (у нее, верно, уж и от чтения лекционных записей болела голо-
ва). Больше удовольствия доставлял ей театр (в том числе и Театр МГУ,
что лишь не так давно перебрался с Моховой к нам на Воробьевы горы);
она возвращалась оттуда возбужденная, с горящими щеками. Порой мне
казалось, что Роберт только и ждет, когда это чужеродное тело покинет
нашу компанию. В такие минуты мне становилось ее жаль, но сама она
едва ли чувствовала его равнодушие.

Я ни о чем с ней не разговаривала, только о самых будничных делах.
Если изредка пыталась вовлечь ее в серьезный разговор, мои попытки
не находили отклика. По-моему, она так и не перестала меня стесняться.
Я приписывала это тем обидам, которых она натерпелась от Елизаветы.
Каждая женщина Лизкиного возраста должна была внушать ей страх.

Однажды мартовским вечером мы засиделись с Антоном. Лидочку я
проводила до дверей. В комнате стояла тишина, оба мы не любим му-
зыку, когда читаем. Я думала, что с минуты на минуту вернется Роберт
и спугнет нашу прекрасную тишину деятельным шумом, какими-нибудь
творческими новостями. Эта мысль так меня огорчила, что я перестала
понимать, что читаю. Антон наклонил голову, русая прядь, упавшая ему
на лоб, красновато поблескивала в свете лампы. И, как всякий раз, когда
я вижу Антона за учебой, мне мучительно захотелось его погладить. Но
я не поддавалась искушению: кто знает, как бы мальчик к этому отнесся.
Я ограничилась тем, что рассказала ему анекдот. Он буркнул:

— Смешно, — и положил газету рядом с книгой.

ГОРЯЧАЯ ПЯТЕРКА АНЕКДОТОВ «МК»

- Все кончено, я ухожу от тебя!
- Дорогая, постой! Прошу, дай мне шнапс!
- Может, шанс?
- Шнапс.

Да, Антона анекдотами не купишь и... не прошибешь! (Не знаю, что
лучше.)

— Олеся идет, — сказала я и обернулась.
Антон как будто не слышал.

Олеся отперла дверь и появилась в блоке. Хотела заглянуть к нам, но,
ослепленная ярким светом, закрыла свои глаза.

— Ты вся вымокла, — сказала я с укором, — у тебя что, зонтика не
было?

— Да, — повторила Олеся, все еще задыхаясь от быстрой ходьбы. —
У меня зонтика не было. — Ее блестящие мокрые волосы плотно приле-

гали к голове (облегали голову). Я налила ей яблочного сока, она села к нам за стол и выпила весь стакан почти не отрываясь — словно умирала от жажды.

— Олеся, почему ты дрожишь? — спросила я. — Что с тобой?

Олеся метнула в меня почти злобный взгляд.

— Ничего, — ответила она, — ничего со мной нет, просто я очень бежала. Я бежала из зоны А в зону Е, по улице — вокруг всего главного здания. — И, отвернувшись, начала крошить булочку.

(Все наше общежитие разбито на зоны: А, Б, В и так далее.)

Вдруг я заметила, что Антон перестал читать. Он исподлобья глядел на Олесю, и жаркий румянец медленно заливал его лицо — до самого лба.

Я проследила за его взглядом и увидела, что на блузке у Олеси не хватает двух пуговиц, а шея покрыта странными пятнами.

— Антон, уже поздно, — сказала я.

Он беспрекословно повиновался, встал и вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, я хотела было поговорить с Олесей, но решила, что не стоит. Не стоит проявлять свое лапотное мышление. Она сама заметит беспорядок в своей одежде, когда будет раздеваться, — если еще не заметила. Выглядела она такой измученной, что даже сидеть не могла. Очень скоро она встала из-за стола и вышла, а я опять уткнулась в книгу.

Минут через пятнадцать вошел Роберт, в отличнейшем расположении духа. При всем своем уме Роберт не замечает, что его порою выдаст с головой множество мелочей. Например, такое отменное настроение ясней ясного доказывает, что он либо выпил, либо возвращается от женщины. Но в этот вечер он не пил — от него совсем не пахло никаким вином. Он спросил, нет ли чего-нибудь поесть («перехватить» — сказал). Я как раз в тот день притащила из столовки весь его стандартный ужин, с какими-то добавками даже. Он уплел все. Аппетит у него был превосходный, и съел он гораздо больше, чем ему, на мой взгляд, следует есть перед сном. За едой он с увлечением рассказал мне о том, что был на заседании редколлегии журнала «Огонек», которое закончилось новым поручением ему — написать что-то... «что-то про кого-то», я не усекла. Он же, с округлившимися по-кошачьи глазами, явно старался показать, что его прекрасное расположение духа объясняется именно этим. Но меня не проведешь, я знаю разницу (у этого вечного везунчика, сердцееда и сердцеведа) между хорошим настроением после творческих удач или весельем после холостяцких попок и бьющей через край жизнерадостностью после любовного приключения — торжеством самца, заполучившего свою самку. Всякий раз, когда Роберт пытается заговорить мне зубы, я испытываю необъяснимый стыд. Хотя стыдиться, казалось бы, следует вовсе не мне. Именно бесстыдство Роберта заставляет меня цепенеть от стыда. Я не могу смотреть ему в глаза, теряю способность к легкой застольной болтовне, которая, на его взгляд, приличествует обстоятельствам. Да, актриса я никудышная, зато Роберт играет за нас обоих. Наконец Роберт завершил рассказ и уткнулся в подвернувшуюся газету, не переставая с видимым удовольствием потягивать свое красное вино. Это дешевое вино обычно присутствует и там, и тут: и у меня в комнатухе, и у него в аспирантской комнате соседней зоны.

Я легла и, когда он вошел после душа и чистки зубов (обычные его процедуры!), притворилась спящей. Он заботливо погасил свет и сунул руку ко мне под одеяло. Рука легла мне на плечо, а я не шелохнулась. Какая это была живая и теплая рука! Всего лишь несколько часов назад

эта рука ласкала другую женщину, но у меня она почему-то не вызывала отвращения. Если бы я не знала, каков Роберт на самом деле, ничто бы не омрачало нашего счастья. Меня и по сей день временами охватывает желание все позабыть и довериться этому большому, сильному телу, которое затем и создано, чтобы получать и дарить наслаждение. С таким мужиком в прогретой нашими телами постели так легко потерять чувство грешной реальности. Будь симпатюлькой и не поглядывай украдкой на часы (будто бы тебе не надо завтра рано вставать, чтобы не опоздать на первую лекцию!).

Нет, не отвращение вызвала во мне эта легкая рука, а мысль: надо-надо «заиметь» скорее ребенка. Говорят, существуют некие самые благоприятные для зачатия дни (их всего-то будто бы неделя в месяц).

Нет, не отвращение вызвала во мне эта легкая рука на моем плече, а слишком хорошо мне знакомый страх перед якобы прирученным хищником. При хорошем питании и уходе хищник способен довольствоваться кратковременными ночными вылазками, после чего с сытым ворчанием заползает в свою клетку. Вот только порой этот хищник забывает вовремя уничтожить следы своих злодеяний, и тогда от него пахнет духами его жертвы, а белый воротник его рубашки испещрен кроваво-красными пятнами губной помады.

Так превращалась я в «столичную штучку» романтического склада, которой еще надо дарить занюханные ландыши.

Есть что-то жальщее, змеиное в одном только слове «измена».

Разумеется, я могла бы бежать, я месяцами носилась-носились с этой мыслью, но на деле бегство невозможно. Совместная жизнь с Робертом меня вконец испортила, моя попытка была бы лишена смысла с тех пор, как я узнала, что бывают добродушные убийцы, блюстители закона. Ежечасно его попирающие, отважные трусы и верные предатели. Противоестественное смешение ангельского лика и бесовской рожи стало для меня настолько привычным, что чистый и незапятнанный облик вызвал бы у РЕВНИВИЦЫ глубочайшее недоверие.

«Один журналист хорошо сказал:

— Нами правит не Путин, а коллективное бессознательное.

Он прав. Но это *бессознательное*, как раковая опухоль, распространяется на все общество». *О.Арин.*

Другой публицист (в «Литературной газете») вопрошает:

«А, скажем, незарегистрированные студенты, живущие вместе в комнате общежития? Это семья? Они считают, что да. Очевидно, семья — это то, что ты считаешь семьей». Семья — это семь «я»!

Роберт уснул. Его рука по-прежнему лежала на моем плече, но теперь она была тяжелой и жаркой.

Я выскользнула из постели и прошла в душевую комнату — омыть холодной водичкой свое пылающее лицо.

Очередная косметическая церемония «времен очаковских и покоренья Крыма» не успела начаться. Ага! Были времена. Теперь бы уже все это пора забыть. А вот не забывается — на бумагу просится. Хотя что моя бумага! Слова-зарубки, которые отлетали, когда очищалась первая жердочка этого сооружения из помыслов, мыслей, речений (речей) и... цитат.

Продолжу о «косметической процедуре».

Проходя мимо двери Олеси, я услышала, как девушка стонет. Я остановилась и прислушалась. Олеся плакала навзрыд, горько и безудержно. Такой плач производит гнетущее впечатление. Я вспомнила странные пятна у нее на шее. Ясно как день: Олеся сбилась с пути. Разумеется, мне следовало бы ее предостеречь (раньше), разделить ее горе (сейчас) или по крайней мере постараться ее утешить.

Я не сделала ни того, ни другого, ни третьего. Я не переношу подобные взрывы чувств, а кроме того, мне было ясно, что, раз эта девушка пробудилась, ее не удержишь. Много лет подряд ее томили взаперти, в затхлом, искусственном детстве, без единой капли нежности. Следует ли удивляться такому взрыву? Впору только проклинать себя: где была моя голова, когда я шила Олеся новые платья и отпускала ее на вечера? Я знаю, каких мужчин можно там встретить. Все они ничуть не лучше Роберта. Разве только рангом пониже — жалкие, омерзительные, похотливые лгуны. (Оптимисты обрядили слово «измена» в легкрылый фантик — «левак». Конкретный, необременительный, дежурный, как яичница («пара яиц» — было бы лучше, думается мне!) по утрам. Даже шутку придумали и обрекли ее в рифму: «Хороший левак укрепляет брак». Брак, он и есть *брак*, нечто неприемлемое!). Послать бы их всех, таких мужчин, к ... матери. Любой из них мог без труда совратить это глупое, неопытное существо.

Мне вспомнились ее вечерние курсы, и я решила хоть раз незаметно последовать за ней, чтобы узнать, с кем она встречается.

Принимая это решение, я заранее знала, что никогда его не выполню.

Когда я снова легла, я вдруг обратила внимание, что от Роберта пахнет только лосьоном для бритья. Значит, женщина, с которой он был сегодня, не душится. Я села на постели, пристально глядя на его лицо, слившееся с белизной подушки, и вдруг мне стало дурно. Я упала навзничь и несколько секунд ничего не сознавала и не чувствовала. Капут.

Когда сознание ко мне вернулось, я ощупью достала из тумбочки снотворное и запила его целым стаканом воды. Как уже не раз бывало в давно минувшие ночи, у меня возникло чувство, будто нечто ужасное подступило к окружающей меня хрупкой стеклянной стене и я уже слышу его зловонное дыхание.

Нечто ужасное. Ужасное.

Хрупкая стеклянная стена, выдержит ли она?!

На другое утро Олеся вышла бледная, с красными веками. Роберт, против обыкновения, задержался у нас, и Олеся попросила подвезти ее на машине. Просьба эта явно не привела Роберта в восторг, но он ничем не выказал своего недовольства и даже предложил появившемуся тут Антону ехать с ними — как будто наш факультет от общаги в семи верстах! Я поняла, что Роберт не хочет оставаться наедине с Олесей. Ситуация сложилась такая, что даже самому Роберту было не по себе. Но Антон отказался, он обещал сокурснику зайти за ним. Отвечал Антон очень вежливо, но я чувствовала скрытый вызов в его голосе. Нет! Нет!! И нет!!! Роберт поднял брови, хотел что-то сказать. И... ничего! Раздумал и лишь деловито взглянул на часы.

Завтракали, как водится, все вместе. Первой, как и обычно, ушла Лидочка, а я наконец осталась одна дома, взялась за книги, попутно просматривая газету. Я готовилась к зачету, пропускала лекцию. У меня — как у всех: лекции, семинары, зачеты, экзамены. Суета сует...

Я еще начала поливать цветы. У нас с Олесей много цветов, и поливка их дает мне иллюзию, будто я делаю что-то полезное и нужное. Впрочем,

я прекрасно сознаю, что растрачиваю свои чувства на предметы, которые в этом совершенно не нуждаются. Ночные рыдания Олеси, честно говоря, меня ничуть не тронули, скорее — вызвали смятение и брезгливость. А когда я увидела, что засох маленький кактус, это всерьез меня огорчило.

Цветы я люблю даже больше, чем зверей (домашних животных), потому что они безгласные, не могут двигаться и потревожить меня среди моих неотвязных бесплодных раздумий:

Я — дура, полная бездарь. ЭТО был ключ! ЭТО было углубление в ниятия!

Пришла уборщица, начала хозяйничать по всему блоку, а я опять встала с игрушечной лейкой у окна и глядела в сад. Утренний ветерок ерошил голые кусты, и мне казалось, будто это непрерывное движение (в том числе и веток липы), эта скрытая, едва заметная тревога хочет сказать мне о чем-то очень важном, чего я не могу понять. Без тоски и сожаления, даже без приязни вспомнила я некоторые дни своего детства. Маленькая девочка тех дней умерла — была задушена и закрыта большими ловкими руками. «Не делай два дела сразу! Сделала одно, принимайся за другое» (мама). Горевать незачем, она (та девочка) почти не сопротивлялась, а предметы и людей, которые не сопротивляются, не стоит жалеть.

Уборщица добралась до моей комнаты, прежде всего поторопилась сложить мою раскладушку — как всегда, делала это нервными движениями, как всегда, этим будто напоминала мне о моем грехопадении. Декоративная ...йня! Уборщица а-ля кара Господня. Я «сократилась» — перешла в другую, Олесину комнату и начала уже оттуда смотреть в окно, в палисадник... в наш сад.

Почки на крупных кустах чуть набухли после дождя, молодая травка влажно поблескивала.

Прежде я порой поддавалась искушению и выходила в сад, «на волю» (по-деревенски сказать, деревня нас с Антоном прямо преследует!), но это не приносило мне ничего, кроме разочарования. Самое удачное для меня расстояние — это если глядеть из окна.

Итак, я стояла у окна и знала, что еще мне необходимо поговорить с Робертом. Я уже загодя слышала его удивленный, негодующий голос. Роберт никогда и ни в чем не сознается — это одно из основных его правил. И в этом его сила, ибо благодаря такому поведению люди легковерные слепо ему верят, а протесты недоверчивых разбиваются о голую скалу отрицания. Пока он равнодушен к Олесе, точнее сказать — пока ее молодое, здоровое тело его возбуждает, он все равно с ней не порвет, а когда страсть иссякнет, никакая сила не помешает ему б р о с и т ь девушку. Знала я также, что Олеся беспрекословно, рабски предана Роберту и скорее позволит себя убить, чем его выдаст. Надо же! Любила Антона, а отдалась Роберту. (Но это был перескок — в моих ревнивых мыслях.)

Я глядела в сплетение набухающих ветвей, думала о том, как мало времени отпущено Олесе для счастья, и вдруг мне показалось (померещилось!) бессмысленным омрачать своим вмешательством этот и без того малый срок.

Тем более что ничего уже не исправишь. Олеся некоторое время будет страдать, потом постепенно успокоится — как успокаиваемся все мы, потерявшие девственность, если хотим жить дальше. Она выйдет за кого-нибудь из тех людей, за которых выходят, потерпев разочарование (за

богатого уroda, например; типа мечтающего о состоянии... — туда же, в тот же ряд), народит детей и постепенно все забудет. Но никогда уже она не станет такой, какой была до того, как появилась в нашем кругу и возбуждала у Роберта желание, — о чем можно было бы догадаться и по тому только, как по-кошачьи округлились тогда Олесиные глаза.

(Я «превратилась вместо группы поддержки в группу захвата», говоря чужим языком.) Заметим в скобках.

Я ненавижу стычки с Робертом, я трепещу; мои плечи опущены, губы дрожат. Когда надо измыслить для меня наказание, Роберт не знает пощады. «Узнаю коней ретивых»... Все эти наказания неизбежно касаются Антона. Роберт умен, как бес, и я его боюсь. Разумеется, я понимаю, что это недостойная увертка. Что мои удобства и покой, даже покой Антона, ничего не значат, когда у меня на глазах губят неопытное, беззащитное существо ради удовольствия, в котором не отказала бы Роберту любая уличная девка (их число у нас теперь все растет и растет). «Или Россия уничтожит капитализм — или капитализм уничтожит Россию» (Алекс Бэттлер).

Я закрыла окно, я знала, что не стану говорить с Робертом. Я твердила себе: ее и мой, мой и ее. И ее, и ее, и ее.

Наступила весна. Вчера была гроза, гремел первый гром. Сегодня трава умылась, расцветает сирень. Олеся опять успокоилась, тайное счастье переполняло ее. Теперь она выглядела как молодая женщина, и это делало ее более обыденной, чем ранее. Она предпочитала сидеть у себя в комнате, и никто о том не печалился, никто, кроме Лидочки, которая частенько скреблась у Олесиных дверей и, потерпев неудачу, возвращалась к своим книгам, которых у нее — нет счета (!):

— Мир вам! (При встрече.)

— Бог в помощь! (При прощании.)

Антон все так же избегал Олеси, а Роберт — тот никогда не обращал на нее внимания. Он и видеть-то теперь ее почти не видел, разве что по воскресеньям. Его обуюло в ту пору какое-то не свойственное ему беспокойство: он поздно возвращался домой (я ловила его возле аспирантской зоны Б и нередко напрасно увлекала к моей зоне Е), а его напущенная бодрость начала действовать мне на нервы. Роберт и так-то из породы людей, которые до того заполняют комнату своей жизнерадостностью, что остальным просто нечем дышать.

Только Лидочка этим не тяготилась. Лидочкина круглая белокурая головка с ее точно слизанными мелкими чертами лица светится, как полная луна. В присутствии Роберта Лидочка всегда расходится так, что удержу нет, а он не скрывает своего какого-то п е д а г о г и ч е с к о г о уважения (расположения) к ней, второкурснице. Лидочка может добиться от Роберта всего, чего ни захочет, и использует это обстоятельство с обворожительной наглостью, в чем также сказывается родство их характеров. Зато Антон начал в ту пору стеснять Роберта, ибо его сдержанная вежливость рядом с неумейной веселостью Лидочки отдавала высокомерием.

Антон стоял у окна и смотрел на наш «сад». Услышав мои шаги, он обернулся... и я увидела, что глаза у него темны — от горя, гнева или просто от раздумий. Он сразу улыбнулся, но неуверенной, робкой улыбкой, чтобы скрыть от меня свои мысли.

— Ты о чем думал? — спросила я.

— Знаешь, Елена, — ответил он, — я думал, что какая-нибудь крохотная кошурка или даже пчелка дороже, чем все остальное, например собор или самолет.

Я поглядела на него с радостным изумлением. Ну не диво ли, что мысль, которую я лелеяла, но никогда не высказывала вслух, самостоятельно вызрела у него в мозгу? Это и обрадовало, и опечалило меня. Впрочем, он поторопился тут же ослабить впечатление от своих слов:

— А может, я и не прав? Ведь кошка дается человеку почти даром.

Что-то здесь не так, почувствовал он, да и на самом деле здесь что-то было не так. Я могла по глазам прочесть обуревавшие его сомнения, угадать его растерянность. (Мы стояли плечо о плечо.)

Я поспешно сказала:

— Ты, конечно, прав. Предметы имеют не только денежную, но и естественную ценность, и она-то не меняется в ходе тысячелетий. Все остальное не играет роли, значима только жизнь.

Мне не очень приятно было произносить это, я предпочла бы — чтобы подобные мысли еще долгое время не приходили ему в голову, чтобы он мог жить без сомнений.

Очень скоро он тоже начнет страдать — это я отлично понимала. Быть может, я потому и привязана к Антону сверх всякой меры, что он напомнил мне Роберта тех дней, когда я еще верила в любовь своего сожителя и в самого моего соблазнителя, — оба эти слова для меня были однозначны: «Роберт» и «любовь». Теперь мне остался только Антон, и я привязываю к нему крохотный и легкий сверток памяти о лучших днях жизни.

И наоборот — до чего же все просто было с Лидочкой. Лидочка с успехом могла быть дочкой моей подруги (не Катьки!), которую привезли ко мне погостить.

Лидочка ни для кого никогда не составляла проблему — и никогда не составит. А неприятное чувство, мимолетно возникающее у меня в ее присутствии, если она чуть не забирается ко мне на колени, часто играет в свое удовольствие моими пальчиками, относится вовсе не к ней (всем понятно — к кому?!), и я отгоняю его, едва оно возникает.

Мне приятно, когда Лидочка меня целует, хотя я знаю, что она может так же пылко расцеловать Роберта, какую-нибудь нашу общую любимую преподавательницу и... соседскую кошку, которая гуляет сама по себе. Ее поцелуи — это внезапный взрыв, который ничего не значит, они ни к чему не обязывают, и через минуту о них забываешь.

Антон никогда никого не целует. Если он на мгновение прижмется носом к моей щеке, то это целое событие по сравнению с поцелуями Лидочки.

Итак, он снова повернулся к окну, а я, не знаю почему, решила отвести его мысли в другое русло:

— Ты не хотел бы повидать Катьку? Или, лучше, Катю. Или даже — Катерину Ильиничну.

Катька написала отличную диссертацию об Олеге Арине, вот-вот ее защитит, получив не членский билет кандидата наук... не государственный диплом (не знаю, как этот гордый документ будет называться), а — доктора наук; так я уже начала над ней подтрунивать. Катерина теперь — в компании «евразийцев» (Дугин, Водолагин... и какой-то питерец среди них, за которого Екатерина Ильинична метит замуж, благо он молоденький такой, как наш Антон). Екатерина Ильинична (всеми уважаемая и почитаемая!) собирается также баллотироваться в Госдуму!!! Тут уж любые шуточки никчемны.

Глянут в душу очи ясные — закружится голова!
С милой жизнь — что солнце красное,

А без милой — трын-трава (все нипочем, все безразлично, — для ясности).

Антон не хотел Катьку видеть. Я заметила, что мешаю ему, и ушла, а он снова застыл у окна.

Минут через пятнадцать я его нашла в той же позе. И мне это очень не понравилось.

— Хочешь, давай посмотрим тот научно-популярный фильм, — предложила я.

Он резко обернулся ко мне.

— Нет, — сказал. — Только без фильмов. Можно просто погулять, витрины посмотреть и — вообще...

Мне было все равно. С чувством, будто приступаю к выполнению Бог весть какой важной обязанности, я надела пальто и шляпку. Правда, я решительно не могла понять, почему Антон, не далее как вчера говоривший мне, что ему ужасно хочется посмотреть этот фильм, вдруг надумал разглядывать витрины, да еще в такой мало подходящий, ветреный день, но, с другой стороны, я считала, что свежий воздух пойдет нам обоим на пользу.

Около часа бродили мы по улицам, Антон усиленно бодрился, предлагал мне поглядеть на то и на это — словом, так откровенно играл роль, что сердце у меня сжалось от горя. Что-то с ним творилось неладное. Мне жутко стало, когда мы вернулись домой; Антон сел за стол и вдруг у меня на глазах как-то осунулся. Он минутку-другую сидел перед книгами, бледный, под глазами черные круги, словно бы смертельно усталый. Я проводила его, не посидев нисколько рядом. Потом я вспомнила, что весна — самое для него утомительное время года и что он всегда очень тяжело ее переносит.

Я тоже изрядно устала и решила не дожидаться Олесю.

Лидочка гостила у бабушки; значит, я могла спокойно поужинать. Я уже не мечтала, что придет Роберт, да и Олесю увидела только за завтраком.

Через несколько дней произошел знаменательный эпизод с фиалками. Я даже точно могу сказать, что это было в среду — иначе говоря, в тот день, когда у Олеси нет вечерних занятий. В черном, чуть узковатом платье она вдруг возникла передо мной и протянула (и подала) мне букетик фиалок.

— Прелестные цветы, — сказала я и взяла у нее букет.

В эту минуту я от души ее пожалела. Я догадывалась, как ей худо. Взгляд у нее был молящий и грустный, насколько мне это удалось рассмотреть в прихожей. Она вдруг снова сделалась тем большим, нескладным ребенком, каким была, когда приехала к нам. Я приподнялась на пальчики и поцеловала ее в щеку. Она испуганно отпрянула, какое-то мгновение мне казалось, будто она вот-вот с громким плачем бросится мне на шею. Мое невольное движение — я инстинктивно подалась назад — подействовало на нее отрезвляюще. Этим все и кончилось. Олеся ушла к себе, а я — к себе и продолжала, как уже много дней подряд, отгонять всякие мысли о ней, об Олеся.

Немного спустя Антон спросил меня, кто принес цветы. Когда он услышал имя Олеси, у него тотчас сделался сердитый и угрюмый вид, как у древнего старца. Не проронив больше ни слова, «древнец» ушел.

Я переставила фиалки со стола на комод, потом (тут же) с комода на стол; я чувствовала себя беспомощной и несчастной. Потом спохватилась, что надо бежать ужинать.

А еще позднее, лежа с записками лекций в постели, я забыла и Олесю, и фиалки, и себя самое. Только Антона не забыла, гнетущей тревогой притаился он где-то в подсознании.

Наступил апрель. Я исправно выполняла свои студенческие обязанности, все шло как по маслу. Лидочка легко справилась с зачетами, я ее постоянно хвалила. Антон, против обыкновения, проводил почти все время у своего приятеля, а что делал Роберт — хоть убей, не помню; наверно, был такой же, как всегда, то есть склонный к многословию, к пустому красноречию. Собственно, в его жизни не происходило ничего необычного. Он, правда, собирался в недалеком будущем порвать любовную связь, но ему уже столько раз случалось проделывать эту операцию, что сие не могло бы вывести его из душевного равновесия, — я так говорю себе... говорила себе.

«Вот мы и пришли к границам логического, то есть непротиворечиво мыслимого.

Мне могут возразить: но помилуйте! Африканские страсти... в наше-то время!

Это, конечно, очень страшно в наши дни: любовь и ревность. Но не будем требовать от людей в целом нашего с вами секса. Полнокровная жизнь, похоже, и не знает его. Ого, скажут. Ишь куда хватил! Как будто интеллигенты, мол, не любят. Да любим мы, но — только лишь в постели. А иначе в наш прагматический век любить уже вроде как и неприлично. Вот мы и сподобились изобрести эту гнусность — “займемся любовью”».

Но страшен, говорят, сон, да милостив Бог. Любовь жива, граждане самоуслажденцы! Индивидуальные поступки не поддаются никакому предсказанию. Любовь жива во всех ее проявлениях! Так я вас спрошу: неужели любовь — это порок? По-хорошему-то — страсть обязана дорасти до любви. И в наш коммерческий век! (Добавим.)

И еще:

«Где та грань, которая разделяет простую влюбленность и настоящую любовь, требующую продолжения отношений в браке? Где тут проходит красная линия?! Не знаю, как отвечают на этот вопрос социологи. Мне кажется, что влюбленность — это психологическое чувство, вызванное чистой биологией, любовь же — явление духовное, в котором биологический элемент хотя и присутствует, но не доминирует. *Вот оно, красное солнце правды!* — Я. Доминантой является отношение к женщине как к личности. Любишь не за “глазки, за грудки”, а за нечто целое, составляющее ее. Но это не просто “она”, на самом деле это “ты”, твоё представление об идеальной женщине, сформированное предыдущим жизненным опытом. Отношениями с мамой, сестрой, другими женщинами — с одной стороны, и ценностями, которые к тому времени сложились, — с другой. Например, одно время я ухаживал за очень красивой женщиной — “этакой находкой” (побеждавшей в конкурсах красоты в каких-то молодежных лагерях). Причем она отвечала мне взаимностью и даже начала как бы подталкивать к браку. Меня остановил такой “пустяк”: она слишком много внимания уделяла тому, как я держу вилки-ножи. В то время я, видимо, на интуитивном уровне почувствовал: если она придает большое значение таким мелочам, то что-то в ней неполноценное, проскальзывала какая-то претензия на внешнюю окултуренность. И то, что я обратил на это внимание, то, что я мог контролировать свое состояние и рассуждать на эту тему, означало: у меня простое увлечение. Любовь не

контролируется. Отсюда безрассудная, или безумная, любовь, описанная классической литературой. Иначе говоря, человек влюбляется в того, кто уже сформирован в нем в виде образа, который в свою очередь является частью его самого. Остается только отыскать адекватную материальную субстанцию, совпадающую с его образом (*фантазмом*. — Я). Любовь как раз и случается, когда образ совпал с плотью. (Не могу, хотя бы и в скобках, не вспомнить о Гегеле, который по данному поводу сказал бы: понятие нашло себя в бытии, растворилось в нем и стало единым.)»

«Сказал бы». А возможно, и не сказал бы. Да и что нам Гегель! «Но что нам Гегель, когда рядом есть Палваныч и Марьяновна». Что нам Гегель! Привычно ему красно говорить. Есть и другая правда под солнцем (то есть на земле). Наш случай демонстрирует именно ее.

Вот еще — на ту же тему — несколько *вольнонаемных* фраз:

«Здесь еще раз хочу показать тип мышления обывателя (“вы обувайте нас, мы обыватели!”), то есть мышления ненаучного, обычно сформированного на базе “живого созерцания” и личного опыта. Гегель когда-то называл этот тип мышления как “мышление путем глазения”, которого вполне достаточно для выживания, простого воспроизводства».

Но я же сказала: что нам Гегель, когда есть Палваныч и Марьяновна! *Ерундичией* (эрудицией) разве похвастаться...

Курсы, которые посещала Олеся, ни с того ни с сего закрылись посредине учебного года; с греческим языком вышло дело *швах*. Олеся уже не давала себе труда обманывать меня, а я ни о чем не спрашивала. Я хотела пощадить ее и не терзать излишними расспросами. Теперь она все вечера проводила дома — должно быть, ждала своего «дон Жуана», «дон Ивана»... Мы часто сидели за книгами с ней, поджидая Роберта. Но Роберт был, как никогда, загружен работой и заглядывал к нам редко. От него («дон Жуана, дон Ивана») теперь пахло опять еще незнакомыми духами, и я мечтала лишь об одном: лишь бы Олеся, лично Она, этого не заметила. Лично Она, лично Она сама. В тот вечер, о котором пойдет речь, я предпочла бы, чтоб она легла, но она упорно сидела за книгами — читала и читала (училась, милая!), хотя глаза у нее слипались от усталости.

Впрочем, читать она не читала, а просто закрыла учебником лицо и не шевелилась. Она упустила из виду, что, когда читаешь книгу, надо время от времени переворачивать листы. Я понимала, что с ней творится. Обезумев от тоски и отчаяния, она ждала Роберта, чтобы хоть взглянуть на него, услышать его залихватский голос, перехватить беглый взгляд. Я хорошо себе представляла, какие унижения ей уже пришлось вытерпеть и какие еще предстоят. Сотни раз я задавала себе один и тот же вопрос: поговорить с ней или не стоит? Но я не хотела признаний, мне нечего было отвечать на признания и к тому же надоело лгать.

Когда наконец-то появился Роберт, я вышла *тотчас же* (то есть — той же минутой) в душевую, — выскочила немного осмотреться (возможно, что и — подмазаться). Возвращаясь из сырой душевой, я подошла к дверям моей милой комнатухи и... услышала, как Роберт что-то втолковывает Олесе. Краснотой тут и не пахло. Наши двери хорошо заглушают звук, слов я не разобрала, но от меня не укрылся злобный и безжалостно холодный тон Роберта. Олеся, должно быть, отличалась из ряда вон выходящим упорством, ибо не в обычае Роберта разговаривать с женщинами таким тоном. Обтекаемая и ни к чему не обязывающая любезность, лихое

краснобайство (я говорила) ему больше по душе. Я толкнула кулачком дверцу и вошла, непрошенная, незваная, по мере сил сохраняя на губах равнодушную усмешку.

Олеся стояла, прислонившись к книжному шкафу, и комкала в руках носовой платок, лицо у нее было блее ваннх изразцов. Я поспешила отвести взгляд.

Она сказала «покойной ночи» голосом, от которого у меня мурашки побежали по спине, и вышла из комнаты стремительно, но неуверенно, как слепая.

Я едва вымолвила:

— Бог в помощь!

— Олеся скверно выглядит, — тут же сказала я Роберту.

Роберт пожал плечами:

— Бог знает где ее носит, эту красотку. Я вздохну с облегчением, когда она вернется к Екатерине. Слишком это большая ответственность. У нас решительно нет времени заниматься ею.

ЕСТЬ ЖЕ ПРАВДА ПОД КРАСНЫМ СОЛНЦЕМ!

Я промолчала, да и что было отвечать? Свет лампы озарял его гладко выбритое, цветущее лицо. Красочный стиль! Хоть мордогляд подставляй («мордогляд» — так называли мои дедушка с бабушкой всякие наши с Катькой зеркальчики). Я наклонилась к Роберту с поцелуем — мне ударил в нос нежный, незнакомый аромат. Потом, когда я сидела за столом против Роберта, созерцая невозмутимое спокойствие на его лице, и думала, как, должно быть, рыдает в эту минуту Олеся на своей постели, меня захлестнула волна дурноты. Нет, это невозможно, думала я, так не бывает, нет такой «правды» под солнцем. А в душе сознавала, что очень даже ВОЗМОЖНО, что просто я не способна это понять.

Мы вышли погулять. Но скоро разбежались по своим зонам. Он — в В, я — в Е.

Впрочем, мы успели заглянуть в витрину, на «Московский комсомолец», который Роберт назвал «*Кансомольцем*». Посмеялись над Андреем Яхонтовым, быстро поставив равенство между *красной строкой* и *красной ценой*.

КОЛЛЕКЦИОНЕР ЖИЗНИ

Андрей Яхонтов

ЗНАЙ СВОЕ МЕСТО

Откуда взялось выражение «с красной строки»? Вот моя версия: оно, как известно, возникло в летописные времена, когда появились первые запечатлители событий, которые сообщали: на смену одному князю пришел другой, предшественника своего он казнил (так чаще всего было) или умертвил в побоище. Проливалось много крови (например, в случае с Андреем Боголюбским: перед тем как несчастного добить, ему отсекли руку). Последующие исторические хроники фиксировали ту же картину: не пришелся ко двору царь, его устраняли: травили, ударяли в висок, вздергивали, взрывали, расстреливали... Опять лилась кровь. Ленин кроваво устранил Николая Второго. Сталин открыл новый кровавый счет жертвам. Каждый новый период жизни страны начинался с кровопролития. Кровь, как известно, красного цвета. Вот и говорили фиксаторы-летописцы: «Начать с красной строки».

«Знай, сверчок, свой шесток!»

(Какая-то мозаика из цитат у меня получается, а не лирическая поэма.)

...На другой день Олеся вернулась с занятий уже в четыре и сразу заперлась у себя. Она не вышла к ужину, и я притащила ей какао и «чизбургер» прямо в комнату. Она лежала бледная как смерть, ее искусанные губы были красней обычного и словно распухли. Она пробормотала что-то насчет ужасной головной боли и отвернулась лицом к стене. (Как сердцу выдержать?!). Я дала ей таблетку и вышла.

На другой день она тоже не встала, от еды, что я доставляла ей из столовки, отказывалась и все время пролежала лицом в угол. Температура у нее была нормальная, пульс тоже.

Когда она снова встала и пошла на занятия, это был уже совсем другой человек. Она почти не показывалась у нас в прихожей, большую часть дня лежала, а вид у нее порой делался просто безумный. Я по-прежнему ни о чем не спрашивала, боясь того, что мне предстоит услышать в ответ. Я по наивности еще считала себя — а тем самым и Антона — непричастной к тем жутким махинациям Роберта. Не буду вдаваться в причины такого *исторического* феномена (скажите, не историю ли я вам рассказываю!), а остановлюсь лишь поначалу на его проявлениях, то есть на том, что можно наблюдать на поверхности путем простого «чувственного глазения». Я искренне и от всей души сострадала Олеся, когда видела ее красивое лицо с выражением немой, иступленной боли, но не желала разрушать стену, которая покамест отделяла меня от этой боли.

Как-то днем я пригласила Олеся съездить в центр, надеясь хоть немножко ее развеять. На Арбате и Новом Арбате мы сделали кое-какие покупки, причем Олеся в своем теперешнем безумном состоянии едва ли сознавала, где она и что с ней (это на людном Арбате-то!), а я держалась неуверенно, неловко и даже чуть брезгливо. Я заметила, что люди обращаются нам вслед, и поспешила на площади у Арбатских ворот затаскать Олеся в кафе (в «Шоколадницу»), где Роберт порой встречается со своими партнерами по шахматам. Мне было до жути не по себе подле этой ходячей богини скорби, я с радостью стукнула бы ее, чтобы вывести из транса.

— Олеся, — резко сказала я, — слушай, Олеся.

Она не слушала. Выкатив глаза от ужаса, она смотрела куда-то мимо. Я глянула туда же и увидела, как за соседним столиком кто-то мне поклонился. Это был знакомый Роберта, тоже «дон Иван», как и Роберт. Врагинеколог — некто С. Однажды этот С. надумал избавиться от жены и подстроил все так, чтобы ее застали с одним из его приятелей (возможно, и с Робертом!), конечно с согласия последнего («неприятного» приятеля). Этот фокус не им был придуман, все знали, как дело было... как обстоят дела в таких случаях, и хихикали у него за спиной. Тем не менее С., как обманутый супруг, легко получил развод, и его даже не обязали платить алименты. (Это в наше-то коммерческое время!)

В огород суслон попал,
Суслон теленка истрепал...

Всякий раз, когда я вижу этого человека, меня тошнит.

Теперь Олеся устала в свою чашку. Я заплатила и сказала:

— Пойдем.

(Хотя мне хотелось сказать: «Освободилась ты от кукушонка?»)

Она кивнула и поднялась. На улице я взяла ее под руку и заметила, как она вся дрожит.

Что же будет с этим большим и несчастным ребенком, который поручен моим заботам? От гнева и стыда кровь прихлынула к моему сердцу. Но я молчала. Когда мы пришли домой, я велела Олеся лечь и дала ей какое-то из моих снотворных. Она с благодарностью поглядела на меня и прижалась щекой к моей руке. Но я быстро отдернула руку. И в самом деле, у Олеся не было никаких оснований испытывать ко мне благодарность.

«Сжатие — разжатие, сжатие — разжатие.

Вдох — выдох.

— Жизнь».

Роберт появился вдруг — в отменном настроении. У него были темно-голубые, влажные, возбужденные глаза. Он чмокнул меня в щеку, и я про себя подивилась, что мне не противно.

— Где ты пропадала весь день? — бодро-весело спросил он.

— Ездила на Арбат с Олесей, — отвечала я. — Да, кстати, мы встретили твоего друга, доктора С.

Молчание, потом снова голос Роберта, но уже с оттенком недоверия и опаски:

— Ну, друг — это слишком сильно сказано. Я его сто лет не видел. А еще что нового?

— Больше ничего, — сказала я и взглянула на него. К моему несчастью, всякий может при желании читать у меня в глазах. То, что вычитал Роберт, должно было напугать его — и действительно он испугался.

Он отвел взгляд и спокойно-приятным голосом глубоко порядочного человека спросил:

— А где это пропадает Антон? Надеюсь, жалоб нет?

— Жалоб нет, — ответила я и чуть не засмеялась ему в лицо. С какой радостью я ответила бы: «Дорогой, не трудись напоминать мне, что Антон — твоё оружие. Я и без того помню, до какой степени я у тебя в руках». Но ничего этого я не сказала. Роберт беспощадно покарал бы меня за такой ответ, меня и Антона, хотя Антон ни на йоту ни в чем не виноват. А Олеся, в конце концов, не моя ближайшая подруга. Да ей уже и не поможешь. Что ни делай, как ни старайся, ей уже ничем нельзя помочь. Будем надеяться, что в самом непродолжительном времени она вернется в тот маленький городок в Донбассе, откуда приехала, и я никогда больше ее не увижу, никогда; Донбасс, вероятно, все же останется за Украиной, несмотря на все *«очаковские времена и покоренье Крыма»*.

С чувством омерзения и внезапной усталости я легла. Немного погодя рука Роберта коснулась моего плеча, и я ощутила его свежее, здоровое дыхание. Он рассказал мне про кольцо, которое как нельзя лучше подойдет к моему вечернему платью. Я не шевельнулась, но он не отнял руку, и так мы молчали, покуда нас не взял сон.

В ту ночь мне приснился обвал, будто меня засыпало в подвале (или на первом этаже, что близко) и я задыхаюсь под грузом рухнувших высочайших стен нашего «Сталинского МГУ».

Следующая неделя промелькнула незаметно. Роберту наступила пора печатать диссертацию, нужна была машинистка. Он ухватился за этот предлог и заглядывал ко мне редко (о ночевках совместных не было и речи). Да и для Олеся лучше было не видеть его некоторое время.

Как на грех, именно эта неделя выдалась холодная и дождливая, и мы отчаянно мерзли без двойных рам. Неуютная сырость заполняла, каза-

лось, весь корпус, от подвала до угловых башен, а я по пятам ходила за Лидочкой, чтобы уберечь ее от насморка и других проявлений очевидного гриппозного состояния. Впрочем, все мои усилия не спасли Лидочку, у нее поднялась температура... короче — она слегла.

Мне вообще как-то загадочно не везет с больными близкими. Еще ни разу в жизни мне не удавалось свести на нет хоть какую-либо — самую простецкую — болезнь хоть какой-либо моей подруги; про Катьку я не говорю: в подростковом возрасте она сама меня выхаживала не раз.

Впрочем, бог с ней, с Лидочкой. «Насморки лечат свежим воздухом!» — заявил Антон и увлек Лидочку погулять.

Погулять — похулиганить
Остается один день:
Завтра с белыми котомками
Пойдем из деревень.

Антон никак не может забыть свою костромскую деревеньку, где родился-крестился! И от солдатчины *открестился*, сбежав в МГУ.

Вечером они добрались до постелей, едва живые от усталости. И попростецки расстались.

Все это время Олеся не уделяла нам никакого внимания. По утрам она, как и прежде, уходила на занятия, вечерами — лежала у себя и смотрела в стену.

Мчится век.

Мечта моя пропала, словно кошка под автомобилем.

Возня с Лидочкой, пусть тяжелая и неприятная, пришлась очень кстати. У меня попросту не было времени заниматься Олесей. Я прекрасно понимала ее состояние, но представления не имела о том, что же будет дальше. Рассчитывать на помощь Роберта, разумеется, не приходилось. Для него Олеся больше не существовала. Он уладил все, что ему надлежало уладить, и умыл руки, как чрезвычайно занятый человек, отвлекать которого было бы по меньшей мере грешно.

В воскресенье, когда дождь наконец прекратился, мы всей компанией решили проехаться на машине — хотя бы и за город. Олеся от моего приглашения отказалась, сославшись на невыполненные учебные задания. Я еще порадовалась, что целый день ее не увижу. Сидя рядом с Робертом (он был в белой шапчонке с длинным-длинным и широким красным козырьком — таким, что хотелось надвинуть его ему на самые глаза), я малопомалу отходила от напряжения последних дней и на несколько часов начисто забыла про Олесю. Роберт был обворожительно весел, дурил всех, кто употребляет такие тошнотные слова, как манчердайзер, коворкинг, джокинг, уик-энд, шопинг, питчинг...

И очень сокрушался, что сам-то не понимает смысла в звукосочетаниях *пастиш* и *фанфик* (фанф́ик — пародия, кажется?).

Роберт изо всех сил старался, чтобы я не скучала. В этом отношении он неподражаем, и даже подозрение, что он старается не без задней мысли, не могло меня смутить — настолько я была утомлена и измучена.

Мы были дружной, счастливой компанией, и я не желала замечать, что Антон, сидящий сзади, почему-то притих и не отзывается, как обычно, на веселую болтовню Лидочки.

Вечером я даже не зашла к Олеся, считая, что она и сама могла бы поинтересоваться на предмет длительной прогулки нашего коллектива и... хотя бы пожелать мне лично спокойной ночи или просто сказать «Бог в

помощь!»... а по утрам — «мир вам!». При мысли о том, что мне опять придется ежедневно с ней встречаться, у меня руки опускались от злости и нетерпения.

Я начала понимать Роберта, который категорически избегает встречи с людьми слабыми или несчастными. Оттого и пошло все сикось-накось.

Утром в понедельник (в первый же красный денек) — мы только собрались позавтракать — у дежурной по этажу зазвонил городской телефон. Неохотно оторвавшись от созерцания своего мобильного, я оглянулась уже в дверях нашего этажа, в кучке своих друзей и просто знакомых, и дежурная призывно и строго поманила меня рукой.

Поначалу я ничего не поняла, но незнакомый мужской голос повторил все очень четко, внятно и медленно. Я оделась и поехала в травматологическую клинику. Покуда они оперировали Олесю, я сидела в маленькой приемной для посетителей и ждала. Мне уже сказали, что надежды почти нет, что она едва ли придет в сознание.

Олеся в коме.

Борясь с мучительным оцепенением, я разглядывала узоры на полу.

На тумбочке стояла комнатная липа, я начала считать ее редкие листья (мелкие листочки — сердечками). Олеся, Олеся, думала я, шесть, семь, восемь... и опять: Олеся. Деревце качнулось и поехало мне навстречу, потом на меня со страшной скоростью ринулся пол... Кто-то вытер мне разбитое лицо.

— Вам следовало бы проверить сердце у врача, — сказала сестра.

Я громко рассмеялась. Она осуждающе взглянула на меня и воткнула иглу мне в руку.

— Нечего смеяться, — сказала.

Я испуганно смолкла, до тех пор я не сознавала, что смеюсь. У меня крепкое сердце, очень сильное и здоровое, кому это знать, как не мне. Я поднялась и спросила про Олесю. Сестра еще не знала, она была от «Скорой помощи» и не имела никакого отношения к операционной.

— Это ваша сестра, подруга... дочь? — спросила она чуть мягче, явно готовая простить мне неуместный смех.

— Нет, — сказала я, и медсестра тотчас раскаялась в своей снисходительности.

— А ну, лягте, — сердито приказала она, — и имейте в виду, что все это служит нам во благо, даже если мы этого не сознаем.

Я повиновалась. Сестра, конечно, была права, а если даже и нет, я вряд ли могла бы сейчас сколько-нибудь убедительно возразить ей. Она расстегнула воротник моей блузки. Когда она отвернулась, я снова его застегнула. Это движение вернуло мне силу и выдержку.

— Мне уже лучше, — робко сказала я.

Она недоверчиво на меня посмотрела и ушла, пригрозив, что зайдет меня проведать через несколько минут. Я села и продолжала ждать.

Когда пришел врач, я сразу по его лицу увидела, что Олеся умерла. Ее и на стол-то положили для порядка. Я, собственно, ничего другого не ожидала, зная, какого сорта основательность отличает все поступки Олеси.

— Вызвать вам такси? — спросил этот высокий незнакомый человек в белом халате.

Я кивнула, и он велел одной из сестер позвонить куда следовало. Еще он сказал, что лучше мне не смотреть на Олесю, пока я в таком состоянии. Но я настаивала, и, пожав плечами, он проводил меня к ней.

Трудно, невозможно было поверить, что этот чужой белый сверток и есть та самая Олеся, которая всего лишь часа два назад живая и здоровая вышла из нашего блока. Я коснулась рукой ее щеки, щека была уже совсем холодная, даже холодней, чем мои пальцы. Тем временем подали такси. Мне вручили Олесину сумочку, и я уехала домой.

Теперь следовало позвонить Роберту, но неясное чувство стыда удержало меня. Не потому, что я думала, будто его надо щадить, а потому, что считала подлостью по отношению к Олесе говорить о ней с Робертом.

Три или четыре раза я брала мобильник и клала его на место. Потом я очутилась у окна без единой мысли в голове; я стояла, курила и невидящими глазами смотрела в палисадник.

После дождливой недели светился ослепительно-ясный день. Капли трепетали на молодой листве, свежий, чистый воздух струился в окно.

Олеси нет — и я испытывала великое облегчение. Мне уже никогда не придется ломать голову над тем, что бы ей сказать. Я уже никогда не увижу ее бледное, искаженное болью лицо. Олеси нет — и я могла возвратиться в свою прежнюю жизнь — с Антоном, Лидочкой, садом и привычным, каждодневным учебным порядком. Облегчение было столь велико, что я тихонько засмеялась.

Перед обедом появился Антон. Я рассказала ему, что случилось, и он спросил с полной — как мне показалось — невозмутимостью:

— А Роберт уже знает?

После вышел в прихожую и позвонил Роберту. Я слышала, как он говорит:

— Роберт, Олеся скончалась... Конечно, подожду! Постарайся прийти пораньше... В Скифосовского. Да. Хорошо.

Вдруг меня начал бить озноб; тот, кто говорил сейчас по телефону, не был моей симпатией, он был чужим, озлобленным человеком, вполне взрослым мужчиной, холодным, не знающим сострадания.

Я слышала, как он вошел в мою комнату и зашуршал листами моего учебника. Мне хотелось бросить мой мобильник, что оказался у меня в руках, прижать к себе Антона и наконец заплакать. Но я стыдилась этого нового мужчину, который сидел рядом, — он был такой подтянутый, суровый и не глядел на меня. Лишь когда он, укрыв меня одеялом, вышел из блока, я повернулась лицом к стене и заплакала. Я оплакивала Антона, Олеся, Роберта, себя, и мне казалось, что я уже никогда не перестану плакать. Щеки у меня были «мокрущие», руки тоже. И во рту я чувствовала соленый вкус слез. Лишь постепенно я утомилась и ощутила в груди спокойствие и пустоту.

Роберт пришел только под вечер. Он уже побывал в клинике и все уладил с главным врачом — тот оказался хорошим знакомым Робертова друга С. Я не спросила, видел ли Роберт Олеся, скорее всего — нет. Первый раз в жизни я обрадовалась, что мне не придется больше оставаться наедине с Антоном. Кстати, едва появился Роберт, как Антон исчез — пошел за Лидочкой, которую днем проводил к ее бабушке-дедушке (так Лидочка была расстроена новыми известиями).

Роберт подсел ко мне и дал мне сигарету. Я видела, что он сердит на Олеся за глупое поведение. Всегда она делала то, что он ей приказывал, а теперь, когда он не без основания полагал, будто все улажено наилучшим образом, она вдруг выкинула такой номер.

— Несчастный случай, — сказал Роберт. — Мне совершенно ясно, что несчастный случай.

Я только кивнула, но не ответила. Тепло его руки проникало сквозь платье, наполняло меня миром и покоем. Мой разум знал, кто такой Роберт, но мое жалкое, слабое тело жадно впитывало и тепло, и покой — исходившие от Роберта.

Незаметно для себя я заснула.

На другой день я занялась обычными учебными делами. После похорон и поспешного отъезда Лизаветы выпадали такие часы, когда мне казалось, будто я знать не знала никакой Олеси. Елизавета забрала ее вещи. Комната пустовала. («Живу с собачкой... Сердце пустует».)

Уборщица принесла постельное белье для новой жилицы (предполагалось, что это будет Лидочка). Теперь не осталось ничего, что могло бы напомнить о бедной Олесе.

...Я начинаю уставать. Я пишу уже целых два дня. Скоро вернутся Роберт с Лидочкой, немного погодя — Антон (он звонил вчера). Я не знаю, что будет с нами дальше, не знаю — и все тут. Мне хотелось бы закрыть глаза, забыться и заснуть, но это не в моей власти.

Я лучше открою окно и пушу в комнату свежий воздух.

Я вспомнила про кошку. Но ее не было на прежнем месте.

Теперь я мечтаю, чтобы совершилось чудо, чтобы черная кошка мяукнула прямо мне в лицо, чтобы Олеся подошла ко мне в своем веселом красном платье, молодая, живая, не отмеченная печатью любви и смерти, чтобы Антон снова прижался ко мне щекой (отчего мое сердце снова встрепенется от нежности). И еще я мечтаю, чтобы мне лежать в объятиях Роберта без страха и содрогания, всецело отдавшись теплоте его большого тела.

Да, я понимаю, почему все произошло так, а не иначе. Я начала разматывать катушку не в ту сторону, но теперь я вижу, что это было неизбежно. И в памяти снова оживают вечера с Антоном, мы говорим об Ахилле, о Кассандре, и я счастлива.

Разумеется, я могла бы подумать о будущем, но этого никогда не делаю. Будущее придет и без моего вмешательства, непостижимое колдовство сделает нас тем, чем мы никогда не хотели стать. Каждая минута, каждая секунда уводит человека все дальше и дальше от самих себя.

2015 год.

Москва

ДЕНИС МАЛЬЦЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ

Денис Александрович Мальцев родился в 1980 году в Воронеже. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета.

Старший научный сотрудник РИСИ, кандидат исторических наук.

Автор книг «Поставки вооружения Антанты войскам Деникина и их влияние на разгром частей РККА в марте — апреле 1919 года» (2005) и «Антанта и боевые действия на юге России в 1918–1920 годах» (2009).

ПУБЛИЦИСТИКА

На протяжении Новой и Новейшей истории в рамках национального и государственного строительства получившие независимость государства неизменно используют историю в качестве одного из основных идеологических инструментов.

Подобные процессы наблюдались при становлении политических режимов в Центральной и Восточной Европе после Первой мировой войны. Более близким к Центральной Азии примером того времени выступает Турция с ее официальной историографией туранизма (пантюркизма) и позже турецким национализмом Ататюрка.

В ходе деколонизации во второй половине XX века также массово возникают исторические мифы, служащие укреплению становящихся государств и режимов в Азии, Африке и Латинской Америке.

В течение 90-х годов прошлого века и в начале XXI столетия эта участь не миновала и страны Центральной Азии — бывшие пять советских республик: Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Там проявилась ярко выраженная тенденция приукрашивания, чрезмерной идеализации отдаленных на исторической шкале событий и мифологизации древней и средневековой истории отдельных народов Центральной Азии.

Обычным и все более привычным, но далеко не нормальным явлением стало то, что авторы многих современных публикаций безудержно возвеличивают далекое прошлое своего народа и, напротив, целенаправленно принижают значение истории других народов региона, открыто отрицая какой-либо их вклад в развитие цивилизации. При этом игнорируются подлинные исторические источники и научные методы исследований, массово создаются псевдоисторические теории.

Поиски «древнейшей» государственности и «престижных» предков в современной Центральной Азии

Особенности исторического мифотворчества в Центрально-Азиатском регионе. Феномен фолк-хистори среди тюрок СНГ

Как известно, современная историческая наука в постсоветской действительности пережила серьезный кризис смены методологических оснований. Происходили переоценка марксистской методологии, переход от формационной к цивилизационной периодизации, ознакомление с методами, разработанными западными школами, и попытки их применения. Эти процессы, характерные для всех стран СНГ, в полной мере затронули и страны Центральной Азии. Здесь в течение 23 постсоветских лет происходили и происходят процессы построения государственной и национальной идентичности на преимущественно этнической основе. Каждое из пяти государств региона с советских времен имеет «коренной» этнос, и именно из этого основания строятся государственная идеология и практическая внутренняя политика, напрямую затрагивающая историческое сознание центральноазиатских наций.

В таких политических реалиях историческая наука республик в той или иной степени неизбежно приходила к мифологизации и искусственному конструированию истории. При этом задействовались следующие методы, подходы и концепции:

- использование народных преданий и легенд в качестве исторических источников;

- пропаганда величия «золотого века» своего народа в древности и Средневековье, необоснованное искусственное удревание его этнонима (самоназвания) и государственности;

- отрицание положения о равноценности вклада всех народов региона в развитие историко-культурного наследия;

- теория о «феномене» отдельного народа, его этнической избранности и культуртрегерства по отношению к другим народам региона, а то и всего человечества;

- сравнительно-состязательный подход к истории по принципу: какой народ древнее, кто основал самые ранние государства и города, кто изобрел первое колесо, повозку, начал плавить металлы и т.п.;

- использование истории в целях текущей политической конъюнктуры.

Сюжеты такого рода конструктов не отличались особой оригинальностью, идя по тому же пути, что и у большинства стран, образовавшихся после распада более крупных государственных образований в XX веке. Мифы развиваются главным образом по двум основным направлениям: глубокая древность «коренного этноса» и его государственности, а также абсолютизация «страданий колониального периода». Первой тематике в идейном плане ставится задача доказать превосходство над соседями (прежде всего другими центральноазиатскими республиками), а вторая обосновывает отделение от «российской метрополии».

Но уже на этом этапе идет различие методологий и аргументации по поставленным проблематикам. Это связано с тем, что перечисленные государства не смогли в постсоветское время создать полноценных исторических школ и вынуждены свои конструкции возводить во многом на фактологической базе советской исторической науки.

А упомянутая база для поставленных целей подходит в различной степени. Так, древняя история советской Средней Азии не являлась основным объектом для конструирования советских исторических мифов. Она основывалась на легко верифицируемых данных летописных и археологических источников и отличалась высокой исторической достоверностью. Цели «удревать» прошлое того или иного народа Москвой не ставилось, а местные исторические школы были недостаточно развиты для автономной работы в

этом направлении (в отличие, например, от ситуации в закавказских республиках СССР). Хотя и здесь бывали исключения. Так, казахский историк Мусат Ахинжанов настойчиво доказывал, что казахский народ складывался исключительно автохтонным путем. В его работе скифы и саки рисовались тюркоязычными племенами, а этноним «казах» он находил в китайских хрониках III века до н.э. Такой подход опирался на установочные работы крупного советского востоковеда С.П. Толстова, написанные в период сталинизма, когда автохтонность играла большую политическую роль. Но после смерти И.В. Сталина попытки местных как профессиональных историков, так и «историков» от политики «удревнить» государственность своего народа и его этническую историю не пользовались поддержкой. Они выглядели откровенно надуманными и годились только для внутреннего потребления, и то ограниченного.

Здесь, впрочем, есть нюансы. Идеи откровенных фальсификаторов истории, пишущих в жанре так называемой фолк-хистори^{*}, вполне могут идти как научно-популярные «книжки для народа», что в сочетании с более взвешенными работами академических ученых может создавать очень сильный исторический миф, когда на каждом уровне восприятия целевой аудитории предлагается свой «научный труд», искажающий реальность в той степени, в которой целевая группа способна это искажение некритически воспринять.

Таковой является, например, концепция «кочевой цивилизации». Со-

временные историки активно включились в развитие этой идеи, высказанной в первой половине XX века еще Арнольдом Тойнби — одним из основоположников цивилизационного подхода. Естественно, для современных центральноазиатских историков является неприемлемой формулировка А.Тойнби о застойности экономики кочевых союзов, с точки зрения истории движущихся по кругу, при общем отсутствии прогресса. Но в позднем СССР, в 70–80-х годах XX века, с подачи известного писателя Л.Н. Гумилёва, пишущего в жанре исторической публицистики, была проведена серия дискуссий о кочевой цивилизации, что сделало эту концепцию приемлемой в научных кругах. Выделились даже различные направления и школы в изучении кочевой цивилизации. Существование этой цивилизации практически уже не оспаривается в академических кругах.

Но на этом достаточно отвлеченно-академическом фоне существует опасная тенденция, которую можно охарактеризовать как сдачу позиций классической исторической наукой в пользу фолк-хистори. Такой подход приводит к тому, что все выдающиеся достижения современной цивилизации связываются с кочевниками. Понятно, что такая концепция довольно популярна среди потомков тех самых кочевников — а к ним относится большинство народов Центральной Азии.

Популяризовали «кочевую цивилизацию» на просторах бывшего СССР работы упомянутого Л.Н. Гумилёва, а одним из его эпигонов стал российский публицист Мурат Аджиев (псевдоним — Аджи).

Согласно его книгам^{*}, история современной цивилизации начинается 2,5 тыс. лет назад на Алтае. Цивилизация живших там тюрков была одной из древнейших и высокоразвитых. Они изобрели плуг, кибитку, кирпичи, печи и др. Новые технологии и

---

^{*} *Фолк-хистори* — обобщенное название совокупности претендующих на научность, но не являющихся научными литературно-публицистических трудов и идейно-теоретических концепций на исторические темы, созданных в основном непрофессионалами с позиций исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на отрицании и/или игнорировании твердо установленных научных фактов. Термин имеет российское происхождение и употребляется применительно к постсоветским реалиям.

---

^{*} См.: *Аджи М.* Европа. Тюрки. Великая Степь. М.: Мысль, 1998. 334 с.; *Аджи М.* Азиатская Европа. М.: АСТ, 2006. 1128 с.

изобретения привели к улучшению жизни, что вызвало мощный демографический взрыв, который в свою очередь привел к Великому переселению народов. Часть переселенцев из Алтая якобы освоила территорию нынешней Индии, другая часть основала цивилизации Ближнего и Среднего Востока, вышла в Северную Африку, и только потом была заселена Европа, где до их прихода «был бронзовый век». Степняки освободили народы Европы от подчинения Риму, познакомили их с технологиями обработки железа, столовыми приборами, новгородней елкой, научили строить храмы и монастыри, построили в Европе сотни городов и дорог. Гунны, саксы, бургунды, алеманы и другие народы, по Аджиеву, были тюрками, которые в разных источниках назывались по-разному. Китайская и греко-римская цивилизации попали в зависимость от тюркских ханов, степнякам платили дань Римская империя, Византия, Персия, Китай. Кроме того, степняки дали европейцам монотеистическую религию. Согласно Аджиеву, это было тенгрианство, в Европе позднее превратившееся в христианство, а в Индии в разновидность буддизма — махаяну. Тюркский язык стал европейским языком международного общения и сохранял эту функцию до XV–XVI веков. Многие из европейских и азиатских народов, таких, как болгары, венгры, корейцы, сербы, русские, казаки, украинцы, англичане, французы и другие, по Аджиеву, являются потомками тюрков, растворившихся среди других народов и забывших свои корни.

На месте нынешней России существовало самое мощное в мире государство степняков Дешт-и-Кипчак. Государство степняков Дешт-и-Кипчак просуществовало до XVIII века и погибло после походов Петра I, покорившего свободные казачьи земли.

Противоречия с огромным количеством известных исторических фактов в рамках «гипотезы» Аджиева объясняются глобальной фальсификацией исторических документов со стороны греков, римлян и русских, вступив-

ших в заговор против тюркской цивилизации.

Разумеется, подобный полет фантазии не мог найти многочисленных почитателей в среде людей, имеющих историческое образование, да и просто хорошо знающих историю. Однако не следует преувеличивать число таковых среди населения республик Центральной Азии.

Между тем молодежь, имевшая уже постсоветское (а в условиях Центральной Азии, за исключением Казахстана, это означает — несистемное и с большим количеством национальных мифов) историческое образование, с интересом читала те книги М.Аджи, которые были переведены на местные языки. Люди же старшего поколения прекрасно обходились и книгами на русском (большинство произведений М.Аджи написано на нем).

По мнению исследователей, для этих книг, изданных, кстати, в России общими тиражами в сотни тысяч экземпляров, характерен ярко выраженный тюркский национализм*. А четыре из пяти рассматриваемых нами стран — это тюркские страны (кроме Таджикистана). Влияние такого рода литературы на умы нельзя недооценивать. Отыскал своих горячих поклонников в среде тюркоязычной интеллигенции. Нашлись и последователи — конструкторы новой истории тюрков.

Национальный миф Казахстана

В Казахстане имелись многочисленные, воспитанные еще в советское время национальные кадры интеллигенции и не было столь сильных экономических и политических потрясений, как в других странах региона, что дало большое количество кадров для «конструирования истории».

---

* См., напр.: Олейников Д. Дмитрий Олейников против Мурада Аджи // История России в мелкий горошек. М.: ЗАО «Мануфактура»: ООО «Издательство “Единство”», 1998. С. 95–144.

Потому в этой стране историческим мифотворчеством занялись очень разные люди. Это могут быть и известные ученые, придерживающиеся идеи «кочевой цивилизации». Например, известный специалист по мифологии древних тюрков Е.Д. Турсунов уверенно пишет о том, что Самарканд переживает периоды особого расцвета именно при кочевниках: при уша-нах, эфталитах, затем при тюрках. По его словам, «мировой исторический процесс протекал в условиях тесного взаимодействия кочевой и оседлой цивилизаций, поэтому историю Древней Греции, Ватикана, Египта, Рима, Византии, Китая невозможно представить в отрыве от истории кочевых народов Евразии и Африки»*. Это хоть и не бесспорная, но точка зрения, а работы ученого затруднительно отнести к фолк-истории. Их может купить и исторически грамотный человек.

А где было место именно казахов среди несколько абстрактных «кочевников», объясняют работы казахского археолога Руслана Исмагилова. Принадлежа еще к советской археологической школе, он тем не менее сразу после распада СССР стал доказывать, что среди скифского и сакского населения, проживавшего в древности на территории Казахстана, встречались тюркоязычные группы. Это, мол, и есть прямые предки современных казахов. И хотя никаких доказательств этой версии нет, но благоприятной политической конъюнктуры достаточно для ее распространения.

Идея автохтонности стала стержнем оперативно принятой государственной «Концепции становления исторического сознания в Республике Казахстан», где подчеркивалась прямая преемственность от андроновской культуры бронзового века и саков до современных казахов. По языку все эти культуры трактовались как «в основном тюркоязычные». Этот подход закрепила многотомная «История Казахстана: С древнейших времен до

наших дней», вышедшая в Казахстане во второй половине 90-х*.

В наиболее мягком виде эта концепция была отражена в работе самого президента Назарбаева, где он говорит лишь о духовной преемственности современных казахов от «ариев» Синташты и Аркаима. В то время как его советник, казахский археолог Камаль Акишев, еще в советское время писал в отношении саков и скифов о наличии «значительного прототюркского компонента в местной этнической среде»**.

Таким образом, в Казахстане мы видим довольно редкое явление на постсоветском пространстве, характерное прежде всего для пророссийски настроенных государств. Власть в лице Н.А. Назарбаева настроена значительно менее радикально в вопросе «пересмотра истории», чем научное сообщество и интеллигенция.

Но поскольку историческим образованием занимается отнюдь не президент, а именно представители научно-исторического сообщества, пишущие учебники, то пантюркистские концепции все более проникают и туда. Там древняя история казахского народа представляется следующим образом: «Дух пришлых хуннских народов напластовывается на дух потомков древних ариев в плавильных котлах первых двух хунну-гуннских империй»***. Учебник для 5-го класса населяет Казахстан эпохи бронзы носителями одновременно и индоиранских,

---

* История Казахстана: С древнейших времен до наших дней: В 4 т. Т. 1: Казахстан от эпохи палеолита до позднего Средневековья. Алматы: Атамұра, 1996. С. 13, 104.

** Акишев К.А. Этнокультурная ситуация в древнем Казахстане // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Всесоюз. конф. 20–23 ноября 1988 года / Ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. М.: ИЭА АН СССР, 1988. С. 8–9.

*** Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): Учеб. пособ. 3-е изд. Алматы: Казахстан, 2002. С. 45.

---

* Турсунов Е.Д. Истоки тюркского фольклора: Коркыт. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 7–8.

и алтайских языков. Саки называются там «предками казахского народа»*. А в учебниках для 10-го класса саки прямо названы «тюркоязычными племенами»**.

А рядом в книжном магазине Республики Казахстан будут лежать книги людей, вовсе не имеющих специального исторического образования, — обычно это журналисты или специалисты негуманитарных дисциплин. Именно они пополняют ряды писателей фолк-истории в странах СНГ. Среди них в первую очередь нужно назвать широкоизвестного казахского поэта и общественного деятеля Олжаса Сулейменова. По его представлениям, тюрки предшествовали шумерам в Месопотамии и повлияли на их культуру и язык, в частности снабдив их письменностью. Тюрки имели свою государственность еще 3 тыс. лет назад и создали древнейшую алфавитную письменность. Кроме того, тюрки наравне с предками американских индейцев участвовали в заселении Америки. И у Сулейменова нет ни капли сомнений в том, что скифы были тюрками. При этом ни археологические, ни древние письменные источники ему не нужны.

Что самое печальное — такие «исторические открытия» перекочевывают в систему образования! Казахский учебник для 10-го класса также говорит о близости тюркского языка к шумерскому***!

Эту же линию подхватывает жамбылский журналист А. Айзахметов, который в своей книге якобы на основе новых археологических и лингвистических данных «доказывает», что древнейшая цивилизация Крита, Микен и Трои есть цивилизация прото-

тюркская, которая почти на целое тысячелетие древнее Древнего Египта!

В таком же стиле пишет и А. К. Нарымбаева. Автор приписал «прототюркам» изобретение лука и стрел,-domestикацию всех основных домашних животных, изобретение гончарства и металлургии, древнейшее градостроительство, революцию в военном деле, создание «Авесты», введение мировых религий, и прежде всего христианства. Даже типичный кельтский крест, по ее мнению, «тенгрианский». Делается попытка доказать, что тюрки и иранцы (арии) имели общее происхождение, но при этом именно тюрки оказывали культурное влияние на ариев, а не наоборот. В итоге автор заявлял, что тюрки сформировались 20–30 тыс. лет назад, жили в разных регионах Евразии под разными именами и оказали мощное воздействие на культуру и языки народов индоевропейской семьи.

Или столь же «исторический» труд, написанный инженером-механиком Шах-Муратом Куангановым. Это очередное «видение» древней истории тюрков. По мнению автора, древние предки тюрков, некие «аргуны-арийцы», достигли Западной Европы и основали ряд государств на берегах Средиземного моря, включая Карфаген! Другими словами, воспроизводятся идеи пантюркизма, но считается нужным сохранить для далеких предков славное имя «арийцы». Возникает странный гибрид, сочетающий в себе черты одновременно пантюркизма и «арийской теории» в духе гитлеровской Германии.

Что интересно — книга Куанганова была издана при поддержке Национальной экономической палаты «Союз «Атамекен»». Также она была благосклонно принята Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева. Это лишний раз показывает, что творческое наследие этого популярного в России автора (который даже подписывался часто тюркским именем Асланбек) давно и прочно эксплуатируется тюркским национализмом даже в, казалось бы, мало подверженном такому рода крайностям Казахстане.

* *Артыкбаев Ж. О., Сабданбекова А. А., Абиля Е. А.* Рассказы по истории Казахстана: Учеб. для 5-го кл. Алматы: Атамұра, 2006. С. 58, 68, 93–94.

** *Жолдасбаев С.* История Казахстана. Алматы: Мектеп, 2006. С. 33, 46–48.

*** *Толеубаев А. Т., Касымбаев Ж. К., Койгелдиев М. К., Калиева Е. Т., Далаева Т. Т.* История Казахстана: Учеб. для 10-го кл. Алматы: Мектеп, 2006. С. 68.

В целом факт, что за последние два тысячелетия на территории Казахстана сменились язык (с восточно-иранского на тюркский) и физический тип (с европеоидного к смешанному европеоидно-монголоидному), казахских авторов не смущает. И профессиональные историки, и поп-писатели «обходят» этот факт разными способами в меру своей исторической грамотности и «удревляют» историю казахов всеми способами. Как не смущает он и официальную идеологию и власть. По их воле в Алма-Ате на площади Республики была воздвигнута 30-метровая стела в честь обретения государственного суверенитета. Стелу венчает фигура сакского воина, стоящего на крылатом барсе. А в начале июля 2008 года, во время празднования десятилетнего юбилея Астаны, в республиканском музее публике демонстрировали золотые украшения саков, представляя тех «древними тюркскими племенами». Вот таким образом Республика Казахстан обрела 2500-летнюю национальную историю.

Национальный миф Туркменистана

Пример Казахстана это отнюдь не крайность в вопросах нациестроительства в Центральной Азии. История некоторых других республик значительно более мифологизирована. Здесь, конечно, лидирует Туркменистан. Там «исторический миф» формировался под деятельным участием самого президента Туркмении Сапармурата Ниязова. Он акцентировал внимание на сельджукских корнях туркменской государственности, что соответствовало местной фольклорной традиции, возводившей туркмен к прародителю Огуз-хану — главе огузов-сельджуков. В 1998 году по указанию С.Ниязова был расформирован Институт истории и ликвидирована Академия наук. Вместо этого был создан Институт истории при кабинете министров Туркменистана, которому было поручено подготовить двухтомную «Историю туркменского народа».

Причем развернулось своего рода соревнование фальсификаторов. Так, заместитель главы Национальной администрации по изучению, защите и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана М.Б. Дурдыев, занимавшийся «конструированием истории» туркмен в 90-е годы, в 2001 году попал в «черный список» из 19 туркменских писателей, поэтов и историков, «неправильно» освещавших национальную историю. Их книги подлежали уничтожению. Причина была отнюдь не в том, что Марат Бяшимович следовал классическим советским или западным историческим концепциям. Просто он, упорно возводя происхождение туркмен к Парфянскому царству, слишком отклонился от огузско-сельджукской версии, что вызвало гнев пожизненного президента Туркменистана.

Тогда фаворитом «строительства истории» стал один из советников президента Ниязова — археолог Овез Гундогдыев. Он, как и Дурдыев, включил в число предков туркмен мидян, скифов, саков, массагетов и парфян, но пошел дальше, заявив, что все они были тюркоязычными. По его словам, туркмены пронесли народное единство и свой язык через тысячелетия. Гундогдыева не устраивала фольклорная версия, изображавшая Огуз-хана предводителем средневековых огузов, и он отождествлял того со знаменитым предводителем гуннов Модэ Шаньюем. Он освежил старые построения турецких пантюркистов новыми фантазиями (в частности, упомянутого Мурата Аджиева). По сути, это возрождение идеологии, основанной на пантюркистской теории мирового развития в том виде, в котором она была представлена в османской Турции начала XX века. Тогда следование этой теории привело к геноциду армян в 1916 году...

В итоге за создание национального мифа взялся сам президент Ниязов. Результатом этой работы стала книга «Рухнама», где туркмены рисовались «древним государствообразующим народом», и среди их древнейших прародителей назывались знаменитые Маргиана и Парфия. Этноним «туркмены»

возводится там к «турк иман» (в переводе — «родом из света»). Родоначальником туркмен назван Огуз-хан, живший теперь уже 5 тыс. лет назад. Таким образом, делалась попытка «закрепить» за туркменами статус «древнейшего народа», так сказать, волевым решением. Полностью игнорируя при этом данные истории и археологии. Туркменам в книге приписывалось создание 70 государств, в том числе Маргиана, Парфии, империи сельджуков, Ак-Коюнлу и т.д. Также им приписывается изобретение колеса. Очевидно, что с точки зрения истории это произведение не выдерживает никакой критики и служит насаждению примитивного национализма и идеи национального превосходства. В феврале 2001 года «Рухнама» была утверждена властями Туркменистана в качестве «священной настольной книги народа», и с тех пор ее принялись изучать во всех местных школах как отдельный предмет. Обязательной она стала и для поступления в вузы. Из тревожных моментов здесь можно отметить поступок руководителя российской компании «КамАЗ» Сергея Когогина, который профинансировал перевод «Рухнамы» на татарский язык, а также ее печатное издание. Вряд ли распространение откровенно националистической литературы среди коренных народов РФ соответствует государственным интересам России.

После смерти С.Ниязова преподавание «Рухнамы» в школах сократили, но оставили, а экзамен по ней в вузы Туркмении остается обязательным. Таким образом, можно констатировать, что население Туркмении младше 30 лет подверглось сильной идеологической обработке в духе великотуркменского шовинизма, и последствиям этого еще предстоит сказать.

Национальный миф Кыргызстана

Собственным историческим мифотворчеством отметился и Кыргызстан (Киргизия). Интерес к истории и способ, с помощью которого обществен-

ное сознание было повернуто к историческим вопросам в первые годы независимости, сконцентрировались вокруг эпоса «Манас». Ключевую роль в этом историческом мифотворчестве сыграли писатель Чингиз Айтматов и первый президент Кыргызстана Аскар Акаев. Первому из них принадлежит идея празднования тысячелетия эпоса «Манас», второму — превращение содержания эпоса в современную национальную идеологию, а также использование его для популяризации киргизской культуры и истории. Гуманитарий и интеллектуал Акаев сформировался в ленинградской научной среде и слушал в студенческие годы лекции Льва Гумилёва. Таким образом, взгляды Л.Н. Гумилёва и в Кыргызстане, как и в Казахстане, стали в основании национального мифа.

Эпос «Манас» как историографический источник вошел во все учебники и пособия по истории киргизов и киргизского государства. По инициативе Кыргызской Республики в 1993 году была принята резолюция ООН «О праздновании 1000-летия кыргызского национального эпоса “Манас”», в которой были поддержаны предложения руководства республики об объявлении 1995 года годом 1000-летия эпоса «Манас». Празднование 1000-летия эпоса сопровождалось саммитом тюркоязычных государств и международным симпозиумом с участием ученых из 30 стран мира и генерального секретаря ЮНЕСКО. На основе материалов эпоса «Манас» были сформулированы «семь заповедей Манаса», которые были положены в основу национальной идеологии.

Этот период характеризовался также широким введением исторического материала в знаковое пространство. Помимо государственной символики, содержавшей историческую атрибутику киргизов, были произведены массовые переименования городов, районов, улиц, выпущены почтовые марки с историческими персонажами и событиями истории киргизов и кыргызского государства. Именем кыргызского исторического персонажа была названа столица страны — город Биш-

кек, ранее носивший имя Фрунзе. Историческая символика активно использовалась в названиях фирм, культурных объектов, товаров.

Знаковым для формирования киргизского исторического мифа стал 2003 год. В своем выступлении на II Всемирном курултае киргизов 31 августа 2003 года Аскар Акаев изложил версию киргизской истории начиная с киргизского государства в 201 году до н.э. В его трактовке истории появилось также киргизское государство в Верховьях Енисея в середине I века н.э. Он сообщил о получении в дар от руководства Китая новых сведений о киргизском государстве эпохи Кыргызского великодержавия, датированных 843–845 годами. По версии А.Акаева, были причислены к киргизским мыслителям и ученым Жусуп Баласагын и Махмуд Барскани, которые вообще-то в исторической литературе присутствуют как уйгурские ученые Юсуп Баласагунский и Махмуд Кашгарский и которые всего лишь родились на нынешней киргизской территории. Имя Жусупа Баласагына было присвоено крупнейшему национальному вузу — Кыргызскому национальному университету.

Появление в национальном историческом сознании представлений о 2200-летней киргизской государственности стало несколько неожиданным. Ранее киргизские авторы издавали работы, в которых начало киргизской истории отодвигалось в глубь веков на 4–5 тыс. лет, однако эти работы справедливо воспринимались скорее как плод националистических фантазий, чем как реальность. Теперь же концепция великой истории киргизского народа получила поддержку с вершин исполнительной власти. По оценкам киргизских социологов, эта концепция очень быстро вошла в национальное историческое сознание как непреложная истина. Опросы 2006 года показали, что подавляющая часть респондентов (59,8%) считает подлинной родиной киргизов Енисей и только 9,6% — Центральную Азию.

Наличие документов о «енисейской прародине» дало киргизским

историкам серьезные аргументы в споре с другими народами Центральной Азии за своего рода «право первородства». В киргизском учебнике прямо пишется: «Этноним “кыргыз” является самым древним из всех современных названий народов, происходящих от тюркских корней. Тюркские этнонимы “туркмен”, “узбек”, “казах”, “уйгур”, “татар”, “башкир” и другие появились гораздо позднее», — и поясняется, что этническое упоминание «туркмен» берет свое начало примерно с VIII века, узбеки как народ сформировались между эпохами Караханидов и Тимуридов (вторая половина XIII — первая половина XIV века), а формирование казахского этноса сами казахские историки относят к XV веку.

Особенностью сравнительно с другими этносами Центральной Азии является то, что древняя история киргизов в большей степени связывается с другим регионом, нежели нынешняя территория их проживания. Каких-либо серьезных свидетельств и доказательств проживания киргизов на нынешней территории полтора и более тысячелетия назад не существует. Энтузиастами от фолк-истории делались попытки установления связи киргизов с саками — признанными коренными жителями Центральной Азии, проживавшими в том числе и на нынешней территории Кыргызстана. Но они основаны не более чем на сходстве этнонима «саки» с названием одного из многочисленных киргизских родов «саяки», и эти идеи не получили развития ни в народе, ни во властных или интеллигентских кругах.

Сложное отношение существует к Китаю и истории отношений с ним. Объективно это в основном история войн и конфликтов, но в политических интересах президентом А.Акаевым была предпринята попытка изменить характер этой истории на якобы дружественный. В связи с этим были использованы действительно имевшие место факты совместной борьбы древних киргизов и китайцев с общими врагами. Были акцентированы те моменты истории, когда киргизы были есте-

ственными союзниками Китая, и в частности, речь шла о «политическом союзе Енисейского государства кыргызов и Китайской империи», который «существовал более 100 лет и сыграл позитивную роль для обоих государств в Танскую эпоху», а также о заслуге Китая, остановившего арабское завоевание в битве при кыргызском городе Таласе. И даже в отношении Цинского периода, когда Китай пытался завоевать Центральную Азию, было сказано, что он «не вписывается в складывавшуюся веками общую тенденцию кыргызско-китайских отношений, всегда характеризовавшихся дружелюбием и взаимной симпатией»^{*}.

Следует сказать, что такой подход является принципиально противоположным существующим в общественном сознании представлениям и отношениям к Китаю. В киргизской среде существует устойчивое опасение по поводу Китая, связанное с его экономической и особенно демографической экспансией. Сразу после отстранения А.Акаева от власти прокитайские исторические мифы прекратили свое существование.

Национальный миф Узбекистана

Относительно мало древняя история переписывалась в Узбекистане. В советское время здесь наибольшую популярность получил подход, исходивший из многокомпонентного состава народов мира. В отношении Средней Азии этот подход говорил о длительном процессе смешения местных аборигенов, носителей восточно-иранских языков, с пришлыми тюркоязычными племенами. Итогом этого процесса и было, по мнению советских авторов, формирование предков узбеков и таджиков. Среди предков узбеков назывались племена раннего железного века (саки, массагеты и другие), связанные с миром иранских

кочевников. В советское время ведущий узбекский этнограф Карим Шаниязов писал о многокомпонентном составе узбеков, включавшем в себя различные этногенетические пласты. Согласно его концепции, этническую основу этногенеза узбеков составили древние жители Среднеазиатского междуречья и Хорезма, смешавшиеся в дальнейшем с пришлыми тюркоязычными племенами. Сомнений в том, что население раннего железного века говорило на восточноиранских языках, у него, естественно, не было. Он и представители его научной школы придерживались этого мнения и в постсоветские годы. Благодаря ему и ряду других деятелей Академии наук Республики Узбекистан (АН РУз) узбеки, пожалуй, в наименьшей степени увлеклись «охотой за древними предками» сравнительно с другими новообразованными государствами Центральной Азии. По крайней мере, признаков этого в начале 90-х годов не просматривалось. В изданном в это время под редакцией узбекского археолога — академика А.А. Аскарва фундаментальном двухтомнике «История народов Узбекистана» формирование узбекского народа также описывалось как слияние отореченных иранских племен с пришлыми тюрками в первом тысячелетии нашей эры.

Однако под влиянием давнего, усилившегося в постсоветские годы спора между таджикскими и узбекскими авторами, связанного с этнической интерпретацией древней и средневековой истории, взгляд узбекских специалистов на предков вынужденно стал меняться. Во второй половине 90-х годов академик Ахмадали Аскаров уже утверждал, что тюрки появились на территории Узбекистана в конце эпохи бронзы. Позднее он перешел к более конкретным заявлениям, наделяя тюркоязычием создателей андроновской культуры позднего бронзового века и, само собой, кочевников раннего железного века. А.А. Аскаров настаивает, что, «вопреки индоевропейской теории», арии произошли от тюркских скотоводов-номадов. В его статье специально подчеркивается,

^{*} Акаев А.А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек: Учкун, 2002. С. 356–358, 368.

что даже происхождение династии древнеперсидских царей из рода Ахеменидов «непосредственно связано с проникновением на юг Ирана тюркоязычных арийцев из евразийских степей». И не только Ахемениды, но и кушанские цари якобы были «истинными арийцами», то есть по происхождению тюрками.

Но справедливости ради следует отметить, что все подобного рода выводы делались преимущественно в рамках полемики с таджикскими специалистами. Да и столь далеко, как А.А. Аскарлов, в своих утверждениях зашли немногие представители ученого сообщества Узбекистана. Вообще, «тюркизация» культуры бронзового века, происходящая в академической среде Узбекистана, идет почти исключительно для противостояния таджикским претензиям (в том числе и территориальным) и носит откровенно конъюнктурный характер. Доказывая, что тюрки обитают в Средней Азии не менее 3500 лет, узбекские ученые обосновывают тем самым простой факт, что они являются «коренным населением», и ничего больше. Можно сказать, что на этом фронте узбекские историки ведут лишь оборонительные бои. На соответствующие темы есть целый ряд работ этнографов Института истории АН РУз.

Однако эта проблематика остается почти исключительно научно-полемической и не переходит в учебники и государственные мемориальные мероприятия, как, например, в Казахстане. В учебнике для 7-го класса к предкам узбекского народа причисляются как местные восточноиранские группы, включая саков и массагетов, так и пришлые тюрки, но сложение узбекского народа датируется IX — началом XII века, а отнюдь не временами до нашей эры.

Национальный миф Таджикистана

Таджикский исторический миф по понятным причинам значительно отличен от подобного рода тюркских

мифов. Таджики, с трудом добившиеся создания собственной республики в составе СССР, до сих пор чувствуют себя обделенными, ибо в ходе произведенного в 20-х годах XX столетия национального размежевания самые густонаселенные и плодородные земли отошли к Узбекистану. В Узбекистане десятилетиями проводилась тюркизация таджиков, а то, что они считали своим историческим наследием, присваивалось узбеками. Поэтому сегодня таджикские интеллигенты возмущаются тем, что они воспринимают как посягательство узбеков на таджикские земли и культурное наследие.

Таджикские интеллигенты противопоставляют этому «арийский дух» таджиков, подчеркивают их принадлежность к европеоидной расе, пытаются тем самым возвести непреодолимую стену между собой и узбеками. В начале 2000-х годов это интеллектуальное течение достигло властей Таджикистана, как раз занявшихся поисками национальной идеи. Ранее, в ходе гражданской войны и восстановления после нее, было как-то не до целенаправленной исторической политики. Впрочем, первая попытка заняться таковой была предпринята в октябре 1996 года, когда правительство Таджикистана впервые обратилось к наследию династии Саманидов и предложило ЮНЕСКО провести в 1999 году празднование 1100-летия создания упомянутого государственного образования как «первого независимого таджикского государства». ЮНЕСКО отклонило это предложение, справедливо посчитав, что ничего хорошего в таджикско-узбекских отношениях из этого не выйдет. Но Э.Рахмона это не остановило. В 1999 году он распорядился отпраздновать 1100-летие образования государства Саманидов. В России тогда эту идею поддержали, в юбилейном параде в Душанбе приняли участие подразделения 201-й мотострелковой дивизии РФ. В Душанбе, на площади Дусти, был возведен архитектурный ансамбль первому правителю государства таджиков — Исмаилу Самани, высотой 13 метров.

Что интересно, в его основании была размещена карта «большого Таджикистана» эпохи Саманидов. Несколько монументальных памятников Исмаилу Самани украсили города Таджикистана — Ходжент, Гафуров, Курган-Тюбе.

Выбрав династию Саманидов в качестве исторического ориентира и прародителей таджикского государства, Э.Рахмон был последователен в этом и даже ввел в 2000 году новую национальную валюту — сомони. В честь Сомони была переименована самая высокая гора Таджикистана (бывший пик Коммунизма).

Интересно, что в поздних советских и первых постсоветских учебниках Саманиды никак не выделялись из общего фона правителей феодальной эпохи. Но как только вопросом формирования исторического мифа таджикского народа занялись всерьез, президентом была написана книга «Таджики в зеркале истории». Она и стала основой этого мифа, а Саманиды как исторический ориентир — личной находкой Э.Рахмона.

Из многочисленных гипотез по поводу происхождения названия таджиков Э.Рахмон выбрал народную этимологию этого этнонима, возводящую слово «таджик» к «хадж» («корона»), и искусственно связал ее с этимологией слова «ариец». По его мнению, слово «таджик» («коронованный», «знатного рода») якобы равнозначно слову «ариец», что значит «благородного происхождения». И вот эти арийцы-таджики есть «древнейший народ Средней Азии». Естественно, никакой аргументации, кроме языковой, — действительно, Среднюю Азию населяли ираноязычные, как и таджики, племена и народы, — не приводится.

Согласно Э.Рахмону, все достижения древнего и раннесредневекового периодов истории Средней Азии принадлежат таджикам. Таджикскими городами являлись древние и средневековые Бухара, Самарканд, Балх, Герат, Мерв, а таджики — самый культурный и цивилизованный народ, научивший всему пришлых тюрок. В обоснование этого Э.Рахмон пишет: «В XI веке

тюрки, стремясь покорить таджикское государство, тем не менее полностью переняли у таджиков принципы государственного управления, традиции, этикет, оставался государственным и таджикский язык. Государственное устройство в Центральной Азии унаследовало в основном принципы управления государства Саманидов. Говоря словами известного востоковеда Германа Вамбери, таджики и после завоевания их кочевниками продолжали играть роль цивилизаторов по отношению к своим покорителям». Закономерен и своего рода вывод-вопрос: «Имеют ли различные тюркские народности и племена, спустя тысячелетия ставшие хозяевами территорий бывших древних Бактрии, Согда и Хорезма и сегодня, с трибун своих национальных государств, выражающие притязания на историческое и культурное наследие арийцев, какую-либо общность с арийскими народами этих краев?»*

Собственно, подобные вопросы и довольно резкие высказывания в отношении соседей стали неизбежны с момента исторического поворота к наследию Саманидов. Обе столицы династии — Самарканд и Бухара — ныне находятся на территории Узбекистана, и требовалось обосновать, как они там оказались. По сути, иных вариантов, кроме образа узбеков как варваров-завоевателей, не оставалось.

Официальная историография Таджикистана творчески развила идеи своего президента. По словам академика Нугмон Негматова, время Саманидов стало продолжением «таджикского возрождения», начавшегося еще при Сасанидах. Его выражением стали мировые достижения науки (Ибн Сина, аль-Беруни) и литературы (Фирдоуси). Таджикские историки преподносят Саманидское государство как «высшую точку исламской цивилизации». Именно из империи Саманидов, по утверждению И.Умарзода, происходят все культурные обретения Ев-

* *Рахмонов Э.Ш.* Таджики в зеркале истории. Кн. 1: От арийцев до Саманидов. Лондон; Душанбе, 2000. С. 149, 218.

ропы раннего Нового времени; кроме того, в свое время это государство считалось самым сильным на планете. В его работе империя Саманидов предстает также образцом государственного управления — как эффективная, стройная и простая государственная структура. Соответственно, с уничтожением Саманидского государства «тюрьками-монголами» была уничтожена самая передовая культура туранской арийской цивилизации.

Совмещение саманидского и арийского исторического мифов (последний был очень популярен среди интеллектуалов) дало необходимую для героической истории древности этноса, ведь фиксация появления первых представителей конкретного этноса в том или ином географическом регионе — важная черта, свидетельствующая об истории народа. В случае с таджиками имеет место миф об «историческом Таджикистане», охватывающем значительные территории современной Центральной Азии, Ирана и Афганистана. Он существует, по мнению некоторых таджикских авторов, не менее 2500 лет и был создан еще Ахеменидами. Еще более древним происхождением, как считают некоторые авторы, отличается арийская цивилизация на территории так называемой Арианы, в данный момент насчитывающая около 8000 лет. В плане древности эта дата пока опережает все прочие историографии Центральной Азии, превзойдя даже туркмен. Впрочем, книга Ибрагима Умарзоды одной этой датой не ограничивается. В этой публикации арийцы предстают основателями европейской цивилизации; здесь также доказывается, что заселение Европы было осуществлено исключительно арийскими племенами. Помимо заселения Европы, арийцы (и туранцы как их ветвь) стали, в его трактовке, основоположниками Вавилонской империи, зороастризма и других цивилизационных феноменов. Подобные «открытия» уверенно относятся к жанру фолк-истории.

Тем не менее миф об арийской цивилизации стал одним из ключевых сегментов исторической идеологии

таджикского режима, а также одной из основ его противопоставления соседнему Узбекистану. Опираясь на классиков российского и советского востоковедения, таджикские историки и, соответственно, идеологи определили таджиков в качестве единственных законных наследников арийской цивилизации в Центральной Азии. В 2006 году в Таджикистане торжественно отпраздновали Год арийской цивилизации, что, по мнению президента Э.Рахмона, должно было способствовать сплочению нации. Таким образом, именно историческая наука помогает формировать идеологический образ высокой культуры арийцев (то есть таджиков) в противовес образу отсталой кочевой культуры тюрков (то есть узбеков).

Взаимоотношения России со странами Центральной Азии в зеркале исторического мифотворчества: присоединение к России, «колониальный» период, среднеазиатское восстание 1916 года, движение басмачей и т.п.

Несколько другая ситуация сравнительно с освещением древней истории сложилась с интерпретацией «колониального периода». Здесь советская историография оказывает бесценную помощь современным «национальным историкам» Центральной Азии. «Злодеяния царизма» при завоевании и управлении центральноазиатскими территориями тщательно выискивались, утрировались и абсолютизировались советскими историками. Любые конфликты освещались предельно односторонне в рамках марксизма и классового подхода, где практически любое выступление против центральной российской власти рассматривалось как «прогрессивное», а вся деятельность властей России в Центральной Азии, рассматриваемая через ленинскую концепцию империализма, представлялась в негативном, «завоевательном» ключе. Такого рода

советские концепции идеально легли в основу националистических трактовок истории рассматриваемых стран. Постсоветским историкам оставалось лишь расставить «нужные» акценты, а затем добавить советский период истории к «колониальному».

После обретения независимости в массовое сознание ряда новосозданных государств транслировались как дискуссионные или даже конфликтные преимущественно те события истории, которые связаны с Россией. Наиболее тревожна в этом плане ситуация в Киргизии и Казахстане.

В других республиках все значительно спокойнее. В Таджикистане историческое мифотворчество направлено против соседнего Узбекистана, а в отношении России Э.Рахмон говорит лишь об «идее арийского единства в отношении России и Таджикистана». Поскольку в завоеванных Российской империей в XIX веке Кокандском и Хивинском ханствах, а также в Бухарском эмирате ираноязычные таджики были угнетенной тюрками частью населения, претензий за это завоевание в таджикском обществе и интеллигентских кругах на этот счет не отмечено. Даже вина за национальное размежевание 20-х годов XX века, в ходе которого таджики получили так не устраивающие их границы, не переносится на русских.

В публикациях о становлении советского Таджикистана в 20-е годы вина за «неправильные» границы ложится на предателей-таджиков, к которым причисляются бывшие представители джаидов, в частности Файзулла Ходжаев и Абду Кадыр Мухитдинов, а также Чинор Имамов, делегат таджиков в территориальной комиссии Средазбюро. Именно эти представители «обузбеченных таджиков» и приверженцев пантюркизма, а позже «панузбекизма», по мнению современных таджикских историков, не позволили в 1924 году таджикам полноправно обсуждать вопросы самоопределения Таджикистана в рамках территориального размежевания.

Более умеренные таджикские историки указывают, что наряду со многи-

ми отрицательными последствиями разделения выделение меньшей территории для Таджикской АССР (и позже ССР) все же имело свои положительные особенности; среди них — приостановка тюрко-монгольских попыток ассимиляции таджиков, вовлечение таджиков в политическую деятельность. Эти несомненные блага для национального развития соотносятся с «русской властью». В целом исторический дискурс Таджикистана, несомненно, самый дружественный относительно России в регионе.

Что касается Туркменистана, то здесь элементарно малое число историков и общая неразвитость институтов гражданского общества оставляет силы только на «освоение» древней истории и идеологическое обоснование и поддержание политики изоляционизма. По отношению к «колониальному» периоду, как времен Российской империи, так и СССР, присутствует нейтральное описание — не перенасыщенное фактами. Говоря другими словами, этот период на официальном уровне стараются скорее забыть, чем демонизировать.

Историки Узбекистана, наоборот, представляют собой большую, достаточно профессиональную и сплоченную группу. И хотя основной ее задачей в контексте создания национальных мифов и узнаваемого народом нарратива является, как и в других государствах Центральной Азии, работа по древней и средневековой истории, узбекская историография освещает и другие, более близкие по времени темы. В частности, отношение Узбекской ССР к России или положение узбеков в Центральной Азии и в Советском Союзе. В этом контексте проводится сбалансированная разнонаправленная политика.

С одной стороны, по инициативе президента Узбекистана Ислама Каримова с целью увековечения памяти жертв репрессий советского периода на берегу канала Бозсу был воздвигнут мемориальный комплекс «Шахидлар хотираси» («Памяти павших») и 12 мая 2000 года состоялась церемония его открытия. При этом комплек-

се 27 августа 2002 года был открыт музей «Памяти жертв репрессий». Ознакомление с экспозицией музея, «в которой отражены трагические страницы периода колониализма, позволяет узнать, что в результате “раскулачивания” более 60 тыс. наших соотечественников (то есть узбеков. — Д.М.) были высланы на Украину, Северный Кавказ и Сибирь, с начала до 40-х годов XX столетия были открыты “уголовные дела” против 450 тыс. наших соотечественников, а в период “хлопкового дела” 25 тыс. человек были арестованы, из них 4,5 тыс. осуждены».

Конечно, такое перечисление настраивает учащихся весьма негативно к «колониальному» советскому периоду. Тем более что рядом идут конкретные имена репрессированных и расстрелянных представителей узбекской науки и искусства: историков, поэтов, писателей — Усмана Насыри, Абдарауфа Фитрата, Чулпана, кумира узбекской интеллигенции Абдуллы Кадыри и других. У учащихся сознательно создается представление о подавлении узбекской культуры в советский период.

Тем, кто сам не пришел к такому выводу, его озвучат: «Историческое и политическое значение мемориального комплекса “Памяти павших”, музея “Памяти жертв репрессий” состоит в том, что они служат исторической памятью, уроком настоящему и будущему поколениям и свидетельствуют о том, какие трагические дни пережил наш народ в период зависимости, и о том, что с обретением независимости в нашем крае была восстановлена справедливость и в сердцах народа живет память о погибших»*.

Здесь акценты расставлены предельно четко: «зависимость периода колониализма» от Москвы — зло и негатив.

Но вместе с тем ранее, в 1999 году, в Ташкенте «с целью увековечения памяти тех, кто отдал жизнь за свобо-

ду Родины в борьбе против фашизма в годы Второй мировой войны», был воздвигнут комплекс «Площадь памяти», и 9 мая того же года прошла церемония его открытия. По инициативе Республиканского фонда «Нуроний» подготовлена и издана 34-томная книга «Память» с именами 400 тыс. наших соотечественников, погибших в боях. 9 мая каждого года отмечается как День памяти и почестей.

Здесь мы уже видим вполне себе готовность историков Узбекистана и его властей не отказываться от позитивных фактов совместной истории с Россией. Об этом свидетельствует и присутствие президента И.Каримова на Параде Победы в Москве 9 мая 2015 года, которого большая часть экспертов не ожидала. И хотя та война в Узбекистане называется в западной трактовке Второй мировой, а не Великой Отечественной, это не отменяет реализма в исторической политике Узбекистана, а значит, оставляет обоснованные надежды на сотрудничество в этой сфере в будущем.

Впрочем, в ряде спорных вопросов это сотрудничество уже наблюдается. Например, в вопросе оценки басмаческого движения в Туркестане. Эта тема не пользуется поддержкой властей Узбекистана, хотя, казалось бы, лидеры басмачей — потенциальные герои в борьбе за столь высоко оцениваемую независимость. Но дело в том, что значительное число выходцев из Узбекистана периода разгрома басмаческого движения были небедные люди, со связями в мусульманском мире. Они сравнительно легко инкорпорировались в саудовскую и турецкую элиту, зачастую занимают серьезные позиции в бизнесе, политических и государственных структурах, включая саудовские спецслужбы — а и Саудовская Аравия, и Турция играют активную роль в поддержке оппозиционных узбекистанских движений и организаций, в частности известного Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Так, численность узбекской диаспоры в Турции относительно невелика, приблизительно 70 000 человек, но несмотря на это, она может играть важную

---

* Усманов К. История Узбекистана: Для академических лиц и профессиональных колледжей. Ташкент: ИПТД «O'qituvchi», 2008. С. 199.

роль для Узбекистана в силу специфического состава: это потомки эмигрантов периода гражданской войны и басмаческого движения в Средней Азии, участников Туркестанского легиона периода Второй мировой войны, эмигранты 80-х годов из Северного Афганистана и эмигранты постсоветского периода. Все эти категории, как правило, имеют одновременно не только сильную антироссийскую, но и фундаменталистско-исламистскую идеологическую направленность. Последнее неприемлемо для И.Каримова, сделавшего однозначную ставку на построение светского государства. Прославление басмачества — это удел маргиналов, не пользующихся государственной поддержкой. Более того, узбекское государство само присматривает за ними на предмет связей с ИДУ и другими экстремистами. По этому вопросу сколько-нибудь серьезные угрозы России на фронтах «войн за историю» со стороны Узбекистана отсутствуют.

Гораздо сложнее ситуация в Киргизии и Казахстане. Так, есть ряд болезненных для местной интеллигенции и национал-патриотов исторических тем: это проблема присоединения Казахстана и Киргизии к России, национально-освободительная борьба народов этих стран в XIX веке, восстание 1916 года, деятельность партии «Алаш» в Казахстане, коллективизация в Казахстане и голод 1932–1933 годов, целинная эпопея.

Из всего перечисленного стоит сконцентрироваться на двух темах. Это оценка факта вхождения в состав России и событий 1916 года. Они являются остроактуальными в Казахстане и Киргизии, активно обсуждаются в научном сообществе, а восстание 1916 года благодаря патриархальности общества (прежде всего в Киргизии) и, соответственно, большому значению устного предания — вообще еще во многом живая память.

Вопрос о вхождении в состав России обсуждается в двух аспектах: было ли это необходимо, была ли альтернатива, а также был ли это акт добровольным? Исторические трактовки

постепенно смещаются от толкования факта присоединения к России как «вхождения в состав России» к утверждениям, что это было в основном насильственное присоединение.

Здесь играет роль огромная проделанная советскими историками работа по дискредитации политики Российской империи на территории Центральной Азии. Местным историкам оставалось только немного усилить акценты в описаниях «колонимальной политики царизма», а фактический материал был собран (а если точнее — вырван из контекста) еще в советскую эпоху.

Результат «плодотворной деятельности советских ученых» мы наблюдаем сейчас, в XXI веке. Уже в учебнике 2005 года факт вхождения киргизских земель трактуется как «присоединение Россией Киргизии». Причем если в отношении Северного Кыргызстана речь еще идет о присоединении путем договоров и соглашений, а также вооруженным путем, то в отношении юга уже однозначно говорится, что «присоединение... происходило путем прямого завоевания» и с подавлением народного движения.

В мифологической трактовке подается в современной исторической литературе образ Российской империи и в Казахстане. С ее политикой связываются потеря независимости, прерывание поступательного развития государственности. Двухсотлетнее пребывание в составе Российской империи трактуется как событие, оказавшее сугубо негативное влияние на развитие Казахстана. Здесь тоже прослеживается влияние советской историографии. Сложившийся у большинства историков образ Российской империи как врага репродуцируется в массовых масштабах в историческое знание и образование, что не может вызывать тревогу. В связи с этим уместно процитировать известного эксперта Радика Темиргалиева: «Все бы ничего, да только вот, в отличие от сказок о казахском происхождении Чингисхана, необъективная интерпретация истории Казахстана XVIII–XX веков может, во-первых, грозить обострением отношений между двумя главными

этносам страны, во-вторых, привести к историографическим разборкам на уровне государств».

В своем объяснении концепции учебника истории для 5-го класса как учебника нового поколения (введен с 2007 года) профессор Т.П. Волкова подчеркивает, что главной определяющей всей истории Казахстана является «длвишееся столетиями колониальное прошлое», которое, как следует из текста, окончилось только в XXI веке, то есть с наступлением независимости.

В описании сложного процесса принятия частью казахских родов российского подданства образ России предстает в виде коварного государства: «Россия решила воспользоваться положением казахов в своих политико-экономических целях»; «используя присягу казахских правителей на верность, Россия под предлогом защиты казахов от внешней угрозы начала захватывать земли для строительства крепостей и поселения на них русских казаков. Земли для перекочевок стали уменьшаться день за днем». Причем речь идет о середине XVIII века, когда проникновение России в казахскую степь было минимальным.

Образ России-колонизатора в современных реалиях экстраполируется и на Советский Союз. «Советское правительство конфисковало весь скот казахов, таким образом, намеренно подвергнув народ голоду, и до последнего наблюдало, как гибнут люди. С помощью оно не торопилось. Советскому Союзу не нужен был казахский народ со своей землей и скотом, сюда хотели переселить другие народы и разбить здесь лагеря». Стоит ли говорить, что при чтении учебников такого содержания наряду с сопереживанием трагедии своего народа возникает образ врага в лице русских, что может стать плодотворной почвой для развития национализма и ксенофобии в крайних формах.

В учебнике «Новейшая история Казахстана» для 9-го класса под общей редакцией профессора Б.Г. Аягана написано, что «укрепление тоталитарной системы в Казахстане связано

с именем Ф.Голощекина». Утверждается, что «Голощекин с согласия Сталина выбрал те методы коллективизации, которые не могли не вызвать полный развал казахского хозяйства и фактическое вымирание целого народа. Так был взят курс на широкомасштабный геноцид». На освободившиеся земли, по мнению Б.Аягана, должны были быть переселены рабочие из Центральной России и Украины. Не очень понятно, откуда взято такое утверждение и тем более зачем нужно было приводить его в школьном учебнике. Непонятно, если не осознавать, что значительная часть современной казахской интеллигенции, в том числе и те, кто пишет учебники, — ярко выраженные националисты. И с ними ничего не может поделать и сам Н.Назарбаев, несмотря на все его не единожды декларируемое стремление к евроазиатской интеграции.

В учебнике «История Казахстана» для 11-х классов общественно-гуманитарного профиля представлен период истории Казахстана с XVIII века по настоящие дни. Согласно концепции авторов учебника, основное содержание этого периода, вплоть до 1991 года, составляет «национально-освободительная борьба казахского народа на пути к независимости». Эта формулировка является названием первого раздела учебника и подразумевает борьбу сначала против имперской власти России, а затем и СССР. С самого начала подчеркивается именно этническая составляющая российской власти. Прямо заявлено, что «национально-освободительная борьба казахского народа рождалась при столкновении двух цивилизаций, двух этнических систем». Соответственно определены и три периода национально-освободительного движения в Казахстане:

- конец XVIII — середина XIX века;
- начало XX века, восстание 1916 года;
- период советской власти.

Без приведения фактов и аргументов здесь делается весьма категоричное заявление: «...приведенные фактические материалы и выводы свиде-

тельствуют о сложном пути национально-освободительного движения казахского народа и о том, что даже тоталитарный режим не смог подавить стремление его к свободе».

Как видим, присоединение к России оценивается и в Казахстане, и в Киргизии достаточно негативно. В лучшем случае — как меньшее зло. И вряд ли вступление этих стран в ЕАЭС изменит что-то в уже сложившемся историческом сознании... Во всяком случае, если плотно не работать над этой проблемой.

Существенное изменение претерпела и ситуация в отношении к восстанию 1916 года. Особенно радикальны эти изменения в Киргизии. Если в советское время оно рассматривалось как элемент классовой борьбы, то в современной киргизской историографии вопрос о восстании обсуждается в залоге исторической вины России, а само восстание рассматривается как антироссийское и даже антирусское. Проведено несколько научных конференций, на которых были зафиксированы те оценки событий 1916 года, которые уже были даны в начале прошлого века, однако затем были скорректированы или игнорированы в более поздний советский период.

Эти оценки, предельно идеологизированные, написанные непрофессионально, зато с русофобских позиций, и легли в основу современного взгляда киргизских историков на восстание.

В широкий научный оборот старательно вводится информация о выселении киргизов с занимаемых ими земель. Ряд действий, предпринятых в этом направлении в ходе восстания, преподносится как система. Приводятся данные с максималистским числом жертв, достигающим якобы нескольких сотен тысяч человек. Разумеется, об убийствах мирных русских крестьян-переселенцев при этом умалчивается...

Справедливости ради надо отметить, что не все киргизские историки стоят на антироссийских позициях. Так, Шаиргуль Батырбаева, доктор исторических наук Киргизского национального университета имени Жу-

супа Баласагына, озвучивает совсем другие цифры и точку зрения. По ее мнению, во время самого восстания погибли 4 тыс. киргизов, то есть столько же, сколько было убито русских поселенцев — преимущественно женщин, стариков и детей. Всего же прямые и косвенные потери, в основном из-за панического бегства в Китай спасающихся от мести русских киргизов, составили 33,6 тыс. человек. Исследовательница, исходя из этих цифр и порядка развития событий, отрицает «геноцид» со стороны российской армии, как пытаются доказать киргизские националисты. У нее хватило смелости сделать и заявление о причинах «жестокости» русских: когда «отряды, присланные для усмирения бунта, увидели посаженные на вилы головы русских женщин и детей, то их реакция была соответствующая». К сожалению, такие ученые-объективисты не в большинстве среди современных киргизских историков.

Восстание занимает одно из ключевых мест в новой и новейшей истории Кыргызстана. В учебнике для 11-го класса этому событию посвящено семь страниц (еще две страницы — Андиганскому восстанию 1898 года) — целый параграф. Для сравнения: параграф, посвященный Великой Отечественной войне, занимает лишь восемь страниц.

Как же описывается это восстание в учебнике? Какое представление формируется у старшеклассников о России и русских?

Сразу же говорится о «русификации Туркестана как основе колониально-националистической политики», о «произволе при расселении» русских переселенцев. Используются приемы, направленные на ложные ассоциации, — например, говорится, что русские покупали у киргиз ягнят по 80 коп. и телят по 1,5 руб., игнорируя, что это были вполне приличные деньги по меркам России, а мясо в регионе стоило дешево, и т.д.

Говорится о Первой мировой войне и о том, что участие в ней «легло тяжким бременем на плечи и без того угнетенного колонизаторским режимом»

населения Киргизии. Далее идет прямая ложь, что «от трудностей, павших на все народы, кыргызы не были освобождены». Как раз от призыва в армию киргизы были освобождены, а «героические повстанцы» убивали жен и детей ушедших на фронт поселенцев...

Более чем щадящий указ царя призвать часть мужского населения для работ во фронтовом тылу привел к тому, что, по мнению автора учебника, «народ был вынужден подняться с оружием в руках на открытую освободительную борьбу». Далее подробно излагается ход восстания, приводятся имена пяти героев и предводителей восстания, выделенные жирным шрифтом для запоминания учащимися. Акцент делается на описании боевых действий, и только редкие упоминания о том, что восставшие «разгромили более 500 магазинов и лавок» в захваченном городе, показывают истинный характер восстания. Такого рода упоминания проскальзывают с советских времен, когда подобное поведение восставших считалось доблестью... Оттуда же и постоянные упоминания о «двойном гнете» киргиз — царским правительством и местными баями.

Вообще, в киргизских учебниках бросаются в глаза многочисленные советские клише. Это неудивительно — исторические исследования в Кыргызской Республике осуществляются силами историков, работающих в Институте истории Национальной академии наук и на кафедрах высших учебных заведений. В штате института в 2007 году работал 21 научный сотрудник, в том числе четыре доктора и 11 кандидатов наук. На тот момент в институте не было ни одного доктора наук моложе 60 лет, и только один кандидат наук был моложе 35 лет. Нет никаких оснований полагать, что за прошедшие годы что-то в этом вопросе изменилось к лучшему.

Именно поэтому «историческая концепция» по вопросу восстания, по сути, представляет собой пересказ советской концепции времен 30-х годов. Все те же «безграничная эксплуатация и невыносимый колониальный

гнет и грабеж со стороны царского правительства», и «тяжесть империалистической войны, тяжесть налогов, поборов и т.д. на военные цели целиком ложилась на плечи трудящихся Киргизии и отражалась на их материальном благосостоянии».

Но эта концепция вполне ложилась в лозунги политических сил национально-патриотического характера, неоднократно организовывались акции, призванные подчеркнуть необходимость «восстановления исторической справедливости», признания и фиксации «вины» России и исторической ответственности царствовавшей в России семьи Романовых за геноцид киргизского народа. Еще в 90-е годы была создана и активно работала политическая партия «Асаба», которая разрабатывала в политических целях вопросы истории, главным образом связанные с утверждением националистических приоритетов. И главными вопросами были присоединение к России и восстание 1916 года. По настоянию этой партии и ее последователей парламент Киргизии в 2008 году статуйровал как национальный праздник День памяти жертв восстания 1916 года.

С приближением к столетию восстания оно становится все более и более популярным в контексте антироссийской пропаганды. В 2013 году последовало обращение ряда политических сил и «гражданских активистов» к руководству республики*.

Оно содержало следующие требования:

1) издать указ президента КР о праздновании 100-летия Национально-освободительного восстания 1916 года (Уркун) на государственном уровне;

2) с целью реализации указа по постановлению правительства создать

---

* Это были партии «Уй куруучулар», «Кайран эл», «Эл учун» и «Асаба», общественные объединения «Улуу Курултай», «Кыргыз эл», «Кырк кыз» и «Кыргыз Чоролору», общества «АКОС», «БАТА», «Чабит», движения «Люстрация», «Ашар», «Манас эл» и «Объединенное национальное движение», фонды «Монгу» и «Манас Ата», центр «Кыргыз таануу».

комиссию в составе историков, археологов, писателей, аксакалов, определить мероприятия;

3) объявить конкурс на установление 100-метрового памятника к 100-летию на южных воротах города Бишкека;

4) установить 100 памятников и присвоить 100 улицам название 100-летия в районах, городах, айыл окмоту семи областей КР;

5) вторую часть — продолжение пешего хода «Омур кочу» провести до Китая;

6) организовать международные научно-практические конференции и экспедиции в составе историков, археологов, писателей;

7) снять фильм, посвященный 100-летию Национального восстания, выделить на это соответствующие средства; вернуть вновь в народную казну запрещенный фильм кыргызского народного артиста Д.Садырбаева «Кайран эл», показать по телеканалам;

8) объявить конкурсы на литературные произведения, драмы, песни, поставить в театрах;

9) построить мемориальный комплекс «Уркун ордо», музей, мечеть;

10) уточнить кыргызскую историю, обеспечить соответствующими учебными пособиями;

11) расценить резню 1916 года (не Уркун) как политику геноцида царской России, проведенную против кыргызского народа;

12) поднять вопрос выплаты компенсации (кун-выкуп) Российской Федерацией Кыргызстану за невинно принесенных в жертву (убиенных) предков в Национально-освободительном восстании 1916 года;

13) принять к действию донесение информации до международного сообщества о политико-историческом значении Национально-освободительного восстания 1916 года на русском, английском, китайском и других языках.

Как представляется, пункты № 10–12 прямо противоречат интересам Российской Федерации. Отметим, что опубликовано это воззвание было в одной из старейших и крупнейших киргизскоязычных газет Кыргызстана.

Конечно, правительство А.Ш. Атамбаева, явно взявшее курс на политическое и экономическое сближение с Россией, игнорирует такого рода петиции. Но очевидно, что давление объединенных сил киргизских националистов и прозападных либералов будет только нарастать.

В 2014 году неизвестные раздавали в микрорайонах Бишкека листовки, призывающие в честь грядущего 100-летия восстания отомстить русским. Организуются памятные мероприятия, на которых, как о чем-то, что не может быть подвергнуто сомнению, говорится о 250 тыс. жертв «русских карателей». На тех же, кто позволяет себе поставить эти цифры под сомнение, оказывается моральное давление — вплоть до обвинений в разжигании межнациональной розни.

В 2016 году следует ожидать раскрутки этой темы, научных и околонучных конференций и «круглых столов», посвященных ей, и вполне возможных массовых манифестаций. Здесь имеется раскрученный общественно-политический бренд, воспринимающийся как справедливый молодежью, воспитанной описанными учебниками и частью старшего поколения. Вокруг темы уже сложилась политическая массовка, располагающая в том числе и группами, способными действовать в условиях уличных беспорядков, что представляет дополнительную опасность.

Надо также помнить, что, хотя в соседних Казахстане и даже Узбекистане эта тема не очень раскручена политически, это может быть сравнительно быстро изменено с опорой на наработки местных историков-мифотворцев.

Таким образом, можно уверенно заключить, что тема восстания 1916 года в настоящий момент самая политически актуальная из всех рассмотренных исторических мифов в плане краткосрочных угроз интересам России на территории Центральной Азии.

Из сказанного можно сделать вывод, что становление новых государств в Центральной Азии сопровождается стремительным созданием там своих

национальных мифов, важнейшим компонентом которых служит нарратив о великих предках. Как неоднократно бывало в других регионах мира, такой нарратив выстраивается по модели национального превосходства. Место главного героя истории занимает местный титульный народ. Отныне именно его предкам предназначено совершать великие подвиги, создавать выдающиеся культурные достижения и, что немаловажно, оказывать влияние на предков тех, кто доминировал в предшествующую историческую эпоху, которую непременно объявят «колониальной».

В этот период создается и «галерея мучеников и героев», а также анти-героев. По существу, создается новая концепция истории Средней Азии, которую можно назвать концепцией этнической исключительности. Ключевыми моментами этой концепции независимо от этнической принадлежности (иранской у таджиков или тюркской у остальных государствообразующих народов региона) того или иного ученого являются следующие моменты.

1. Признание своего народа древнейшим народом этого региона, обладателем древнейшей государственности в Центральной Азии, также весьма древним является и его самоназвание.

2. Гипертрофированно-максималистский ареал территорий расселения своего народа и его «естественных границ».

3. Возвеличивание своего народа и принижение культурно-исторической значимости других народов. Свой этнос выполняет миссию цивилизованного народа по отношению к другим, «варварским» народам.

4. Самый опасный — поиск «исконного» врага своего народа.

К счастью, с этого направления интересов России в Центральной Азии напрямую ничего не угрожает. Русские воспринимаются как «исторические враги» только достаточно маргинальными группами казахских и киргизских националистов, которым не дают развернуться собственные правительства. Но следует отметить, что в Казахстане эти националистические кру-

ги поддержаны значительной частью гуманитарной и технической интеллигенции. И в случае изменения внутриполитической ситуации у националистов есть проработанные антироссийские концепции, с которыми можно претендовать на цивилизационный разворот Казахстана.

Вообще, возрожденная идея пантюркизма, распространяемая как в кругах интеллигенции тюркских народов Центральной Азии, так и в среде простого народа, представляет хоть и отдаленную, но реальную опасность окончательного выпадения этих республик из орбиты цивилизационного влияния России. В этом главная угроза «поиска великих предков» в исполнении историков Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана.

Что касается Таджикистана, то сформированный Э.Рахмоном и местной интеллектуальной элитой национальный миф глубоко дружественен России. При этом он глубоко враждебен узбекской национальной парадигме, что тоже может быть использовано на соответствующем направлении внешней политики.

Из исторических проблем, разрабатываемых историками Центральной Азии, актуальный конфликтный потенциал в краткосрочной перспективе имеют немногие. Это прежде всего проблема присоединения тех или иных земель Центральной Азии к России и так называемое Среднеазиатское (Степное) восстание 1916 года.

Обе проблематики наиболее актуальны в Казахстане и Киргизии. Тематика присоединения к России и якобы последовавших вслед за этим национальных трагедий глубоко прорабатывается казахскими историками и может быть использована местными националистами для дискредитации идеи ЕАЭС и проектов более широкой интеграции. В Кыргызстане эта проблематика менее проработана и менее актуальна вследствие экономического положения республики. Для нее ЕАЭС и сотрудничество с Россией слишком очевидное благо, чтобы его перевесили общеполитические исторические рассуждения.

НАТАЛЬЯ ЛАКТИОНОВА

ЕВРОСОЮЗ И РОССИЯ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

Наталья Яковлевна Лактионова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН.

Автор работ по социально-политической и международной проблематике.

В журнале «Москва» была опубликована ее статья «Уготован ли России “либеральный рай”?» (2002).

ПУБЛИЦИСТИКА

Глобальный проект Запада и антиглобализм России

Современный мир, вовлеченный в сферу влияния западной цивилизации, переживает тяжелейший кризис, который носит глобальный характер. Существующие серьезные угрозы связаны в первую очередь с неспособностью Запада пересмотреть парадигму мирового развития и отказаться от строительства универсального мира.

Победа западного либерализма оказалась пирровой, либеральная идея — скомпрометированной. Тенденции мирового развития стали еще более неопределенными, а система международной безопасности оказалась разрушенной. Несмотря на незавидное положение современной России, она может восстать, как птица Феникс из пепла, и выдвинуть альтернативный западному проект общественного развития. И это свойство России хорошо известно западным идеологам.

Стремясь воспрепятствовать усилению России, Вашингтон всегда стремился вытеснить ее из Европы. В эпоху крушения биполярного мира — это одна из причин лихорадочного расширения Евросоюза и НАТО — застолбить восточноевропейские страны под своей крышей, дать им увязнуть в своей системе ценностей, пока не опомнилась Россия.

Несмотря на немалые усилия российской элиты привести страну к общеевропейскому знаменателю, Россия по-прежнему олицетворяет для западноевропейской политической элиты чужеродный элемент. При этом православная Россия оказалась для нее едва ли не в большей степени неприемлемой, чем Россия коммунистическая. И очень скоро после краткой эйфории, связанной с разрушением СССР, европейский мир вновь вернулся к привычному состоянию — нагнетанию истерии вокруг несуществующей «русской угрозы» и безудержной критике России. Помимо откровенной лжи, есть, к сожалению, и немало соответствий с действительностью. Так, например, на протяжении

многих лет Россия фигурирует в европейской прессе преимущественно как страна коррупции и чиновничьего произвола.

Заметим попутно, что с обретением активности РФ во внешней политике наряду с привычными дремучими антироссийскими клише ряд крупных западных изданий* нашли в себе силы признать военную значимость проводимой Россией операции в Сирии. Относительно мнения простых европейцев сошлемся на показательные данные французской «Le Figaro», журналисты которой опросили порядка 55 тысяч своих подписчиков. Подавляющее большинство (93%) высказалось за участие России в борьбе с Исламским государством. Можно назвать это народной поддержкой французов борьбы России против ИГИЛ, а значит, и за европейское благополучие.

Наличие Советской России во многом сдерживало экспансионистский характер западноевропейской политики. В результате обрушения СССР был дан мощный импульс очередному глобальному проекту в лице либеральной демократии. Имперский антиглобалистский проект всегда был связан с Россией. Хорошо известны многочисленные высказывания одного из главных идеологов современного атлантизма З.Бжезинского, видимо пережившего личный триумф в связи с дезинтеграцией советской империи: «Россия будет раздроблена и под опекой», «Новый мировой порядок будет строиться против России, за счет России и на обломках России», «Россия — это... лишняя страна» и прочее. А вот другая цитата господина Бжезинского: «Россия может быть либо империей, либо демократией, но не может быть тем и другим. Если Россия будет оставаться евразийским государством, будет преследовать евразийские цели, то останется имперской, а имперские традиции России надо изолировать. Мы не бу-

дем наблюдать эту ситуацию пассивным образом. Все европейские государства и Соединенные Штаты должны стать единым фронтом в их отношении к России»*. Как видим, и в этом случае роль объединенной Европы направлена против России, и она выступает все в том же отведенном ей качестве — приводного ремня США.

Специфика европейской и русской цивилизаций

Вспомним, что становление европейской цивилизации было связано с уничтожением народов и культур: известна трагическая судьба коренного населения Северной Америки, славян — в Германии, кельтов (бриттов) — в Англии и т.п. На современном этапе Запад, патронируемый США, не изменил экспансионистской природы. Долгое время он действовал под лозунгом «гуманитарных, общечеловеческих ценностей», даже прибегая к прямой агрессии. Югославия, Ирак, Ливия... На повестке дня — Сирия, где цивилизованными варварами, а позднее их орудием — ИГИЛ планомерно расчищалось поле для неоязычества. Шло прямое наступление на христиан, христианскую культуру, в том числе и на традиционный ислам. Тогда по приглашению законной сирийской власти в Сирию пришла Россия... Мировому гегемону не получилось изолировать Россию. Она здесь, в Сирии, вернулась в мировую политику в качестве определяющей ее мировой державы, выполняя веками привычную для нее историческую миссию — защиты слабого.

Здесь, видимо, следует оговориться, что, к сожалению, следуя привычному за последние десятилетия «западному вектору», Россия не помогла симпатизирующей ей Ливии, совсем недавно одной из самых стабильных

* Американское издание «Daily Beast», немецкое «Der Spiegel», английская «Financial Times», французская «Le Figaro» и др.

* Бжезинский З. Россия — это вообще лишняя страна. doi: <http://politikus.ru/articles/1466-bzhezinskiy-rossiya-eto-voobsche-lishnyaya-strana.html>.

и благополучных африканских стран. В тот момент Российская Федерация поддержала резолюцию Совета безопасности ООН о создании бесполетной зоны в Ливии. Это постановление СБ ООН стало легитимным основанием для вмешательства НАТО во внутренние дела суверенного государства. Тогда еще можно было упредить масштабную трагедию на Ближнем Востоке.

Повлиять на ситуацию пытался телеграммой (к президенту Дмитрию Медведеву) чрезвычайный и полномочный посол РФ в Ливии Владимир Чамов. Отставленного от должности бывшего посла поддержавшие его москвичи встречали в аэропорту как героя. Позднее появилась информация, что посол России в Ливии не просто низложен, а разжалован во всех чинах, званиях и наградах. Действия главы государства в связи с собственной отставкой В.Чамов комментировать отказался. Однако приведем его высказывания относительно государственной политики уничтоженного Западом героического ливийского лидера Муаммара Каддафи: «...в Ливии гражданам свободно предоставлялись беспроцентные кредиты для строительства жилья на двадцать лет, литр бензина стоил 10 центов (три рубля на наши деньги), еда почти вообще ничего не стоила, а новый корейский джип KIA можно было приобрести всего за семь с половиной тысяч долларов. Теперь этой страны больше нет»^{*}.

Несколько слов об ИГИЛ. По мнению экспертов, это образование является ключевым элементом отвратительной «двойной игры», организованной Западом. С одной стороны, террористы ИГИЛ изображаются как «главный враг», а с другой — Запад использует их как «стратегические ресурсы» для уничтожения не соответствующих западным демократиям суверенных государств. По словам

натовского генерала Уэсли Кларка, США планировали сменить режим в семи странах в течение пяти лет: в Ираке, Сирии, Ливане, Ливии, Сомали, Судане и Иране. Предполагалось распространение войн, грабежей, хаоса, а также создание марионеточных режимов — все это часть западной военной доктрины.

В такого рода геополитических играх мировым глобалистам нужна единая Европа, управляемая и предсказуемая.

Вернемся к России. Ее цивилизационная модель всегда предполагала наличие разнообразия. В составе России сохранялись этносы, веками проживавшие на ее территории. Если бы народы советской Прибалтики имели европейскую судьбу, то их ждала бы участь пруссов, превратившихся из субъекта истории в «этнографический материал». Финнам, ассимилированным шведами, Россия возвращала их язык и культуру; то же было с Лифляндией и Эстляндией, местные языки которых, подавленные немецким влиянием, возрождались с помощью России, и т.п. В настоящее время особенно актуально звучат идеи теоретиков евразийства об укреплении единства народов Евразии, обладающих единым «месторазвитием». И здесь определяющей является роль России, вернувшейся к собственным цивилизационным доминантам и своему историческому опыту.

Евросоюз: проблемы и противоречия

Принятым в Европейский союз латышам и эстонцам сегодня позволено быть государствами, имеющими институт «неграждан», благополучно игнорируя исполнение своих международных обязательств. Ничего подобного не позволяла себе Россия с ее благотворительной миссией по отношению к входящим в нее народам.

Наличие сильной России в мире позволяло сохраняться *славянской идентичности*. В то время как весьма

---

^{*} Режим Каддафи может продержаться три-четыре месяца: Интервью бывшего посла РФ В.Чамова «МК» // Московский комсомолец. 2011. 24 марта.

условный* «европейский дом», в который вступили государства Центральной и Юго-Восточной Европы, предполагал отказ от традиционной самобытности и значительную степень унификации и этих стран. Последнее, естественно, не может вдохновлять народы, реальной перспективой которых становится потеря национального лица. Не способствует единению ЕС и то обстоятельство, что граждане новых членов Евросоюза отнюдь не являются теми классическими европейцами, которые породили либеральную идею и ставшие суррогатами западноевропейские ценности, упорно навязываемые остальному миру в качестве безусловных.

Демократия в странах Центрально-Восточной Европы носит преимущественно фасадный характер. Авторы научного исследования, посвященного анализу политических процессов в государствах Центрально-Восточной Европы, отмечают, что на фоне резкого социального и материального расслоения растут общественные разочарования в этих странах. Получает все большее распространение неформальная, незаконная и антиконституционная практика. Государство перестает быть суверенным, передавая Европейскому союзу свои полномочия. Радикально расширяются общественные сферы, на которые национальная власть не имеет влияния. В этой ситуации гражданские права становятся все более иллюзорными. Не существует надлежащих каналов артикуляции интересов и механизмов контроля обязательств по линии «национальная власть — гражданин».

Другая сторона для новых членов ЕС — Североатлантический альянс. Вошедшие в НАТО страны оказались статистами в амбициозной и рискованной политической игре их безальтернативного лидера. Здесь уместны параллели с теми временами, когда армии оккупированных стран вынуждены были воевать на стороне победителя. Перспективой новых членов

альянса тут же стала война за американские интересы в странах, отвергающих «демократию» по-американски.

Раздражение населения против уготованной им политической судьбы проявилось, например, в странах Балтии, где вступление в ЕС и НАТО далеко не так единодушно воспринималось гражданами, как это принято считать. Симптоматично, что в Литве, например, вступившей в альянс в марте 2004 года, НАТО тут же получило и своих пострадавших. Здесь были зафиксированы повторяющиеся случаи избиения натовских военных, вплоть до отправки пострадавших домой. В ответ на это натовское командование вынуждено было издать распоряжение своим военнослужащим поодиночке по литовским улицам не ходить.

Характерно, что бывшие союзники СССР—России по Варшавскому договору, проверив эмпирически западную «демократию», видимо, не слишком вдохновились ею. Идею социальной справедливости оказалось не так просто вытравить из сознания населения этих стран. Термин «ностальгия» применительно к государствам Центральной и Юго-Восточной Европы широко вошел в обиход и стал неотъемлемым фактором, характеризующим социальные процессы в этих странах. Даже газета «New York Times» вынуждена была констатировать феномен «остальгии». Этот неологизм родился в Восточной Германии — бывшей ГДР и дословно обозначает тоску по «осту», по разрушенному прошлому в странах так называемого социалистического лагеря.

О расширении Евросоюза и о проблемах, с этим процессом связанных, немало говорилось на различных уровнях. Однако тон высказываний и прогнозов сегодня становится все более тревожным. Евросоюз вобрал в себя множество проблем и неразрешимых противоречий. Существует огромная пропасть даже между двумя частями единой Германии. И это кажется символичным. Единение ЕС на фоне так и не состоявшегося единения (ментального, социального, культурного) двух частей главного локомотива Евросоюза — Германии выглядит все более утопичным.

---

* Периодически стоит вопрос о вступлении в Евросоюз такой «европейской» страны, как исламская Турция, и даже дискутируется принятие в ЕС Израиля.

Тактика глобализма

Задачи реализации глобального проекта предполагали разновекторную направленность. Речь идет об *интеграции* Европы как ближайшей идейно-культурной союзницы США, внедряющих свою глобальную идею в жизнь, и *дезинтеграции* Евразии, истари контролируемой Россией. Разные методы и подходы предполагают единую цель — резкое ослабление и уничтожение государственности на подвластных и управляемых территориях.

Со временем становится все более очевидным, что расчленение СССР имело сценарный характер. Между тем распад империи вовсе не был предопределен. Он оказался спровоцирован необъяснимыми с позиции национальных интересов действиями первых лиц государства. Если абстрагироваться от прочего, то только референдум, проведенный в марте 1991 года, несмотря на мощную идеологическую обработку населения, показал: 76,4 из 80% (!) населения, участвовавшего в голосовании, выразили желание оставаться гражданами СССР, что свидетельствует о насильственном развале исторической России, которая всегда стояла на пути поглощения человечества западной потребительской цивилизацией.

В свою очередь, объединение Европы скорее представляло собой поэтапно организованную подготовку к ее более жесткому подчинению своему лидеру и своей карикатуре — США. Европа стала одной из *первых жертв глобального мира, стремительно теряющей свою идентичность*. Утратив присущую ей гибкость, она оказалась жестко детерминированной в структуры НАТО, увязла в плену системного кризиса и безликих универсалий... Все это делает перспективы общего европейского дома отнюдь не радужными.

И еще: если Евросоюз — самая доступная для США цель в претворении в жизнь идеи глобализации по-американски, то объединение постсоветского пространства могло бы стать весомым противовесом глобальному проекту — своеобразным *антиглобаль-*

ным проектом. Тем более что со временем все нагляднее проявляются тенденции, свидетельствующие о серьезных разногласиях в странах «золотого миллиарда». Поблекшая идея Европы во главе с США уже давно вызывает вопросы среди самих европейцев, которые, руководствуясь здоровым инстинктом самосохранения, пытаются дистанцироваться от глобалистского вектора и разгула демократии по-американски. Достаточно вспомнить миллионную демонстрацию в Европе в пользу традиционных ценностей, как это было в Париже, например, или принятие революционной христианской Конституции в Венгрии, отвергающей мультикультурализм и толерантность. Показательны и сотни тысяч демонстрантов в Берлине против заключения соглашения о свободной торговле и инвестиционном партнерстве между США и ЕС (ТТИР).

Напомним, что Россия как государство и в первую очередь Русская Православная Церковь активно выступают против гендерных законов, солидаризируясь со здоровыми силами в мире.

И еще: Европа отнюдь не едина. Государства, вошедшие в Европейский союз, имели между собой длительные войны. Страны эти разделены в пространстве на атлантические и континентальные. Их не объединяет теперь и наименование «христианская Европа», так как Евросоюз в проекте своей конституции отказался от христианских ценностей. Символично, что при возникших трудностях (в немалой степени — следствием европейской политики) вошедшие в ЕС страны с готовностью продемонстрировали стремление укрыться за национальными границами, и даже не совсем судьбоносный вопрос квот по приему мигрантов встал столь остро, что и он внес дополнительные разделения в единой Европе. Напомним в свою очередь, что проверкой на прочность советских республик была (во всяком случае, в XX веке, но можно заглянуть и в глубь веков с тем же результатом) Великая Отечественная война, когда единым многонациональным кулаком Россия

отбросила оккупантов, освободив при этом (в который раз!) и Европу, которая в лице своей элиты по-прежнему остается «столь же невежественна, сколь и неблагодарна». Правда, до сих пор свет и величие победителей помнят европейские старики и свободные от манипуляции сознанием представители следующих поколений. Таким образом, создание искусственного образования, каким является Евросоюз, не стоит сравнивать с наметившейся реинтеграцией евразийского пространства, где народы имели вековую общую судьбу — общие беды и победы и общую сильную государственность.

Для того чтобы объединить мир в угоду корпоративным интересам, транснациональный капитал его предвзятельно расчленяет, превращая в зависимые, подвластные ему территории. В свое время под влиянием Запада российские власти инициировали развал Советского Союза. (В этом отношении показательна известная история со звонком после подписания Беловежских соглашений Первого российского президента главе США — Дж. Бушу-старшему.) Прежде чем оказаться в объединенном ЕС, несмотря на референдум в пользу единения, была расколота на две страны Чехословакия. Результатом иезуитской многоходовки расчленена Югославия.

Россия и новый алгоритм мирового развития

Напомним, что конструирование глобального мира — это не только *ограбление стран, отнесенных финансовой олигархией к мировой периферии, но и духовная власть над ними*. Россия всегда была препятствием на пути распространения потребительской западной цивилизации. Именно поэтому много здоровых сил на земле ждут пробуждения России, которая по-прежнему **остается крупнейшей геополитической державой мира**. И это несмотря на разрушительные процессы, механизм которых был запущен в стране, когда она встала на порочную дорогу «мировой цивилизации»!

Россия в хвосте американской политики — губительная ситуация для всей мировой безопасности в целом. Миру нужна Россия, способная дать новый алгоритм современного жизнеустройства.

Сегодня, с высоты постсоветской истории и попытки установления одномерной мировой американской гегемонии, отчетливо видно, насколько важна роль России в поддержании мирового геополитического равновесия. Ни единая Европа, вновь возводящая национальные границы внутри ЕС, ни бывшие советские республики, многие из которых по-прежнему остаются квазигосударствами, не обрели ни стабильности, ни процветания. Более того, наиболее ярко выраженная трагедия современной Украины на постсоветском пространстве — это трагедия развала империи. Учитывая нарастание новых вызовов и угроз для новых государств Евразии, все определеннее стоит вопрос о защите интересов евразийского пространства как целого. Логика географии сегодня вполне подкрепляется логикой истории и многолетнего единого существования народов Евразии в рамках одной государственности. Однако подлинная интеграция требует смены модели развития, в первую очередь от самой России, которая, несомненно, является основным игроком на постсоветском пространстве.

Идея «евразийских скреп» возрождается. Через механизмы евразийской интеграции современная РФ пытается возродить и собственную геополитическую субъектность. Евразийский экономический союз с трудностями, но создан и функционирует. Открывается путь для более глубокой интеграции. Напомним попутно, что евразийский союз — давняя идея мудрого политика советской школы Нурсултана Назарбаева, который выдвинул ее еще в 1994 году. Однако реализацию она получила, лишь когда этот путь стало осознавать как необходимый политическое руководство России.

Собирание постсоветского пространства, за которое Россия несет историческую ответственность, есть

не только задача выживания новых государств Евразии, но и возможность разорвать связанную с американским глобальным проектом узду, которую представители мирового корпоративного капитала пытаются накинута на человечество, превратив тех, кого они определяют к выживанию, в неких «цивилизированных кочевников»*, не знающих ни родины, ни семьи, ни веры.

И важнейшее — Крым, особая веха на непростом пути возвращения суверенитета в государственную политику России.

Сегодня опыт многих стран демонстрирует всему миру крах монетаристской модели, которую все еще пытается копировать продолжающая оставаться у руля влиятельная часть российского истеблишмента. Внутренняя политика России во многом по-прежнему либерально-монетаристская, однако необходимость смены существующего вектора развития страны диктуют уже состоявшиеся новые очертания внешнеполитического курса России, пусть и во многом вынужденного, как ответ на угрозы и вызовы со стороны западного мира.

Слово за «великой и полной будущей страной»

Идеи универсального мира, основанного на человеческой гордыне, со времен строительства Вавилонской башни не покидают заблудшие умы человечества. Заметим попутно, что в самих США на рубеже веков появился целый ряд выдающихся критиков** глобализации как процесса. О ском-

прометировавшей себя во многом идее глобализации стали в значительно меньшей степени рассуждать эксперты и политологи, но процесс реализации глобального проекта, во многом утративший тотальную неизбежность, как это преподносилось в 90-х годах, все-таки не сходит с повестки дня. В конечном итоге глобальный проект предполагает реализацию старой как мир идеи *господства и подчинения* с закреплением вопиющего неравенства под видом обещанного равенства через доступ к информации, технологиям и эффективности.

Поиск альтернативы западному глобальному проекту с его перспективой «заката» человечества, рассчитанному на подчинение, дестабилизацию и дебилизацию всего мира, по-прежнему актуален. И Россия с ее глубокими национальными и культурными традициями, неагрессивностью по отношению к другим народам и культурам способна играть ведущую роль в этом процессе. Новая геополитическая идея и самостоятельная роль России могут изменить, как это уже не раз бывало, тенденции мирового развития и возродить сильную державу. Тем более что значительная часть населения земли устала играть по правилам, расписанным Вашингтоном.

В заключение, видимо, будут уместны слова выдающегося европейца — австрийского поэта Райнера Марии Рильке: «Соедините меня как угодно с Вашей великой и полной будущей страной, в которую я верю каждой частицей своего чувства...»*

* Термин Ж.Аттали, бывшего директора Европейского банка реконструкции и развития, одного из разработчиков концепции мондиализма.

** В первую очередь Б.Барбер, Д.Кортен, Г.Дэйли, П.Бьюкенен. Можно назвать также председателя международного отдела крупнейшего американского профсоюзного объединения АФТ–КПП Дж. Маэура. В Европе наиболее выдающимся теоретиком контрглобализма является Дж. Голдсмит.

* Из письма С.С. Суворину, редактору и издателю журнала «Новое время» (цит. по: *Роднянская М.* Райнер Мария Рильке: Притяжение России. doi: <http://www.istina.religare.ru/article373.html>).

ВЛАДИМИР ЮДИН

ОБО ВСЕМ У НЕГО БОЛЕЛА ДУША...

Владимир Александрович Юдин родился в 1947 году в станице Губской Краснодарского края. Окончил Армавирский государственный педагогический университет и аспирантуру Московского областного педагогического университета. Доктор филологических наук, профессор. Заведующий кафедрой журналистики Тверского государственного университета.

Постоянный автор газеты «Советская Россия», журнала «Молодая гвардия», а также многих региональных изданий.

Лауреат литературных премий им. В.С. Пикуля, журнала «Молодая гвардия» за серию острых патристических публикаций в защиту русской духовности и культуры.

Член Союза писателей России, академик Петровской академии наук и искусств, заслуженный работник высшей школы РФ.

КУЛЬТУРА

30 марта 1995 года во Франции, на знаменитом кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где покоятся многие русские эмигранты разных поколений, хоронили Владимира Емельяновича Максимова (родился в 1930 году), видного русского писателя, правозащитника, основателя и редактора журнала «Континент». Он умер в Париже, не дожив до 65 лет, буквально сгорел за несколько месяцев.

Немало писателей-соотечественников приехало в Париж, чтобы поклониться памяти великого сына России и проститься с ним.

Один из его романов называется «Заглянуть в бездну». Он тоже заглянул в бездну, потому что столько, сколько он пережил за свою жизнь, — это поистине заглянуть в бездну преисподней. Тем не менее он остался человеком высокой нравственности, щедрым на доброту, полным милосердия. Он был верующим, православным человеком; может быть, Бог помогал ему оставаться на высоте добра, справедливости, надежды.

Имя Владимира Емельяновича, отмечали коллеги по перу, останется в русской литературе, в нашей памяти. Это был человек, прошедший со своей страной через страдания, он является частью многострадальной России.

В России с писателем прощались в Москве. В храме Успения Богородицы собрались его близкие, друзья, коллеги по работе в журнале «Континент», журналисты, актеры, просто читатели. Панихиду служил настоятель храма отец Георгий Кочетков. «Дай Бог нам, совершая молитву о рабе Божьем Владимире, не забывать, что Бог любил в нем и через него...»

«Как писатель он остался не только в истории русской литературы, скажем хотя бы романом “Семь дней творения”, он остался в истории Российского государства — как Герцен со своим “Колоколом”, так и Владимир Максимов со своим журналом “Континент”. “Континент” — единственный в течение 17 лет гло-

ток свободы и честного слова. 36 лет моей собственной жизни проведены рядом с ним. Я всегда был рядом с ним, вернее, он был рядом со мной. Я его очень любил. Он был добрый, верный человек. Пожалуй, из моих друзей, во всяком случае писательского круга, он был самый верный, самый всегда готовый прийти на помощь советом, делом. Таким был Максимов Володя...» (*Никита Струве*. Из выступления на похоронах В.Е. Максимова).

«Я много раз с ним встречался. Я его не запомнил как лидера, как главного редактора. Я запомнил его как писателя и как человека. Я не скажу, что мы были во всем согласны, во всем совпадали, но это был русский человек, со всеми бедами, которые нам присущи, не было такого момента в русской истории, которые он не переживал бы, не переживал бы как писатель, как русский человек, который, несомненно, причастен ко всему, обо всем у него болела душа...» (писатель Сергей Залыгин).

Последние двадцать лет жизни Максимова прошли в эмиграции, но, как говорил сам писатель, он никогда не был эмигрантом в полном смысле этого слова, ибо в мыслях и чувствах своих всегда неизменно оставался с Россией, для него существовала только Россия. Вся жизнь его была трудным, очень часто — мучительным, но всегда бескомпромиссным поиском истины. Сын репрессированного троцкиста, он прошел через детские приемники и колонии, рано познал университеты жизни в горьковском смысле. Работал на стройках, в колхозе, на Севере, сотрудником в районной, республиканской газетах, на радио. Повороты судьбы его всегда были настолько крутыми, словно сама жизнь проверяла стойкость характера и прочность личности на излом.

После событий 1968 года в Чехословакии Максимов вышел из редколлегии журнала «Октябрь». После того как его отвергнутый издательством «Советский писатель» автобиографический роман «Чаша ярости» попал в

«самиздат» и вызвал необычайно широкий резонанс на Западе, писатель оказался среди диссидентов, но никогда, ни при каких обстоятельствах не разделял русофобских взглядов значительной части российской эмиграции третьей волны. По сути, его вынудили покинуть Родину, но не смогли отлучить от Родины.

Не могут не восхищать твердость и последовательность Максимова-гражданина — истинно русского патриота, честного и бескомпромиссного художника слова. Факты, жестокие реалии смутных 90-х годов, трагедия России — вот что стояло в центре духовно-нравственных исканий писателя. Приспособленчество, политическую конъюнктуру, мещанское благополучие он глубоко презирал и отвергал.

В последние годы пламенная публицистика В.Максимова об острейших противоречиях и конфликтах России на переломе веков чаще всего печаталась на страницах «Правды», «Советской России» и других «левых» изданий. В отличие от многих других писателей-эмигрантов третьей, анти-советской волны, «Максимов никогда не был пленником антикоммунистических убеждений. Он обладал редким в наше время мужеством — бесстрашием перед упрямыми фактами, реальностями жизни...» (Советская Россия. 1996. № 86. С. 3).

Благородные гражданские устремления, национально-патриотические взгляды Максимова нашли яркое художественное воплощение в целом ряде его романов, повестей и рассказов, среди них наиболее выразительным и актуальным, на мой взгляд, является нравственно-философский роман «Заглянуть в бездну» — о последней любви и трагической гибели адмирала Колчака. Адмирал Полярный, как звали Александра Васильевича в светских кругах Балтийского флота, бывший героический портартурец, отведавший японского плена, талантливый флотоводец, видный исследователь, именем которого назван остров в северных водах, почетный член Международного географиче-

ского общества... Разумеется, ни в какие советские энциклопедии эти сведения не вошли. Зато в избытке другие, в духе антагонистических классовых оценок недавнего прошлого: «один из организаторов контрреволюции в Гражданскую войну», «установил белогвардейский режим при поддержке Антанты», «опирался на местную буржуазию, кулачество и казачью верхушку», за что и был расстрелян...

По-человечески (вне «классового» социологизаторского идеологизирования) трагедия Колчака составляет одну из самых жутких и горьких страниц революции в России. Бывший командующий Черноморским флотом, всем известный герой Первой мировой войны, решительно поставивший перед собой цель очистить Россию от большевизма, Колчак принял в 1918 году предложение союзников организовать регулярную армию из бывших австрийских военнопленных чехословацкого происхождения.

Союзное командование рассчитывало, что популярному в воинских кругах адмиралу удастся восстановить противогерманский фронт. После заключения перемирия союзники потеряли всякий интерес к этому предприятию, а между тем Колчак стоял во главе значительной армии, которая успешно противостояла большевикам. Около 8000 чехословаков наотрез отказались воевать — они требовали возвращения на родину. И большевики выразили согласие на пропуск их до Владивостока и погрузку на пароходы, но... при условии выдачи адмирала Колчака.

Все эти подлые закулисные переговоры французского генерала Жанена с большевиками велись, понятно, в полнейшей тайне от Колчака. Жанен несколько раз давал адмиралу «слово солдата», что его жизнь — Верховного правителя России — находится под охраной союзников. В результате генерал Жанен с миссией союзников и чехословаки продолжили свой путь на восток, а адмирал Колчак был заключен в тюрьму в Иркутске и три

Владимир Емельянович Максимов

недели спустя, 7 февраля 1920 года, расстрелян.

Роман «Заглянуть в бездну» не только документально-историческая хроника, оперирующая строго выверенными фактами и событиями революционных лет. Это яркое художественно-психологическое полотно, раскрывающее трагическую судьбу русской интеллигенции в жестоких испытаниях национального безвременья. Адмирал Колчак олицетворяет ту ее часть, которая, никогда не имея отношения к политике, даже питая отвращение к ней, роковым образом оказалась в эпицентре политических страстей и сгорела в нещадном пламени гражданского кровавого пожара.

Колчак — представитель подлинной, высокодуховной военной русской интеллигенции, которая подверглась массовому террору в бескомпромиссном революционном противоборстве.

Последние, закатные дни жизни адмирала Колчака были освещены высокой любовью к Анне Васильевне Тимирёвой, которая отвечала ему

нежным, трепетным чувством и трогательным пониманием. До конца, до гробовой доски верная своему избраннику (она пережила адмирала на 50 лет), Анна Тимирёва вспоминала: «Он стоял, печальный и бледный, среди всеобщей разрухи, и не было вокруг ни одной души, способной понять его или помочь ему. Он был как новый Адам после светопреставления, сорокалетний Адам в поношенном адмиральском сюртуке с пятнышком Георгиевского крестика ниже левого плеча. У него никогда ничего не было, кроме чемодана со сменой белья и парадным мундиром, а ведь ему приходилось до этого командовать лучшими флотами России. Теперь им пугают детей, изображают исчадием ада, кроважидным чудовищем с мертвыми глазами, а он всю жизнь мечтал о путешествиях и о тайном уединении в тиши кабинета над картами открытых земель. На своем долгом веку я не встречала человека более простого и уживчивого. Он был рожден для любви и науки, но судьба взвалила ему на плечи тяжесть диктаторской власти и ответственность за будущее опустошенной родины...»

Нет, Колчак не идеализирован в романе. Он активный деятель и одновременно объективная жертва кровавого безвременья. Гражданская война диктует безоглядную беспощадность: согласно законам военного времени он приказывает расстреливать пленных большевиков («Или мы их перестреляем, или они нас»), вводит военное положение («Если я сниму военное положение, нас немедленно перестреляют большевики и эсеры»). В этом широком, многогранном человеке удивительно прочно слились взаимоисключающие качества, свойственные, быть может, только многосложной и противоречивой русской натуре со всей полярностью ее проявлений: отзывчивая доброта соседствовала с напускной суровостью, детское упрямство — с безвольной уступчивостью, редкостное великодушие — с крайней жестокостью. В этой мятежной противоречивости и таилась колдовская

притягательность глубоко русской души. Недаром все, кто знал близко адмирала, предавались ему самоотверженно, до конца, разделив с ним печальную участь...

В.Максимов пытается осмыслить глубинные причины революционного взрыва в России, и оттого его роман приобретает особый, актуальный для нашего времени смысл. «Когда вы опуститесь в самое начало, дойдете до самой сути, вы поймете, что при всей чудовищности этого вывода виноватых-то и не было. Каждый из нас в этом участвовал, — пишет он. — И большевики виноваты, и Сталин, и Ленин виноват. Соблазн равенством, чудом всеобщего благоденствия. В конечном же счете прикосновение к этому соблазну оборачивается трагедией...»

Конечно, можно упрекнуть автора в попытке как бы «примирить» правых и виноватых. Однако необходимо понять православно-христианскую мировоззренческую систему взглядов, коей неукоснительно следует писатель и в соответствии с которой строит свои умозаключения. Ведь должен же когда-нибудь нас научить здравомыслию трагический опыт собственной кровавой истории!.. Этот опыт, по мнению писателя, служит не для того, чтобы вновь и вновь разжигать и обострять трудноразрешимые социальные конфликты, чтобы не повторять ошибок предшественников: история — поучительный урок доброты, а не источник вечной ненависти, злобы и нескончаемого мщения...

Критик Владимир Бондаренко правильно определил сущность гуманизма романа «Заглянуть в бездну»: «Для Владимира Максимова главная точка зрения — точка зрения самого народа. Даже когда он ошибается, незачем высокомерно обвинять его, высмеивать его, унижать. Не мы ли сами навязывали народу то одну, то другую утопию, заставляли молиться на многих богов, сами при этом ни во что не веря. Мы подвели народ к бездне, а теперь стремимся отречься от него. Считаю принципиально важной эту позицию Владимира Максимова — покаяние ин-

теллигенции перед народом, а не наоборот».

Широкоизвестный новосибирский ученый и публицист, обстоятельно исследующий историю нашего Отечества, Валерий Габрусенко в статье «Черносотенцы» пишет: «О том, что революция (в России. — В.Ю.) была не русской и вовсе не в русских интересах, в ноябре 1905 года откровенно писал выходящий в Англии сионистский журнал “Маккавей”. Правительство проявило полное бездействие, что станет понятным, если принять во внимание политические взгляды его главы С.Ю. Витте. Мало того, многие “государевы люди” даже заигрывали с революционными погромщиками. В ряде городов, и даже в Москве, губернаторы приветствовали социалистов. В Уфе губернатор ходил с красным флагом по улицам, в Чите губернатор называл социалистов “партией порядка”, в Казани губернатор обещал убрать с улиц полицию. Как это все напоминает поведение ряда партийных вельмож в 1990–1991 годах! <...> Почти все газеты в стране имели антимонархическую (а следовательно, и антигосударственную) направленность, а их огромные тиражи обеспечивались деньгами международных банков и недалеких русских капиталистов, вроде Мамонтова, Морозова и Рябушинского. Эти чиновники, капиталисты, как, впрочем, и либеральные профессора, своими руками рыли себе могилу, в которую их тогда чуть не закопали (и все же закопали после 1917 года)» (см.: Память — Новосибирск. 2015. № 3. С. 1).

Столь же злобно, оголтело русофобски, подобно нашим нынешним западным «партнерам», вели себя и пресловутые «союзники» в годы Гражданской войны, начавшие цепь своих предательств в России. Один из представленных к Верховному правителю России союзнических эмиссаров французского эшелона «наблюдателей» наставляет своего младшего коллегу поистине иезуитски: «Дела этого господина, которого вы называете Адмиралом, и его ближайшего окружения интересуют меня постольку, по-

скольку это соответствует задачам моей страны. Даже если ему будет способствовать военное счастье, оно должно быть направлено в желательное нам русло. Любой его успех не может выходить за предусмотренные нами рамки, причем никогда и ни при каких обстоятельствах мы не смеем допустить, чтобы он забыл, кому обязан этим успехом. Его необходимо сделать сговорчивым и послушным. Если же счастье ему изменит, нам придется ускорить его конец и пойти на союз с другими движениями, но на таких же условиях...»

Понятливого французского капитана вдруг «обожгла догадка, что в мире существует сила, которая незримо стоит за спиной и генералов вроде Жанена, и стоящих за ними политиков, и даже за руководимыми этой публикой правительствами. И целая паутина этой силы дирижирует самыми, казалось бы, спонтанными людскими стихиями на земле, направляя их к какой-то никому не ведомой, но роковой цели».

Не столь наивен и Колчак, чтобы не понимать тех подлых интриг, что плетут вокруг него и его Отечества новые люциферы — «союзники». Потому-то он и связал до конца свою судьбу с роковой судьбой Отчизны, что ясно видел, какие черные тучи сгустились над Родиной. Он понимал: его борьба диктуется политическим романтизмом, реальных шансов на победу у него нет, ибо происходящее социальное безумие — это не просто бунт или даже революция, а нечто большее, судьбоносное, апокалипсическое: идет радикальная смена человека в человеке. И Россия только начало этой смены. «Ни Ленин, ни Троцкий тут ни при чем, будь они хоть семи пядей во лбу, им не дано изменить ничего в этом процессе, он протекает мимо их усилий, искусство их состоит только в том, чтобы удержаться на его поверхности, придет время — он поглотит и их, если они вовремя не успеют умереть своей смертью. В подобных катаклизмах, как при землетрясениях, нет правых и виноватых, есть только жертвы, вне

зависимости от места на баррикадах. Кто бы ни оказался победителем, им придется строить новые баррикады, уже друг против друга, и так до бесконечности, после чего победитель уничтожит самого себя, и тогда конец, сумерки богов, тьма: сегодня впервые в своей истории человек восстал не против социальной несправедливости, против самого себя...»

Как видим, эта философская концепция автора не внушает оптимизма. Впрочем, писатель не претендует на роль безоговорочного прорицателя и безапелляционность своих суждений. Он лишь предлагает свою версию исторической будущности заблудившегося человечества, которому оставлен лишь один шанс на спасение: мобилизовать остаток здравого смысла, духовно-нравственных сил и воспрепятствовать всеобщему хаосу и разрушению, но не через кровь и насилие, а через всепоглощающую и всепобеждающую христианскую любовь, через искупление всех и каждого перед всеми и каждым, но прежде — перед Господом. Как знать, может, в этом и есть наша православная вера и надежда на спасение?.. Во всяком случае, божеским заповедям неукоснительно следует героиня романа Анна Тимирёва. И это одухотворяет ее, помогает ей жить и преодолевать страшные физические и нравственные невзгоды.

«Я не сужу его убийц, они не ведали тогда, что творили, всем им впоследствии пришлось испить ту же чашу». В этом скорбном всепрощении возлюбленной Колчака таится непобедимая сила христолюбивой души, только одна и способная противостоять мракобесию зла и хаосу разрушения.

В самом деле, история платит сполна за деяния людей, преступивших Господни заповеди. Вот Чудновский — непосредственный расстрельщик Колчака (сам вскоре будет расстрелян в подвалах ЧК); вот Склянский, получивший приказ Ленина убить адмирала (в 1924 году снят с поста заместителя Реввоенсовета Республики, отправлен в США и уже там,

спустя год, утоплен чекистами в одном из многочисленных американских озер); вот Иван Смирнов — ретивый исполнитель расстрельных приказов, казненный в 1936 году; наконец, одна из верховных головок кровавых расправ, отъявленный русоненавистник Троцкий, получивший в роковой день 20 августа 1940 года смертельный удар по голове...

Историко-философское содержание романа «Заглянуть в бездну» многопланово и многопроблемно, отнюдь не исчерпывается исторической ретроспективой (сам Владимир Максимов в письме к автору этой статьи подчеркивал, что его роман к истории имеет весьма косвенное отношение, всецело нацелен на постижение драм и трагедий современности), насыщено актуальной и вместе с тем всевечной философской мыслью, соединяющей историю России с мировой историей. Решительно отвергая американизированный образ бытия с его культом силы, суперменства, жестокого индивидуализма, наживы и бездуховности, Максимов противопоставляет ему исторически сложившееся коллективистское сознание, идеи соборности, общинности, всеобщего благоденствия, издревле исповедуемые на Руси.

Большевики, захватившие власть, считает автор, навязали России антигуманную схему, в корне противоречащую ее национальному естеству, и привели страну к катастрофе, вытравив из православной души русского человека основополагающие черты его национального стереотипа. В этой связи вспоминаются размышления высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского: «Стоило поднять “железный занавес”, чтобы русский человек на собственном опыте убедился, каковы “блага цивилизации”: беспредельный цинизм и разнузданное бесстыдство хваленного “свободного мира” сегодня очевидны для любого наблюдателя, сохранившего хоть малую толику нравственной чуткости. На развалинах некогда христианских государств с помощью бесчисленных

международных банков, фондов, комитетов, совещаний и организаций лихорадочно возводится уродливая вавилонская башня “нового мирового порядка”. Ее строителям давно не давала покоя Россия. Длительное время именно русская держава являлась тем “удерживающим” (вспомним слова апостола Павла!), само существование которого не позволяло осуществиться “тайне беззакония”. Крепкая вера Руси и ее мощная православная государственность служат гарантиями того, что разрушительные социальные и религиозные движения не смогут достичь своих страшных целей».

Подлинное возрождение России начинается ныне с утверждения ее национальных, духовных и культурно-исторических ценностей и традиций, с укрепления гордости прежде всего государствообразующего русского народа и его веры в будущее, что прямым образом способствует национальному и культурному возрождению соцветия других народов страны.

Философские умозаключения Владимира Максимова также тесно и органично соединяются с идеями выдающегося русского философа-патриота

И.А. Ильина, который более, чем кто-либо, осознавал, что ни Запад, ни США не принесут России подлинного возрождения: никакие попытки копировать западный образ жизни, переносить приемы западной цивилизации на российскую почву не приведут к обретению национальной и государственной самостоятельности.

Жестокий прагматизм, пронизывающий все поры западной цивилизации, увы, не обошел стороной и Россию: во многом обусловил трагедию 1917 года, лишив общество великой объединительной национально-державной идеи. Отсюда понятна и объяснима та безоглядная благородная одержимость, с которой взошел на свою голгофу адмирал Колчак: его жертвенность подобна святой жертвенности Христа и неотделима от общей участи русского народа, нации, государства, православной веры.

Писатель В.Е. Максимов одним из первых в современной отечественной литературе не только вскрыл подлинные причины трагедии Гражданской войны, но и пророчески указал гуманистические пути развития России в контексте судеб мирового человечества.

Панорама русской культуры

в книжной лавке журнала «Москва»:

119002, Москва, Арбат, 20. +7 495 691 70 94, 691 71 10

Книжная лавка открыта с 11 до 20 ч. (в субботу с 12 до 18 ч.)

АЛЕКСАНДР ПОЛУБЕДОВ

ДОЧЬ ЛЕВИТАНА

Александр Петрович Полубедов родился в 1960 году в Липецкой области. Офицер запаса.

Занимается изучением биографий людей, внесших большой личный вклад в дело служения России. Свои материалы публикует в журнале «Биография» и в периодической печати.

Живет в Москве.

КУЛЬТУРА

О жизни великого художника Исаака Ильича Левитана, гениальной кистью воспевавшего красоту русской природы, сказано много. Однако никто из друзей Левитана, впоследствии написавших о нем, даже не упомянул о его дочери, хотя критик-искусствовед С.С. Голоушев, первый открывший Левитана широкой общественности, был с ней хорошо знаком, а Т.Л. Щепкина-Куперник была ее подругой. Причиной их молчания является таинственное происхождение дочери художника.

По прошествии времени многие тайны утрачивают актуальность. Их раскрытие уже не может никому повредить, поэтому можно и нужно рассказать о человеке, хотя бы потому, что он жил на свете. Тем более о дочери Левитана.

Софья Гославская... При этом имени вспоминаются первые годы немого российского кинематографа. Софья Евгеньевна Гославская, дочь известного драматурга Евгения Петровича Гославского, вошла в историю одной из первых отечественных киноактрис.

Но была и еще одна Софья Гославская. Софья Петровна Гославская — внебрачная дочь Софьи Петровны Кувшинниковой, ставшей прототипом героини чеховского рассказа «Попрыгунья» и художника Исаака Ильича Левитана.

В жизнь Гославских эта Софья вошла совершенно неожиданно, известие о ней прозвучало именно как гром среди ясного неба. Произошло это в августе 1901 года. Дело в том, что Петр Петрович Гославский, младший брат Евгения Петровича, удочерил эту девочку, дав ей свои отчество и фамилию.

Этот поступок Петр Петрович совершил по просьбе С.П. Кувшинниковой, с которой состоял в близких, дружеских отношениях, а также желая помочь дочери своего учителя и друга И.И. Левитана, умершего годом ранее. Софье в ту пору шел уже четырнадцатый год. Она до сих пор еще ничего не знала о своем отце, а с матерью познакомилась лишь незадолго до удочерения.

Кувшинникова родила ее в обстановке строжайшей тайны не толь-

*А.С. Степанов. И.И. Левитан
и С.П. Кувшинникова. 1887 год*

ко от своего мужа, но и от Левитана. Она любила Левитана и опасалась, что, узнав о ее беременности, он прервет с ней отношения. По обычаю того времени, внебрачную дочь называли по имени ее матери. По просьбе Кувшинниковой акушерка Ольга Петровна Киреева, принимавшая роды, отвезла младенца из Москвы в далекую деревню Заовражье и отдала своей знакомой, Марии Федосеевне Балашовой, на воспитание за небольшой пенсией. Произошло это в конце 1887 года.

От Балашовой Соня знала, что родители ее давно умерли и живет она на иждивении тетки круглой сиротой. Жили они скромно и просто: что в огороде сами вырастят, то и на столе, да пенсионная пятерка раз в месяц — вот и все их доходы. Тетка Соню не обижала, но и не слишком-то привечала. Так и росла она без материнской ласки, без отцовской защиты. А ребенком Соня была смышленным, толковым. В восемь лет нанялась пасти гусей — вот и самостоятельный заработок. Проявились и художественные способности, унаследованные от родителей. Рисовала соседским детям

такие забавные картинки, что люди удивлялись ее фантазии и умению. А уж когда взялась Соня матрешек на свой манер раскрашивать, то заказчик ей даже жалованье прибавил. Только вот не знала Соня грамоты. До школы двенадцать верст, а в деревне учиться не у кого. Хорошо еще, что друг ее, подпасок Гриша, научил читать и в ведомости расписываться, чтоб не ставила крестик по неграмотности.

Увидел отец Гриши эту роспись да и сболтнул ей по простоте, что не Балашова она, а Кувшинникова, и нет здесь у нее никакой тетки, подбросили ее сюда из Москвы, а Балашова за нее пенсией получает. От такой вести забилося Сонино сердечко, как воробышек в безжалостных когтях. А когда в себя пришла, стала размышлять и поняла, почему тетка ни разу ее не приголубила, как иные чужие бабы на деревне. Стала вспоминать, как по-разному относились к ней люди. Одни звали ее сироткой, качали головами, вздыхали и шептались. Другие не разрешали своим девочкам водиться с ней. Были и такие, что насмехались, отпускали двусмысленные шуточки. Теперь-то ей стало понятно, что причиной такого отношения было ее постыдное происхождение. В Москве родители от нее отказались, она им оказалась не нужна. «Да и здесь нужна только тетке ради пятишницы», — с горечью думала Соня. Один только Гриша ни в чем Соню не упрекал и всегда поддерживал.

Была у Сони с Гришей взаимная симпатия. Он был старше Сони на три года и уже хорошо помогал своему отцу в плотницком деле. Освоил и матрешек мастерить, тех самых, что Соня раскрашивала. Очень нравилась ему Соня: пригожа, смугла, румяна, с длинной толстой косой и красивыми нежными руками. Ждал Гриша, когда Соня повзрослеет, другой жены себе и не желал.

Все бы хорошо, но вдруг объявилась в начале августа 1901 года в Заовражье барыня, которую здесь раньше никогда и не видели. Вся деревня сбежалась, когда из экипажа вышла немолодая, малопривлекательная, но

очень самоуверенная барыня в громадной зеленой шляпе с перьями, в тальме до самых пят, с золотым лорнетом на цепочке и большим, расшитым бисерными розами ридикулем в руках. От всего ее облика веяло властным напором. Это С.П. Кувшинникова решила поучаствовать в судьбе своей дочери. С горечью вспоминала потом Соня эту первую встречу со своей матерью. Кувшинникова словно приехала с инспекторской проверкой. Мать даже не обняла свою дочь, не поцеловала, не объяснилась по поводу ее сиротства. Провела «ревизию», ужаснулась неграмотности и деревенской речи дочери. В то же время явные успехи Сони в рисовании вызвали у нее раздражение: никто не учил, а получается хорошо.

На следующий день мать приехала, чтобы навсегда забрать Соню из деревни. Кувшинникова была не одна, а в сопровождении своего друга, художника Петра Петровича Гославского, молодого, изящного господина в широкой шляпе, бархатной куртке и галстук в виде пышного мягкого банта. Подружились они уже давно, еще в 1895 году, вскоре после окончательной ссоры Кувшинниковой с Левитаном. Вместе ездили на этюды в Подольск, Киев, Плещ.

Петр Петрович проживал в Москве, на Большой Молчановке. Недалеко от Трубниковского переулка стоял тогда белый двухэтажный особняк, во дворе которого находился двухэтажный флигель. В нем и располагался Петр Петрович. Сюда же привезли и Соню. В прихожей она отшатнулась, внезапно впервые увидев себя в зеркале во весь рост. Еще больше поразила Соню мастерская Петра Петровича. Зеркальная стена от пола до потолка, в которой отражался весь громадный зал, служивший и мастерской, и гостиной, и столовой. Огромное итальянское окно заливало солнцем всю эту комнату, стены которой были сплошь увешаны картинами, а двери и рама украшены расшитыми портьерами и жанровыми аппликациями. Пол застлан большим ковром, на котором стояло множество причудливой старинной мебели. Фарфор, бронза, вазы, статуи, часы и

П.П. Гославский (1871–1919)

канделябры были расставлены на столах, на пианино, на камине, на окне, на полках и этажерках. Петр Петрович слыл глубоким знатоком и ценителем старины, любил и сам умел создавать изящные и красивые вещи. Все это великоление являлось результатом его увлеченного собирательства. С юных лет он с интересом посещал городские ярмарки, рынки, а также барахолки дальних уездных городков и больших торговых сел.

Петр Петрович показал Соне ее уютную, нарядную комнатку. Постель была вся белая, под кружевным парадным покрывалом. У окна стоял резной точеный столик, на нем блестящая, словно золотая, лампа и чернильница, рядом книги и тетради. Рядом нарядный шкафчик с занятыми безделушками. В углу висело круглое зеркало, обвитое полотенцем со сверкающими звездочками и ящерками. На стенах развешаны картинки, на них море, горы и леса. А между ними к обоям прилепились ласточки, совсем как живые, с белыми грудками — кажется, сейчас взмахнут крылышками и полетят на потолок.

За обеденным столом «инспектирование» Сони продолжилось. Мать

строго следила за каждым ее движением, отмечая все неточности в обращении со столовыми приборами. Бедная Соня терпела придирки как могла. Деликатный Петр Петрович пытался сглаживать неловкие сцены. Когда это мучение закончилось, Кувшинникова объявила Соне, что Петр Петрович ее удочерил. Теперь она является его падчерицей и звать ее будут Софьей Петровной Гославской. Жить она с этого дня будет в его доме, всегда отдельно от матери, встречаться с которой можно будет лишь изредка. Все должно остаться в тайне. Соня стояла, дрожа всем телом и стиснув зубы, чтобы не закричать. Горькая обида охватила ее, как тогда, в деревне, когда она впервые узнала, что от нее отказалась мать. И вот родная мать снова ее бросила!

В доме Петра Петровича Соня была почти счастлива. Ее неожиданный переезд был подобен сказочному чуду. Еще вчера она пасла гусей в деревне, а сегодня она в большом городе, живет в чудесной комнатке и за ней самой ухаживает служанка! Здороваясь с барином, теперь не нужно кланяться ему в пояс, а достаточно только поздороваться. Потому что барин этот ее отчим, почти отец! Петр Петрович счел своим долгом сделать все от него зависящее для дочери человека, которого он глубоко уважал, с рождения оказавшейся в затруднительном положении. Наконец-то Соня стала учиться, о чем раньше она могла только мечтать! Для нее была нанята учительница, занимавшаяся с ней дома по всем предметам начальной школы.

Познакомившись с семьей старшего брата своего отчима, Евгения Петровича, Соня вошла в круг близких людей, принявших ее очень доброжелательно. С ней сразу же подружилась Софья, дочь Евгения Петровича. С первой же встречи они ощутили взаимное расположение. В облике Сони сразу поражали ее «левитановские» глаза — большие, очень темные, почти черные, с мягкой, бархатной поволокой, мерцающие из-под длинных, загнутых ресниц. Улыбка широкая и ласковая. А как замечательно она пела

свои любимые русские песни! «Дивное меццо-сопрано лилось само собой, без намека на напряжение. Казалось, оно переполняло ее легкие и выливалось безотчетно, произвольно, совсем помимо нее. Слушатели замирали и изумлялись, понимая, что очарование в пении Сони не только в ее голосе, — у нее звучало сердце. В слова песни она вкладывала всю свою личную тоску, свои переживания», — вспоминала впоследствии Софья Евгеньевна. К сожалению, Сонино пение не поощрялось. Считалось, что певицей она все равно не станет, поскольку без образования в консерваторию не принимают.

Софье шел двенадцатый год, она была почти на три года младше Сони, но по общему развитию, воспитанию и образованию превосходила ее и совсем не чувствовала себя маленькой в обществе новой подруги. Она с большим желанием взялась помочь Соне освоиться в непривычной среде обитания.

В доме отчима не было Соне покоя от постоянной «муштры». Ее все время одергивали и поучали, как нужно сидеть, есть, говорить и тому подобное, чтобы она поскорее смогла почувствовать себя свободно в кругу общения отчима и матери. Петр Петрович, по натуре человек вежливый, был очень добр к Соне и терпеливо занимался ее перевоспитанием, понимая, что для превращения Золушки в принцессу требуется много времени. Но что за сказка без Бабы-яги! На правах матери в их жизнь постоянно вмешивалась Кувшинникова. У отчима защиты от нее Соня не находила. Он избегал личного участия в конфликтах и просто отворачивался, делая вид, что ничего не замечает.

Увы, Кувшинникова не была способна любить своего ребенка. Она видела в Соне не столько свою дочь, сколько соперницу. Ее раздражало, что Соня от природы хороша собой и одарена художественными способностями, а сама Софья Петровна с молодых лет в красавицах не числилась и искусство живописи постигала в трудах. Всем матерям свойственно восхи-

щаться успехами своих детей, радоваться их новым достижениям. Да и как же может быть иначе! Какая мать не желает своему ребенку лучшей участи, чем имеет сама! Кувшинниковой же было чуждо материнское чувство. Она считала, что дочь должна быть благодарна ей за дворянский титул и обеспеченную жизнь в новой семье как приемлемую компенсацию за сиротское детство. И никаких сантиментов! С ее стороны это были отношения работодателя с работницей.

Поразительно, но насколько она обожала Левитана, настолько была холодна к их общей дочери. Будучи бездетной в законном браке, она имела возможность поставить своего мужа перед свершившимся фактом — рождением Сони. Имеет женщина право реализоваться как мать? Зная ее напористый характер и учитывая покладистый нрав мужа, не препятствовавшего творческим поездкам жены на этюды в компании с Левитаном, вполне можно предположить, что он мог бы ей уступить. Вот только ей самой это было не нужно. Материнский инстинкт, которому не нужно учить, потому что он дается женщине в генетическом коде, как гарантия продолжения человеческого рода, у нее отсутствовал. В отношениях Кувшинниковой с дочерью господствовал менторский тон, и Соня по-прежнему чувствовала себя сиротой.

В этих условиях появление не по годам авторитетной подруги было очень кстати. Софья сразу же взяла Соню под свою защиту от придирок. Семья Евгения Петровича жила неподалеку, в том самом особняке, во дворе которого стоял флигель Петра Петровича, поэтому Софья стала навещать подругу почти ежедневно. Это несколько облегчило жизнь «Золушки». Кувшинникова стала более сдержанной в эмоциях, потому что побаивалась отца Софьи. Евгений Петрович придерживался правила никак не выражать Кувшинниковой своей признания и даже знаменитого ее салона ни разу не посетил.

Салон этот устраивался в квартире Кувшинниковых. Дмитрий Павлович

Кувшинников, муж Софьи Петровны, служил врачом Мясницкой полицейской части на Хитровке. Во дворе этой части стоял флигель, на втором этаже которого они занимали скромно обставленную трехкомнатную квартиру. Здесь Кувшинниковы и принимали своих гостей. Всеми делами руководила Софья Петровна. Она определяла, кого можно допускать в свой круг общения. Желающих посетить этот салон было немало, что придавало Софье Петровне большой авторитет в обществе. Ее благорасположения искали, потому что именно у нее можно было запросто познакомиться с меценатами, популярными или обещающими стать таковыми писателями, художниками, актерами и певцами.

Софья Петровна занимала прибывающих гостей, а Дмитрий Павлович, отвечающий за материальную базу салона, обеспечивал роскошный и обильный стол. В те годы на полицейского врача возлагалась и функция санитарно-эпидемического контроля на подведомственной территории. От него зависело, признать ли товар доброкачественным или же забраковать его. Поэтому купцы, не скупясь, несли ему на «пробу» огромных астраханских осетров и белоснежную белугу, балыки и жбаны икры, мясо и птицу, бакалею и фрукты, ящики вина и водки. Дмитрий Павлович сам ведал приготовлением блюд и сервировкой стола, распоряжаясь опытной прислугой. Кстати, увековечен он тоже за импровизированным столом: на известной картине Перова «Охотники на привале» средняя фигура написана с него.

На одном из таких салонов с Софьей произошла неприятность. К ней стал приставать один из молодых художников. Скандал получился публичный. Петр Петрович был крайне возмущен и озадачен. После тревожных раздумий он решил, что сам должен жениться на Соне. По его мнению, только муж, а не отчим способен защитить Соню от дальнейших притязаний кавалеров. Тщетны были попытки Евгения Петровича разубедить его. При известной мягкости в обра-

щении с людьми Петр Петрович был упрям в выполнении уже принятых им решений. В короткий срок он расторг отцовство и уговорил священника обвенчать его с еще несовершеннолетней Соней. Вскоре состоялась и свадьба, скромная и немногочисленная. На свадьбе присутствовали Анна Васильевна Гославская (жена Евгения Петровича), Софья, ее старший брат Сережа, супруги Кувшинниковы, шаферами были художники Степанов и Россинский. Из Заовражья приехала тетя Балашова. Гриша не приехал и не поздравил. Венчание состоялось в церкви, известной под названием «Никола на курьих ножках», стоявшей на углу Большой Молчановки и Большого Ржевского переулка. Накануне свадьбы Соня была в замешательстве. Нужно ли ей это сейчас? По любви ли она выходит замуж или вынуждена покориться обстоятельствам? Стоя же в храме рядом с женихом, она сияла от счастья, как солнышко! Все любовались красивой парой, и только Кувшинникова злобно шипела, вперив в лицо невесты ненавидящий взгляд.

Брак Петра Петровича и Сони стал тяжелым бременем для обоих. Соня понемногу привыкала к своему новому статусу и со временем вполне могла бы обрести свое счастье. Петр Петрович в свою очередь относился к жене бережно и предупредительно. Он всячески старался проявить свою любовь к ней, однако лишь в рамках, которые определяла все та же Кувшинникова. Печально, но и замужество не избавило Соню от упреков матери, которые продолжали отравлять ей жизнь. Что чужой дядя, что отчим, что муж — смена статуса Петра Петровича ничего не решала в отношениях матери и дочери. Петр Петрович так и не стал зятем, способным указать сварливой теще на порог, защищая жену и семейный покой.

Соня хотела жить свободно и радостно, не ожидая ежеминутно упреков и нотаций. Она доверчиво и открыто тянулась ко всему хорошему, что видела вокруг себя. Прежде всего, это было общение с Софьей. Евгений

Петрович организовал посещение театров для дочери и Сони, и эта зима стала для них театральной. В этот сезон они побывали на всех лучших постановках и посетили все известные сцены: Большой театр и Малый, театр у Корша и Новый, Художественный и другие подобные заведения. Софья предпочитала драму, а Соня обожала оперу. Она легко запоминала арии и уже на следующий день уверенно распевала их.

Интерес к актерскому искусству подогревался самой атмосферой, царившей в доме Евгения Петровича. У него и его друзей собирались «литературные среды». Эти вечера посещали известные деятели русской словесности, среди них писатели А.М. Горький, А.И. Куприн, И.А. Бунин, поэты А.Блок, К.Бальмонт, В.Брюсов, председатель общества Российской словесности А.Е. Грузинский, критик-искусствовед С.С. Голоушев, режиссер-постановщик А.П. Ленский, актрисы Е.Д. Турчанинова, Е.Л. Садовская и другие, даже маститые ученые, небезразличные к русскому слову. Здесь авторы выносили на суд искренней и беззлобной критики свои свежие сочинения, сразу же получая ценные товарищеские советы. Софья имела уникальную возможность видеть и слышать всех этих замечательных людей, что благотворно влияло и на нее, и на формирование ее подруги.

За эту зиму Соня заметно изменилась. Она повеселела, сильно развилась интеллектуально, приобрела манеры и даже заговорила интеллигентным языком, забыв простонародные словечки. Увлечение театром было так сильно, что подруги дома разыгрывали увиденные сценки, импровизируя по ходу игры и привлекая к этим постановкам братьев Софьи.

Занятия этой художественной самодеятельностью привели к тому, что Соня совершенно перестала интересоваться домашними делами. Петр Петрович был очень огорчен тем, что Соня никак не проявляла себя в ведении домашнего хозяйства, а в его отсутствие даже прислужкой не руководила. И в самом деле, к чему ей все эти

взрослые заботы о муже, о доме? Ведь она была еще очень молода. Тем не менее лицедейство было ей запрещено как занятие для нее бесперспективное ввиду малограмотности. Вердикт домашних «судей» был безапелляционен: актрисой все равно не станет, так зачем же время терять? И опять почувствовала себя Соня круглой сиротой — Аленушкой с картины В.М. Васнецова. Это точное сравнение осенило Сонию, когда С.С. Голоушев водил ее по картинной галерее и рассказывал о полотнах. Увидела Соня пруд как в Заовражье, а на бережку горькую сиротку — как будто на себя со стороны посмотрела.

Приуныли подружки, но вновь блеснул для Сони лучик надежды наполнить свою жизнь творческими интересами. Новые чаяния были связаны с Ольгой Христофоровной Аджемовой — профессором Московского Строгановского училища. Она была знакома братьям Гославским как одна из лучших художниц по прикладным искусствам, а ее дочь Маргарита была лучшей подругой и одноклассницей Софьи. Ольга Христофоровна много лет жила и училась в Париже, где мастерски освоила несколько художественно-прикладных предметов, отдавая предпочтение тиснению по коже, что и преподавала теперь в Строгановке. Ее работы неизменно занимали первые места на международных выставках. Творения ее рук были настолько восхитительны, что любоваться ими никогда не надоедало. Не менее притягательным было и общение с этой умной и очень доброжелательной женщиной. Заметив, что ее дочь дружит с Софьей как с сестрой, она и сама относилась к ней почти по-матерински, превращая каждое посещение их дома желанной гостьей в радостное событие. Ольга Христофоровна смогла уговорить Петра Петровича разрешить Соне заниматься у нее.

Когда Ольга Христофоровна сказала Петру Петровичу, что для нее является большой честью и счастьем доставить хоть крупицу радости дочери такого прославленного на весь

мир гения, Соня побледнела и тихо вышла из комнаты. Оказывается, она до сих пор не знала своего отца! Все знакомые Сони были в курсе ее таинственного происхождения — и Софья, и Петр Петрович со всеми своими родными и близкими, включая и семью Евгения Петровича, а также некоторые участники салона Кувшинниковой и «литературных сред», и никто из них ни разу даже не проговорился Соне о том, что великий Левитан, картины которого ей показывали в галерее, является ее родным отцом! Все они считали себя не вправе разглашать эту тайну, поскольку у Сони есть мать.

Возмущение Ольги Христофоровны бессердечием матери Сони и отстраненностью ее мужа побудило Евгения Петровича положить конец этому бессовестному обману. У него хранился подарок Левитана — альбом с его лучшими репродукциями и автографом. Подарок был очень дорог Евгению Петровичу, тем не менее он попросил Софью передать этот альбом Соне, считая, что ей он будет еще дороже. Решено было подарить Соне альбом без объяснений, чтобы она сама догадалась о тайне своего происхождения. И вот Соня держит альбом в своих руках и читает дарственную надпись: «Дорогому, любезному хозяину, Евгению Петровичу Гославскому, благодарный за теплое гостеприимство, Ваш И.Левитан», — и удивляется: при чем же тут она? «Да потому что он ваш отец», — спокойно проговорила Ольга Христофоровна. Соня так и замерла, прижав альбом к груди. Невеселые мысли пронеслись в ее голове. Теперь уж Петр Петрович был вынужден ответить на ее вопросы. Выяснилось, что росла она сиротой при живом отце, который не знал о ее существовании. Более всего печалилась Соня о том, что не могла скрасить последние его одинокие годы. Кричать хотелось от непоправимого горя, но слез не было. Опустились уголки губ, резкая морщинка навсегда пролегла между бровей. Очевидцы заметили, что от переживаний Соня постарела за какой-то час.

*П.П. Гославский. Портрет Татьяны.
1912 год*

Занятия с Ольгой Христофоровной оказались для Сони очень кстати. Увлечение творческой работой способствовало выходу Сони из глубокой депрессии. Из всех декоративно-прикладных искусств, которым могла обучить ее Ольга Христофоровна, Соня выбрала инкрустацию по дереву. Этим мастерством хорошо овладел ее друг Гриша, подаривший ей на именины, в сентябре 1901 года, изумительной красоты инкрустированную шкапулку собственной работы.

Инкрустация — занятие многотрудное, требующее художественного вкуса, твердой руки и точного расчета. Детали из разноцветных пород дерева аккуратно выпиливаются лобзиками и составляются в единое целое изделие. Овладению этим мастерством и посвятила Соня свой досуг. Ольга Христофоровна преподавала ей теорию, научила применять инструментальный, а уж фантазии Соне было не занимать.

Через несколько месяцев в ее активе уже было немало изящных вещей с инкрустацией — шкапулки, рамки, чернильные и туалетные приборы и прочее. Однако и это занятие пришлось оставить. Соня готовилась стать

матерью, и ей стало вредно вдыхать пары красок и работать с инструментом. На выставке в Париже Аджемova получила золотую медаль за свои эскизы по ковру. Соне же была выдана похвальная грамота за ее работы, которые Ольга Христофоровна тоже брала с собой на выставку. Наставница была очень горда успехом своей ученицы, а вот Петр Петрович, да и сама Соня восприняли эту грамоту равнодушно.

Вскоре в их семье произошло важное событие. В конце 1902 года Соня родила своего первенца — замечательного малыша Митю. Танечка появилась на свет 10 января 1905 года.

Тогда же Петр Петрович приобрел участок земли в Крыму, под Алушкой. Там он выстроил дом, флигелек и обустроил фруктовый сад с виноградником. Теперь с ранней весны и до поздней осени семья жила на крымской даче, в окружении цветов, моря и гор. Последними Петр Петрович совершенно пленился и с упоением живописал их красоту. По возвращении в Москву он с большим увлечением взялся за работу над портретами своих друзей и знакомых. В ту пору он написал и громадный, во весь рост, портрет Сони. Она была изображена в русском народном одеянии, с букетом цветов.

Соне тоже хотелось творить, создавать что-либо своими руками, но из послеродового состояния она выходила долго и с трудом. К тому же Кувшинникова отобрала у нее все инструменты и материалы, чтобы Соня не отвлекалась от семьи. Роль требовательной бабки Кувшинникова выполняла с большим усердием, чем свои материнские обязанности. Однако Соня была уже не испуганной девчонкой, а женой и матерью двоих детей, и не Кувшинниковой было учить ее материнству. Конфликты, следовавшие один за другим, неминуемо привели к окончательному разрыву между дочерью и матерью.

Избавившись от опеки, Соня снова обратилась к инкрустации. Софья получила для нее все необходимое у Аджемовой. Вышло так, что, когда

Софья принесла инструменты, Сони дома не было, и посылка оказалась в руках Петра Петровича. Когда же через месяц Софья навестила их, ее взору открылись изумительные инкрустации, которыми наполнилась квартира. Но поздравлять Соню было не с чем. Оказалось, что все эти чудесные творения были делом рук Петра Петровича. Как истинный художник-академик, он самостоятельно разобрался с пилочками и лобзиками и выполнил всю эту работу на недостижимо высоком для Сони уровне. Теперь и самой Соне стало ясно, что все ее мотыльки-буτονчики жалки и нелепы в сравнении с произведениями подлинного искусства, потому что без всестороннего общего образования и фундаментальной живописной школы серьезно заниматься творчеством нельзя. Осознание этой истины повергло Соню в состояние глубокого уныния. Подошло время, когда достижения Петра Петровича стали больно задевать неудовлетворенное самолюбие Сони, как некогда ее собственные успехи сильно раздражали Кувшинникову. Однако теперь, когда Соня знала, чья кровь в ней бушует и не дает покоя, она уже не желала мириться с положением просто жены талантливого художника.

Наступила весна 1906 года. Петр Петрович засобирався в Крым, но Соня наотрез отказалась ехать туда из-за жаркого климата. Скорее всего, жара послужила только предлогом. Творческий разлом прошел и по супружеским отношениям. Соня вдруг почувствовала, что вполне может обойтись какое-то время без мужа. Отказ Сони ехать с ним показал, что надежды на «стерпится — слюбится» не оправдались. Странно, но даже дети не могли ее удержать. Соня вполне успокоила себя тем, что о малышах заботится горничная Луша. Расстроенный Петр Петрович попросил брата взять Соню на лето вместе со своей семьей в село Старое Пластиково Рязанской губернии. Оказавшись на деревенском приволье, вне стен дома, в котором она пережила так много

разочарований, Соня быстро пришла в себя и даже похорошела. В семье Евгения Петровича было принято ставить за лето несколько спектаклей для местных селян и дачников. Вместе с Софьей и ее братьями Соня с увлечением занялась репетициями и очень хорошо показала себя в спектаклях. А по вечерам она по просьбе друзей и знакомых замечательно пела свои любимые народные песни. Присутствовавшие при этом известные деятели искусства высоко оценивали дарования Сони. В частности, С.С. Голоушев находил, что у нее от природы правильно поставлен голос. Вместе с хорошим настроением к Соне вернулся и интерес к своей семье. Она стала регулярно писать мужу, пытаясь загладить свою вину. В ответ не получала ни строчки. В своих письмах Петр Петрович адресовался к брату, а ее имени и не упоминал. Ему было обидно получать от жены описания ее отдыха, в то время когда болели и требовали заботы дети, а сам он ведрами носил из-под горы воду для полива сада и виноградника. А ведь еще нужно было писать картины, заказы на которые он получил.

Затосковав от невнимания мужа, Соня решила прервать свой отдых и вернуться. Нет, не к мужу. Вернулась она в Москву. В надежде попытать счастья на сцене, обратилась Соня в актерскую биржу труда. Там ее и пристроили в проезжую труппу из Конотопа. Амплуа по усмотрению режиссера, то есть на все роли начиная с массовки. Оплата по маркам, в зависимости от сбора. С окончанием лета вернулся в Москву Петр Петрович и, не обнаружив жену ни дома, ни в семье брата, возмущился ее взбалмошным поступком. Меж тем конотопские гастроли сборов не имели, и Соня телеграммой попросила у Евгения Петровича денег на обратную дорогу. Вернулась она посеревшая и осунувшаяся. Прошмыгнула прямо к Евгению Петровичу и в слезах упростила его разрешить ей пока пожить в его семье, чтобы собраться с духом. Когда же Соня наконец переступила порог своего дома, то обнаружила, что

ее место едва ли не занято: за швейной машинкой уверенно крутила колесо Екатерина Григорьевна Медынцева. Летом она снимала флигелек на даче Петра Петровича и стала очевидцем его затруднительного положения. Как давняя московская приятельница, она принялась ухаживать за детьми и помогать ему в саду. Теперь Медынцева обшивала обносившихся малышей. Почувствовав себя лишней, она уехала. На этот раз Соне повезло, она осталась в своей семье. Но житейская наука не пошла ей впрок. Мечта стать артисткой не покидала ее.

Весной 1910 года она подписала договор на актерской бирже и уехала на гастроли, фактически оставив семью. Тщетно негодовал Петр Петрович, плакали и цеплялись за материнское платье дети, голосила Луша, увещевала Софья — ничто не удержало Соню. Оскорбленный Петр Петрович решил покончить с затянувшимся неопределенным положением. Когда Соня через несколько месяцев вернулась домой, она обнаружила, что на этот раз ее место прочно занято Медынцевой. Екатерина Григорьевна была старше Петра Петровича и не отличалась внешней привлекательностью, но она имела хорошее образование, знала языки, литературу, разбиралась в искусстве, хорошо музицировала, умела вести домашнее хозяйство и оказалась доброй мачехой, заменившей детям гастроллирующую мать. Петр Петрович просто отвернулся от Сони и не проронил ни слова. Соня поняла, что в этом доме она посторонняя. Поселилась Соня у своей крестной, Ольги Петровны Киреевой, той самой акушерки, которая принимала ее при родах. Теперь ей самой нужно было думать о хлебе насущном. Пригодился антиквариат, доставшийся по наследству от матери. (С.П. Кувшинникова умерла от тифа еще в 1907 году, она заразилась, ухаживая за своим больным другом, молодым художником Грандовским.)

Помогла Соне и Софья Гославская. Окончив гимназию, она училась на актерских курсах А.И. Адашева при

МХАТе. По ее примеру Соня решила получить актерское образование там же. В оплату за обучение пошли тарелки севрского фарфора.

В студенческой среде Соня освоилась на удивление быстро. Ее деликатность, общительность и дружелюбие открыли ей доступ не только в компанию сокурсников, но и в общество перспективных студентов старших курсов. Соня без смущения подходила с вопросами к Е.Вахтангову, общалась с Бирман, Гиацинтовой, Потемкиной и многими другими. Не забывали Соню и на актерской бирже. Иногда она получала оттуда предложения на выездные выступления недалеко от Москвы.

Почти утратив связь с детьми, Соня наконец-то почувствовала, как же они ей дороги. Навещая их в доме Петра Петровича, она уже горько сожалела о том, что сама разрушила свое женское счастье. После того как Петр Петрович официально развелся с ней и женился на Медынцевой, Соне разрешили навещать детей лишь один раз в месяц. Теперь Соня, забыв о курсах, со всех ног бежала к детям, чтобы обнять и расцеловать их, пока Петра Петровича и Медынцевой не было дома. С этих пор не стало покоя в ее душе. Соня замкнулась, ее общительность сменилась всепоглощающей тоской.

По окончании второго года курсы Адашева были закрыты. Продолжить обучение где-либо еще для Сони было затруднительно. Ей оставалось только жить сезонными гастролями. В актерской бирже к ней уже привыкли, и она стала получать договоры на 3–4 месяца, но уже на гарантийных условиях. Это был более надежный заработок, хотя рольки ей доставались маленькие. Теперь Соня сама недоумевала, как же так получилось, что на эту-то незавидную долю она променяла такого мужа и детей?

Зимой 1918 года, лишившись даже сезонных актерских доходов, Соня устроилась в бюро по выдаче продуктовых карточек. Эта работа давала ей возможность обеспечивать себя и помогать своим детям, а заодно уж

и бывшему мужу с его женой. В это время в Москву вернулась Софья Гославская с мужем и маленькой дочкой. Софья стала профессиональной актрисой. Она окончила отделение драмы Филармонического училища (ныне ГИТИС), успешно выступала в штатной труппе Акционерного общества Ханжонкова, где сыграла ведущие роли в более чем 30 фильмах. Потом играла в театрах Владивостока и Петрограда. Устроившись в Замошворецкий театр, Софья сразу же попросила руководство за Соною. Пробы прошли вполне успешно. Нужно было сыграть девушку из народа, чему Соня с детства соответствовала. Однако создавать незнакомые ей образы Соня не умела, поэтому сразу же провалилась на первых спектаклях. В театре ей могли предложить только место билетерши. Не поздно ли вернуться в продбюро? Уточнить это не успели.

Оказалось, что даже погоревать о крушении последних надежд Соне уже было некогда. Утром следующего дня выяснилось, что заболела тифом Медынцев. Петр Петрович попросил Соною прийти и помочь чем сможет. Требовалось и ухаживать за больной, и заботиться о детях, и отоваривать продуктовые карточки. Презрев опасность заражения, Соня сразу же приехала к Петру Петровичу и стала помогать ему выхаживать свою соперницу. Медынцеву отстоять удалось, но от нее заразился тифом и умер сам Петр Петрович. Из голодной Москвы Медынцеву увезла детей в Тамбов, к Алексею Петровичу, брату Гославских. Алексей Петрович служил в банке и помог Медынцевой и детям пережить трудное время войны и разрухи. В свою очередь Медынцеву вполне могла бы отплатить Соне добром. Однако она поступила иначе: пока Соня была нужна, то жила в их квартире, а когда надобность в ней миновала, то Медынцеву постаралась отделаться от конкурентки — ни к чему детям видеть свою мать. А ведь для Сони было бы спасением пережить ту страшную зиму в отапливаемой квартире, к тому же на

антиквариат можно было выменять продукты. Договорившись о переезде в Тамбов, Медынцеву припрятала самые ценные вещи, а квартиру сдала в наем чужим людям.

Бедная же Соня теперь ночевала то у своей безработной крестной в не топленной с начала зимы квартире, то у кого-либо из подруг. У одной из них, Тали Авранек, и обнаружила ее Софья. Отец Тали служил капельмейстером в Большом театре. Жили они неподалеку, в Копьевском переулке. В этом доме жили артисты и администрация театра. Квартира Авранек находилась в пятом подъезде, на третьем этаже. Дверь открыла Талья. Соня не вышла навстречу подруге, а осталась сидеть на диване, только улыбнулась и протянула к Софье руки:

— Я так соскучилась. Спасибо, дорогая, что пришла.

Софья обняла ее, и они долго сидели молча. Слова не нужны, когда и без них все понятно. Непоправимое горе и нужда оставили свои следы на облике Сони. Вся она была словно догоравшая свечечка. Осознание страшного факта, что ее навсегда разлучили с детьми, лишило Соною последнего интереса к жизни.

И через шестьдесят лет Софья Евгеньевна отчетливо вспоминала эту их встречу, оказавшуюся последней: «...очевидно, боясь, что я уйду и некому будет высказать все наболевшее, все до дна измученной души, она схватила меня за руку, сжала крепко и заговорила быстро-быстро:

— Только теперь, когда я их потеряла, когда их нет и я не могу увидеть их, я поняла и оценила, что значит дети. Я всегда любила их, но безболезненной, спокойной любовью. Я уезжала, бросала их, но знала, что очень скоро я вернусь и вновь их увижу, обниму и снова они мои, со мной. Теперь их нет, их отняли, нас разлучили. Если даже брошусь к ним, помчусь туда, в Тамбов, она меня не пустит к ним, я это знаю.

Она застонала, заломила руки и упала навзничь на диван. Она не плакала, глаза были сухи, но взгляд их был мрачен, и безысходна была тоска.

Т.П. Гославская. 1935 год

Она затихла, лежала, так же закинув руки, как заломила их в отчаянном порыве. Так мы молчали долго. Затем она будто бы очнулась, пришла в себя и снова стала говорить, но уже совсем иначе, в другом тоне, будто сама с собой, спокойно вспоминая и даже размышляя.

— Как странно... Зачем я родилась? Зачем дали мне жизнь? Ведь я же никогда и никому не была нужна, мною просто или забавлялись, или помыкали и отнимали все, что меня радовало, что я любила. Я любила своих гусей, любила лежать, смотреть в небо и петь песни, которым научили меня наши добрые старухи. Гришуня подыгрывал мне, потом обучил меня грамоте, потом велел расписывать матрешек, мне с ними так хорошо жилось. И все исчезло, рассеялось как дым, как туман. Все отняли, куда-то зачем-то увезли. Я долго тосковала, но скрывала и не подавала вида, что тоскую. Потом мне приказали учить грамматику, спряжения, склонения, но я не понимала, зачем мне надо мучиться с этакой скущицей, я ее так и не выучила и погубила свою жизнь. Я тосковала по работе, по своим матрешкам; мне запретили брать в руки не только

кисть, но и карандаш. Наконец, меня каким-то чудом осчастливили и научили инкрустации, но мне показали все мое ничтожество, и я сама отказалась от нее. Я мечтала о театре, хотела стать актрисой, но за мое невежество меня выкинули из театра. А ради него я оставляла дом, семью, добилась, что меня сочли за недостойную, неверную жену и развели с любимым мужем. И место мое заняла другая. И мужа нет в живых, и дома нет. Всю жизнь все отнимали, терялось, исчезало все, что было мило и дорого. Теперь у меня нет детей! Что дала мне жизнь? На что она нужна?

Соня смолкла, повернулась к стене, веки опустились — словно задремала. Я тихонько встала и неслышными шагами, еле ступая, пошла к дверям».

Утром следующего дня Соня окончила жизнь самоубийством. Она выбросилась с балкона этой квартиры и разбилась насмерть. Невредимой осталась только ее правая рука — матово смуглая, узкая, античной формы, с отточенными пальцами статуэтки, как говорили все, кто знал Левитана, — «точь-в-точь его рука».

* * *

Через полгода после трагедии к Софье Евгеньевне пришел Григорий, тот самый Гриша, друг детства Сони. Он пытался разыскать Соню или узнать о ее судьбе. С детства они были одного поля ягоды. Не разлучи их чужая воля, так и остались бы гармоничной парой с общими интересами. Он все-таки стал художником.

Медынцева с детьми вернулась в Москву. О ее дальнейшей жизни ничего не известно.

Дмитрий Петрович Гославский (1902–1973) стал картографом. Во время Великой Отечественной войны служил в авиационной разведке, где ему приходилось участвовать в полетах на территорию противника. В 1934 году у него родилась дочь Людмила. В 1957 году появилась внучка Татьяна. У Татьяны родились два сына: Андрей (1981 г.р.) и Сергей (1987 г.р.). В

2013 году у Андрея родился сын Савелий — потомок И.И. Левитана в шестом поколении.

Татьяна Петровна Гославская (1905–1979) вышла замуж за полковника госбезопасности и в 1935 году поступила на службу в это же ведомство. В 1944 году награждена орденом Красной Звезды. Жили они в Москве, в «Доме на набережной». Детей у них не было. Уволена в 1951 году по состоянию здоровья: у нее была повреждена рука. О службе высказывалась одной короткой фразой: «Этой власти я послужила...»

Софья Евгеньевна Гославская (1890–1979) — актриса, в 70-х годах XX века написала мемуары «Записки киноактрисы» и «Так кто же виноват?». В последней книге она рассказала о сложной и трагической судьбе дочери Левитана. Эта книга была впер-

вые опубликована только в 2010 году Олегом Владимировичем и Александром Владимировичем Гославскими, племянниками Софьи Евгеньевны, и малоизвестна вследствие небольшого тиража.

До настоящего времени сохранилась лишь одна фотография, на которой запечатлена Софья Петровна Гославская. Это групповое фото, черты лиц на котором едва различимы. Мужчина, стоящий в центре, — Петр Петрович, левее него — малыши Митя и Танечка. Самая крайняя слева женская фигура с затемненным лицом — это она, дочь Левитана. Рожденная втайне, она и сейчас остается закрытой от взоров.

Р.С. Выражаю признательность О.В. Гославскому за предоставление фотографии и других материалов.

ИРИНА СВИСТУНОВА

ОТ СТАМБУЛА ДО КАППАДОКИИ

ХРИСТИАНСКИЕ ТАЙНЫ
ГОРОДОВ ТУРЦИИ

КУЛЬТУРА

Лаодикия

Лаодикия — последний из семи городов Апокалипсиса. Сегодня это развалины античного поселения в нескольких километрах от турецкого города Денизли. В последние годы на территории Лаодикии ведутся активные раскопки, позволившие начать воссоздание облика древнего города. Площадь поисковых работ превышает пять квадратных километров, и из-под земли извлечено уже немало грандиозных остатков лаодикийских построек. В проектах турецких властей дальнейшее расширение площади раскопок, реконструкция Лаодикии и превращение ее в известный музей под открытым небом по образцу Эфеса.

Несмотря на отблески прежнего величия, современная Лаодикия пуста и безлюдна. Последний город Апокалипсиса не привлекает к себе значительного потока туристов, предпочитающих проводить время, купаясь в термальных источниках расположенного неподалеку Памуккале. Единственные обитатели Лаодикии — небольшие ящерицы-хамелеоны, которые во множестве греются на солнце, сидя на тысячелетних камнях и сливаясь с ними по цвету.

Апокалипсис не говорит о Лаодикийской церкви ни одного одобрительного слова, но обращается к ней со строгим увещанием:

«И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои,

---

Окончание. Начало — № 1–6.

чтобы видеть. Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся. Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел со Отцем Моим на престоле Его. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам» (Откр. 3, 14–22).

Полагают, что **Лаодикия символизирует последнюю эпоху существования человечества перед концом света**. Общество этого времени будет отличаться чрезмерным упованием на свое богатство, крайним эгоизмом, самомнением и уверенностью в своем совершенстве. Христианство еще сохранится, но придет в полный упадок, — большинство людей предадут Бога и сознательно перейдут на сторону Его врагов.

Какова же была история Лаодикии и как совершился над ней суд Божий? Интересно, что название этого города означает «народный суд».

Лаодикия была основана Селевкидами в III веке до н.э. в малоазийской области Фригия на плоской возвышенности, окруженной с трех сторон реками — Ликус (современное название — Чюрюксу), Капрус (современное название — Башлычай) и Асопус (современное название — Гюмюшчай). Свое название город получил в честь супруги царя Антиоха II. На протяжении своей истории город входил в состав Пергамского и Понтийского царств, а затем перешел под власть римлян, как и многие другие города Малой Азии.

Город застраивался «по плану», поэтому большинство его улиц были ровными и пересекались под прямым углом. Но даже такой продуманный подход к возведению города не позволил избежать серьезного просчета при его планировании. Создатели Лаодикии обнесли ее высокими крепостными стенами, призванными защитить город от противника, но на практике от них не было особой пользы. Несмотря на то что в окрестностях города протекали три реки, построен-

ная на возвышенности Лаодикия не имела собственных источников воды, которая поставлялась в город издалека по сложной системе водопроводов. Она включала в себя акведуки, каменные терминалы для хранения и распределения воды, а также трубы из травертина и обожженной глины. В случае осады неприятелю не составляло больших трудов перекрыть водоснабжение города и принудить его к капитуляции.

Выгодное географическое положение на пересечении дорог, ведущих с запада на восток — от Эфеса до Сирии, и с севера на юг — от Сардиса до Перге, — позволило Лаодикии превратиться в крупный торговый центр и стать одним из самых известных городов региона. Городские ворота и идущие от них улицы носили название Эфесских и Сирийских, свидетельствуя о транзитной роли города. Эта роль позволила лаодикийцам взять на себя функции **«банкиров Малой Азии»**. Важным источником городских доходов были «денежные операции», прежде всего размен монет. Занятие было прибыльным и позволяло многим горожанам вести роскошный образ жизни.

В годы римского владычества еще одним известным в Лаодикии занятием было производство мягкой и тонкой черной шерсти, которую давала распространенная здесь редкая порода овец. Эта шерсть использовалась для изготовления теплых римских туник с длинными рукавами и плащей с капюшоном.

В Лаодикии существовала известная медицинская школа, выпускник которой **Демосфен Филалет** стал известным в античном мире офтальмологом, написавшим трактат о глазных болезнях. Здесь же производилось популярное в то время лекарство для глаз — так называемая фригийская пудра, в состав которой входили цинк и алюминий, добывавшиеся в этой местности. Совет Апокалипсиса лаодикийцам «помазать глаза мазью» отражал реалии, понятные жителям города.

Подобно другим городам этого региона, Лаодикия неоднократно стра-

дала от землетрясений. В середине I века, в эпоху раннего христианства, произошло землетрясение, нанесшее городу серьезный ущерб. Жители Лаодикии были настолько богаты, что отказались от финансовой помощи Рима и на собственные средства восстановили прежнее величие города. Среди множества городов Малой Азии, пострадавших от этого катаклизма, Лаодикия стала единственной, кому не понадобилась помощь Рима. Несмотря на это видимое благополучие, Апокалипсис назвал лаодикийцев несчастными, жалкими, нищими, слепыми и нагими.

Золото Лаодикии не было вечным небесным даром. В начале VII века мощное землетрясение полностью разрушило город, и все сокровища лаодикийцев уже не могли восстановить его в прежнем виде. Жители покинули развалины и переселились на несколько километров южнее — туда, где стоит сейчас турецкий город Денизли.

Полагают, что закат Лаодикии имел под собой не только физические, но и духовные причины. Они были связаны с ересью монотанистов, распространившейся в тот период. Монотанисты отрицали церковную иерархию и обряды, в помрачении гордыней считая себя носителями «особых даров» Святого Духа.

Христианская церковь в Лаодикии была основана **апостолом Иоанном Богословом**. Лаодикия упоминается в **послании апостола Павла к Колоссянам**, которых он просит ознакомить с содержанием его письма и христиан Лаодикийской церкви (Кол. 4, 16). В этом же послании апостола названо имя лаодикийца **Нимфана**, в доме которого, по некоторым сведениям, собиралась община первых христиан. Греческая традиция относит Нимфана к числу 70 апостолов.

В истории христианства Лаодикия известна также как место проведения одного из **поместных соборов (363 года)**. На этом соборе, в котором участвовали 30 епископов, были приняты правила церковного управления, сохранившие свою силу

до настоящего времени. В византийскую эпоху Лаодикия была крупным епархиальным центром, и в подчинении у местного епископа находились 16 других епископов.

Однако после упоминавшегося землетрясения VII века античная Лаодикия пришла в полное запустение. Ее печальные развалины вросли в землю на протяжении многих столетий, до тех пор пока в середине XX века здесь не начались первые археологические раскопки, открывшие остатки древней Лаодикии. Было обнаружено, что здесь находился крупнейший стадион Малой Азии, длина которого достигала 285 м.

На территории Лаодикии найдены и амфитеатры. Как и многие другие подобные сооружения, амфитеатры служили местом мученичества. Известно, что одним из первых христиан, пострадавших в Лаодикии, стал **епископ Сагарис** — ученик апостола Павла. В 300 году, в период правления императора Диоклетиана, в Лаодикии были преданы мучениям и казни за Христа два священника — родные братья **Трофим** и **Фал**. Их распяли на крестах на глазах у собственной матери. **Лаодикийский епископ Евгений** пострадал при императоре Максимиане (285–305), но остался в живых и правил Лаодикийской церковью еще 25 лет. При нем, в период правления императора Константина Великого (306–337 гг.), в Лаодикии была построена великолепная церковь.

Широкая Сирийская улица, по обеим сторонам которой стоят оставшиеся от городских зданий колонны, ведет к тому месту, где находилась эта церковь. Ее остатки были найдены в 2010 году. Она отличалась внушительными размерами. Археологи установили, что в этой церкви впервые в истории христианской архитектуры было создано 11 апсид (алтарных ниш полукруглой формы). Центральная из них была обращена на восток, пять — на север и пять — на юг. В крестильне церкви сохранилась каменная купель в форме креста.

Примечательно, что изначально лаодикийская церковь находилась вне городских стен — на значительном от них удалении. А в городе сохранились роскошные языческие храмы Аполлона и Дианы, позволявшие его жителям в буквальном смысле слова «служить двум господам», быть «не холодными и не горячими». Полагают, что слова Апокалипсиса «не холоден и не горяч» отражают расположение города между горячими термальными источниками Иераполиса и покрытыми снегом вершинами соседних гор. Откуда бы ни пытались жители Лаодикии получить воду, к тому моменту, когда она достигала города, ее первоначальная температура менялась, становясь одинаково теплой.

Под Лаодикийской церковью образно понимают полный упадок христианского мира в конце времен. Но Апокалипсис и у седьмого города не отнимает надежду на спасение: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20).

Памуккале (Иераполис). Священный город

Во время своей поездки по Малой Азии русский путешественник XIX века А.С. Норов посетил Иераполис — древний город, не входящий в число семи церквей Апокалипсиса, но тесно связанный с повествованием о последних судьбах мира. Иераполис находится в 15 км от последнего города Апокалипсиса, но расположены они так, что из стоящего на горе Иераполиса можно увидеть Лаодикию.

Иераполис хранит память об апостолах и имеет уникальное значение для истории христианства. Во времена Византийской империи он был одним из важнейших мест православного паломничества, наравне с Эфесом. И здесь же находилось таинственное место, которое называли «вратами ада». Что же это за город?

Античный Иераполис был основан в III веке до н.э. Селевкидами. Во II веке до н.э. он перешел под власть правителей Пергама Атталидов. Город занимал важное стратегическое положение на границе Пергамского царства, но впоследствии был передан римлянам. В IV веке Иераполис сильно пострадал в результате землетрясения, но был отстроен заново. К этому времени христианство утвердилось в качестве государственной религии Византийской империи, поэтому при новой перестройке города повсюду возводились христианские церкви, а разрушенные природным катаклизмом языческие храмы уже не восстанавливали.

Начавшиеся с VII века набеги арабов постепенно привели к опустению города, а после очередного землетрясения, случившегося в XIV веке, он был полностью заброшен. Только в 1947 году на его территории начали работать итальянские археологи. Остатки городских построек неплохо сохранились благодаря тому, что при их возведении использовался преимущественно не мрамор, а камень — травертиновые блоки. Это спасло Иераполис от обычной участи древних городов, мраморные постройки которых со временем нередко превращались в строительный материал для возведения или украшения новых населенных пунктов. В Иераполисе находится один из наиболее хорошо сохранившихся театров Малой Азии, вмещавший более 10 тысяч человек.

Сегодня город Иераполис носит название Памуккале и хорошо известен российским туристам, посещающим его уникальные термальные источники. На протяжении тысячелетий целебная влага течет по скалам и оставляет на них белые отложения в форме окаменелых водопадов и огромных чаш, наполненных водой. Эти причудливые фигуры называются травертины — известковые отложения углекислых источников. Турецкое название города Памуккале (что в переводе означает «хлопковый замок») связано с необычным видом

белой горы, покрытой травертинами. Иераполис стоит на возвышенности, по склону которой и текут термальные источники, оставляя здесь свои известковые следы.

Город использовался как курорт еще в античные времена. Сегодня тоже находится много желающих искупаться в его лечебных водах. Известно, что три римских императора посещали город ради его лечебных ванн. Впрочем, город славился не только целебными свойствами своих источников, но и текстильным производством, развитию которого способствовало наличие большого количества термальной воды. В древности ее использовали не только для лечения, но и в промышленных целях.

В переводе с греческого языка «Иераполис» означает «священный город». Это название он получил от древних греков за свои необычные природные явления и за множество святилищ языческим божествам, воздвигнутых здесь. Важное значение в жизни города играл нимфей — святилище, посвященное нимфам — силам природы в женском воплощении. Развитию этого культа способствовали уникальные природные явления Иераполиса. На стене городского театра была даже высечена надпись: «Радуйся, золотой город Иераполис, превосходящий города Азии и Европы; жилище таинственных Нимф»*. В нишах и гротах городского нимфея были установлены также статуи наиболее почитаемых в городе божеств, а во дворе был создан большой басейн.

Покровителем города считался Аполлон, в честь которого здесь был воздвигнут огромный храм. Здесь же находился оракул, к которому жители Иераполиса имели обыкновение обращаться с вопросами.

К нижней части храма Аполлона примыкало святилище Плутона — древнегреческого бога подземного царства и смерти. В античном мире

Плутон был одним из самых известных и широко распространенных языческих богов. Под храмом Аполлона находилась пещера — **Плуто-ниум**, которая считалась «**вратами ада**». В пещере находится горячий источник, ядовитые испарения которого смертельно опасны. При помощи специальных приспособлений языческие жрецы опускали в пещеру жертвенных животных. Когда их поднимали наверх, они уже были мертвы. На умерших животных не было признаков насилия, поэтому люди, не знавшие о ядовитом газе, верили в то, что жизнь животного забрали боги. При этом сами жрецы изобрели способ, позволявший им ненадолго заходить в смертоносную пещеру, для того чтобы узнать «волю богов». Они задерживали дыхание и закрывали лицо тканью, чтобы защититься от газа. Пещера сохранилась до наших дней, но вход в нее замурован, так как испарения ядовитого газа продолжают выходить. По свидетельству Норова, вход в пещеру засыпали камнями турецкие пастухи, считавшие ее жилищем злых духов, которые выходят оттуда, чтобы опустошать все вокруг.

В то же время в XIX веке дурная слава здешних мест была на пользу некоторым страдающим людям. Осматривая Иераполис, Норов узнал, что в его пустых гробницах, высеченных в скалах, нашла прибежище целая колония прокаженных. Этим несчастным под страхом смерти было запрещено показываться людям и приближаться к любым населенным пунктам, и они скрывались в пустынных развалинах древнего города. Несмотря на свое бедственное положение, они создавали между собою семьи и нередко жили посреди античных развалин, разбросанных по всей Малой Азии.

Античный Иераполис не играл значительной роли в политической истории региона, но он стал поистине «священным городом» для христиан. Иераполис — место мученической кончины и погребения **апостола Филиппа** — одного из двенадцати

* Норов А.С. Путешествие к семи церквям, упоминаемым в Апокалипсисе. М.: Индрик, 2005. С. 108.

апостолов. День памяти апостола отмечается 27 ноября — накануне Рождественского поста, который имеет второе название — Филиппов пост. Вместе с Филиппом в Иераполисе пострадал за Христа еще один из двенадцати апостолов — **Варфоломей**.

Они вместе пришли в Иераполис для проповеди христианства и некоторое время жили в этом городе. Среди прочих языческих святилищ в городе был храм, в котором поклонялись живым ядовитым змеям и живущей там огромной ехидне (вид змеи), которую считали воплощением божества. Храм стоял на холме, горделиво возвышаясь над всем городом и его обитателями. Со временем змеи сильно размножились и начали ползать в прилегающих к святилищу районах города, так что многие жители страдали от их укусов. Змей было настолько много, что Иераполис того времени даже стали называть змеиным городом. По молитвам святого Филиппа ехидна и все змеи умерли, а укушенные ими люди исцелились.

Жрецы змеиного храма, потерявшие источник своей власти, пришли в ярость и добились от местного правителя казни пожилого апостола. Св. Филипп был распят на кресте рядом со змеиным святилищем. Жрецы хотели, чтобы, умирая, он видел перед собою святилище, и рассчитывали таким образом продемонстрировать торжество змеиного культа над уничтожившим змей апостолом. По некоторым сведениям, апостола распяли на кресте вниз головой, чтобы усилить его мучения. Та же участь постигла и апостола Варфоломея. Однако во время казни началось сильное землетрясение. Испугавшись гнева Божия, горожане потребовали остановить казнь. Апостолов сняли с креста. Филипп уже преставился, а Варфоломей был еще жив, и его отпустили. Мученический венец ждал его позже, в Закавказье.

В Иераполисе А.С. Норов безуспешно искал могилу апостола Филиппа, сведения о местонахождении

которой затерялись в период османского владычества. В V веке, когда возникла Византийская империя, в Иераполисе была возведена часовня в форме восьмиконечной звезды — уникальное архитектурное сооружение. Восьмигранная форма часовни была призвана символизировать вечность, поскольку число «восемь» служит прообразом бесконечности. Часовня представляла собой целый комплекс, включавший баптистерий и помещения для паломников, прибывавших сюда поклониться апостолу Филиппу.

Долгое время считалось, что гробница апостола находилась именно в ней, однако впоследствии было установлено, что это место его страданий — Мартириум. На расположенной рядом возвышенности когда-то стояло то самое змеиное святилище, возле которого были распяты Филипп и Варфоломей. Сама же могила апостола Филиппа находилась неподалеку. Над ней был построен небольшой каменный храм в форме базилики, который можно увидеть и в наши дни.

В VI веке мощи апостола Филиппа были перенесены в Константинополь и в Рим, где они сейчас и пребывают. Но Иераполис по-прежнему оставался местом паломничества византийцев. От городских ворот к месту страданий апостола Филиппа вела вымощенная каменными плитами дорога, а на вершину холма, на котором был расположен Мартириум, поднимались по широкой лестнице, сложенной из травертиновых блоков. Обилие в Иераполисе этого природного материала позволяло строить лестницы, ведущие к святым местам, расположенным на возвышенностях. Эти лестницы приобрели символическое значение. При раскопках в Иераполисе была найдена бронзовая печать VI века, на которой изображен апостол Филипп, а у него за спиной — Мартириум и церковь Иераполиса с ведущими к ним лестницами.

На протяжении истории Иераполис не раз подвергался земле-

трясениям, поэтому сегодня вся его территория усеяна развалинами разрушенных строений, среди которых можно обнаружить остатки нескольких византийских церквей. А.С. Норов так описал свои впечатления от посещения города: «Нельзя видеть без грусти опустошительную картину развалин Иераполиса; великое множество гробниц, из которых иные еще не раскрыты, а в других видны еще окаменелые кости, разбросанные во всех направлениях среди великолепия обрушенных храмов. Обширный театр с мраморными ступенями, на которых вместо зрителей ползают ящерицы и черепахи, господствует над разрушением»*.

Иераполис стал местом подвигов не только апостолов Филиппа и Варфоломея, но и многих других святых. Иераполис, так же как Лаодикия, упоминается в Послании апостола Павла к Колоссянам. Точных указаний на то, посещал ли апостол этот город лично, не существует, но Павел говорит об усилиях (вероятно, речь идет о молитве), которые он предпринимает ради христиан Лаодикии и Иераполиса (Кол. 2, 1). Апостол также упоминает о находившемся с ним в заключении в Риме **Епафрасе**, который имел особое попечение о христианах Колосс, Иераполиса и Лаодикии.

В Иераполисе жили и были погребены две **дочери апостола Филиппа — Ермиония и Евтихия**, пришедшие сюда вместе с отцом незадолго до разрушения Иерусалима в 70 году. Проводя подвижническую жизнь, они были наделены дарами прозорливости и чудотворения. В христианский период их могилы, так же как гробница их отца, были местом паломничества и поклонения. Св. Ермиония, которая владела врачебным искусством и помогала многим страдающим, приняла мученическую смерть за христианскую веру при императоре Адриане. От ее святых мощей истекало миро, исцелявшее от различных болезней.

Известным духовным писателем эпохи раннего христианства был **иерапольский епископ св. Папий** — ученик апостола Иоанна Богослова и друг св. епископа Поликарпа Смирнского. Папию довелось лично общаться и с другими апостолами и учениками Христа. Он стал епископом Иераполиса в середине II века и получил особую известность благодаря посланию в защиту христианства, которое он направил римскому императору Марку Аврелию. Св. Папием было написано немало сочинений на христианские темы, но они не дошли до наших дней полностью и известны только по отрывкам, которые содержатся в работах других авторов. Во время гонения на христиан Папий был замучен в городе Пергаме почти в одно и то же время со св. епископом Поликарпом Смирнским.

Другим известным епископом Иераполиса стал **Аполлинарий**. Он возглавил общину христиан Иераполиса после св. Папия, примерно в 160 году, и на его долю выпала роль апологета христианской веры в дискуссиях с язычниками. По мере распространения христианства в Римской империи, объединявшей народы различных религиозных традиций, все чаще начали появляться всевозможные искажения учения, ереси и секты. В то же время представители различных философских течений распространяли ложные представления о христианстве. Отвечая на вызовы своего времени, Аполлинарий Иерапольский написал ряд сочинений полемического характера, защищающих христианство от нападок и клеветы.

В Иераполисе находится самый большой из сохранившихся в Малой Азии некрополей — каменные гробницы различных форм и размеров тянутся на протяжении почти двух километров вдоль дороги, ведущей в город с севера. В некоторых из гробниц почивают и мощи христианских святых, имена которых знает один только Бог.

Остатки восьмиконечной часовни на месте страданий апостола Фи-

*Норов А.С. Указ. соч. С. 120–121.

липпа сохранились до наших дней. За долгие столетия царящего в Иерусалиме запустения часовня утратила первоначальный вид, но духовное значение этого места остается неизменным. **Апостол Филипп победил молитвой змея в том городе, где находились замурованные ныне «врата ада».** К этому можно добавить, что сама могила апостола была найдена совсем недавно — в 2011 году — после долгих поисков. Не сами апостол Филипп призывает нас обратить внимание на его священный город?

* * *

Сегодня все семь городов Апокалипсиса стали туристическими объектами. Посещая их, можно не только ознакомиться с наследием Античности, но и открыть для себя забытые страницы жизни первых христиан и прикоснуться к тайному смыслу мировой истории. В наши дни, так же как и две тысячи лет назад, духовное значение семи церквей Апокалипсиса остается таинственным и неизменным. Вся история человечества — это непрерывная борьба за Царствие Божие или против него. Люди участву-

ют в этой борьбе, иногда даже не осознавая этого. Мир уже много раз был на грани апокалипсиса, но каждый раз свободная воля человека избирала свет, а не тьму.

Путешественник к семи городам Апокалипсиса А.С. Норов писал о том, что семь церквей Азийских выполняли великую миссию. Они находились в центре языческого мира, их наставляли сами апостолы, среди гонений хранили они под своим кровом священный огонь веры. И распространяли далее Свет Христов, который не принадлежит никакому месту — ни Иерусалиму, ни Византии, ни Риму. Потому и апостолы не искали где-либо земное царство, но создавали всемирное братство христиан. Свет Христов со временем перешел из мраморных городов Малой Азии на север, к жителям степей, где возникли новые города и царства под сенью креста.

«Итак напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего. Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников есть сия: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей» (Откр. 1, 19–20).

Вышло в свет Собрание сочинений Леонида Бородина в семи томах

Цена семитомника — 2090 рублей, включая доставку в любую точку России.

Книги можно приобрести или заказать:

— в «Книжной лавке» журнала «Москва» по адресу:

Москва, ул. Арбат, д. 20, тел. (+7 (495) 691-70-94)

— по телефону: +7 (495) 691-71-10

— по e-mail: books@moskvam.ru

— по почте: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20, редакция журнала «Москва».

ЗНАМЕНИТЫЕ МОСКВИЧИ

ОЛЕГ ТОРЧИНСКИЙ

СИМОН УШАКОВ, ЖАЛОВАННЫЙ ЦАРЕВ ИЗОГРАФ

Осенью 2015 года в Третьяковской галерее открылась и продолжилась до середины января 2016 года первая за 400 лет монографическая выставка произведений Симона Ушакова (1626–1686), замечательного иконописца XVII века: около 80 икон, писанных самим Ушаковым и приписываемых ему, его учеников, а также десять гравюр и архивные документы. Экспонаты были представлены 17 российскими музеями, включая Третьяковскую галерею, музей-заповедник «Московский Кремль», Исторический музей, Музей русских икон, Российский государственный архив древних актов (Москва), Русский музей и Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), частные собрания.

Имя Симона Ушакова неразрывно связано с Москвой. Именно здесь, в Первопрестольной столице, пролегал его творческий путь — от знаменщика, по рисункам которого создавались различные изделия в Серебряной палате и в мастерских золотного шитья, до ведущего мастера Оружейной палаты. Он не только создавал иконы и расписывал храмы, но и исполнял рисунки для шитья, украшал царские палаты, гравировал, рисовал карты и планы. На протяжении 70-х — первой половины 80-х годов XVII столетия под его руководством выполнялись ответственные заказы, к исполнению которых привлекалось множество иконописцев.

Но...

Имя Симона Ушакова входит в великую триаду русской иконописи, рядом с

именами Андрея Рублева и Дионисия. Андрей Рублев и Дионисий давно вошли в Небесный Синклит России, а Ушаков все еще крепко привязан к земле, и уже четвертый век продолжают споры о том, кем он был — великим новатором, основоположником нового стиля или «злым гением русской живописи» (так называл его не кто иной, как Игорь Грабарь, великий знаток древнерусской культуры)... Между тем ясно, что Симон Ушаков был детищем своего века — XVII, «века обмирщения».

Обмирщение сознания началось еще при отце Петра I, царе Алексее Михайловиче. С ростом и укреплением Русского государства росли и его международные связи — торговые, дипломатические, западная культура все активнее проникала на Русь. Тогдашние «новые русские» — придворные, дипломаты, торговые и военные люди,

*С.Ушаков. Спас Нерукотворный.
1661 год. Государственная
Третьяковская галерея*

богатые горожане, ученые-«книжники» — стремились выйти за пределы средневекового мышления. Утонченные идеи средневекового богословия были уже непонятны людям XVII века. Земная жизнь для них не была лишь кратковременной остановкой перед жизнью вечной. Иконописцы Нового времени стремились отразить в своем искусстве радость земного бытия, красоту материального мира, не впадая в ересь и оставаясь добрыми христианами. Ведь этот дивный мир создал Бог, первый творец и первый художник, и задача искусства — воссоздать в красках и образах красоту мира Божьего «наиболее тонко и живо».

А это значило переход к более или менее реалистическим методам, проникавшим с Запада. К каноническим сюжетам прибавлялись новые, к сонму святых праведников приписывались исторические, чисто русские персонажи (Александр Невский, Сергей Радонежский), память о которых еще была жива в народе. И люди хотели видеть небесных покровителей как можно ближе, в реальных образах и делах.

Труднейшую задачу обновления живописного языка икон и взял на себя жалованный царев изограф Симон Ушаков. Но, введя в русскую икону принципы «живоподобия» — анатомически правильные черты лица, объемность, светотень, реальные формы глаз, блестящие зрачки, прямую перспективу, — талантливый и богобоязненный живописец-новатор, совсем того не желая, разрушил великую средневековую систему иконописания, пришедшую из Византии.

Споры по поводу нового языка иконописи разразились яростные. Особенно бесновались ревнители «древнего благочестия» — старообрядцы, и прежде всех их вождь протопоп Аввакум. Уж он-то не стеснялся в выражениях. Вот его знаменитая тирада по поводу «Спаса» Симона Ушакова: «...пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутыя, также и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, ли-

шо сабли той при бедре не писано...» И ведь в чем-то прав был неистовый протопоп. Достаточно сравнить две «Троицы»: Андрея Рублева с ее бесплотными ипостасями, парящими в абстрактном золотом пространстве, и Симона Ушакова, где ангелы — мясистые юноши, грузно восседающие на скамьях, данных, кстати, в обратной перспективе. Но ревнители старого уклада не понимали одного: новая икона была не хуже, и не лучше прежней, просто она отражала духовные потребности людей иного, Нового времени.

Генератором новых идей в иконописи стали мастерские Оружейной палаты Московского Кремля, превратившиеся во второй половине XVII века в художественный центр страны, своего рода высшую школу живописи и иконописи (со временем там выделилась Иконописная палата, которой многие годы и руководил Симон Ушаков). Сюда набирали лучших мастеров не только из Москвы, но и из других городов России, с Украины, Белоруссии. На службу в Оружейную палату приглашали и иностранцев — голландцев, немцев, поляков. Они были обязаны обучать приданных им учеников писать «парсуны» (портреты) и «ленчавты» (ландшафты). Однако стиль школы изографов Оружейной палаты определяли

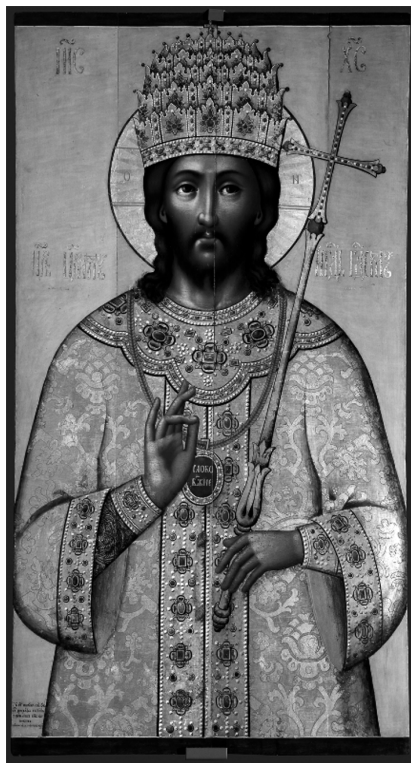
*С.Ушаков. Богоматерь
Елеуса Киккская. 1668 год.
Государственная
Третьяковская галерея*

не они, а блестящая плеяда русских мастеров, воспитанных Симоном Ушаковым. Сохранились их имена: Иосиф Владимиров, Яков Казанец, Георгий Зиновьев, Степан Резанец, Федор Зубов. Это были мастера высочайшего класса, и ни о каких порче и упадке русской иконы в связи с их творчеством нельзя говорить всерьез. Благодаря им русская иконопись XVII века стала одним из высочайших взлетов культуры допетровской Руси.

В наши дни перед иконописцами стоит вопрос: к опыту какой эпохи обращаться? В провинции идет возрождение местных школ: новгородской, ростово-суздальской, псковской, костромской, северных писем. У блестящей школы царевых изографов Оружейной палаты существует единственный наследник: иконописная мастерская «Александрия» при храме Святителя Николая Мирликийского на Преображенском кладбище. Продолжая традиции «ушаковской школы», мастера «Александрии» не остановились на простом подражании, а в чем-то продвинулись дальше предков, разработав оригинальную технологию использования цветного сусального золота, доселе в России неизвестного (мастерская приобретает его в Италии). Ассортимент включает 28 оттенков сусального и твореного

золота. Эффект удивителен: нет больше непроницаемого золотого барьера, фон живет, дышит, в переливах многообразных оттенков возникает некое внутреннее свечение — тот «нетварный свет», который пытались передать древние. Используя технику письма по цветному золоту в совокупности с игрой света и тени, мастера «Александрии» создают иконы высочайшей духовности и благородства.

И еще одну важную черту заимствовали у предков «александрійцы»: ярко выраженную гражданственную патриотическую позицию. Многие годы царевым изографам ставилась (и ставится до сих пор) «иконизация государственности» (термин признанного специалиста по «поздней русской иконе», почетного академика Российской академии художеств М.М. Красилина), то есть воплощение в иконной форме идей русской государственности, зачастую по прямым указаниям правительства и лично царя Алексея Михайловича. Конечно, мастерами «Александрии» пишется немало икон для домашнего обихода мирян. Но главное место отводится созданию больших икон «государственного звучания», цель которых — заступничество перед небесными силами за благоденствие России, за ее победоносное воинство, за силу и славу русскую. И место этим иконам не в частных домах, а в больших общественных зданиях, воинских частях и гарнизонах. Такова, например, созданная для Федеральной пограничной службы России ростовая икона покровителя пограничников — святого Ильи Муромца. «Спас» на иконах «александрійцев» напоминает хоругви, что несли русские воины по льду Чудского озера и на Куликовом поле. А Богоматерь — спасительница, заступница за Россию. В далекой Южно-Африканской Республике иконы, выполненные для иконостаса православного храма во имя преподобного Сергия Радонежского, вызывают восхищение прихожан и духовенства. Так что дело старых царевых изографов находится сегодня в надежных руках.

*Г.Зиновьев, Г.Туфанов. Царь
царем. 1694 год. Государственная
Третьяковская галерея*

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

- Один из Шереметевых
- Апостольские времена
- Праздник в Алепине

КУЛЬТУРА

**«В моем отце сказалась
преемственность,
основанная на крепких
семейных преданиях...»**

Шереметев С.Д. *Домашняя старина. М.: Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2016.*

В 1910 году читатели с интересом познакомились с воспоминаниями историка, коллекционера, крупнейшего землевладельца графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918), представителя знаменитого дворянского рода, где автор нарисовал красочную картину жизни своего отца — графа Дмитрия Николаевича Шереметева (1803–1871, сын графа Н.П. Шереметева и Прасковьи Ивановны Ковалевой, по сцене Жемчуговой, бывшей крепостной актрисы театра), и деда — графа Николая Петровича Шереметева (1751–1809), обер-камергера Павла I и Александра I, основателя Странноприимного дома в Москве. В настоящее время, учитывая ценные исторические сведения, приводимые в воспоминаниях, они переизданы Государственной публичной исторической библиотекой в рамках серии «Вглядываясь в прошлое».

Граф Сергей Дмитриевич вписал достойную страницу в историю своего рода. Получив домашнее образование и выдержав экзамены при Пажеском корпусе, он в 1863 году в чине корнета поступил на службу в Кавалергардский полк, а в 1868 году в чине ротмистра был назначен адъютантом цесаревича — великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III. В том же году граф женился на Екатерине Павловне Вяземской (1849–1929), дочери Павла Петровича Вяземского, внучке и наследнице Петра Андреевича Вяземского. Граф участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов в составе Руцукского отряда, которым командовал будущий император Александр III; был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. В 1881 году граф стал флигель-адъ-

ютантом императора Александра III. Будучи старшим в графском роду Шереметевых, Сергей Дмитриевич владел подмосковными имениями Кусково, Михайловское, Введенское, Остафьево. Его значение как общественно-го деятеля проявилось уже в 1885 году, когда граф был избран московским губернским предводителем дворянства, а в 1900 году он стал членом Государственного совета. Обладая музыкальным талантом, граф в период с 1883 по 1894 год состоял начальником Придворной певческой капеллы. Он вел широкую благотворительную деятельность, являлся попечителем Дома императрицы Александры Федоровны для призрения бедных в Санкт-Петербурге, был членом Совета Лицея, в память цесаревича Николая, и многих других учреждений. Современникам граф был также известен как автор многих исторических трудов по истории Москвы и истории подмосковных усадеб. На свои средства С.Д. Шереметев подготовил и издал русские летописи, грамоты, писцовые книги, исторические акты, в том числе рукописи из семейного архива, 12 томов сочинений П.А. Вяземского, «Остафьевский архив князей Вяземских» (т. 1–5), «Переписку и бумаги графа П.Б. Шереметева 1704–1722 годов», «Архив села Кусково» и др., а с 1890 года граф состоял почетным членом Императорской академии наук.

В своих воспоминаниях С.Д. Шереметев записал по памяти рассказы отца о родственных связях Шереметевых, об отношении мужских представителей рода к государственной службе и воспитании нового поколения старинного рода, к которому относились он сам и его брат граф Николай Дмитриевич Шереметев (1839–1843). В посвящении С.Д. Шереметев отметил: «В отце моем сказалась преемственность, основанная на крепких семейных преданиях, которая и составляла всю силу прежних поколений. Отречение от них равносильно измене коренным основам нашего рода. Отец был верным и неизменным хранителем этой древнерусской нерушимой основы».

Шереметевы не мыслили себя без служения Отечеству, на воротах своего дворца они установили герб со словами «Бог сохраняет все!», и в течение нескольких столетий российские монархи высоко ценили их службу. «Когда родился мой старший брат Николай, — писал в воспоминаниях Сергей Дмитриевич, — его восприемником был император Николай Павлович, а восприемницею — бабушка Варвара Петровна Шереметева. Государь был приветлив и благоволителен. Отец, всегда особенно ценивший всякое царское внимание, сохранил бокал, из которого пил государь, и сделал на нем надпись: “Крестили в нашей домашней церкви”».

В 1849 году маленький Сергей Шереметев потерял мать — скончалась графиня Анна Сергеевна Шереметева. Надеясь, что новая супруга заменит детям мать, граф Дмитрий Николаевич женился вторично, но брак с А.Г. Мельниковой был неудачным. Последние годы жизни Дмитрий Николаевич жил отдельно от супруги, в Кускове. Нужно отметить, что после смерти отца графу Сергею Дмитриевичу по завещанию в качестве майората (неделимого имущества, передающегося старшему в роду) отошло только имение Михайловское, все остальное он приобрел у сонаследников, выкупая имения по долговым распискам.

Воспоминания рисуют облик ушедшего на покой, погруженного в прошлое графа Дмитрия Николаевича — именно таким запомнил С.Д. Шереметев отца: «Мой отец был довольно тяжел на подъем и любил сидеть дома. <...> Особенно любил я видеть отца в свете, на каком-нибудь дипломатическом вечере. Встречался он тогда с людьми своего поколения, иногда находил приятелей и старых товарищей, и эти встречи его оживляли. Он любил держаться в стороне, в наблюдательном положении».

Граф подробно остановился на составе коллекций оружия, икон, картин в его собрании, а также на утратах: «Сохранилось и любопытное собрание музыкальных рукописных произведений прошлого столетия, в пере-

плетах того времени. Много вещей утратилось в доме; так, не осталось ни одной виолончели деда, ни одной отцовской трубки (сам он не курил никогда, но держал трубки для друзей). Говорят, янтари были особенно хороши. Всего непонятнее — это исчезновение всей переписки фельдмаршала с Петром Великим, не говоря уже о других драгоценных исторических бумагах, сберегавшихся в особом красном ларце и описи которым сохранилась».

Граф Сергей Дмитриевич имел большую семью и рассчитывал, «сознательно озираясь на прошлое и в чаянии светлого будущего, пусть выступит молодое поколение — на служение Родине, навстречу радостям и испытаниям жизни».

Татьяна ЛОБАШКОВА

«С Богом вперед, на пользу Вере, Царю и Отечеству...»

Дневник князя императорской крови Гавриила Константиновича. 1897–1916 годы. М.: ООО «Буки Веди», 2016.

В серии «Бумаги Константиновичей Дома Романовых» вышел том, содержащий полный текст дневника князя императорской крови Гавриила Константиновича за период с 1897 по 1916 год.

Рукопись дневника хранится в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде отца князя Гавриила — великого князя Константина Константиновича, известного поэта, подписывавшего свои произведения криптонимом К.Р. До сих пор дневник Гавриила Константиновича не публиковался и был мало известен широкому кругу исследователей.

Первая тетрадь дневника относится к 1897 году, когда князь решил описать свою поездку в Москву, на коронацию императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, которая состоялась в 1896 году. В эмиграции князь почти дословно вос-

произвел свои дневниковые записи в воспоминаниях, изданных в Нью-Йорке в 1955 году*.

Вторая тетрадь дневника посвящена 1899 году и содержит не только записи о времяпрепровождении князя и его старшего брата Иоанна Константиновича, но и многочисленные рисунки офицеров российской армии в обмундировании, исполненные для 12-летнего юноши.

Как и всех мужских представителей дома Романовых, князя готовили к военной карьере, и военная служба привлекала его с детства. Несмотря на то что здоровье Гавриила Константиновича было значительно ослаблено перенесенным в детстве брюшным тифом, князь успешно окончил курс кадетского корпуса, числясь в Первом московском корпусе, обучался в привилегированном военном училище Российской империи — Николаевском кавалерийском училище. Затем вместе с братом Олегом прослушал курс в Императорском Александровском лицее, а позднее, уже обладая фронтовым опытом, учился в Военной академии.

Князь Гавриил не сразу приучил себя делать регулярные записи. Можно допустить, что некоторые тетради дневника не сохранились. Однако князь сам указал в тексте, что делал весьма значительные перерывы — порой они длились несколько лет.

С 1905 по 1907 год князь вместе со старшим братом Иоанном поступил в Николаевское кавалерийское училище. Гавриил Константинович окончил училище в 1907 году по 1-му разряду, был произведен из портупей-юнкеров в корнеты и вышел в 4-й эскадрон лейб-гвардии Гусарского полка. В дневнике князь подробно описал производство в офицеры и радость родителей, увидевших своих старших сыновей вступившими во взрослую жизнь. 6 января 1908 года князя принесли военную присягу как флигель-адъютанты. Этот знаменательный

* См.: *Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.*

день на всю жизнь остался в памяти Гавриила Константиновича, поэтому описание этого события занимает несколько страниц дневника.

Получив военное образование, князь Гавриил вышел в лейб-гвардии Гусарский полк, куда позднее были зачислены его два младших брата — Олег и Игорь. Начало службы в полку, поход в его составе на театр военных действий Первой мировой прервали дневниковые записи Гавриила Константиновича. Вернувшись к ведению дневника 1 января 1916 года, князь кратко перечислил все значимые для него и всех Константиновичей события: «Прошло почти 9 лет с тех пор, как я не пишу в этом дневнике и вообще не пишу дневник. За это время я успел пройти курс Лицея и побывать на войне, которая еще и посейчас продолжается. Не стало Ан-мама, Павки, Папа и Олега. Иоанчик женился, а Татяна вышла замуж и уже овдовела. Бедный ее Костя убит этим летом на войне. Да будет во всем Воля Божья!!! Я тоже женился, но, к сожалению, только гражданским браком, на Антонине Рафаиловне (Степанович) Нестеровской. Мы с ней сошлись 9 апреля 1912 года в Монте-Карло, а 18 мая обручились секретно на квартире ее дяди Степана Васильевича Нестеровского, чтобы благословить и закрепить наш союз. Нынче осенью я отчислился из полка в Свиту Его Императорского Величества, п[отому] ч[то] по слабости здоровья не могу нести строевую службу. В настоящее время я ничего не делаю, но собираюсь готовиться в Академию Генерального Штаба».

Со страниц дневника его автор предстает как заботливый сын, любящий и преклоняющийся перед родителями, особенно отцом, «дорогим Папа». Всегда послушный воле родителей, он тайно обручился с балериной Мариинского театра Антониной Нестеровской, обвенчался с ней в 1917 году и прожил с ней вплоть до кончины «любимой Нины» в 1950 году, которая приложила все усилия, чтобы освободить мужа из заключения в революционной России.

Князь постоянно уповал в своих действиях, даже обыденных, только

на Бога. С детства его воспитывали в строго религиозном духе, и, судя по дневнику, набожность князя была истинной, не напускной. Отсюда отношение к государю и царской власти как данной от Бога. Князь писал в дневнике 1916 года: «Верю, что *Vouloir, c'est pouvoir**, *Sempre avanti***, всегда вперед, но только на Бога, без Бога ни шагу. Вздор утверждают люди, думая, что к Господу нельзя обращаться с житейскими мелочами. Обращаться к Нему следует всегда, и всегда помнить, что без него не сделаешь ни шагу, и так, с Богом, вперед, на пользу Вере, Царю и Отечеству».

Наблюдая изменение взаимоотношений внутри императорского дома, князь с горечью писал: «Я плакал, читая про кончину А[лександр] Н[иколаевны]***. Какой она была дивный человек, и какие дивные отношения были тогда в Семействе. А что теперь — все распадается, это горько и обидно! Но ведь это естественно и, может быть, неизбежно».

Дневник Гавриила Константиновича не только содержит огромное количество сведений, но и является своего рода образчиком языка молодежи того времени, помогает составить психологический портрет представителя верхушки Российской империи, с его чаяниями, мировосприятием и верой.

Судьба князя сложилась счастливее многих его родственников: три брата Гавриила — Иоанн, Константин и Игорь были убиты под Алапаевском в 1918 году; брат Олег погиб в 1914 году на фронте, дядя, великий князь Дмитрий Константинович, был расстрелян в 1919 году. Князю Гавриилу удалось эмигрировать сначала в Финляндию, затем во Францию. 15 мая 1939 года великий князь Владимир Кириллович, провозгласивший себя главой императорского дома, пожаловал князю Гавриилу Константиновичу титул великого князя.

---

* Где хотенье, там и уменье (*фр. по-словца*).

** Всегда вперед (*итал.*).

*** Имеется в виду сестра деда князя Гавриила — великая княгиня Александра Николаевна, дочь императора Николая I.

Гавриил Константинович жил воспоминаниями о прекрасном прошлом, где статус играл решающую роль, и известие о великокняжеском титуле было огромной радостью для него. Великий князь Гавриил Константинович скончался 28 февраля 1955 года и был погребен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Александр АЛЕКСЕЕВСКИЙ

Солоухинский праздник в Алепине

С одной стороны подъезжаешь к Алепину по ровному месту, а на три другие стороны открываются из села близкие и далекие окрестности, расположенные внизу, гораздо ниже села. По самой низинке петляет река Ворща... А над всем миром, по всему полуденному небу — белые облака, плоские снизу и необыкновенно причудливые, округлые, кудрявые наверху. Редко разбежались они по синему своему пастбищу, почти не мешают солнцу жарить и парить в разгаре летнего дня.

Владимир Солоухин

В современной России любят придумывать праздники. Все уже привыкли к тому, что очередное шумное начинание нужно для «отмывания» денег. Как правило, подобные нелепые инициативы со стороны властей быстро сходят на нет за ненадобностью и из-за полного безразличия к ним народа. Но есть и совсем иные явления в России. К примеру, Солоухинский праздник, который каждый год проходит в родном селе писателя Алепине.

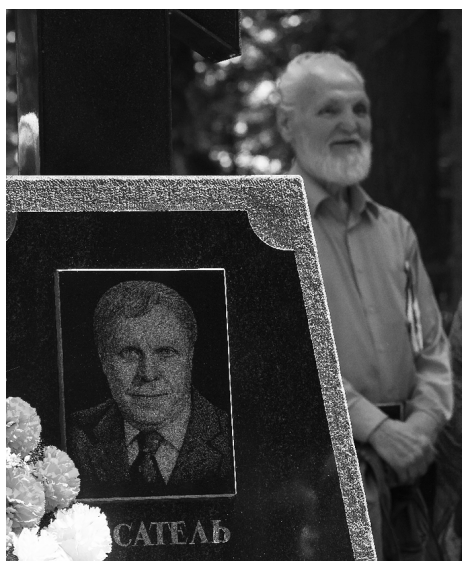
В апреле 1997 года здесь были проведены первые Солоухинские чтения. А официально этот праздник стал проходить только со следующего, 1998 года. И жива эта традиция до сих пор.

Почти 20 лет сюда на Владимирскую землю 14 июня приезжают люди, чтобы

На могиле В.А.Солоухина в Алепине

отметить день рождения выдающегося русского писателя Владимира Алексеевича Солоухина. Вспомнить его самого, поговорить о его творчестве, поделиться планами, услышать музыку, поддержать молодых, тех, кто только вступает на литературные мостки. И обязательно сходиться на тихое деревенское кладбище, где в тени сосен — могила Владимира Алексеевича. А потом вернуться на праздник

Владимир Крутин

Нина Карташова

в Алепино. Здесь все по-родственному просто. Эстрада под сенью лип, деревянные подмостки, скамейки рядом с домом писателя. А недалеко вдоль проселочной дороги на прилавках — книги, местные сувениры, сладости. Народу собирается много, кто приезжает на машинах, кто — в автобусах. Местные владимирские власти поддерживают праздник, но, к сожалению, даже в Год

литературы никто не задумался о том, чтобы придать ему государственный статус. Многолетним благотворителем и организатором Солоухинских чтений является Фонд «Энциклопедия Серафима Саровского» во главе с его председателем Михаилом Мендосой. Но его усилий недостаточно, хотя честь ему, хвала и благодарность.

У нас по-прежнему прокладывают асфальтированные дорожки там, где никто не ходит, а на народные тропинки не обращают внимания. А стоило бы! Хотелось все-таки, чтобы в 2017-м, в год 20-летия со дня ухода Владимира Солоухина, проснулись бы Министерство культуры РФ, Союз писателей России, Литературный институт, Фонд Славянской письменности и многие другие организации. Ведь творчество Владимира Алексеевича неразрывно связано с великой русской литературой, жизнью народа. И если все это помнится и бережется людьми, грех не поддержать эту традицию на высоком государственном уровне.

Оксана ЛИПИНА

*Фотографии Николая Карачева
и Владимира Осадчего*

Михаил Мендоса

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

АЛЕКСАНДР ВАСЬКИН

ОПЛОТ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ: К ИСТОРИИ БЛАГОРОДНОГО СОБРАНИЯ МОСКВЫ

СТАТЬЯ 4. «Я ПОМНЮ: ПЕРЕЛИВЫ ЛЮСТР; Я ПОМНЮ: ЗАЛ БЕЛОКОЛОННЫЙ...»

В Благородном собрании созывались съезды дворянских губернских и уездных обществ, как обычные, так и чрезвычайные. На них съезжались все местные потомственные дворяне, которые выбирали губернских и уездных предводителей дворянства. Особенно торжественным был съезд 19 февраля 1911 года, приуроченный к полувековому юбилею отмены крепостного права.

В 9 часов утра все официальные лица, московские чиновники и гости отправились в Успенский собор на литургию и молебен. Затем участники праздника проследовали на банкет в Благородное собрание. Предводитель московского дворянства А.Д. Самарин, обратившись к ним с приветственным словом и указав, что в этот знаменательный день он приветствует вековую связь между дворянами и крестьянами, объединенными любовью и преданностью своему государю, провозгласил здравицу за царя. Затем Самарин добавил, что московское дворянство радо видеть у себя крестьян, ибо это и есть доказательство отсутствия розни между обоими сословиями, и поднял бокал за крестьян Московской губернии.

К обеду в Благородное собрание начали съезжаться дворяне с семьями, при входе в Екатерининский зал всем гостям вручали «Памятку московского дворянства к 50-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости». Когда все собрались, отслужена была панихида по царю-освободителю Александру II и всем московским дворянам, принимавшим участие в разработке и проведении в жизнь реформы.

Что было дальше, описывает Владимир Федорович Джунковский (1865–1938), губернатор Москвы в 1908–1913 годах:

«В половине третьего в большом Колонном зале собрания состоялось торжественное заседание губернского присутствия, перед началом которого было отслужено молебствие в Екатерининском зале. После молебствия все приглашенные перешли в Колонный зал. Здесь, на особом возвышении, покрытом красным

сукном, был установлен портрет царя-освободителя, богато украшенный тропической зеленью. Перед портретом были размещены два ряда кресел и стол, на котором лежало историческое перо, которым царь-освободитель начертал свое имя на Положении 19 февраля 1861 года. Справа от стола, в тропической зелени, была помещена кафедра для лиц, имевших доклады.

Огромный красивый зал собрания, залитый электрическим светом, был переполнен приглашенными лицами. В первом ряду, перед столом, за которым заняли места члены губернского присутствия, поместились преосвященные епископы Московской епархии — Трифон, Анастасий и Василий, командующий войсками Московского военного округа генерал от кавалерии П.А. Плеве, командир гренадерского корпуса генерал от инфантерии Э.Б. Экк, московский градоначальник генерал-майор А.А. Адрианов, московский городской голова Н.И. Гучков, почетный опекун генерал от кавалерии А.А. Пушкин, директор Исторического музея князь Н.С. Щербатов и много других приглашенных, среди них предводители и депутаты дворянства с супругами, земские начальники, волостные старшины, председатели судов и т.д.

На эстраде, за столом, разместился состав губернского присутствия. Председательское место занял я, рядом со мною, справа, занял место губернский предводитель дворянства А.Д. Самарин.

В два с половиной часа я объявил торжественное заседание открытым. После этого я предложил выслушать высочайший рескрипт, данный государем на имя Председателя Совета министров П.А. Столыпина, по прочтении которого я провозгласил “ура” Государю, причем оркестр и синодальный хор, находившиеся на хорах, исполнили национальный гимн. Тогда по желанию всех собравшихся составлена была депеша Государю с выражением беззаветной преданности его величеству всего собрания и готовности отдать все силы на служение царю и Родине. По одобрении текста депеша была послана. Следующая речь была губернского предводителя дворянства егермейстера высочайшего двора А.Д. Самарина. Речь А.Д. Самарина была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Затем выступил заместитель председателя губернской земской управы А.Е. Грузинов.

Торжественное заседание закончилось речью вице-губернатора А.М. Устинова, который сделал исторический очерк всех губернских учреждений — от начала крестьянской реформы до наших дней, всех последовательных начинаний в деле устройства крестьянства. Затем были оглашены телеграммы от бывших мировых посредников В.К. Шлиппе и князя Н.П. Трубецкого, после чего я обратился с несколькими благодарственными словами к московскому дворянству, любезно и гостеприимно предоставившему дом российского благородного дворянства для юбилейного собрания, и объявил торжественное заседание Московского губернского присутствия закрытым».

Благородное собрание до постройки Московской консерватории было основной площадкой Императорского Русского музыкального общества. Оно было создано в 1859 году в Петербурге, а в 1860 году открылось и в Москве. Главной целью его было просвещение широких слоев населения: «Содействовать распространению музыкального образования в России, способствовать развитию всех отраслей музыкального искусства и поощрять способных русских художников (сочинителей и исполнителей) и преподавателей музыкальных предметов», — читаем мы в уставе общества. Более определенно выразился один из его организаторов, брат критика В.В. Стасова — Д.В. Стасов: «Сделать хорошую музыку доступной большим массам публики».

В составе оркестра Императорского Русского музыкального общества, которым руководил Николай Рубинштейн, выступали лучшие на тот момент музыканты. Дирижерами были сам Рубинштейн и его брат Антон, а также П.И. Чайковский, С.И. Танеев, А.К. Глазунов, С.В. Рахманинов, Н.А. Римский-Корсаков, А.Н. Скрябин, В.И. Сафонов, М.М. Ипполитов-Иванов. Из-за грани-

цы приезжали и дирижировали премьерами своих сочинений Берлиоз, Дворжак, Малер, Штраус.

На концертах (нередко благотворительных, в пользу больниц, приютов, богаделен) исполнялась музыка Баха, Бетховена, Генделя, Гайдна, Моцарта, Мендельсона, Брамса, Шумана, Берлиоза, Вагнера, Листа. Просветительская цель общества достигалась в том числе и благодаря общедоступным концертам, билеты на которые были весьма недороги.

Описание одного из таких концертов, обычно проводившихся по субботам и собиравших «всю Москву», находим у Петра Боборыкина в романе «Китай-город»:

«Двери хлопали, сквозной ветер так и гулял. В больших сенях стеной стояли лакеи с шубами. Все прибывающие дамы раздевались у лестницы. Белый и голубой цвета преобладали в платьях. По красному сукну ступенек поднимались слегка колеблющиеся, длинные, обтянутые женские фигуры, волоча шлейфы или подбирая их одной рукой. На площадке перед широким зеркалом стояли несколько дам и оправлялись. Правее и левее у зеркала же топтались молодые люди во фраках, двое даже в белых галстуках. Они надевали перчатки. На этот концерт съехалась вся Москва. В программе стояла приезжая из Милана певица и исполнение в первый раз новой вещи Чайковского.

Мраморный лев глядится в зеркало. Его голова и щит с гербом придают лестнице торжественный стиль. Потолок не успел еще закоптиться. Он лепной. Жирандоли на верхней площадке зажжены во все рожки. Там, у мраморных сквозных перил, мужчины стоят и ждут, перегнувшись книзу. На стуле сидит частный пристав и разговаривает с худым желтым брюнетом в сюртуке, имеющим вид смотрителя».

А вот и ритуал раздевания: «Суматоха и в сенях, и левее, за арками, где отдают на сбережение платьев приехавшие без своей прислуги. Оттуда выбегали обдерганные, нечистые лакеи, нанимающиеся поденно, приставали к публике, тащили каждый к себе, совали нумера. На прилавке складывались шубы и пальто, калоши клались в холщовые мешки — и все это исчезало в глубинах помещения с перегорками».

Посещение концертов равносильно было выходу в свет, многие, особенно женщины, ездили в Благородное собрание не только слушать Чайковского: «Люстры были зажжены не во все свечи. Свет терялся в пыльной мгле между толстыми колоннами; с хор виднелись ряды голов в два яруса, открывались шеи, рукава, иногда целый бюст... Все это тонуло в темноте стены, прорезанной полукруглыми окнами. За колоннами внизу, на диванах, сплошной цепью расселись рано забравшиеся посетительницы концертов, и чем ближе к эстраде, помещающейся перед круглой гостиной, тем женщин больше и больше. В гостиной вдоль арок, на четырех рядах кресел, на больших диванах и по всей противоположной стене жужжит целый рой женских сдержанных голосов. Темных платьев почти не было видно... Здесь только в начале концерта слушают, но разговоры не прекращаются. Это салон, приставленный к концертной зале... Углубиться в симфонию невозможно... Тут же “вся Москва”, и та, что притворяется любительницей музыки, и та, что не знает, где ей показать себя... “Музыкалка” превратилась в выставку нарядов и невест, в вечернюю Голофтеевскую галерею, куда ездят лорнировать, шептаться по углам, громко говорить посредине, зевать, встречаться со знакомыми на разъезде. Большой город, большое общество, когда видишь его в куче, и деньгами пахнет, и пожить хочется всем».

Сразу можно было понять, кто и зачем пришел. В партер направлялась публика побогаче, в платьях и фраках, а на хоры народ победнее — дамы в простеньких туалетах, в черных шерстяных платьях, старушки, пожилые барыни в наколках, гимназисты, девочки-подростки и дети.

В 1880 году Благородное собрание превратилось в центр торжеств по случаю открытия в Москве памятника Пушкину. Пушкинский праздник был

организован Обществом любителей российской словесности, и поначалу его наметили на день рождения поэта — 26 мая 1880 года (по старому стилю), но смерть императрицы нарушила эти планы. По окончании траура, 6 июня 1880 года, на Тверском бульваре торжественно явили миру первый в России памятник поэту. А вечером состоялось литературно-музыкальное собрание в Колонном зале. На следующий день праздник продолжился там же публичным заседанием с чтением речей, а 8 июня — заключительным заседанием. Завершился праздник концертом.

Писателя Глеба Успенского поразило пустословие заседаний в собрании:

«Вчера, 8 июня, музыкально-литературным вечером в залах Благородного собрания окончились четырехдневные торжества в честь открытия памятника Пушкину, и сегодня же мне бы хотелось передать вынесенные впечатления. В течение двух с половиною суток никто почти (за исключением Тургенева, Достоевского) не считал возможным выяснить идеалы и заботы, волновавшие умную голову Пушкина. Напротив, руководствуясь в характеристике его личности и дарования фактами, исключительно относившимися к его времени, господа ораторы, при всем своем рвении, и то только едва-едва, сумели выяснить Пушкина в прошлом, отдали это значение в глубь прошлого. Привязанные, точно веревкой, к великому имени Пушкина, они сумели-таки поутомить внимание слушателей, под конец торжеств начавших даже чувствовать некоторую оскормину от ежемгновенного повторения “Пушкин”, “Пушкина”, “Пушкину”!.. И чего-чего только не говорилось о нем! Он сказочный богатырь, Илья Муромец, да, пожалуй, чуть ли даже и не Соловей-разбойник! Он летает на ковче-самолете, носится из конца в конец, из Петербурга в Кишинев, в Одессу, в Крым, на Кавказ, в Москву. Пушкин — это возбуждение русской музы, это незапечатленный ключ, Пушкин слышит дальний отзыв друга, бред цыганки, песню Грузии, крик орла, заунывный ропот океана. Пушкина чествят и славят всяк народ и всяк язык, но мы, русские, юнейшие из народов, мы, узнавшие себя в первый раз в его творениях, мы приветствуем Пушкина как предтечу тех чудес, которые, может быть, нам “суждено явить”.

Утомленная речами ораторов публика с надеждой ожидала выступления Ивана Сергеевича Тургенева — скажет ли он действительно что-то важное и новое о Пушкине. Писатель попытался объяснить, почему забыли великого русского поэта, ибо памятник ему открылся более чем сорок лет после его смерти, что, согласитесь, несколько странно. Главный вывод автора “Записок охотника” был таков: причина охлаждения общества к творчеству Пушкина лежала в историческом развитии общества. Забвение поэта произошло оттого, что возникли неожиданные, но законные и неотразимые потребности, явились запросы, на которые нельзя было не дать ответа. Не до поэзии, не до художества было тогда... Поэт-эхо (Пушкин. — А.В.) сменился поэтом-глашатаем; раздался голос “мести и печали”, а за ним явились и пошли другие, пошли сами и повели за собою нарастающее поколение».

Речь Тургенева в Благородном собрании была, несмотря на аплодисменты, встречена холодно. А все потому, что, как отмечал М.М. Ковалевский, «слово, сказанное Тургеневым на публичном заседании в память Пушкина, по содержанию своему было рассчитано не столько на большую, сколько на избранную публику. Не было в нем речи о русском человеке как всечеловеке ни о необходимости человеку образованному смириться перед народом, перенять его вкусы и убеждения. Тургенев ограничился тем, что охарактеризовал Пушкина как художника. Сказанное им было слишком тонко и умно, чтобы быть оцененным всеми. Его слова направлялись более к разуму, нежели к чувству толпы».

А вот когда на сцену вышел Достоевский, тут и началось. До этого писатель «смирнехонько» сидел, притулившись у сцены, что-то кропая в тетрадке. Но как только Федор Михайлович заговорил, «не прошло пяти минут, как у него во власти были все сердца, все мысли, вся душа всякого, без различия, присут-

ствовавшего в собрании. Говорил он просто, совершенно так, как бы разговаривал с знакомыми людьми, не надседаая в выкрикивании громких фраз, не закидывая головы. Просто и внятно, без малейших отступлений и ненужных украшений, он сказал публике, что думает о Пушкине как выразителе стремлений, надежд и желаний той самой публики, которая слушает его сию минуту, в этом же зале. Он нашел возможным, так сказать, привести Пушкина в этот зал и устами его объяснить обществу, собравшемуся здесь, кое-что в теперешнем его положении, в теперешней заботе, в теперешней тоске. До Достоевского этого никто не делал, и вот главная причина необыкновенного успеха его речи».

Что же такого сказал Достоевский в тот день о Пушкине, что его речь разошлась на цитаты? Вот ее важнейшие положения: «Пушкин, как личность и как поэт, есть самобытнейшее, великолепнейшее выражение всех свойств чисто русского духа. Эта чисто русская самобытность не покидала Пушкина даже в самом раннем периоде его деятельности, в период подражательности иностранным образцам. Изучая Пушкина, можешь в совершенстве знать — что такое, какие сокровища заключает в себе душа русского человека, какими муками она томится, и в то же время можешь с точностью определить, на какую потребу, на какую задачу в жизни всего человечества нужны и предназначены эти прирожденные русской натуре, русской душе качества».

Достоевский также изрек, что русский человек по сути своей скиталец и страдает за все человечество ради его счастья. И «Пушкин, чуткий душой, провидел эту предназначенную русскому народу миссию и в самую раннюю пору литературной деятельности изобразил такого скитальца сначала в Алеко, потом в Евгении Онегине». И пока это счастье не наступит, русскому человеку суждено блуждать и мучиться. Достоевскому устроили оглушительную овацию, один из молодых слушателей, пожавший ему руку, даже упал в обморок.

В середине февраля 1884 года московские газеты объявили о предстоящем благотворительном бале в Благородном собрании. Бал затевался Французским благотворительным обществом, основанным в Москве еще в 1829 году. А вот и подробности: «Большой костюмированный бал-паре. Часть сбора с бала будет предоставлена в пользу недостаточных студентов Московского университета. Большой оркестр под управлением г-на Рябова. Военный оркестр. Залы будут богато убраны цветами, растениями, эмблемами и проч. Большое аллегри, в состав выигрышей которого войдет большое количество ценных предметов. Главный выигрыш: ваза севрского фарфора, дар президента французской республики. Второй выигрыш — прибор для камина, стоящий 600 руб., пожертвованный г-н Шопен. Прохладительные напитки и мороженое будут предлагаться публике бесплатно. В беседках будут продаваться живые цветы, выписанные из Ниццы, а также шампанское».

Газета с объявлением попала на глаза молодому фельетонисту Антоше Чехонте, очень рассмешили его «живые цветы, выписанные из Ниццы», вдохновив на сочинение рассказика «Сон репортера», опубликованного в седьмом номере журнала «Будильник». Герою фельетона корреспонденту Петру Семеновичу снится, как его «карета останавливается у подъезда Благородного собрания. Он, нахмутив лоб, сдает свое платье и с важностью идет вверх по богато убранной, освещенной лестнице. Тропические растения, цветы из Ниццы, костюмы, стоящие тысячи». Затем он выигрывает ту самую вазу от французского президента и знакомится со «знатной француженкой», выписанной «из Ниццы вместе с цветами». В итоге она же и разбивает вазу кулаком, а Петр Семенович падает во сне с дивана.

Я помню: переливы люстр;
Я помню: зал белоколонный
Звучит Бетховеном, волной;
И Благородное собранье.

Так писал Андрей Белый в поэме «Первое свидание». А вот Маяковский не вынес исполнения музыки Рахманинова, так и записал 4 февраля 1912 года: «Благородное собрание. Концерт. Рахманинов. Остров мертвых. Бежал от невыносимой мелодизированной скуки. Через минуту и Бурлюк. Расхохотались друг в друга. Вышли шлаться вместе».

В Благородном собрании пели солисты императорских театров Шаляпин, Нежданова, Обухова, Пирогов, танцевали Гельцер и Тихомиров. С восторгом принимала публика концерты своего кумира Леонида Собинова в нулевых годах XX столетия, поклонницы «русского Орфея» неистовствовали. У Тэффи в одной из ее зарисовок фигурирует «собиновская психопатка на концерте в Дворянском Собрании».

Чтобы выступать вне сцены императорского театра, ее актеру нужно было еще просить разрешения, ибо дирекция запрещала всякого рода антрепризы. В таких случаях артисты повторяли слова из гоголевского «Ревизора»: «Помилуйте, казенного жалованья не хватает на чай и сахар». И тогда им шли навстречу, разрешая выступать на благотворительных вечерах, но при одном условии — только не под своими фамилиями. Вот и висели в собрании афиши, где вместо знаменитых фамилий в каждой строчке только точки. Но публика знала: если напротив Ленского стоят точки, значит, поет Собинов, а монолог Чацкого и Гамлета исполнит Южин из Малого театра. Фамилии остальных участников благотворительных концертов остроумно сокращали — Д.Ал. Матов, Х.О. Хлов, П.Р. Авдин. В одной из газет после концерта как-то написали: «И даже некто П.И. Рогов поет как будто Пирогов».

Случались в собрании и комические происшествия, в которые приходилось вмешиваться полиции. На рубеже XIX–XX веков в Москве организовался литературный кружок «Среда», одним из вдохновителей которого явился Николай Телешов. Диапазон кружка был весьма широким, кто только не выступал на его собраниях. В декабре 1902 года Леониду Андрееву, члену кружка, было поручено устроить литературный вечер в пользу Общества помощи учащимся женщинам. Андреев согласился, позвав с собой коллег из «Среды». Телешов рассказывал:

«Сам он (Андреев. — А.В.) решил прочитать новый рассказ “Иностранец”, Найденов — отрывок из пьесы “Жильцы”, Бунин — “На край света”, на мою долю досталась легенда “О трех юношах” и на долю Скитальца — стихи. Интерес к группе писателей из “Среды” в то время только что разрастался, и билеты брались бойко. Громадный Колонный зал бывшего Благородного собрания, теперешнего Дома союзов, был переполнен. Авторы, впервые появившихся перед публикой на эстраде, шумно и долго приветствовали; успех вечера ярко определился. По установившемуся обычаю, на больших вечерах, особенно в лучшем из московских помещений, исполнители одевались парадно: певицы — в бальных платьях, чтецы и музыканты — во фраках. Один только Скиталец, пришедший к самому концу вечера, явился в неизменной своей блузе и только вместо обыкновенного галстука размахнул по всей груди какой-то широкий синий бант. Ввиду опоздания ему достался самый последний, заключительный номер. И вот в раскаленную уже успехом вечера атмосферу, после скрипок, фраков, причесок и дамских декольте, вдруг врывается нечто новое, еще невиданное в этих стенах — на эстраду почти вбегает косматый, свирепого вида блузник, делает движения, как бы собираясь засучивать рукава, быстрыми шагами подходит к самому краю помоста и, вскинув голову, громким голосом, на весь огромный зал, переполненный нарядной публикой, выбрасывает слова, точно камни:

...Пусть лежит у вас на сердце тень!

Песнь моя не понравится вам:

Зазвенит она, словно кистень,
 По пустым головам!
 Я к вам явился возвестить:
 Жизнь казни вашей ждет!
 Жизнь хочет вам нещадно мстить —
 Она за мной идет!..

Когда он окончил это стихотворение и замолк, то поднялся в зале не только стук, треск и гром, но буквально заревела буря. По словам газеты “Курьер”, сохранившейся у меня в вырезке, “буря эта превратилась в настоящий ураган, когда Скиталец на бис прочел стихотворение «Нет, я не с вами». Стены Благородного собрания, вероятно, в первый раз слышали такие песни и никогда не видели исполнителя в столь простом костюме...” Так сообщала газета. Так это все и было на самом деле. Но в тогдашних газетах все-таки нельзя было написать обо всем, что случилось.

Я ненавижу глубоко, страстно
 Всех вас; вы — жабы в гнилом болоте! —

так выкрикивал Скиталец в публику громовым голосом, потрясая над головой рукою и встряхивая волосами:

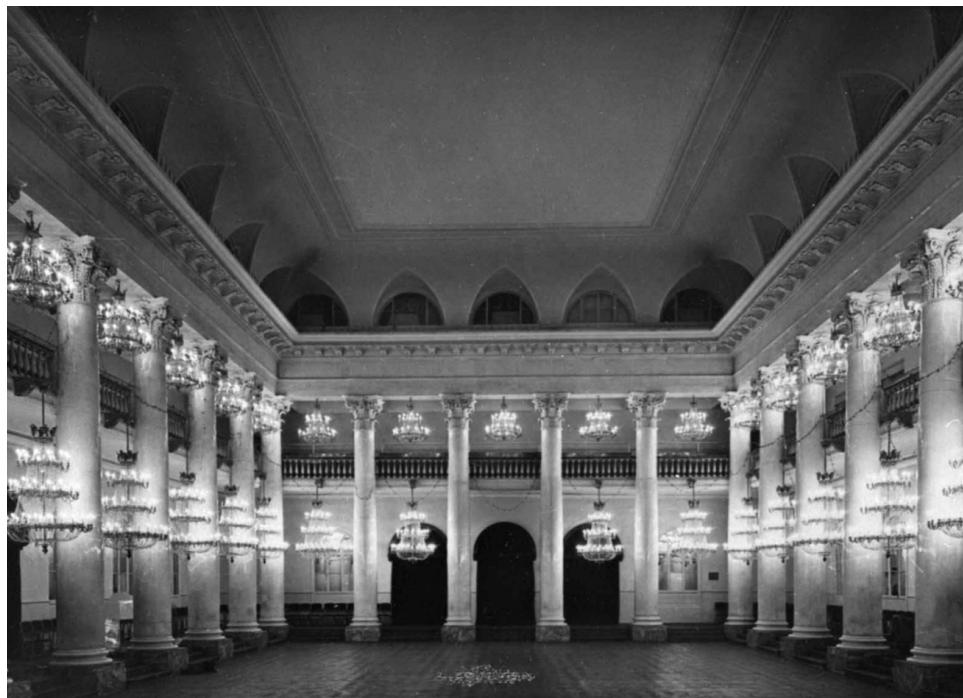
Мой бог — не ваш бог; ваш бог прощает...
 А мой бог — мститель! Мой бог карает!
 Мой бог предаст вас громам и карам,
 Господь мой грянет грозой над вами
 И оживит вас своим ударом!

Полицейский пристав, сидевший на дежурстве в первом ряду кресел, не дожидаясь конца, не поднялся, а вскочил и резко заявил, что прекращает концерт. Публика с криками бросилась с мест к эстраде, придвинулась вплотную, а молодежь полезла даже на самый помост, чтобы приветствовать автора; кричали: “Качать! Качать!..” Стук и топот, визг и крики, восторги и возмущение — все это оглушало, ничего нельзя было разобрать. Полиция распорядилась гасить огни. И блестящий зал сразу потускнел. Одна за одной гасли огромные люстры, но народ не расходился и все кричал и стучал, вызывая Скитальца на бис. В зале становилось уже темно. Наконец полиция явилась в артистическую комнату, где для участвующих был сервирован чай.

— Немедленно покиньте помещение!

И когда удалили исполнителей, публика поневоле затихла и в полутьме побрела к своим шубам. Но на улице, возле подъезда, опять поднялись возгласы и крики.

Кончилось все это тем, что Скиталец уехал на Волгу, Общество помощи учащимся женщинам заработало с вечера хорошую сумму, а Леонид Андреев, как официальный устроитель вечера, подписавший афишу, внезапно был привлечен к ответственности в уголовном порядке за то, что не воспрепятствовал Скитальцу прочитать стихотворение, где пророчилась революция и гнев народный. Газету “Курьер” за то, что она на другой день поместила сочувственный отчет о вечере и напечатала стихотворение Скитальца “Гусляр”, им прочитанное, запретили на несколько месяцев. В дальнейшем всех нас вызывали к следователю для допроса, а затем свидетелями в суд, где Андреев сидел на скамье подсудимых и чуть-чуть не пострадал неведомо за что. “Писал Скиталец, читал Скиталец и прославился Скиталец, а меня хотят посадить либо выслать”, — смеялся Леонид Николаевич уже в зале суда перед началом процесса. Однако суд его оправдал».

Колонный зал Дома Союзов

В самом начале XX века в Благородном собрании вновь собрались архитекторы и строители. Апологет модерна Александр Фелицианович Мейснер получил заказ на перестройку и расширение здания. Надо отдать ему должное, старый особняк он пожалел, пойдя против моды и изменяя его пропорции в стиле классицизма XVIII века. Он надстроил Благородное собрание третьим этажом, изменил композицию фасадов и внутреннюю планировку, однако интерьер казачковского Колонного зала и прилегающих гостиных сохранил нетронутым. Первый этаж стал цокольным, над ним возник колонный портик. Здание подросло и поправилось, но от этого не потеряло своей легкости и изящности, таким оно и осталось сегодня.

После 1917 года прекратило свое существование не только Благородное собрание, но и то могучее государство, лучшие представители которого были в нем представлены. За зданием прочно закрепилось новое название — Дом Союзов, но это уже другая история...

Николай КАВЕРИН

МЕЧТЫ ОБНОВЛЕНЦЕВ СБЫВАЮТСЯ: В МОСКВЕ СТАЛИ СТРОИТЬ ХРАМЫ С НИЗКИМИ ИКОНОСТАСАМИ

6 марта 2016 года был освящен храм Александра Невского при МГИМО. Внутреннее убранство храма выглядит нетрадиционно: очень низкий иконостас, высотой менее одного метра. Да само слово «иконостас» к этой перегородке неприменимо: **на ней нет икон!** Как говорят сами неообновленцы, все это делается в миссионерских и учебно-просветительских целях.

Очевидно, что служение с открытым алтарем **не даст никакого миссионерского эффекта**. Большинство мирян и так уверены, что священник чем-то занят у престола. Неужели для того, чтобы узнать, чем именно священник там занят, надо просто упразднить иконостас, как это практиковали обновленцы в 20-х годах XX столетия и как, по-видимому, пытается возродить практику обновленцев нынешнее церковное священноначалие?

С точки зрения обновленцев, в том числе и современных, традиционный высокий иконостас не нужен, ибо он недемократично отделяет одно священство, которое у престола в алтаре, от другого священства, которое не у престола. Везде должно сохраняться равноправие, с которым наличие в Церкви иерархии, иконостаса, «секретных» молитв и прочего — несовместимо и недопустимо, ибо **недемократично!**

Помимо канонических соображений, в этом характерном для многих обновленцев стремлении служить с низким иконостасом или же с открытыми Царскими вратами содержится духовная болезнь. Они явно не понимают значение иконостаса и потому искажают в своей литургической практике его значение как духовно-материальной границы между пространством алтаря (местом особого Божественного присутствия) и храма (местом собрания народа Божьего). Фактически обновленцы (как старые, так и современные), упраздняя иконостас и Царские врата, оказываются в известном смысле **практикующими иконоборцами**.

Если же ради туманных «миссионерских целей» изменять все, для того чтобы все было видно и понятно, то нужно служить, как католики мессу — без иконостаса и лицом к народу (так, кстати, в 20-х годах XX века служил обновленческий епископ Антонин Грановский в Заиконоспасском монастыре). Но тогда мы лишимся того великого богословского и символического смысла всех литургических действий, который вложен в наше богослужение.

Если религиозное сознание православных верующих привыкло окружать особым благоговением то место, где совершается величайшее из таинств — святая евхаристия, то реформаторы-обновленцы 20-х годов требовали открыть алтарь и даже перенести престол из алтаря на середину храма, чтобы действия священника были видны молящимся. Именно так и совершал богослужения, в частности, епископ Антонин (Грановский) в Заиконоспасском монастыре — выдвинув престол из алтаря на солею.

На «соборе» союза «Церковное возрождение» Антонин говорил: «Народ также требует, чтобы он мог созерцать, видеть то, что делает священник в алтаре во время богослужения. Народу хочется не только слышать голос, но и видеть действия священника. Союз “Церковное возрождение” дает ему требуемое» (Труды первого Всероссийского съезда или собора союза «Церковное возрождение». М., 1925. С. 25).

Антонин (Грановский) рассказывал, как он предлагал в 1924 году верующим похлопотать у власти об открытии одного храма, но с условием: принять русский язык и открыть алтарь. Верующие обратились за советом к патриарху Тихону. Святейший Тихон ответил: пусть лучше церковь провалится, а на этих условиях не берите.

Антонин говорил по поводу высказывания патриарха Тихона: «Посмотрите на сектантов всех толков. Никто не устраивает в своих молельнях скворечников. Все католичество, вся реформация держит алтари отгороженными, но открытыми. Вот эти два наших приобретения — русский язык и открытый алтарь — представляют два наших разительных отличия от старого церковного уклада. Они так претят Тихону, то есть поповству, что он рад, чтобы такие церкви провалились».

Другая обновленческая организация, «Свободно-трудовая церковь» — СТС, основанная в 1922 году и ставившая задачу революционного преобразования внутренней и внешней сторон церковной жизни, притом что «Церковь должна принять великий смысл мировой революции, имеющей целью... создание единого бесклассового общества, что отвечает евангельскому идеалу» (Известия ВЦИК. 1922. 2 дек.), требовала упрощения системы богослужения, ликвидации дорогого церковного убранства, а также уничтожения в храмах иконостасов.

Неообновленцы конца 90-х годов разделяли мнение своих духовных предшественников начала XX века.

Священник А.Борисов: «Когда-то, в 20-е годы, смелый реформатор епископ Антонин Грановский пытался ввести служение литургии с престолом, поставленным посередине храма, с чтением вслух всем народом евхаристических молитв. Тогда это вызвало насмешки церковных снобов. Но может быть, это не так уж и смешно? Быть может, пройдет какое-то время, и наши потомки будут недоумевать, как могло случиться, что... миллионы христиан на много веков были отгорожены иконостасом... Очевидно, настало время подумать о том, не будет ли служение литургии, подобное возобновленному епископом Антонином, способствовать более полному и сознательному участию всех находящихся в храме в евхаристии» (Побелевшие нивы. С. 175–176).

Священник Г.Кочетков: «...я решил для себя принципиальный вопрос — как служить. Я решил: надо служить по совести. Надо мной нет никого (!), я свободен... Все, что я делал, воспринималось как само собой разумеющееся: и русский язык, и отсутствие иконостаса...» (Новая Европа. 1992. № 1. С. 79). «Клир не должен быть отделен от остального народа Божьего, как и алтарь от остальной церкви. Вероятно, этому будет способствовать установление в новых храмах низких иконостасов и служение при открытых Царских вратах...

Неуместны в этом контексте и “тайные” от народа Божьего молитвы... Их надо читать вслух» (Православная община. 1995. № 28. С. 46). «Когда алтарь оказался в храме отдельным помещением, когда высокий иконостас совершенно закрыл его, там стали твориться вещи подчас непотребные» (Православная община. 1995. № 30. С. 73).

Архимандрит Зинон (Теодор) в альманахе «Христіанос» (1996. Вып. V. С. 146) заявлял: «Может быть, это странно будет услышать из уст иконописца, но я бы иконостас и вовсе упразднил» (видимо, без него проще служить латинские мессы с католиками, как это практиковалось в монастыре известного иконописца).

Можно услышать возражение: «Ну ведь в древности не было иконостасов, а если были — то только низкие, и это не считалось обновленчеством!» Во-первых, в традиции Русской Церкви иконостасы были всегда. А во-вторых, такой лукавый прием имеет целью добиться желаемых церковных реформ, хитро осуществляемых под благовидным предлогом **возвращения к древней традиции**. В основу реформы полагается древняя, уже отжившая форма или традиция церковной жизни. Этот прием носит наименование «**модернизм через традицию**». Ну, например, давайте снесем Московский Кремль в его нынешнем виде ради благого дела сохранения исторического облика центра Москвы, ведь при Иване Калите Кремль выглядел совсем иначе, чем сегодня, вот и давайте восстановим его в первозданном виде! Итак, под лозунгом возвращения к практике древней Церкви обновленцами проводятся все богослужебные реформы.

Чтобы не потакать распространению порочной обновленческой литургической практике под видом миссионерства, можно порекомендовать православным верующим воздерживаться от посещения храмов с низкими иконостасами, по сути своей **иконоборческих** (церковь Св. Александра Невского при МГИМО, церковь в честь Феодоровской иконы (Феодоровский собор) в Санкт-Петербурге и др.).

НЕВОЗДЕРЖАНИЕ КАК ОСНОВА БОГОБОРЧЕСТВА

Пожалуй, самым печальным и страшным показателем современной эпохи является грандиозное по своему масштабу смещение нравственных основ бытия, стирание границ между добром и злом и в конечном счете — упразднение самого понятия нравственности. Христианская этическая парадигма формировалась на протяжении столетий, став фундаментом европейской цивилизации. Однако в хаотизированном калейдоскопе происходящего в наши дни подчас трудно выявить подоплеку яркого и дерзкого процесса последовательного и планомерного уничтожения традиционных ценностей и определить исходные мотивы, которыми руководствуются идеологи нового мышления.

Попробуем взглянуть на данную проблему с позиции православной антропологии — не претендуя, впрочем, на окончательный характер сделанных выводов и единственно возможное представление о ней.

Аскетическая традиция Православия с самого начала своего зарождения стремилась описать образ деятельного восхождения христианина к Богу, последовательно определяя ступени пути, ведущего к духовному совершенству. Внимание к движению мысли, пребывание внутри себя, погружение ума в сердце — подвиги, целью которых является преодоление греховной поврежденности, освобождение от страстей и стяжание добродетелей. Как страсти, так и добродетели тесно связаны между собой, они выстроены в строго иерархической последовательности, которая представлена преподобным Иоанном Синайским в его аскетическом труде «Лестница».

Первая страсть, с которой начинается духовная брань христианина, в святоотеческой традиции именуется чревоугодием. Необходимым условием преодоления этой страсти является стяжание противоположной ей добродетели — воздержания. Впрочем, в понимание сущности воздержания входит далеко не только отношение к чреву — указанная добродетель связана прежде всего с самоограничением, дисциплиной и упорядочиванием как мирской, так и духовной жизни, без которых принципиально невозможно восхождение к Богу.

Таким образом, начальная ступень христианского подвига состоит в обретении добродетели воздержания, являющейся основанием, или фундаментом, на котором созидается обитель Божия в сердце человеческом. Святитель Василий Великий определял воздержание как «мать целомудрия, снабдительницу здравия, [которая] устраняет препятствия к плодоношению добрых дел о Христе»^{*}.

О каких препятствиях размышлял святой отец? Определяя меру воздержания как «совершенное отчуждение от всего, что ведет к пагубному

---

^{*} Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 5. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1901. С. 119.

удовольствию»*, он не допускал прикосновения христианина к любому пороку или соблазну мира сего, находя в разумном воздержании фундамент духовной жизни. Ведь «страсти, возобладая умом, привязывают его к вещественным предметам и, отлучив от Бога, заставляют заниматься ими», — говорил впоследствии преподобный Максим Исповедник**.

Пропаганда новой ценностной системы, агрессивное навязывание антихристианского стиля жизни, существенной целью которого является растворение личности в эгоистической системе потребительства, как нельзя лучше формирует упомянутую преподобным Максимом привязанность к вещественным предметам. Всецелая поглощенность материальными благами, жажда наживы, стремление к внешним, плотским удовольствиям, удовлетворение исключительно плотских, животных потребностей отлучает человека от Христа, погружая в бездну эгоцентрического, горделивого самоупоения и тем самым обезличивая его.

Святитель Григорий Нисский определял цель воздержания не столько в качестве разумного попечения о телесности, сколько как «удобнейшее служение душевным потребностям»***. И поскольку «воздержание — это начало и основание всех прочих добродетелей» (преп. Нил Синайский)****, «дверь ко всякой добродетели» (преп. Феодор Студит)*****, духовно-нравственная сторона жизни христианина определяется мерой стяжания этой добродетели. В противном случае «от невоздержания потоки страстей, потопив землю сердца и нанося на нее всякую гниль и грязь помыслов, мутят ум, омрачают сердце и отягчают тело, в душе и сердце производят нерадение, омрачение... лишают их свойственного им по естеству настроения и чувства» (преп. Григорий Синаит)*****.

Исходя из приведенного выше святоотеческого учения о воздержании, можно сделать вывод относительно смысла и целей агрессивной пропаганды потребительства и невоздержания, захлестнувшей современный мир. Новая система ценностей, при которой в человеке искусственно стимулируется потребность брать от жизни все, ни в чем себе не отказывая, сознательно и планомерно индуцирует антихристианское, сатанинское отношение к действительности, при котором на место православного миропонимания ставится полная его противоположность.

Вся мощь новоиспеченной ценностной системы обрушивается на базовую христианскую добродетель — воздержание, цинично высмеивая и ниспровергая которую провозвестники царства антихриста добиваются своей цели максимально эффективно и безболезненно. Снятие ограничений и табу, растормаживание сферы влечений приводит к эмоциональной лабильности и общей неустойчивости психики, что, в соединении с внедренным в сознание нравственным релятивизмом, ведет к полному разрушению личности, которая, потеряв образ Божий, становится носителем образа зверя.

* Творения иже во святых отца нашего Василия Великого... С. 119.

** Добротолюбие. Т. 3. Вторая сотница, слово 3.

*** Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М.: Типография В.Готье, 1865. С. 382.

**** Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 3. М.: Типография В.Готье, 1859. С. 7.

***** Феодор Студит, преподобный. Творения. doi: <http://predanie.ru/lib/book/68042/>

***** Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1845. С. 202.

Искоренение воздержания — скорейший путь к духовному опустошению личности, скотскому образу существования. Упразднение самоограничения, пропаганда материальной и духовной всеядности приводят к отключению защитных механизмов психики, или — к раскрытию сердца для вселения в него всех страстей (Мф. 12, 43–45). В проекции на социальный аспект это является первым признаком всеобщего богоотступничества, апостасии. Должно быть, именно поэтому основной удар князя мира сего направлен на фундаментальную христианскую добродетель, изгнание которой из сердца человеческого влечет за собой абсолютное его порабощение страстям. Напротив, если человек «пребывает в неослабном воздержании... то никогда не оставляет его Божие содействие, и врагу не попускается приражаться к нему» (преп. Исаак Сирий)*.

Таким образом, необходимое для христианина противостояние потоку безнравственности, насилия и всеобщего растления может быть основано исключительно на всестороннем воздержании — именно оно в конечном счете порождает «крепость пребывания в добродетели» (преп. Феодор Студит)**. А длительные «опыты воздержания дадут опытность в самообладании, и падения будут реже и реже» (свят. Феофан Затворник)***. В конце концов длительная и непрестанная духовная брань, основанная на обретении добродетели воздержания, «доставляет уму чистоту, и воззрение ума на землю и на все земное изменяется: ему открывается, чего он доселе не видел... помышления его отсекают начинают возноситься к вечности» (свят. Игнатий Брянчанинов)****, и Господь являет таковому Свою благодать, исцеляя язвы страстей, наполнивших некогда невоздержную и потому — порочную душу.

---

* Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирина, подвижника и отшельника, бывшего епископом града Ниневии. Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1893. С. 322.

** Феодор Студит, преподобный. Подвижнические монахам наставления. Слово 24. Добротолюбие. Т. 4.

*** Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М.: Афонский русский Пантелеимонов монастырь, 1899. С. 204.

**** Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 4: Аскетическая проповедь. 3-е изд. СПб.: Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1905. С. 236.

**Бухгалтерский баланс
на 31 Декабря 2015 г.**

Организация	НО "Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца"		Форма по ОКУД	0710001		
Идентификационный номер налогоплательщика			Дата (число, месяц, год)	31	12	2015
Вид экономической деятельности	Благотворительная помощь		по ОКПО	59043602		
Организационно-правовая форма	форма собственности		ИНН	7707307350\770701001		
НО	Частная		по ОК ВЭ	65.23		
Единица измерения:	тыс руб		по ОК ОПФ / ОКФС	70401	50	
Местонахождение (адрес)	103030 Москва Долгоруковская ул. д'29, стр. 1.		по ОКЕИ	384		

Пояснения	Наименование показателя	Код	На 31 Декабря 2015 г.	На 31 Декабря 2014 г.	На 31 Декабря 2013 г.
	АКТИВ				
	I. ВНЕОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ				
	Основные средства	1150	4121	6278	5814
	в том числе:				
	Основные средства в организации	11501	128	128	128
	Приобретение объектов основных средств	11506	3993	6150	5686
	Итого по разделу I	1100	4121	6278	5814
	II. ОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ				
	Запасы	1210	1052	1463	1101
	в том числе:				
	Материалы	12101	1052	1463	1101
	Дебиторская задолженность	1230	1910	7088	14987
	в том числе:				
	Расчеты по налогам и сборам	12303	113	113	113
	Расчеты с подотчетными лицами	12305		55	45
	Расчеты с разными дебиторами и	12308	1792	6920	14829
	Денежные средства и денежные эквиваленты	1250	529	183	1476
	в том числе:				
	Касса организации	12501	12	14	15
	Расчетные счета	12504	517	169	1461
	Итого по разделу II	1200	3491	8734	17564
	БАЛАНС	1600	7612	15012	23378

Форма 0710001 с.2

Пояснения	Наименование показателя	Код	На 31 Декабря 2015 г.	На 31 Декабря 2014 г.	На 31 Декабря 2013 г.
	ПАССИВ				
	III. КАПИТАЛ И РЕЗЕРВЫ				
	Целевые средства	1350	7479	14884	23219
	Фонд недвижимого и особо ценного движимого имущества	1360	128	128	128
	Итого по разделу III	1300	7607	15012	23347
	IV. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА				
	Заемные средства	1410	-	-	-
	Отложенные налоговые обязательства	1420	-	-	-
	Оценочные обязательства	1430	-	-	-
	Прочие обязательства	1450	-	-	-
	Итого по разделу IV	1400	-	-	-
	V. КРАТКОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА				
	Заемные средства	1510	-	-	-
	Кредиторская задолженность	1520	5	-	31
	в том числе:				
	Расчеты с разными дебиторами и	15208	5	-	31
	Итого по разделу V	1500	5		31
	БАЛАНС	1700	7612	15012	23378

Руководитель организации
Святитель Николай
Чудотворца
29 марта 2016 г.

(подпись)

Горячкин Николай
Игоревич
(расшифровка подписи)

Москва

7
2016